

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021 Том 8 № 1

200 лет вместе: Как в России праздновали юбилей Достоевского? **Эврика:** Опубликовано неизвестный текст Достоевского! Под какими псевдонимами писал Достоевский? Какую обценную лексику использовал Достоевский в письме брату Михаилу? Достоевский и Толстой не знали, что были родственниками и что до XV века у них были общие предки. **Слухи и сплетни:** Был ли младенец Симеон внебрачным братом Достоевских? **Отчет старосты:** Какой доход приносило имение Достоевских? **Козни скандалиста:** О чем доносил начальству ординатор Омского военного госпиталя Крыжановский? **Пolemика:** Как понимали раскол авторы «Времени» и «Эпохи»? **Прототип без вымысла:** Читал ли «бывший князь» Долгоруков роман Достоевского о «просто Долгоруком»? **Бремя куманинского наследства:** Как адвокаты нажились на Достоевских? **Возрастной ценз:** Какие сочинения Достоевского входили в круг детского чтения до революции? **Педагогический эксперимент Шкид:** Школы Достоевского или Дзержинского?

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2021 Vol. 8 No. 1

Two Hundred Years Together: How were Dostoevsky's anniversaries celebrated in Russia? **Eureka:** An unknown Dostoevsky text has been published! What pseudonyms did Dostoevsky use? What quotation with obscene language did Dostoevsky use in a letter to his brother Mikhail? Dostoevsky and Tolstoy did not know that they were relatives and that they had common ancestors until the 15th century. **Rumors and gossip:** Was the infant Simeon the illegitimate brother of the Dostoevskys? **The village head's report:** What income did the Dostoevsky estate bring? **A brawler's intrigues:** What did the resident of the Omsk military hospital Kryzhanovsky inform the authorities about? **Controversy:** How did the authors of "Time" and "Epoch" understand the split? **Prototype without fiction:** Did the "former prince" Dolgorukov read Dostoevsky's novel about "simply Dolgorukov"? **The burden of the Kumanin inheritance:** How did the lawyers cash in on the Dostoevskys? **Age limit:** What works by Dostoevsky were included in the circle of children's reading before the revolution? **The Shkid pedagogical experiment:** Dostoevsky or Dzerzhinsky schools?

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Захаров	
Актуальность Достоевского	5
О. В. Захарова	
Псевдонимы Ф. М. Достоевского	21
Приложение: вставка Ф. М. Достоевского в фельетон Н. Н. Страхова «Заметки Летописца» (Эпоха, 1864. Январь. С. 10)	
И. С. Андрианова	
«Не прюдствуй, читая это»: тень Баркова в текстах Достоевского	42
А. С. Бессонова	
Легенды и факты о жизни М. А. Достоевского в Даровом (1837—1839)	61
Т. Н. Дементьева	
Было ли доходным имение Достоевских?	77
М. А. Калинин	
Лев Петрович Крыжановский, ординатор Омского военного госпиталя (по архивным материалам)	103
Л. В. Алексеева	
Вопрос о церковном расколе в журналах «Время» и «Эпоха» (1861—1865)	120
В. В. Борисова	
«Бывший князь» Всеволод Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток»	149
Ю. В. Юхнович	
Уловки адвокатов, или Что получили Достоевские от продажи тульского имения	168
Р. Вассена	
«Детский репертуар» Достоевского	183
А. А. Прощенко	
«Школы Достоевского» в русской прессе	206

CONTENTS

V. N. Zakharov	
The Relevance of Dostoevsky.....	5
O. V. Zakharova	
Fyodor Dostoevsky's Pseudonyms.....	21
Appendix: Insertion by F. M. Dostoevsky in the Feuilleton <i>Notes of the Chronicler</i> by N. N. Strakhov (<i>Epocha</i> . 1865. January. P. 10)	
I. S. Andrianova	
“Don't Be Abashed Reading This”: Shadow of Barkov in the Texts of Dostoevsky	42
A. S. Bessonova	
Legends and Facts About the Life of M. A. Dostoevsky in Darovoe (1837—1839).....	61
T. N. Dementyeva	
Was the Dostoevsky Estate Profitable?.....	77
M. A. Kalinin	
Brawler and Snitch: Lev Petrovich Kryzhanovsky, Resident of the Omsk Military Hospital (Using Archival Sources).....	103
L. V. Alekseeva	
The Issue of the Split (Schism) in the <i>Vremya</i> and <i>Epokha</i> Journals (1861—1865).....	120
V. V. Borisova	
“The Former Prince” Vsevolod Dolgorukov as a Prototype and Reader of Dostoevsky's Novel <i>The Raw Youth</i>	149
Y. V. Yukhnovich	
Lawyers' Tricks, or What Did the Dostoevskys Get from the Sale of the Tula Estate.....	168
R. Vassena	
Dostoevsky's Repertoire for Children	183
A. A. Proshchenko	
“Dostoevsky Schools” in the Russian Press.....	206

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2021

Том 8 № 1

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Восьмой год издания

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ
Индексируется в Web of Science (ESCI), Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus
и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —
доктор филологических наук, профессор

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2021

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2021

Vol. 8 No. 1

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science (ESCI), Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus
and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Луи Аллен (Лилль, Франция) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Louis Allain (Lille, France) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321

Актуальность Достоевского

В. Н. Захаров

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. В 2021 году исполняется двести лет со дня рождения Достоевского и сто сорок лет его бессмертию. Литературные юбилеи сравнительно недавно вошли в культуру России. Обычно отмечали память тех, кто уже обрел вечность. Попытка празднования трехсотлетия Шекспира (1864) и празднование столетия со дня рождения Пушкина (1899) положили начало новой культурной традиции. Даты литературных юбилеев в XX веке отражают борьбу этих тенденций: дни рождения постепенно вытесняют дни поминовения. Как правило, юбилеи являются поводом не только для осмысления значения писателя в современном мире, но и для анализа тенденций и перспектив изучения его наследия. В статье дан обзор прошедших юбилеев Достоевского в России, анализ некоторых статей первого номера журнала «Неизвестный Достоевский» за 2021 год. Особенностью двухсотлетнего юбилея Достоевского является конкурс Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре» (2018–2021), в результате которого было поддержано 28 проектов ведущих ученых России. Их итогом будет издание беспрецедентной библиотеки исследований по биографии, философии, творчеству, текстологии и поэтике Достоевского. В постсоветской России очевиден разрыв достоевсковедения и массового сознания, науки и образования, по-прежнему действуют технологии противодействия влиянию Достоевского на современного русского человека. Чтение и изучение Достоевского остаются привилегией филологов, число которых в университетах катастрофически сокращено без каких-либо перспектив развития непрерывного гуманитарного образования. Тем не менее, вопреки властным оппонентам, Достоевский представляет Россию, Карамазовы — самая известная русская фамилия, и сегодня, как полтора столетия назад, пророк и апостол Достоевский несет слово правды и истины в мир.

Ключевые слова: Достоевский, литературный юбилей, достоевсковедение, биография, текстология, атрибуция, всечеловек, Преподобный Иустин, Лев Толстой, Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ)

Для цитирования: Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321

The Relevance of Dostoevsky

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The year 2021 marks the 200th anniversary of Dostoevsky's birth and the 140th anniversary of his immortality. Literary anniversaries became a part of the Russian culture relatively recently. The celebration is usually held in memory of those who had already found eternity. The attempt to celebrate the tercentenary of Shakespeare (1864) and the centenary of Pushkin's birth in 1899 marked the beginning of a new cultural tradition. The dates of literary anniversaries in the 20th century reflect the struggle between these trends: birthdays are gradually replacing memorial days. Anniversaries tend to be an occasion not only for understanding a writer's significance in the modern world, but also for analyzing the trends and prospects of studying their legacy. The article provides an overview of the past anniversaries of Dostoevsky in Russia and an analysis of several articles from the first issue of *The Unknown Dostoevsky* journal for 2021. The special feature of Dostoevsky's bicentennial anniversary is the competition held by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) "Sources and methods in the study of the legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and world culture" (2018–2021), which resulted in the support of 28 projects by leading Russian scientists. They will result in the publication of an unprecedented corpus of studies on Dostoevsky's biography, philosophy, creativity, textual criticism and poetics. In post-Soviet Russia, the gap between Dostoevsky studies and mass consciousness, science and education is apparent. Moreover, technologies to counteract Dostoevsky's influence on the modern Russian person are still operating. Reading and studying Dostoevsky remains the privilege of philologists, whose number in Russian universities has been drastically reduced with no prospects of the development of continuous humanitarian education. Nevertheless, despite influential opponents, Dostoevsky represents Russia, the Karamazovs are the most famous Russian surname, and today, just like 150 years ago, the prophet and apostle Dostoevsky conveys the word of truth and veracity to the world.

Keywords: Dostoevsky, literary anniversary, Dostoevsky researcher, biography, textual criticism, attribution, panhuman, vsechelovek, Justin Popović, Leo Tolstoy, Russian Foundation for Basic Research

For citation: Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)

11 ноября 2021 года исполнится 200 лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского.

Судьба писателя превратна. Он полагал, что лет через десять после смерти его забудут, хотя и надеялся, что будет известен будущему народу русскому потому, что его поиски «въ челоѡкъ челоѡка» — «русская черта по преимуществу», что его направление «истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго» [Достоевскій, 1883: 373].

Насколько эти слова Достоевского отвечают глобальным устремлениям и ожиданиям современного человечества?

В XX веке Достоевский стал одним из самых известных русских писателей в мире. Признанные интеллектуалы, критики и писатели давно поставили его в один ряд с Шекспиром. Как бы ни продолжать литературный ряд «Гомер, Шекспир...» — Достоевский достоин быть в их числе, даже если счет ограничить тремя мировыми гениями.

Во всем мире чтут Достоевского — романиста, психолога, философа и проповедника. Он и сегодня вызывает пристрастные споры и противоположные оценки, его репутацию по-прежнему чернят сомнительные слухи и сплетни, литературные мифы и обыкновенное злословие завистников.

Несмотря на «неполиткорректность» и конфликтность его суждений, у Достоевского много друзей во всем мире. Он объединяет людей разных политических убеждений, культур, цивилизаций, конфессий. Для многих читателей автор и его герои явили образ России.

Достоевский давно во всем превзошел самого себя.

О мировом признании писателя свидетельствуют миллионные тиражи его книг, изданных на русском и в переводах на иностранные языки, изучение его творчества в средней и высшей школе, театральные постановки и экранизации его произведений, тысячи монографий и сотни тысяч статей о творческом наследии писателя.

Только в России, по неполным данным Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (РИНЦ) и по ограниченному запросу (поиск по названиям, аннотациям, ключевым словам), с 2016 г. ежегодно издается свыше 1 000 статей о Достоевском. А сколько еще в этот список не вошло глав из монографий и статей, в которых идет речь о Достоевском, но его имени нет в заглавиях, ключевых словах и аннотациях! Их число возрастает шестикратно: например, 6 634 против 1 034 публикаций за 2020 г. Кто читает ежедневно от трех до двадцати статей о Достоевском только на русском языке? А на других языках? Конечно, в этом потоке преобладают реферативные и компилятивные статьи, в которых авторы, читая Достоевского, хотят выразить себя. Эту потребность не стоит осуждать — слово Достоевского творит лицо и личность их авторов, но кто прочтет эти опыты?..

Празднование юбилеев — сравнительно недавняя традиция в русской истории.

Пожалуй, первым государственным и общественным праздником стало тысячелетие России в 1862 г. К нему долго готовились. На торжества в Великий Новгород приехал весь двор, прибыли гвардейские полки. 8 сентября по юлианскому календарю, в день Рождества Богородицы, памятник был торжественно открыт в присутствии императора Александра II, были парад, обедни, крестные ходы, обеды и балы. Праздник длился три дня. Его широко отметили в русской прессе, юбилейные торжества прошли по всей России.

Грандиозным событием стало открытие памятника Пушкину в Москве 8 июня 1880 г., но оно не было приурочено ни к какой юбилейной дате, зато столетие со дня рождения поэта в 1899 г. затмило все бывшие доселе торжества.

Россия постепенно приучалась праздновать дни рождения.

Когда в 1864 г. русская общественность захотела отметить 300-летие со дня рождения Шекспира и обратилась к Императору за поддержкой, эта просьба была воспринята с недоумением: зачем такие почести «иноземцу, хотя и великому поэту», — в результате было отказано в проведении заседания в Императорском театре, но было рекомендовано отметить юбилей частным образом. В Петербурге и Москве состоялись научные заседания, публичные лекции, Тургенев опубликовал речь о Шекспире, были написаны и прочитаны стихи по случаю, напечатаны статьи, и это произвело эффект (см.: [Левин: 411], [Эльзон]). Достоевский с юных лет благоговел перед Шекспиром, но явно под впечатлением этого юбилея запомнил день его рождения и позже отметил эту дату вдохновенными набросками в творческих тетрадях к роману «Идиот» [Захаров Н. В., 2009].

Первый литературный юбилей Достоевского был в 1896 г. В этот год скромно, но значимо критики отметили пятидесятилетие публикации романа «Бедные люди» (1846). Юбилеи произведений, а сейчас это 150-летние их годовщины, вошли в научный обиход и программы симпозиумов Международного общества Достоевского (International Dostoevsky Society).

В 1906 г. к 25-летию со дня смерти мужа А. Г. Достоевская издала его превосходное (юбилейное) Полное собрание сочинений, в критике актуально обозначилась религиозная роль Достоевского в русской революции, читатели открыли в Достоевском пророка и современника, писатели видели в его героях и романах перспективы нового искусства. Два гения, Достоевский и Толстой, воспринимались и соперниками, и единомышленниками в общественном сознании. Уход интеллигенции от революции к Достоевскому вызвал скандал в русской либеральной и революционной журналистике: Горький обличал мещанство Достоевского, протестовал против постановки «Бесов» и «Братьев Карамазовых» на театральной сцене, но никто и предположить не мог, что вскоре полемика оппонентов перерастет в гражданскую войну.

В 1921 г. советская Россия отметила первый в своей истории литературный юбилей — столетие со дня рождения Достоевского. Катастрофа, которая случилась в России, была чудовищна, но тогда еще казалось, что можно вернуться на свой исторический путь. Н. А. Бердяев и А. В. Луначарский еще сидели за одним столом, выступали с докладами на одних заседаниях, срывали овации слушателей, но уже через год философ вместе с другими «контрреволюционерами» был выслан из страны карательными органами советской власти. Вместе с ним в вынужденной, но спасительной для многих эмиграции (вряд ли они пережили бы репрессии 1937 г.) оказались

исследователи религиозной философии и эстетики Достоевского С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк. Опираясь на идеи Достоевского, они создавали свои философские системы. Многие в их концепциях основывались на словах Достоевского и его героев, но их развитие приводило мыслителей подчас к противоположным выводам.

Странным в этой компании высланных выглядит присутствие Ю. И. Айхенвальда, еще недавно протестовавшего против «неуместного и незаконного чествования» писателя: «...нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути, что нашей республике не подобает славить годовщину его рождения и что необходимо сделать выбор между Достоевским и ею, республикой этой» [Айхенвальд: 2]. По иронии судьбы, именно его советская власть выслала за границу по известному декрету ВЦИК 10 августа 1922 г.

В столетний юбилей было осознано мировое значение творчества Достоевского, признана ценность его эпистолярного и рукописного наследия. Благодаря А. Г. Достоевской, собравшей в Государственном историческом музее бесценный архив писателя (см. об этом: [Андрианова, 2013]), исследователи получили доступ к его рукописям и документам, подготовка к публикации которых стала стимулом развития источниковой базы исследований биографии и творчества Достоевского. Были предприняты уникальные проекты издания записных тетрадей, рукописей и писем Достоевского, в том числе и совместно с мюнхенским издательством “Piper” (см. об этом: [Бем], [Богданова, 2015, 2016]).

В дни юбилея заявили о себе маститые, начинающие и будущие достоевскоеды: Н. А. Бердяев, В. Л. Комарович, Л. П. Гроссман, А. С. Долинин, Б. М. Энгельгардт, В. С. Нечаева и др. Следствием юбилея стало издание книг, вышедших в 1922–1923 гг., но новое слово о Достоевском в XX в. сказали те, кто был в тени юбилейных торжеств. Один из них представил оригинальную концепцию поэтики Достоевского (см.: [Бахтин, 1928, 1963]), но утаил, по собственному признанию, главное — религиозный смысл его творчества (см.: [Бочаров: 71–72], [Есаулов, 1995: 131–135]), другой открыл в Достоевском пророка, апостола, поэта, философа (см.: [Иустин, 2008, 2017]).

Ни в первой, ни во второй книге о писателе Бахтин ни разу не употребил главное слово Достоевского. Его нет и в «Словаре языка Достоевского». Составители словаря обещали исправить упущение. Это слово — «всечеловек», редкое в русском языке и тезаурусе Достоевского. Но где и как писатель его произнес?

В этом слове выражен смысл «Пушкинской речи» Достоевского:

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком* если хотите» (Д18, XII: 329)¹.

О «Пушкинской речи» Достоевского писали многие, но только один исследователь понял значение слова *«всечеловек»* и саму речь. Он канонизирован Сербской православной церковью, был философом и богословом, написал две книги о Достоевском. В критике возник прецедент: книги о Достоевском написал Святой.

Текст книг во многом совпадает, но в них дана разная концепция творчества Достоевского.

В первой книге «Философия и религия Ф. М. Достоевского», представленной в 1919 г. к защите на докторскую степень в Оксфордском университете, отклоненной рецензентами, но изданной в 1922 г., прп. Иустин дает единичное толкование концепта *«всечеловек»*:

«Всечеловечество, богочеловечество есть цель человечества; богочеловеческий всечеловек есть цель человека — так учит Православие, так учит Достоевский. Об этом всечеловеке и о всечеловечестве Достоевский начал говорить и писать первым, а в конце концов по-пророчески и по-апостольски провозгласил это, проповедуя всечеловека и всечеловечество в своей вдохновенной *«Пушкинской речи»*» [Иустин, 2008: 292].

Это слово определяет концепцию его второй книги «Достоевский о России и славянстве» (1940). Каждый ключевой тезис он начинает утверждением и раскрытием его смысла: «Достоевский — пророк, ибо он всечеловек»; Достоевский — мученик / поэт / философ, «ибо он всечеловек»; наконец «Достоевский — апостол, ибо всечеловек» [Иустин, 2017: 684–687].

Сто лет назад были философы и пасторы, которые назвали Достоевского апостолом, но в данном случае это свидетельство православного святого. Книга поразительна и откровенна, в ней, как и в романах Достоевского, все противоречия вместе живут, всё узнается опытом *pro et contra*, Бог с дьяволом борются, осанна прорывается через горнило сомнений. Это лучшая, хотя и недооцененная книга о Достоевском в мировой достоевистике.

Столетие со дня рождения Достоевского было первым советским литературным юбилеем. Дилемма, как относиться к его наследию, вызвала к жизни «советский канон»: великий писатель-гуманист, защитник «бедных людей», «униженных и оскорбленных», реакционер, непримиримый критик социальной действительности, пророк (в смысле «зеркало») русской революции. Борьба с реакционными идеями Достоевского время от времени обострялась: обвинения писателя в антигуманизме, ренегатстве и фашизме на первом съезде советских писателей в 1934 г. (М. Горький, В. Шкловский, В. Герасимова), запрет отдельных изданий «Бесов» (1935) и «Дневника Писателя» (в советское время не выходил), кампания против реакционных идей в русской литературе и критика книг В. Я. Кирпотина и А. С. Долинина (1947–1948), запрет на публикации книг и статей о Достоевском с 1949 по 1954 гг. и др.

Несмотря на пышные торжества по случаю столетия со дня смерти Пушкина в 1937 г. и фактическое признание его советским классиком, в культурной политике государства поминание бессмертных заместилось празднованиями их дней рождения, произошла смена религиозного пасхального на советско-светский «рождественский» архетип.

Юбилейные поминания Достоевского отмечались в 1931, 1941 (60 лет!), 1956, 1981 гг., но они во многом были формальны, проходили без должного энтузиазма и размаха.

Исключение — празднование в СССР «года Достоевского» в 1956 г., когда 9 февраля, за две недели до разоблачения «культы личности» Сталина на XX съезде КПСС, прошло торжественное заседание по случаю 75-й годовщины со дня смерти великого русского писателя Ф. М. Достоевского. Заседание, состоявшееся в Колонном зале Дома Союзов, беспрецедентный масштаб информационной поддержки, издание впервые за четверть века собрания сочинений писателя в десяти томах, доклады исследователей — всё это знаменовало пересмотр государственной политики в отношении к Достоевскому, который еще недавно, в пропагандистской кампании 1947–1948 гг., был публично осужден за реакционные идеи. После пятилетнего запрета на публикацию статей и книг о Достоевском в советской печати это означало одно: писатель был реабилитирован и прощен, его чествование стало одной из примет наступившей оттепели. Его романы издавались массовыми тиражами, экранизации и инсценировки становились событиями в кинематографе и театре, выходили монографии и сборники о Достоевском, открылись перспективы подготовки и издания его нового Полного собрания сочинений.

В 150-ю годовщину со дня рождения в мире возник «бум» Достоевского. 2 сентября 1971 г. было образовано Международное общество Достоевского, которое сыграло важную роль в объединении ученых разных стран и континентов². Достоевский стал писателем интеллектуалов, студентов и профессоров. В СССР началось издание академического Полного собрания сочинений Достоевского, публиковались новые издания, посвященные его биографии и творчеству, вошли в обиход регулярные защиты диссертаций, установились ежегодные конференции. В достоевсковедение пришло новое поколение исследователей. Достоевский ментально изменил тех, кто в 1970–1990-е гг. ездил на музейные конференции в Ленинград (затем в Петербург) и Старую Руссу. В их работе сформировалась общность тех, кто любит Достоевского, кто отказался от общих мест и стереотипов, преодолел болезненность «синдрома Достоевского» в критике [Захаров, 1991].

То, что случилось, произошло вопреки господствующим тенденциям и имеет свое объяснение.

В России Достоевского чтут не критики, а читатели.

После феноменального успеха «Бедных людей», когда в «кружке Белинского» роман превознесли, а оппоненты его разругали, в жизни Достоевского не было подобных творческих удач.

В России Достоевский не пользовался поддержкой критиков. В своих обзорах они ставили его ниже Тургенева, Гончарова, Писемского и, конечно же, Толстого. Его же вдохновляли восторги читателей. 16 августа 1880 г. он писал К. П. Победоносцеву по поводу последней части «Братьев Карамазовых»:

«...решительно не жду одобрения от нашей критики. Публика, читатели — другое дело: они всегда меня поддерживали» (Д18, XVI. Кн. 2: 230).

В диалоге с читателями сложилась та «Россия Достоевского», которую воспела Анна Ахматова. Эту общность образовали подписчики «Времени», «Эпохи», «Гражданина», «Дневника Писателя», воспринявшие почвеннические идеи писателя, ставшие читателями его романов. Признание Достоевского не только романистом, но и Учителем изменило статус писателя в русском обществе.

В Европе Достоевского открыли читателю философы и писатели. В России им увлекались поэты и театральные режиссеры, ценили философы, читали интеллигенты. Если в мире из года в год рос круг его почитателей, увеличивались тиражи переводов, вводились лекционные курсы о Достоевском в университетах, то в царской России слава Достоевского утверждалась вопреки поношению либеральной и революционной критики, в СССР его произведения не изучали в школе (до конца 1960-х гг.), в университетские курсы русской литературы входило только несколько романов писателя, в силу особенностей образовательной политики высшей школы нефилологи не изучали (а большинство и не читали) Достоевского.

Эти ограничения сохранились и в постсоветской России. Его по-прежнему читают интеллектуалы и правдоискатели, не читают вчерашние школьники. Телевидение навязывает сериалы, которые искажают смысл произведений Достоевского, подменяют и извращают авторский текст. Недоучки снимают биографические фильмы, в каждом кадре которых ложь, и возводят эту ложь в норму искусства. Необразованность и бескультурие питают клеветы и сплетни, которые давно опровергнуты фактами, но их по-прежнему навязывают масс-медиа и распространяют социальные сети. Может сложиться мнение, что мы живем в анти-достоевское время, когда всё можно и всё позволено, когда можно лгать, красть, убивать — лишь бы не попасться... Но есть читатели и поклонники Достоевского, есть исследователи его творчества, которые стали его адептами, есть общество и сообщества Достоевского, которые объединяют ученых и просветителей. Есть разительный разрыв между достоевковедением и подпольным сознанием нечитателей, однако не всё безнадежно.

Когда я в 1972 г. стал преподавать, на пальцах руки можно было сосчитать кафедры в отечественных университетах, где читали спецкурсы и работали семинары, в которых студенты изучали Достоевского, писали курсовые работы по его творчеству. Сейчас почти в каждом университете есть исследователи, кто читает лекции о творчестве Достоевского. Впрочем, и сегодня изучение или чтение Достоевского остается привилегией филологов. Их немного, но они есть. Признание Достоевского происходит вопреки образовательной, культурной и информационной политике государства.

Сегодня нет недостатка в традиционных и оригинальных интерпретациях его произведений и концепциях творчества, но очевиден методологический кризис современных исследований, в критике преобладают компилятивные стратегии. Недостаточно изучены текстологические аспекты и рецепция творчества Достоевского в русской и мировой журналистике. Существует настоятельная необходимость расширения источниковой базы исследований биографии и творчества Достоевского, использования естественно-научных методов и цифровых технологий в гуманитарных исследованиях.

Решению этих задач посвящен тематический конкурс РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре». Объявленный в 2018 г., он имеет целью поддержку междисциплинарных исследований, таких как поиск и публикация новых документальных источников жизни и творчества Достоевского, текстологическое изучение и публикация рукописного и эпистолярного наследия писателя, атрибуция анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время», «Эпоха», «Гражданин», становление литературной репутации, публикация газетно-журнальных источников, рецепция творчества Достоевского в русской и мировой критике, применение естественно-научных методов по восстановлению зачеркнутых и дефектных мест рукописного текста, научное и дидактическое освоение наследия Достоевского в средней и высшей школе, подготовка к публикации и издание новых монографических исследований, развитие информационных ресурсов, баз данных, электронных библиотек о жизни и творчестве писателя. Он завершится в 2021 г. изданием итоговых научных трудов, подготовленных в ходе выполнения проектов, в том числе в электронных изданиях различного типа. Появится уникальная библиотека объемом свыше тридцати томов. Это результат только одной программы и одного конкурса, а сколько будет книг сверх того!

Почти все статьи в составе этого номера подготовлены в рамках данного исследовательского конкурса РФФИ.

Казалось бы, мы многое знаем о Достоевском. Жизнь человека XIX века основательно документирована: сохранились метрики, формулярные списки, приказы, дела, письма, дневники, мемуары, но, если взять во внимание, сколько газет и журналов еще тщательно не прочитано, сколько документов не выявлено в архивах, становится очевидным: мы поверхностно знаем

жизнь Достоевского. Мало исследователей, кто готов и имеет возможность работать в архивах.

Многое утрачено, но многое еще можно найти. Не найдена значительная часть писем Достоевского. В годы гражданской войны в Грузии, а точнее в 1920 г. в Гаграх, пропала самая ценная с библиофильской точки зрения часть коллекции Анны Григорьевны Достоевской — рукописи романов «Бесы», «Подросток», «Братьев Карамазовых». Во Франции были опубликованы письма Достоевского С. Д. Яновскому. Судя по всему, они были возвращены его дочерям, проживавшим в Интерлакене (Швейцария). Достоевскому нередко приходилось судиться по гражданским делам. Смеем надеяться, что в архивах Петербургских судов 1860–1870-х гг. еще можно найти автографы Достоевского. Можно выяснить, как сложились судьбы тех, с кем Достоевский отбывал срок в Омском остроге, кто вместе с Достоевским служил в 7-м Семипалатинском Сибирском отдельном батальоне. Нужно искать!

Миссия нашего журнала — в его названии: *«Неизвестный Достоевский»*. За многие годы в Петрозаводском университете собран уникальный цифровой архив писателя, в котором есть все автографы и многие документы Достоевского. Журнал задуман, чтобы всем вместе ввести эти материалы в научный оборот. В каждом номере мы стремимся публиковать новые тексты Достоевского. Пока это удается. Мы находим их в рукописях, разбираем зачеркнутые места, расшифровываем стенограммы жены, иногда находим неопубликованные письма.

Найти новое можно не только в архивах. Один из источников — журналы, которые редактировал писатель. В первом номере юбилейного года опубликована вставка Достоевского в январский фельетон Н. Н. Страхова «Заметки Летописца» (Эпоха, 1865). Текст был у всех на виду. А. Г. Достоевская указала эту вставку со ссылкой на свидетельство самого Страхова, но исследователи не обратили внимания на эти слова [Захарова: 36–37]. Текст вставки чрезвычайно интересен. Он показывает, как в процессе написания и редактирования статей возникали игровые ситуации. Страхов должен был дать в своих заметках журнальную полемику. Повод полемики деликатен: журналисты «Современника» и «Будильника» попытались высмеять публикацию Страховым личной переписки с А. А. Григорьевым. Досталось и Достоевскому как автору примечания к переписке и редактору журнала. Уклоняясь от личной полемики, Достоевский заступает за Страхова и Аполлона Григорьева и защищает редакционную политику журнала «Время», разоблачая оппонентов и упрекая их в том, что они бессовестно лгут в расчете на то, что их читатели не прочтут писем Страхова и Григорьева [Захарова: 36–37].

В письме Федора Достоевского к брату Михаилу И. С. Андрианова обнаружена обцененная цитата из псевдобарковианы 1830–1840-х гг., которую Достоевский знал и читал, Анна Григорьевна, прочитав, смутилась и зачеркнула,

но на всякий случай записала стенографически. Анализ этого биографического эпизода позволяет не только решить текстологическую проблему аутентичного воспроизведения письма, но и уточнить источник и время создания цитируемого текста [Андрианова, 2021].

Локальные мифы Дарового и Чермошни разоблачает А. С. Бессонова. Несмотря на очевидный факт, среди местных жителей и доверчивых к сплетням биографов упорно держится слух, что М. А. Достоевский похоронен не на Моногаровском, а на Нечаевском погосте, что крестьяне убили помещика в наказание за соблазнение девицы, что младенец Симеон был его внебрачным сыном, рассказывают даже, что почившего младенца, убитого отца и вскоре умершую мать похоронили рядом на Нечаевском погосте. Обнаруженные документы опровергают слухи и сплетни и дают однозначный ответ, где похоронен М. А. Достоевский [Бессонова]. Насчет же девицы Катерины Александровны необходимо продолжить изыскания, чтобы внести ясность в личные обстоятельства ее жизни. Даже информации из исповедальных книг было бы достаточно, чтобы понять, где после смерти Марии Федоровны жила Катерина с марта по август 1837 г. — в Москве или у матери в Чермошне. Кто был в мемориальной квартире Достоевских в Москве, где многодетной семье негде было разместиться, понимает, что в этих комнатах просто негде держать ставшую лишней прислугу, что глава семьи с мая по июль был в хлопотах об отставке; передав детей на попечение родственникам, находился в разъездах между Москвой и Петербургом и т. д. Что и где в это время случилось с Катериной? Обстоятельства жизни, быт, физиология беременности никак не вяжутся с домыслами и слухами тех, кто свидетельствует или верит, но свечку не держал.

Как это бывает, иногда исследователи независимо друг от друга обнаруживают одни и те же документы и публикуют их почти в одно и то же время. Так произошло и в этом случае. Некоторые документы, которые приводятся в статье А. С. Бессоновой, были опубликованы несколькими месяцами ранее Т. В. Панюковой [Панюкова]. Подтверждаю, что приоритет публикаций принадлежит равно им обеим.

Достоевский, как известно, не был детским писателем и специально не писал для детей, но педагоги и родители хотят включать его произведения в круг детского чтения. С какого возраста следует приобщать детей к чтению Достоевского? Р. Вассена анализирует этот интересный издательский и методический опыт [Вассена]. Он как нельзя более актуален в современных поисках детского репертуара в произведениях писателя.

В нашей стране почетно давать школам имена выдающихся писателей, педагогов и героев. Желание реализовать в народном образовании педагогические идеи Достоевского возникло сразу после его смерти у разных людей, но смогла их осуществить только вдова писателя (см. об этом: [Прощенко]). Ее концепция школы Достоевского была успешна и в церковно-приходском, и в учительском вариантах, когда из учениц школа стала готовить учителей.

Достоевский исходил из того, что народные школы должны давать постепенное образование, не готовить сразу в университет, а готовить к жизни, чтению и учению, смыслом которого было бы усиленное познание России, родного языка, словесности и истории, природы и, как сказали бы сейчас, экологии. Задача школы, по Достоевскому, — учиться России, понимать ее тайну, которая заключена в Православии. Успешный педагогический эксперимент со Старорусской школой имени Достоевского был прерван революцией 1917 г. Такие школы были не нужны новой власти. Прерван был и другой эксперимент. До сих пор не ясен замысел пяти школ-коммун для трудновоспитуемых подростков им. Ф. М. Достоевского в Петрограде и Ленинграде, известных более под аббревиатурой Шкид. Собственно, при чем тут Достоевский? Может быть, уместнее Дзержинский? После критики Н. К. Крупской советскую «бурсу» закрыли, а принципы Дзержинского реализовал А. С. Макаренко в своей Коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Сегодня школы имени Достоевского единичны, Достоевский несовместим с педагогикой советского и постсоветского образования.

Остановимся только на этих статьях, хотя без исключения все статьи номера актуальны и интересны. Надеемся, вас увлекут его анонсы!

Кстати, о том, что у всех на виду, но никто этого не замечает.

Есть два великих русских писателя — Достоевский и Толстой. Их давно объединили этим словосочетанием. Они равновелики. Юмористы И. Ильф и Е. Петров остроумно подметили их общность в своем пародийном псевдониме — «Ф. Толстоевский».

Творчество Достоевского и Толстого — непрерывный диалог: они читали, размышляли, спорили друг с другом. В жизни, так случилось, они не были знакомы. Достоевский желал познакомиться с Толстым, во время Пушкинского праздника готов был отправиться к нему в Ясную Поляну; если бы не смерть, вступил бы с ним в переписку: письмо, на которое он собрался ответить, лежало у него на столе. Толстой жалел, что ему не довелось познакомиться с Достоевским. Оба не знали, что они были родственниками, что до первой половины XV века у них были общие предки.

Сын первого графа Толстого Иван Петрович был женат на Прасковье Михайловне Ртищевой, происходившей из боровского рода Ртищевых, который берет начало от Аслана-Челеби-Мурзы, в крещении Прокопия, выехавшего из Золотой Орды в 1389 г. и поступившего на службу к Дмитрию Донскому. Его сын Лев, по прозвищу Ртище, и стал родоначальником Ртищевых. К ним принадлежали и предки Достоевского. В 1456 г. один из сыновей Льва Ртищева Степан выехал в Литву в свите князя серпуховского и боровского Ивана Васильевича, покинувшего удел из-за преследования Василия Тёмного. Так в середине XV в. разошлись родовые ветви Ртищевых. В 1506 г. Пинский князь Федор Иванович пожаловал своему боярину Даниле Ртищеву «дворище» Достоево, давшее фамилию его потомкам.

Казалось бы, всего лишь занятный исторический факт, не более того. Впрочем, духовное родство и общность Достоевского и Толстого в русской литературе очевидны и без генеалогических изысканий.

Будем надеяться, что предстоящий юбилей принесет плоды, достойные бессмертия Достоевского.

Примечания

- ¹ Тексты Достоевского цитируются по изд.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005 — с сокращением Д18, указанием тома и страницы.
- ² См. об этом раздел “History” на портале Международного общества Ф. М. Достоевского / The International & North American Dostoevsky Societies. URL: <https://dostoevsky.org/about/history/>, а также: [Тихомиров].

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. Особое мнение. К 100-летию рождения Ф. М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 1–2.
2. Андрианова И. С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 192 с.
3. Андрианова И. С. «Не прудствуй, читая это»: тень Баркова в текстах Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 42–60. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5161
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 244 с.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 362 с.
6. Бем А. Л. Концессия на писателя. Судьба литературного наследия Достоевского // Последние новости (Les Dernières Nouvelles). Париж, 1925. 14 мая. № 1550. С. 2.
7. Бессонова А. С. Легенды и факты о жизни М. А. Достоевского в Даровом (1837–1839) // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 61–76. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5261
8. Богданова О. А. Какие рукописи Достоевского были в “Piper-Verlag”? // Неизвестный Достоевский. 2016. № 2. С. 54–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468927497.pdf (15.11.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2722
9. Богданова О. А. Федор Достоевский в немецких издательских проектах первой половины XX века (“Piper-Verlag”) // Русская литература в зеркалах мировой культуры. Рецепция, переводы, интерпретации. М., 2015. С. 800–848.
10. Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
11. [Достоевский Ф. М.] Полн. собр. соч. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. 839 с.
12. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005.
13. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. 287 с.
14. Захарова О. В. Псевдонимы Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 21–41. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5221
15. Захаров В. Н. Синдром Достоевского // Север. 1991. № 11. С. 145–151.

16. Захаров Н. В. Шекспир в тезаурусе Достоевского // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2009. Вып. 19. С. 51–60.
17. Иустин, прп. (Попович). Достоевский о Европе и славянстве // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 3: Свидетельства. Критика. Богословие / Г. В. Беловолов, А. П. Дмитриев, В. Н. Захаров и др. С. 392–700.
18. Иустин, прп. (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Издатель Д. В. Харченко, 2008. 312 с.
19. Левин Ю. Д. Шестидесятые годы // Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука. 1965. С. 407–543.
20. Панюкова Т. В. Фактические источники при исследовании биографии Ф. М. Достоевского: от документа — к факту и интерпретации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 158–196 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-158-196> (25.12.2020).
21. Прощенко А. А. «Школы Достоевского» в русской прессе // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 206–241. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282
22. Тихомиров Б. Н. К 30-летию Международного общества Достоевского: (Краткий очерк истории) // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2001. № 16. С. 245–249.
23. Эльзон М. Д. Неизвестное четверостишие Некрасова // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1988. Т. 10. С. 141–144.

References

1. Aykhenval'd Yu. Special Opinion. To the 100th Anniversary of the Birth of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik literary*, 1921, no. 10, pp. 1–2. (In Russ.)
2. Andrianova I. S. «*Muzey pamyati F. M. Dostoevskogo*»: *istoriya i perspektivy proekta* [“The Museum of Memory of F. M. Dostoevsky”: History and the Prospects of the Project]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
3. Andrianova I. S. “Don’t Be Abashed Reading This”: Shadow of Barkov in the Texts of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 42–60. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5161 (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky’s Works]. Leningrad, Priboy Publ., 1929. 244 p. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky’s Poetics]. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1963. 362 p. (In Russ.)
6. Bem A. L. Concession for the Author. The Destiny of the Dostoevsky Heritage. In: *Poslednie novosti* (Les Dernières Nouvelles). Paris, 1925, 14 May, no. 1550, p. 2. (In Russ.)
7. Bessonova A. S. Legends and Facts About the Life of M. A. Dostoevsky in Darovoe (1837–1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 61–76. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5261 (In Russ.)
8. Bogdanova O. A. Which Manuscripts of Dostoevsky Were in “Piper-Verlag”? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, no. 2, pp. 54–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468927497.pdf (accessed on November 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2722 (In Russ.)

9. Bogdanova O. A. Fyodor Dostoevsky in German Publishing Projects of the First Half of the 20th Century (“Piper-Verlag”). In: *Russkaya literatura v zerkalakh mirovoy kul'tury. Retseptsiya, perevody, interpretatsii* [Russian Literature in the Mirrors of World Culture: Reception, Translations, Interpretations]. Moscow, 2015, pp. 800–848. (In Russ.)
10. Bocharov S. G. Around and About One Conversation. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1993, no. 2, pp. 70–89. (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1883, vol. 1: Biography, Letters and Notes from F. M. Dostoevsky's Notebook. With a Portrait of F. M. Dostoevsky and Applications. 839 p. (In Russ.)
12. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [The Complete Works: in 18 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2003–2005. (In Russ.)
13. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The Category of Sobornost' in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 p. (In Russ.)
14. Zakharova O. V. Fyodor Dostoevsky's Pseudonyms. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 21–41. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5221 (In Russ.)
15. Zakharov V. N. The Dostoevsky Syndrome. In: *Sever*, 1991, no. 11, pp. 145–151. (In Russ.)
16. Zakharov N. V. Shakespeare in Dostoevsky's Thesaurus. In: *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury: sbornik nauchnykh trudov* [Thesaurus Analysis of World Culture: A Collection of Research Articles]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2009, issue 19, pp. 51–60. (In Russ.)
17. Justin (Popović). Dostoevsky's Opinion About Europe and the Slavs. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond “Vozrozhdenie Tobol'ska” Publ., 2017, vol. 3: Testimonials. Criticism. Theology, pp. 392–700. (In Russ.)
18. Justin (Popović). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Philosophy and Religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, Izdatel' D. V. Kharchenko Publ., 2008. 312 p. (In Russ.)
19. Levin Yu. D. Sixties. In: *Shekspir i russkaya kul'tura* [Shakespeare and Russian Culture]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 407–543. (In Russ.)
20. Panyukova T. V. Factual Sources in Research on the Biography of Fyodor Dostoevsky: From Documents to Facts and Interpretation. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2020, no. 4 (12), pp. 158–196. Available at: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-158-196> (accessed on December 25, 2020). (In Russ.)
21. Proshchenko A. A. “Dostoevsky Schools” in the Russian Press. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 206–241. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282 (In Russ.)
22. Tikhomirov B. N. To the 30th Anniversary of the International Dostoevsky Society: (A Brief Essay of History). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2001, no. 16, pp. 245–249. (In Russ.)
23. El'zon M. D. Unknown Quatrain of Nekrasov. In: *Nekrasovskiy sbornik* [Nekrasov Collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 10, pp. 141–144. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, доктор *Vladimir N. Zakharov*, PhD (Philology), филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru

Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.03.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+070+930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5221

Псевдонимы Ф. М. Достоевского

О. В. Захарова

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Аннотация. Идентификация псевдонимов является одной из ключевых задач атрибуции многих статей в журналах «Время» и «Эпоха», еженедельнике «Гражданин». В авторитетном «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова в статье о Достоевском имеются ошибки и повторы. В литературном творчестве Ф. М. Достоевский подписывался своим личным именем: Фёдор Достоевский, Ф. М. Достоевский, чаще Ф. Достоевский. Напротив, журналистскую деятельность писатель предпочитал вести анонимно, редко — под псевдонимами. Круг псевдонимов Ф. М. Достоевского следует уточнить. Из их списка необходимо исключить псевдоним «N. N.», снять повтор «—ий, М.» и «М. —ий», оставить за Достоевским личный псевдоним «Зубоскаловъ», добавить новый псевдоним «Ч. Комитетский». Вставка в статью «Заметки Летописца» не является основанием, чтобы приписать Достоевскому или сделать коллективным псевдоним Н. Н. Страхова «*Льтописецъ*» (Эпоха. 1865. № 1). Большинство псевдонимов Достоевского имеют окказиональный характер, они единичны и случайны. Казуальны имена и фамилии реальных лиц в роли его псевдонимов (М. Достоевский, А. Поръцкий). В результате критического анализа установлено, что в литературной и журналистской деятельности Достоевский пользовался как регулярными (Ф. Д., Д., Ред.), так и единичными псевдонимами (Зубоскаль, Зубоскаловъ, Н. Н., М. —ий, Ч. Комитетский, Другъ Кузьмы Пруткова). На данный момент их круг можно ограничить данным списком. В Приложении к статье помещена атрибутируемая Достоевскому вставка в фельетон Н. Н. Страхова «Заметки Летописца» из январского выпуска «Эпохи» за 1865 г.

Ключевые слова: Достоевский, псевдоним, аноним, И. Ф. Масанов, «Время», «Эпоха», «Гражданин», атрибуция

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90026 Достоевский («Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин»).

Для цитирования: Захарова О. В. Псевдонимы Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 21–41. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5221

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5221

Fyodor Dostoevsky's Pseudonyms

Ol'ga V. Zakharova

Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russian Federation)

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Abstract. Identification of pseudonyms is one of the key tasks of attribution of many articles in the *Vremya (Time)* and *Epokha (Epoch)* magazines, and the *Grazhdanin* weekly. I. F. Masanov's article on Dostoevsky in the authoritative *Dictionary of Pseudonyms* contains errors and repetitions.

© О. В. Захарова, 2021

Fyodor Dostoevsky signed his literary works with his personal name: “Fyodor Dostoevsky”, “F. M. Dostoevsky”, or, more often, “F. Dostoevsky”. On the contrary, the writer preferred to work as a journalist anonymously, more rarely — under pseudonyms. The range of Fyodor Dostoevsky’s pseudonyms should be clarified. It is necessary to exclude “N. N.” from the list of pseudonyms, remove repeat “—iy, M.” и “M. —iy”, leave Dostoevsky’s personal pseudonym “Zuboskalov” and add a new pseudonym “Ch. Komitetskiy”. The insert in the “Chronicler’s notes” article is not the proper basis to make N. N. Strakhov’s pseudonym “*Letopisets*” (*Epokha*. 1865. № 1) a collective one or assign it to Dostoevsky. Most of Dostoevsky’s pseudonyms are of an occasional nature, they are isolated and random. The names and surnames of real persons (M. Dostoevsky, A. Poretsky) in the role of his pseudonyms are accidental. As a result of critical analysis, it was established that in his literary and journalistic activities Dostoevsky used both regular (“F. D.”), (“D.”), (“Ed.”) and isolated pseudonyms “Zuboskal”, “Zuboskalov”, “N. N.”, “M. —iy”, “Ch. Komitetskiy”, “Drug Kuzmy Prutkova” (“Friend of Kuzma Prutkov”). At this time, their range can be limited to this list. The appendix to the article contains an insert attributed to Dostoevsky in N. N. Strakhov’s feuilleton “Zametki Letopistsa” (“Notes of the Chronicler”) from the January issue of the *Epokha* for 1865.

Keywords: Dostoevsky, pseudonym, anonymous, I. F. Masanov, “Vremya”, “Epokha”, weekly “Grazhdanin”, attribution

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90026 Dostoevsky.

For citation: Zakharova O. V. Fyodor Dostoevsky’s Pseudonyms. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 21–41. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5221 (In Russ.)

В авторитетном и основном на сегодняшний день справочнике псевдонимов Достоевскому посвящена краткая статья:

«**Достоевский**, Федор Михайлович (р. 30 окт. 1821 в М. — ум. 28 янв. 1881 в Спб.), писатель

Псевд.: 1) Д.; 2) Друг Кузьмы Пруткова; 3) Зубоскал; 4) —ий, М.; 5) Летописец; 6) М—ий; 7) Н. Н.; 8) Пружинин, Зубоскалов, Белопяткин и Ко [колл.]; 9) Ред.; 10) Ф. Д.; 11) N. N.» (*Масанов*, т. 4: 170).

Несмотря на авторитетность источника, в словарной статье имеются ошибки и повторы, которые нуждаются в исправлении и уточнении, а сведения — в дополнении. Приходится констатировать, что мы недостаточно знаем псевдонимы Достоевского. О них и пойдет речь в статье.

В художественном творчестве Ф. М. Достоевский не пользовался псевдонимами. Его романы, повести, рассказы, «Дневник Писателя» подписаны полным литературным именем: Федоръ Достоевскій, Ф. Достоевскій, Ф. М. Достоевскій. Исключение составляет период, когда в 1849–1859 гг. писатель по политическим причинам не имел права печатать свои произведения.

Достоевский дорожил своим литературным именем, боялся его «уронить». Эта тема постоянно возникает в его письмах. Он исходил из высокого представления о литературе: «Звание писателя я всегда считал благороднейшим, полезнейшим званием» (*Д18*; 15;: 163). Создание литературного имени было постоянной заботой и творческой задачей Достоевского. Каждая удача утверждала его имя, любой провал наносил непоправимый ущерб его

репутации. Писатель зависел от успеха. Литературная «подпись» была его «единственным капиталом» (Д18; 15₁: 100). Мечтой писателя было не писать на заказ, к сроку, наспех, а отделять произведения, «щадить свое имя, т. е. единственный капитал, который есть» у него (Д18; 15₁: 100). Он справедливо полагал, что «доброе имя» обеспечит его существование (Д18; 15₁: 163).

После выхода из каторги Достоевский был озабочен восстановлением своего литературного имени. Он предпринимал одну попытку за другой: писал гражданские стихотворения, возлагал надежды на ученые статьи. Ему казалось, что легче опубликовать не роман, на который «до сих пор смотрят, как на пустячки», а статьи — патриотическую «статью об России», «серьезную статью (об искусстве)», «о назначении Христианства в искусстве» (Д18; 15₁: 166–167). Во всех этих творческих устремлениях «главное» для него — «мое имя» (Д18; 15₁: 267).

Проблемы, связанные с литературным именем, возникли у Достоевского, когда он был арестован по делу петрашевцев. Майский номер «Отечественных Записок» за 1849 г., в котором была опубликована третья часть романа «Неточка Незванова», вышел без указания имени автора и в тексте публикации, и в оглавлении номера (см. Илл. 1).

130

Словесность.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, сказалъ онъ съ учтивымъ поклономъ.

Я смотрѣла на него, едва понимая то, что онъ мнѣ сказалъ.

— Послѣ, извините меня, я нездорова, отвѣчала я наконецъ, проходя мимо него.

— Итакъ, завтра, сказалъ онъ откланиваясь, съ какою-то двусмысленною улыбкой.

Но, можетъ-быть, это мнѣ такъ показалось. Все это какъ-будто мелькнуло у меня предъ глазами.

Илл. 1. Последняя страница романа «Неточка Незванова» без подписи автора в майском номере журнала «Отечественные Записки» за 1849 г.

Fig. 1. The last page of the novel *Netochka Nezvanova* without the author's signature in the May issue of the *Otechestvennyye Zapiski* journal for 1849

Оглавление майского номера по разделу «Словесность» вообще представляет собой сплошной казус: литературного имени лишился не только Достоевский, но и петрашевец А. Пальм, автор романа «Жак Бичовкин». Под псевдонимом «— Θ —» опубликована повесть скромного литератора И. П. Ключникова «Любовная сказка», но за что пострадала Шарлотта Бронте, автор переводного романа «Джейн Эйр» (см. Илл. 2)?

О Г Л А В Л Е Н И Е

Ш Е С Т Ъ Д Е С Я Т Ъ - Ч Е Т В Е Р Т А Г О Т О М А

О Т Е Ч Е С Т В Е Н Н Ъ Х Ъ З А П И С О К Ъ .

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

	Стр.
Жакъ Бичовкинъ. Романъ. <i>Часть II</i>	1
Нѣточка Незванова. Романъ. <i>Часть III</i>	81
Любовная Сказка. — Θ —	131
Дженни Эйръ. Романъ. <i>Часть I</i>	173

Илл. 2. Оглавление майского номера журнала «Отечественные Записки» (1849)

Fig. 2. Table of contents of the May issue of the *Otechestvennyye Zapiski* journal (1849)

С мая 1849 г. по декабрь 1859 г. Достоевский не мог печататься под своим именем.

Рассказ «Маленький герой» (первоначальное название «Детская сказка») напечатал брат Михаил в журнале «Отечественные Записки» в 1857 г. за подписью «м. — ій» (см. *Илл. 3*).

.

Когда, черезъ два часа, я воротился домой, то не нашелъ уже **м-те М***: она уѣхала съ мужемъ въ Москву, по какому-то внезапному случаю. Я уже никогда болѣе не встрѣчался съ нею.

м. — ій.

Илл. 3. Последняя страница рассказа «Маленький герой»
(Отечественные Записки. 1857. № 8)

Fig. 3. The last page of the short story *Little Hero*
(*Otechestvennyye Zapiski*. 1857. № 8)

Однако в оглавлении августовского номера журнала псевдоним автора набран прописными буквами «М. —ИЙ», как это было принято в эдиционной практике (см. *Илл. 4*). Подпись «м. —ий» выглядит как опечатка (возможно, намеренная), которая встречается в журналистике тех лет как способ обойти цензурные запреты и придирки. В любом случае «м.» следовало писать с прописной буквы «М.».

Зачем понадобилась эта уловка? В это время Ф. М. Достоевский еще не имел разрешения печатать свои сочинения под собственным именем. Можно предположить, что Михаил отдал А. Краевскому рассказ либо в счет долга, который был за Ф. М. Достоевским в 1849 г., либо опубликовал рассказ, чтобы финансово поддержать брата гонораром.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

АВГУСТЪ.

І. Словесность, Науки и Художества.

	стр.
БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ и возвращеніе Южной Руси къ Россіи. <i>Окончаніе</i> (Главы 13-я и 14-я, послѣдняя). Н. И. КОСТОМАРОВА	315
МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ. (Изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ). м.—ий.	359
КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА. (Кто кого одурачилъ?—Четыре брака и одинъ разводъ.— Любовь по гробъ.— Двѣ былинны). В. И. ДАЛЯ	399

Илл. 4. Оглавление журнала с рассказом «Маленький герой»
(Отечественные Записки. 1857. № 8)

Fig. 4. Table of contents of the journal with the short story *Little Hero*
(*Otechestvennye Zapiski*. 1857. № 8)

Эту подпись можно понять и как псевдоним, и как сокращение имени «М. Достоевскій», и как ошибку наборщика или опечатку, не исправленную корректором. Так или иначе у Достоевского появился псевдоним «М. —ій».

Без инициалов за подписью «Достоевскій» в журнале «Русское Слово» (1859) была опубликована повесть «Дядюшкин сон» (см. Илл. 5).

Рьяные кони мчались, взрывая снѣжный прахъ коньтани. Колокольчикъ звенѣлъ. Павелъ Александровичъ задумался, потомъ замечтался, а потомъ и заснулъ себѣ преспокойно. Онъ проснулся уже на третьей станціи, свѣжій и здоровый, совершенно съ другими мыслями.

Достоевскій.

3-го Января 1859 г.

Илл. 5. Последняя страница повести «Дядюшкин сон» (Русское Слово. 1859. № 3)

Fig. 5. The last page of the short novel *Uncle's Dream* (*Russian Word*. 1859. № 3)

Так же, без инициалов, за той же подписью «Достоевскій» была опубликована первая часть романа «Село Степанчиково и его обитатели» в ноябрьском номере «Отечественных Записок» (см. Илл. 6). И только при публикации второй части романа появилась полная литературная подпись писателя — «Ө. Достоевскій» (см. Илл. 7).

Онъ ушелъ. Я тотчасъ же легъ, усталый и измученный до нельзя. День былъ трудный. Нервы мои были разстроены, и прежде чѣмъ заснулъ, я нѣсколько разъ вздрагивалъ и просыпался. Но, какъ ни странны были мои впечатлѣнія при отходѣ ко сну, все-таки странность ихъ почти ничего не значила передъ оригинальностью моего пробужденія на другое утро.

ДОСТОЕВСКІЙ.

Илл. 6. Последняя страница первой части романа «Село Степанчиково и его обитатели» (Отечественные Записки. 1859. № 11)

Fig. 6. The last page of the first part of the novel *The village of Stepanchikovo and its inhabitants* (*Otechestvennyye Zapiski*. 1859. № 11)

Вотъ, кажется, и всѣ лица... да! забыть: Гаврила очень по-старьблѣ и совершенно разучился говорить пофранцузски. Изъ Фалалея вышелъ очень-порядочный кучеръ, а бѣдный Видоплясовъ давнымъ-давно въ желтомъ домѣ и, кажется, тамъ и умеръ... На-дняхъ поѣду въ Степанчиково и непременно справлюсь о немъ у дяди.

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

Илл. 7. Последняя страница второй части романа «Село Степанчиково и его обитатели» (Отечественные Записки. 1859. № 12)

Fig. 7. The last page of the second part of the novel *The village of Stepanchikovo and its inhabitants* (*Otechestvennyye Zapiski*. 1859. № 12)

В дальнейшем при публикации романов, повестей, рассказов и «Дневника Писателя» таких проблем не возникало — автор всегда подписывался своим литературным именем.

Совершенно иначе Достоевский относился к газетно-журнальной деятельности, которую он предпочитал вести анонимно, иногда под псевдонимами, несмотря на то, что объем его журналистского наследия составляет около 40 % в общем корпусе текстов писателя [Захаров, 2013: 18].

Так было с объявлением об издании альманаха «Зубоскал» в 11-м номере журнала «Отечественные Записки» за 1845 г. (см. Илл. 8).

48

Библиографическая Хроника.

<p>гдѣ тактъ?.. гдѣ, наконецъ, приличіе?.. гдѣ чувство собственнаго достоинства?.. Такія-то причины обуздываютъ великодушіе <i>Зубоскала</i>. И такъ, по соображеніи издержекъ на изданіе, съ чувствомъ собственнаго достоинства, скрѣпя сердце, <i>Зубоскалъ</i> объявляетъ, что онъ будетъ продавать себя по 1</p>	<p>руб. сер. за выпускъ, въ книжныхъ магазинахъ М. Ольхина, А. Иванова, П. Ратькова и Комп., А. Сорокина и другихъ петербургскихъ книгопродавцевъ. На пересылку предлагается за одинъ фунтъ.</p>
--	--

ЗУБОСКАЛЪ.

Илл. 8. Фрагмент объявления об издании юмористического альманаха «Зубоскал» (Отечественные Записки. 1845. № 11)

Fig. 8. Fragment of the publication announcement for the humorous almanac *Zuboskal* (*Otechestvennyye Zapiski*. 1845. № 11)

Альманах был запрещен цензурой. Формальный повод запрета состоял в том, что он был заявлен не как альманах, а как периодическое издание. Идея альманаха «Зубоскаль» принадлежала Н. А. Некрасову, который не оставил своего замысла и собрал юмористический альманах «Первое апреля».

Одной из повестей, размещенных в альманахе, является повесть «Как опасно предаваться честолюбивым снам». Ее авторами объявлены «Пружининъ, Зубоскаловъ, Бѣлопяткинъ и Ко» (см. *Илл.* 9).

КАКЪ ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИВЫМЪ СНАМЪ.

Фарсъ совершенно - неправдоподобный, въ стихахъ, съ примѣсю прозы. Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Бѣлопяткина и Ко.

Илл. 9. Заглавие повести «Как опасно предаваться честолюбивым снам» в альманахе «Первое Апреля» (1846)

Fig. 9. The title of the short novel *How dangerous it is to indulge in ambitious dreams* in the *Pervoe aprelya* almanac (1846)

И. Ф. Масанов рассматривает «Пружинина, Зубоскалова, Бѣлопяткина и Ко» как коллективный псевдоним Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоровича и Н. А. Некрасова (*Масанов*, т. 2: 382), но Белопяткин и Пружинин — два личных псевдонима Н. А. Некрасова¹. Основываясь на этом факте, Г. М. Фридендер предположил, что «псевдоним “Зубоскалов” является скорее всего коллективным псевдонимом Григоровича и Достоевского» (*ДЗ0*; 1: 513). Отметим, однако, что псевдоним «Зубоскаловъ» является производным от псевдонима «Зубоскаль» и должен принадлежать Ф. М. Достоевскому, автору нашумевшего объявления об издании альманаха. Вполне вероятно, что Д. В. Григорович остался без псевдонима не по недосмотру: его участие обозначено сокращением «Ко».

Коллективный фарс «Как опасно предаваться честолюбивым снам» образовался вокруг исключенной из повести Достоевского «Двойник» главы о ночной краже в квартире героя. В фарсе речь идет о том, как вор проник в квартиру Петра Ивановича, тот погнался за ним по ночной улице в полураздетом и неприличном виде, в котором он предстал перед начальником отделения, возвращающимся в дрожжах домой после удачного преферанса. Григорович развил этот комический эпизод, Некрасов написал стихи, связал прозу двух соавторов и стихи, втроем они написали «Вступление» к альманаху [Захаров, 1995: 635–636].

В 1847–1849 гг. за подписью «Ө. Достоевскій» были опубликованы повести «Хозяйка» и «Слабое сердце», рассказы «Господин Прохарчин»,

«Рассказы бывалого человека» (позже «Честный вор»), «Елка и свадьба», «Чужая жена» и «Ревнивый муж» (позже объединенные в один текст «Чужая жена и муж под кроватью»), «Роман в девяти письмах», рассказ «Ползунков», роман «Белые ночи».

К этому времени относится еще один журналистский опыт Достоевского. В 1847 г. газета «Санкт-Петербургские Ведомости» пригласила Ф. М. Достоевского вести раздел «Петербургская Летопись» вместо Э. И. Губера, умершего 11 апреля. Свой последний фельетон Э. И. Губер выпустил 6 апреля. За один-два дня написать фельетон почти нереально, скорее всего, замену нашли уже во время болезни журналиста. Так, редакция сообщала: «...мы должны были обратиться, на этотъ разъ, къ одному изъ нашихъ молодыхъ литераторовъ»².

Первый фельетон «Петербургской Летописи», опубликованный в № 81 от 13 апреля, подписан псевдонимом «Н. Н.» (см. Илл. 10).

по Субботамъ нравственности. Собакамъ и житье собачье! Это мошенники!—А много ли у васъ въ первыхъ разрядахъ? спросили помѣщика.—Да по правдѣ сказать..... отвѣчалъ онъ съ небольшимъ замѣнательствомъ. еще ни одного..... народъ разбойникъ и воръ..... всё такой, что не стоятъ совсѣмъ филантропiи

Н. Н.

Илл. 10. Подпись под фельетоном «Петербургская Летопись» от 13 апреля (Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. № 81. 13 апреля)

Fig. 10. Signature under the feuilleton *St. Petersburg Chronicle* dated April 13 (*St. Petersburg Vedomosti*. 1847. No. 81. April 13)

Следующие четыре фельетона «Петербургской Летописи», опубликованные 27 апреля (№ 93), 11 мая (№ 104), 1 июня (№ 120) и 15 июня (№ 133), подписаны инициалами «Ө. Д.» (см. Илл. 11).

Виновать, забылъ главное. Все время какъ рассказывалъ помнить, да вышло изъ памяти. Эрнстъ даетъ еще концертъ; сборъ будетъ въ пользу Общества посѣщенiя бѣдныхъ и Германскаго благотворительнаго Общества. Мы и не говоримъ, что театръ будетъ полонъ, мы въ этомъ увѣрены.

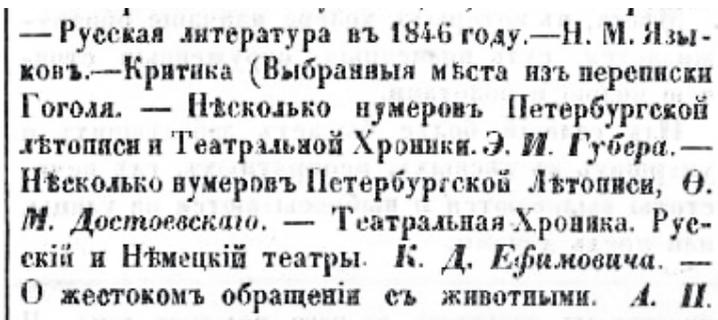
Ө. Д.

Илл. 11. Подпись под фельетоном «Петербургская Летопись» от 27 апреля (Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. № 93. 27 апреля)

Fig. 11. Signature under the feuilleton *St. Petersburg Chronicle* dated April 27 (*St. Petersburg Vedomosti*. 1847. No. 93. April 27)

Проблема авторства в фельетоне, подписанном «Н. Н.», рассмотрена в ряде исследований [Нечаева, 1922], [Комарович], [Томашевский], [Кийко], [Нечаева, 1979: 192–208], [Захаров, 1996а: 684–685]. В критике сложилось мнение, что первый фельетон был написан Ф. М. Достоевским в соавторстве с А. Н. Плещеевым [Комарович], [Томашевский: 608–609]. В. С. Нечаева отвергла участие А. Н. Плещеева в работе над фельетоном и высказывала предположение, что фельетон от 13 апреля полностью принадлежит Достоевскому [Нечаева, 1979: 199]. Резюмируя полемику вокруг атрибуции фельетона от 13 апреля, В. Н. Захаров замечает: «В настоящее время участие Достоевского в работе над фельетоном от 13 апреля следует признать доказанным. Вопрос о степени участия А. Н. Плещеева нуждается в дальнейшем исследовании» [Захаров, 1996b: 700].

И Достоевский, и Плещеев значатся среди авторов «Петербургской Летописи». За Достоевским, как и за Э. И. Губером, числятся «несколько номеров». О Плещееве сказано менее определенно: «Петербургская Летопись» (см. *Илл. 12, 13*).

Илл. 12. Фрагмент объявления «О продолжении Санкт-Петербургских Ведомостей в 1848 г.» с указанием участия Ф. Достоевского в разделе «Петербургская Летопись» (Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. № 230. 9 октября)

Fig. 12. Fragment of the announcement *On the continuation of the St. Petersburg Vedomosti in 1848* with an indication of the participation of F. Dostoevsky in *The Petersburg Chronicle* section (*St. Petersburg Vedomosti*. 1847. No. 230. October 9)

Как бы ни решился вопрос об участии Плещеева в написании фельетона, авторство или соавторство Достоевского признано, он имеет прямое отношение к этому псевдониму, индивидуальному или коллективному.

Большинство журналистских материалов Достоевского 1861–1865 и 1873–1874 гг. анонимны. В ряде случаев Достоевский пользовался псевдонимами. Иногда в роли псевдонимов выступали реальные имена исторических лиц. По показаниям Н. Н. Страхова и общему признанию исследователей, автором редакционных объявлений о подписке на журналы

бургъ. Концерты Берлиоза. Князя В. О. Одоевскаго. — Критика. (Полное собраніе сочиненій Ломоносова). В. Т. Плякшина. — Критика. (Очерки Рима). Майкова. Петербургская Лѣтопись. А. И. Плещеева. — Забѣтки (помѣщаемыя каждый четвергъ), К. А. Полеваго. — Критика. (Объ не точникахъ употребленія Статистическихъ свѣдѣній). — Критика. (Полное собраніе сочиненій Кры-

Илл. 13. Фрагмент объявления «О продолжении Санкт-Петербургских Ведомостей в 1848 г.» с указанием участия А. Плещеева в разделе «Петербургская Летопись» (Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. № 230. 9 октября)

Fig. 13. Fragment of the announcement *On the continuation of the St. Petersburg Vedomosti in 1848* indicating the participation of A. Pleshcheev in *The Petersburg Chronicle* section (*St. Petersburg Vedomosti*. 1847. No. 230. October 9)

«Время» и «Эпоха» был Ф. М. Достоевский, но в издательской практике подписывал их редактор. Таким образом оформлены объявления, написанные Ф. М. Достоевским, но подписанные М. М. Достоевским («Время») и А. У. Порецким («Эпоха») (см. Илл. 14, 15).

Гл. служащіе въ Петербургѣ могутъ выписывать нашъ журналъ черезъ своихъ казначеевъ съ ежемѣсячною разсрочкою платежа.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки своего журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой Редакціи.

РЕДАКТОРЪ М. ДОСТОЕВСКІЙ.

Илл. 14. Объявление об издании в 1861 году журнала «Время» за подписью М. М. Достоевского

Fig. 14. The announcement of the publication of the *Vremya* journal in 1861 signed by M. M. Dostoevsky

Одна из полемических статей «Времени» — «Голос за петербургского Дон-Кихота. По поводу статей г<осподина> Театрина». Статья подписана «Ч. Комитетский» (Время. 1862. № 10. С. 189–193) (см. Илл. 16).

Основанием для атрибуции данной статьи Достоевскому, по мнению В. Н. Захарова, являются идейно-тематические и стилистические признаки, подтвержденные «многоаспектным статистическим исследованием, в том числе на основании комплексного использования признанных методик

определения авторства, “результатами статистической обработки формально-грамматических и синтаксических параметров” [Захаров, 2004с: 528] (см. также: [Захаров, 2004d: 612], [Захаров, 2008: 416]).

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой редакціи.

РЕДАКТОРЪ А. Порѣцкій.

Илл. 15. Объявление о подписке на журнал «Эпоха» в 1865 г. за подписью А. У. Порецкого (Эпоха. 1864. № 8)

Fig. 15. The announcement of a subscription to the *Epokha* journal in 1865 signed by A. U. Poretsky (*Epokha*. 1864. No. 8)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

193

болѣе расчитываетъ на посредственности, чѣмъ на знаменитости? Слава-богу, что пѣвцы выбираются не фантастическимъ комитетомъ, — вотъ была бы у насъ опера!

Но довольно.

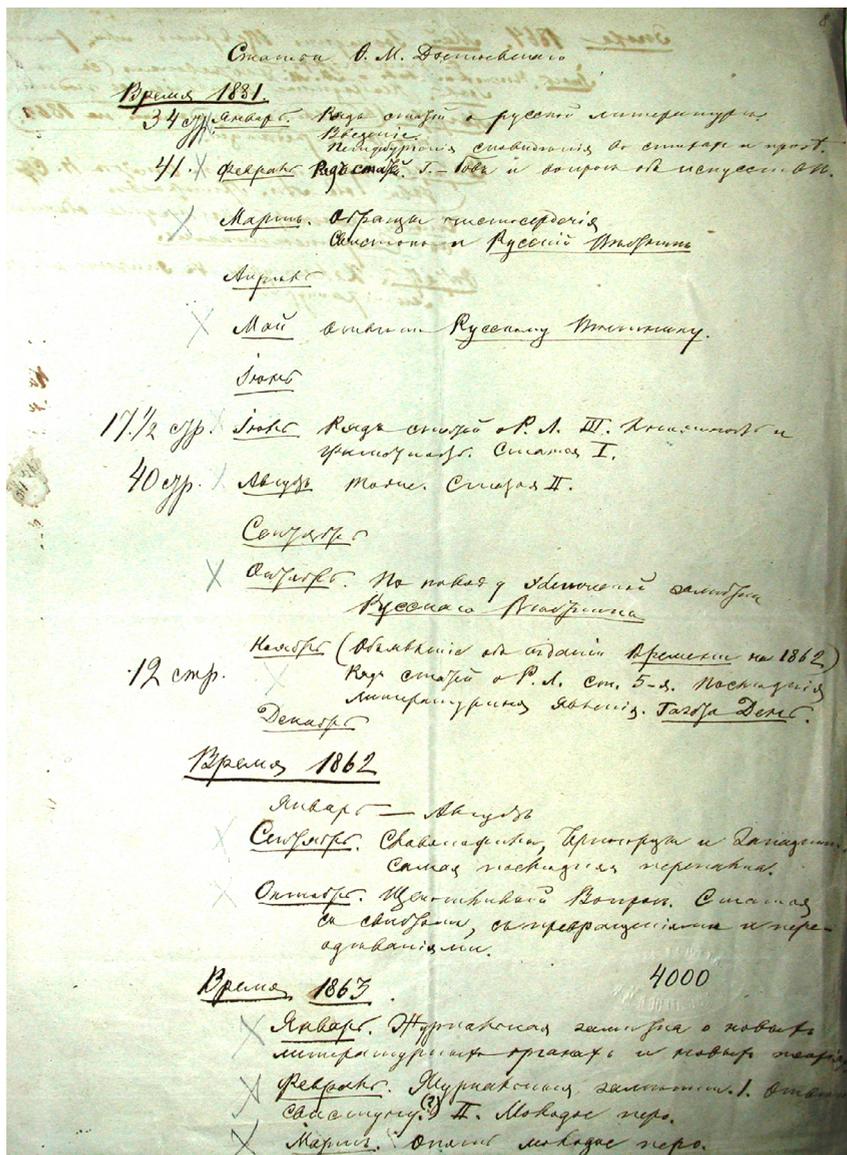
Пусть члены фантастическаго комитета засѣдаютъ яко боги на Парнасѣ, и вѣнчаютъ своихъ вѣрныхъ и благодарныхъ поклонниковъ, но пусть они помнятъ, что и гласность, настоящая, святая, неумолимая гласность не за горами.

Ч. КОМИТЕТСКІЙ

Илл. 16. Подпись под статьей «Голос за петербургского Дон-Кихота. По поводу статей г. Театрина» (Время. 1862. № 10)

Fig. 16. Caption under the article *Voice for the St. Petersburg Don Quixote. About the articles by G. Theatrin* (*Vremya*. 1862. No. 10)

Редакционной практикой журнала «Время» была покупка у авторов литературно-критических и публицистических статей и переработка их как анонимных и редакционных, редактирование и дополнение авторских статей (подробнее см.: [Захаров, 2000, 2004а, 2004б, 2004с, 2008, 2017], [Захаров, Рогов, Сидоров], [Викторович, 2015, 2019]). По просьбе А. Г. Достоевской, Н. Н. Страхов составил список статей, по поводу которых он знал, что они принадлежат Ф. М. Достоевскому (см. *Илл. 17*).

Илл. 17. Страхов Н. Н. Список анонимных статей Ф. М. Достоевского из журналов «Время» и «Эпоха». 1880-е гг. ОР ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 69

Fig. 17. Strakhov N. N. List of anonymous articles by F. M. Dostoevsky from the *Vremya* and *Epokha* journals. 1880s. (Manuscript Department of the Russian Literature History State Museum named after V. I. Dahl)

Он назвал в этом списке 23 статьи, почти все они анонимны: объявления об издании журнала «Время» (1861, 1862), объявление о подписке на журнал «Эпоха» (1865), фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе», цикл «Ряд статей о русской литературе», полемические статьи «Образцы чистосердечия», «“Свисток” и “Русский Вестник”», «Ответ “Русскому Вестнику”», «По поводу элегической заметки “Русского Вестника”», «Славянофилы, черногорцы и западники. Самая последняя перепалка», «Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями», «Журнальная заметка о новых литературных органах и о новых теориях», «Журнальные заметки. I. Ответ “Свистуну”. II. Молодое перо», «Опять Молодое перо», «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах», «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском», «Необходимое заявление», «Примечание на статью Н. Страхова об Ап. Григорьеве», «Чтобы кончить. Последние объяснения с “Современником”», «Каламбуры в жизни и в литературе».

Изучение содержания журналов «Время» и «Эпоха» показало, что список неполон. Он был дополнен Л. П. Гроссманом [Гроссман], О. фон Шульцем [Schoultz], Б. В. Томашевским [Томашевский], [Нечаева, 1972, 1975], редакцией 30-томного Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Д30; 19, 20, 21, 27, 30₂), Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации (Ө. Д.; 2, 4, 5), Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 18-ти томах (Д18; 2, 4, 5, 11), исследованиями [Хетсо], [Захаров, Рогов, Сидоров] и др.

Ссылаясь на указание Н. Н. Страхова, А. Г. Достоевская включила в Библиографический указатель и каталог Музея памяти десятую страницу январского выпуска «Заметок Летописца»:

«1865.

448. Эпоха. Журналъ литературный и политическій, издаваемый семействомъ М. Достоевскаго. Спб. Тип. Эд. Праца и Н. Тиблена. № 1. Январь.

Записки лѣтописца. Январь. Успѣхъ “Эпохи”. *Лѣтописца*. Стр. 10.» (*Достоевская*: 39), (*Музей памяти*: 39).

И. Ф. Масанов не обратил внимания на то, что у Анны Григорьевны указан не выпуск, а всего одна страница, и включил «*Лѣтописца*» в список псевдонимов Достоевского:

«**Летописец** = Фед. Мих. Достоевский

“Эпоха” 1865, № 1: Записки летописца.

Ист.: А. Достоевская, Музей памяти

Ф. М. Достоевского... Спб. 1906, № 448» (*Масанов*, т. 2: 120).

Не обратили на это внимания и редакторы новой версии Словаря Масанова на сайте «Фундаментальная электронная библиотека “Русская литература и фольклор” (ФЭБ)», чем усугубили ошибку Масанова в своем примечании:

*«Псевдоним: Летописец»**Настоящее имя: Достоевский Федор Михайлович**Лица, связанные с данным именем:*

- Страхов Н. Н.

Произведения:

- Летописец. Заметки летописца // Эпоха. — 1865. — № 1. — С. 1–14; № 2. С. 1–6

Примечание: В 30-томн. собр. соч. Достоевского не включено. По данным Будиловской и Б. Егорова (с. 218) текст принадлежит Страхову Н. Н.

Источники:

- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. — Т. 2. — М., 1957. — С. 120;
- А. Достоевская, Музей памяти Ф. М. Достоевского... СПб. 1906, № 448 (Источник Масанова);
- Будиловская А. Л., Егоров Б. Ф. Библиография печатных трудов Н. Н. Страхова // Учен. зап. / Тарт. ун-т. — 1966. — Вып. 184. — С. 218» (*ЭНИ «Словарь псевдонимов»*).

Между тем А. Г. Достоевская, ссылаясь на свидетельство Н. Н. Страхова, указала не весь фельетон, а только его десятую страницу, на которой есть полемика с журналами «Современник» и «Будильник» по поводу публикации писем А. А. Григорьева в девятом номере «Эпохи» за 1864 г. (см. Приложение), но эта вставка никоим образом не посягает на псевдоним сотрудника журнала.

Аналогичная журналистская и редакционная практика была в «Гражданине» Достоевского (1873–1874). Его литературная подпись сопровождается «Дневник Писателя». Цикл статей «Иностранные события» и некоторые редакционные статьи подписаны «*Ө. Д.*» и «*Д.*», «*Ред.*».

После ухода из «Гражданина» Достоевский иногда принимал участие в его издании. Судя по некоторым документам, к нему обращались с просьбой помочь в редактировании некоторых принципиально важных материалов (см.: [Викторович, 1996, 2019: 36–74]), во время редакторства Пуцыковича под псевдонимом «Другъ Кузьмы Пруткова» Достоевский опубликовал фельетон «Изданных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга. I. Тритон».

В настоящее время идет активное изучение анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха», в еженедельнике «Гражданин». Вполне возможно, что в результате этих исследований круг псевдонимов Достоевского несущественно расширится. Пока же очевидно, что Достоевский в меньшей степени, чем Н. А. Некрасов, В. П. Мещерский и другие редакторы журналов, Н. Н. Страхов или А. Григорьев, был склонен к использованию псевдонимов, предпочитая либо подписываться своим литературным именем, либо обходиться без него, публикуясь анонимно.

Круг псевдонимов Ф. М. Достоевского следует уточнить. Из их списка необходимо исключить псевдонимы «Летописец» (Эпоха. 1865. №№ 1 и 2) и «N. N.» (Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. №№ 104, 133), снять повтор «—ий, М.» и «М. —ий», из коллективного разряда выделить личный псевдоним «Зубоскаловъ», добавить еще один псевдоним «Ч. Комитетскій». Обращает на себя внимание, что большинство псевдонимов имеют окказиональный характер, они единичны и случайны. Казуальны имена и фамилии реальных лиц в роли псевдонимов (М. Достоевскій, А. Порѣцкій). Очевидно также, что некоторые псевдонимы придумал не сам Достоевский: «Зубоскаловъ», «М. —ий».

Таким образом, Достоевский пользовался несколькими регулярными псевдонимами «Ө. Д.», «Д.», «Ред.» и несколькими окказиональными: «Зубоскаль», «Зубоскаловъ», «Н. Н.», «М. —ий», «Ч. Комитетскій», «Другъ Кузьмы Прутковъ». В литературной деятельности писатель предпочитал печататься под личным именем, в журналистике — анонимно, иногда под случайными псевдонимами.

Приложение

Appendix

Вставка Ф. М. Достоевского в фельетон Н. Н. Стрхова «Заметки Летописца» (Эпоха. 1865. Январь)¹

Insertion by F. M. Dostoevsky in the Feuilleton Notes of the Chronicler by N. N. Strakhov (Epkha. 1865. January)

«<Ф. М. Достоевскій:>² Такъ въ “Современникѣ”, въ послѣднемъ двойномъ номерѣ, напечатана статейка о “Воспоминаніяхъ о А. А. Григорьевѣ” г. Стрхова³.

¹ Полный текст «Заметок Летописца» за январь 1865 г. см.: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/epoha.html>

² Вставке Ф. М. Достоевского предшествовал следующий текст из раздела фельетона Н. Н. Стрхова «Успех “Эпохи”»:

«Теперь-же я заговорилъ о “Голосѣ” только по поводу мысли о печати, какъ о средствѣ и орудіи, а мысль о печати, какъ о средствѣ и орудіи, была возбуждена во мнѣ на сей разъ не “Голосомъ”, а другими не столь крупными явленіями, именно нѣкоторыми нападеніями на “Эпоху”.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что “Эпоха” имѣетъ честь возбуждать противъ себя ожесточенное озлобленіе. Я говорю честь, ибо принимаю это озлобленіе за признакъ успѣха и возрастающаго значенія. Этотъ признакъ неизбѣженъ, т. е. по свойству души человѣческой если есть успѣхъ, то непременно слѣдуетъ озлобленіе. Конечно обратное заключеніе — отъ озлобленія къ успѣху — не имѣетъ полной строгости, а только вѣроятность; но въ такой области какъ литература, эта вѣроятность весьма велика.

Ожесточеніе-же доходитъ въ настоящемъ случаѣ до крайностей, которыя какъ нельзя лучше доказываютъ его силу. Именно печать употребляется какъ средство и орудіе, которымъ можно достигнуть цѣли и помимо истины» (Стрхов Н. Н. Заметки Летописца // Эпоха. 1865. Январь. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/epoha.html> (20.09.2020).

³ <Антонович М. А.> Воспоминанія объ Аполлонѣ Александровичѣ Григорьевѣ Н. Н. Стрхова. Съ примѣчаніемъ Ө. Достоевскаго (Эпоха. 1864. Сентябрь) // Современник. 1864. № 11–12. Отд. II. С. 101–114. Авторство М. А. Антоновича раскрыто в изд. (Боград: 448).

Статька заявляет, что г. Страховъ написалъ свои воспоминанія съ тайною мыслию унижить и опошлить покойнаго А. Григорьева и для этой цѣли недобросовѣстно и нагло перетолковалъ его письма.

Конечно подобныя вещи не заслуживаютъ ни малѣйшаго опроверженія; конечно всякій, кто читалъ “Воспоминанія” г. Страхова, прочитавъ потомъ статейку “Современника”, ни минуты не задумается, не получитъ и тѣни сомнѣнія относительно смысла и значенія этихъ “Воспоминаній”. Но статейка очевидно вовсе и не имѣла въ виду тѣхъ, кто читалъ статью г. Страхова; напротивъ она именно имѣла въ виду тѣхъ, кто статьи не читалъ, кто на вопросъ о ней пожалуй скажетъ: “не читалъ, да и читать не хочу!” для такихъ написана статейка, и такіе найдутся, и такіе ей повѣрятъ.

Что прикажете дѣлать? Печать — сила.

По слѣдамъ “Современника” идутъ многіе и между прочимъ “Будильникъ”. Въ № 9 напечатана въ немъ такая диковинка:

“Эпоха” затѣяла съ своимъ бывшимъ сотрудникомъ “посмертную полемику”. Такъ *Ө. Достоевскій* старается доказать А. Григорьеву (мертвому-то!), что онъ, т. е. Достоевскій, писатель даровитый»⁴.

Совершенно ясно, что это напечатано для тѣхъ, кто мало читаетъ, кто почти ничего не знаетъ въ литературѣ. На такія выходки эти господа и рассчитываютъ».

Источники

1. *Боград* — Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847–1866. Указатель содержания. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 828 с.

2. *Достоевская* — [Достоевская А. Г.] Библиографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности *Ө. М. Достоевскаго*, собранныхъ въ «Музеѣ памяти *Ө. М. Достоевскаго*» въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ Имени Императора Александра III. 1846–1903 гг. Составила А. Достоевская. С.-Петербургъ. Типографія П. *Ө. Пантелѣва*. 1906. 392 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petrstu.ru/agdost/bibl/bibl.htm> (20.09.2020).

3. *Д30* — Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

4. *Д18* — Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005.

5. *Ө. Д.* — Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авторской орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2015.

6. *Масанов* — Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960.

7. *Музей памяти* — Музей памяти *Өеодора Михайловича Достоевскаго* въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III

⁴ Цитата из фельетона Д. Минаева: Д. М. <Минаев Д.> Звонки, Невскій альбом (Заметки, надписи и эпиграммы) // Будильник. 1865. № 9. 29 января. С. 35–36.

въ Москвѣ. 1846–1903 гг. Составила А. Достоевская. Съ портретами и видами. С.-Петербургъ: Типографія П. О. Пантелѣева, 1906. 392, [2] с.

8. ЭНИ «Словарь псевдонимов» — **Летописец** // ЭНИ «Словарь псевдонимов». [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/09/map16499.htm> (20.09.2020).

Примечания

- ¹ В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова приведены псевдонимы Н. А. Некрасова: И. Пружинин, под которым он публиковался в «Литературной Газете» в 1844 г. (№№ 13, 14, 16, 18, 19), Пружинин (в № 5 «Литературной Газеты» за 1845 г. были напечатаны «Записки Пружинина» (Масанов, т. 2: 382)), Ф. Белопяткин, под которым он публиковал стихотворения в «Литературной Газете» в 1845 г. (№ 2) (Масанов, т. 1: 153).
- ² Ред. Примечание к фельетону Петербургская Летопись // Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. № 81. 13 апреля.

Список литературы

1. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. (Атрибуция и научный комментарий В. Викторovichа) // Знамя. 1996. № 11. С. 151–177.
2. Викторovich В. А. Достоевский. Коллективное. «Гражданин» как творчество редактора // Неизвестный Достоевский. 2015. № 4. С. 11–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453710211.pdf (20.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2502
3. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. 426 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=41675> (20.09.2020).
4. Гроссман Л. П. Комментарии. Дополнения: Забытые и неизвестные страницы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 23 т. Пг.: Просвещение, 1918. Т. 22. 279 с.; Т. 23. 525 с.
5. Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. Т. 1. С. 609–637.
6. Захаров В. Н. Петербургский летописец // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1996. Т. 2. С. 683–698. (a)
7. Захаров В. Н. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1996. Т. 2. С. 699–700. (b)
8. Захаров В. Н. Гениальный фельетонист // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. Т. 4. С. 801–822.
9. Захаров В. Н. Гениальный фельетонист // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. 4. С. 501–513. (a)
10. Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. Т. 5. С. 695–712. (b)
11. Захаров В. Н. Триумф анонимного Автора // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. 5. С. 521–539. (c)
12. Захаров В. Н. «Голос за петербургского Дон-Кихота. По поводу статей г<осподина> Театрина» [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. 5. С. 612–613. (d)

13. Захаров В. Н. Проблема атрибуции // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 415–417. (Сер. «Достоевский и русская культура»)
14. Захаров В. Н. Кодекс Достоевского. Журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 17–26.
15. Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 3–17 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (20.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083
16. Захаров В. Н., Рогов А. А., Сидоров Ю. В. Поиск грамматического инварианта Ф. М. Достоевского методами статистического анализа // Труды Петрозаводского государственного университета. Серия «Прикладная математика и информатика». Петрозаводск, 2000. Вып. 9. С. 67–80.
17. Кийко Е. И. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 302–304.
18. Комарович В. Л. Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны сороковых годов. Журнальная и газетная проза И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева. С прилож. коллективного фарса Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоровича и Н. А. Некрасова «Как опасно предаваться честолюбивым снам» / ред. Ю. Г. Оксман. М.; Л.: Academia, 1930. С. 89–126.
19. Нечаева В. С. Предисловие // Достоевский Ф. М. Петербургская летопись: четыре статьи 1847 г. (Из неизданных произведений). Пб.; Берлин: Эпоха, 1922. С. 7–23.
20. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.
21. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.
22. Нечаева В. С. Ранний Достоевский 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.
23. Томашевский Б. В. Достоевский редактор // Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произведений: в 13 т. М.; Л., 1930. Т. 13. С. 559–614.
24. Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: к вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». Oslo: Solum Forlag A. S., 1986. 82 с.
25. Schoultz O. von. Ein Dostojewskij-Fund. Helsingfors: Helsingfors Centraltryckeri, 1924. 56 p.

References

1. Viktorovich V. A. Fyodor Dostoevsky. Newly Attributed Articles 1872–1874. (Attribution and Scientific Commentary by V. Viktorovich). In: *Znamya*, 1996, no. 11, pp. 151–177. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Dostoevsky. The Collective. “Grazhdanin” as a Creative Work of the Editor. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 4, pp. 11–20. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453710211.pdf (accessed on September 20, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2502 (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. *Dostoevskiy — redaktor «Grazhdanina» (1873–1874) [Dostoevsky as Editor of Grazhdanin (“Citizen”) (1873–1874)]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. Available at: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=41675> (accessed on September 20, 2020). (In Russ.)

4. Grossman L. P. Comments. Additions: Forgotten and Unknown Pages. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 23 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 23 Vols*]. Petrograd, Prosveshchenie Publ., 1918, vol. 22. 279 p.; vol. 23. 525 p. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Debut of Genius. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, vol. 1, pp. 609–637. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Petersburg Chronicler. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1996, vol. 2, pp. 683–698. (In Russ.) (a)
7. Zakharov V. N. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1996, vol. 2, pp. 699–700. (In Russ.) (b)
8. Zakharov V. N. The Brilliant Feuilletonist. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2000, vol. 4, pp. 801–822. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. The Brilliant Feuilletonist. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 2004, vol. 4, pp. 501–513. (In Russ.) (a)
10. Zakharov V. N. The Ideas of “Vremya”, the Deeds of “Epokha”. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004, vol. 5, pp. 695–712. (In Russ.) (b)
11. Zakharov V. N. The Triumph of an Anonymous Author. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 2004, vol. 5, pp. 521–539. (In Russ.) (c)
12. Zakharov V. N. “Voice for the St. Petersburg Don Quixote. About Articles of Mr. Teatrin. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 2004, vol. 5, pp. 612–613. (In Russ.) (d)
13. Zakharov V. N. Attribution Problem. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: *Works, Letters and Documents: Dictionary and Reference Book*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 415–417. (Ser. “Dostoevsky and Russian Culture”) (In Russ.)
14. Zakharov V. N. Dostoevsky's Code. Journalism as a Creative Idea of the Writer. In: *Dostoevskiy i Zhurnalizm* [Dostoevsky and Journalism]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, pp. 17–26. (Dostoevsky monographs; vol. 4). (In Russ.)
15. Zakharov V. N. On the Status of Editorials in Dostoevsky's Periodicals. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2017, no. 1, pp. 3–17. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/149312215.pdf (accessed on September 20, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083 (In Russ.)
16. Zakharov V. N., Rogov A. A., Sidorov Yu. V. Searching for the Grammatical Invariant of Fyodor Dostoevsky by Means of Statistical Analysis. In: *Trudy Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Prikladnaya matematika i informatika»* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Series “Applied Mathematics and Informatics”]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2000, issue 9, pp. 67–80. (In Russ.)
17. Kiyko E. I. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 18, pp. 302–304. (In Russ.)

18. Komarovich V. I. Petersburg Feuilletons of F. M. Dostoevsky. In: *Fel'etony sorokovykh godov. Zhurnal'naya i gazetnaya proza I. A. Goncharova, F. M. Dostoevskogo, I. S. Turgeneva. S prilozheniem kollektivnogo farsa F. M. Dostoevskogo, D. V. Grigorovicha i N. A. Nekrasova «Kak opasno predavat'sya chestolyubivym snam»* [Feuilletons of the Forties. Journal and Newspaper Prose of I. A. Goncharov, F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev. With Application Collective Farce of F. M. Dostoevsky, D. V. Grigorovich and N. A. Nekrasov "How Dangerous it is to Indulge in Ambitious Dreams."]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930, pp. 89–126. (In Russ.)
19. Nechaeva V. S. Preface. In: *Dostoevskiy F. M. Peterburgskaya letopis': chetyre stat'i 1847 g. (Iz neizdannyykh proizvedeniy)* [Dostoevsky F. M. St. Petersburg Chronicle: Four Articles of 1847 (From Unpublished Works)]. Peterburg, Berlin, Epokha Publ., 1922, pp. 7–23. (In Russ.)
20. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya». 1861–1863* [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky "Vremya". 1861–1863]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 316 p. (In Russ.)
21. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha». 1864–1865* [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky "Epokha". 1864–1865]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 302 p. (In Russ.)
22. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy. 1821–1849* [The Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)
23. Tomashevskiy B. V. Dostoevsky is the Editor. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedeniy: v 13 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works of Fiction: in 13 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1930, vol. 13, pp. 559–614. (In Russ.)
24. Kjetsaa G. *Prinadlezhnost' Dostoevskomu: k voprosu ob atributsii F. M. Dostoevskomu anonimnykh statey v zhurnalakh «Vremya» i «Epokha»* [Attributed to Dostoevsky: The Problem of Attributing to Dostoevsky Anonymous Articles in "Time" and "Epoch"]. Oslo, Solum Forlag A. S. Publ., 1986. 82 p. (In Russ.)
25. Schoultz O. von. *Ein Dostojewskij-Fund* [A Dostoevsky Find]. Helsingfors, Helsingfors Centraltryckeri Publ., 1924. 56 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захарова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Olga V. Zakharova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Republic of Karelia, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 14.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.02.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5161

«Не прюдствуй, читая это»: тьнь Баркова в текстах Достоевского

И. С. Андрианова

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: yarysheva@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования в статье стала частично зачеркнутая запись из письма Федора Достоевского к брату Михаилу от 30 сентября 1844 г., в котором он сообщает о решении покинуть военную службу и посвятить себя профессиональному литературному труду. Впервые она была воспроизведена в издании писем Достоевского, подготовленном А. С. Долининым, а затем в академическом Полном собрании сочинений. Однако сделано это было с искажениями и без должного комментария. В результате запись воспринималась читателями как грубое ругательство, включающее жаргонную и обценную лексику, с оскорблениями в адрес опекуна Достоевских П. А. Карепина, который противился уходу своего подопечного в литературу и не спешил оказывать ему денежную помощь. Текстологический анализ записи о Карепине показал, что зачеркивания были произведены как самим Достоевским во время написания письма, так и спустя почти 40 лет его вдовой, готовившей письма к публикации. А. Г. Достоевская, будучи стыдливой, или «прюдствующей» (по выражению писателя), не смогла стерпеть в тексте письма нецензурных слов и удалила их густым зачеркиванием, при этом зашифровав их смысл стенографическими знаками. Восстановление полной записи позволило определить ее источник — им стала цитата из «срамной» поэмы «Лука Мудищев», приписываемой И. С. Баркову, но ему не принадлежащей и созданной в послепушкинский период. Факт того, что Достоевский знал эту поэму к 1844 г., сужает диапазон ее датировки. В пылу борьбы с Карепиным, критикующим «отвлеченную лень и негу Шекспировских мечтаний», начинающий писатель в остром памфлетном стиле обращает против опекуна сатирический нецензурный язык барковианы. Продолжив свои наблюдения над народной речью в «Сибирской тетради» и в «Дневнике Писателя», Достоевский пришел к парадоксальному выводу о сочетании в русском народе сквернословия и целомудрия. Эта точка зрения писателя не была понятна современникам и подверглась осмеянию в публицистике и карикатуре.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, П. А. Карепин, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Барков, барковиана, барковщина, «Лука Мудищев», текстология, сатира, каламбур, ирония, пародия, нецензурная лексика, прюдствовать, prude

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90028 Достоевский («Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание»).

Для цитирования: Андрианова И. С. «Не прюдствуй, читая это»: тень Баркова в текстах Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 42–60. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5161

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5161

“Don’t Be Abashed Reading This”: Shadow of Barkov in the Texts of Dostoevsky

Irina S. Andrianova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: yarysheva@yandex.ru

Abstract. The subject of research in this article is a partially crossed out portion of a letter from Fyodor Dostoevsky to his brother Mikhail dated September 30, 1844. This letter communicates his decision to leave the military service and devote himself to professional literary work. The entry was first reproduced in the edition of Dostoevsky’s correspondence prepared by A. S. Dolinin, and then in the academic Complete Works. However, this was done with distortions and without proper commentary. As a result, the entry was perceived by readers as a rude expletive, which included slang, obscene vocabulary, and insults to the guardian of the Dostoevskys, P. A. Karepin, who opposed the switch of his ward to a literary path and was in no hurry to provide him with financial assistance. Textual analysis of the record about Karepin demonstrated that the strikethrough was made twice — by Dostoevsky himself at the time of writing the letter, and almost 40 years later by his widow, who was preparing the letters for publication. Due to her shyness, A. G. Dostoevskaya could not tolerate obscene words contained in the body of the letter, and she removed them with a thick strikethrough, while encrypting their meaning using shorthand. The restoration of the complete record made it possible to determine the source of the quote, namely, the “indecent” poem *Luka Mudishchev*, written in the post-Pushkin period and attributed to Ivan Barkov, but not written by him. The fact that Dostoevsky knew this poem by 1844 narrows down the range of its dating. In the heat of his “struggle” with Karepin, who criticizes the “abstract laziness and bliss of Shakespeare’s dreams”, the novice writer turns the obscene satirical language of Barkoviana against his guardian in a sharp pamphlet style. Continuing his observations on common people’s speech in the Siberian Notebook and the Writer’s Diary, Dostoevsky came to a paradoxical conclusion about the combination of profanity and chastity in the Russian people. The writer’s viewpoint on this matter was not clear to his contemporaries and was ridiculed in journalism and caricature.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Mikhail Dostoevsky, Pavel Karepin, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Ivan Barkov, barkoviana, barkovschina, “Luka Mudishchev”, textual criticism, satire, pun, irony, parody, obscene language, prude, pruderie

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90028 Dostoevsky.

For citation: Andrianova I. S. “Don’t Be Abashed Reading This”: Shadow of Barkov in the Texts of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 42–60. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5161 (In Russ.)

Одними из самых ценных документов эпистолярного архива Достоевского являются его письма (84) за 1838–1864 гг. к брату Михаилу — единомышленнику и другу. Они предельно искренне воссоздают ту общественную и психологическую атмосферу, в которой жил и работал писатель в это время. «Из них мы узнаем не только биографические подробности и жизненные обстоятельства Достоевского тех лет, не только круг его интересов и общения, не только творческие планы и замыслы (что само по себе бесценно!) — нам открывается личность Достоевского, ее духовная и эмоциональная стороны. <...> Именно в письмах к Михаилу Достоевский формулирует важнейшие для него идейные и эстетические принципы, свое жизненное кредо» [Фокин: 14].

Эти письма публиковались неоднократно. Первая публикация была сделана вдовой писателя. Анна Григорьевна прекрасно осознавала значимость данных документов для поклонников и исследователей творчества ее покойного мужа и включила 53 из них в книгу «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», вошедшую в состав 14-томного Полного собрания его сочинений (1883)¹. В дальнейшем письма к брату были опубликованы А. С. Долининым и в академическом Полном собрании сочинений², а переписка братьев Достоевских — в ряде изданий³.

Между тем именно эти хорошо известные исследователям письма содержат «неизвестный текст» Достоевского. Он спрятан под густыми волнистыми, зигзагообразными и вертикальными зачеркиваниями — вымараны отдельные слова и фразы, а порой и ряд строк. В результате текстологического изучения этих нечитаемых и трудночитаемых мест стало ясно, что одни из них возникли в результате авторских исправлений, сделанных непосредственно в процессе написания писем, другие — появились в процессе редактирования их Анной Григорьевной, готовившей публикацию эпистолярного наследия мужа в «Биографии...».

Основными задачами текстолога являются установление точного и полного текста рукописи, исследование его истории и причин изменений, в него внесенных, в том числе — появления авторских и особенно неавторских зачеркиваний. Так, в письме Достоевского к брату Михаилу от 30 сентября 1844 г. имеется частично зачеркнутая запись на полях последнего листа, которая осталась без внимания исследователей. В этом документе засвидетельствовано судьбоносное для его автора событие — отправление прошения об отставке с военной службы (21 августа 1844 г.) и решение посвятить себя профессиональному литературному труду:

«Подаль я въ отставку оттого что подаль, т. е. клянусь тебѣ не могъ служить болье. Жизни не радъ, какъ отнимаютъ лучшее время даромъ. <...>

На счетъ моей жизни не безпокойся. Кусокъ хлѣба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободенъ. Но что я буду дѣлать теперь, въ настоящую то минуту? — вотъ вопросъ»⁴.

Желанная свобода от службы оборачивалась в то же время свободой от жалованья и, как следствие, угрозой долговой ямы: Достоевский имел кредиты, ему нечем было платить за квартиру, не было даже платья. Будущий писатель осознавал, что, бросая военную службу, совершает изменение «целой жизни», полагаясь только на «шаткую надежду»⁵, но просил брата верить в его литературное призвание и выступить поручителем перед опекуном и мужем сестры Варвары Петром Андреевичем Карепиным, у которого молодой человек требовал горячо и настойчиво свою часть отцовского наследства в виде денежной суммы:

«За отстранение мое отъ всякаго участія въ имѣніи теперь, и за совершенное отчужденіе когда позволятъ обстоятельства, т. е. за уступку съ сей минуты моего имѣнія имъ — я требую 500 руб. сереб. разомъ и другіе 500 уплатою по 10 руб. сер. въ мѣсяцъ (вотъ все что я требую)»⁶.

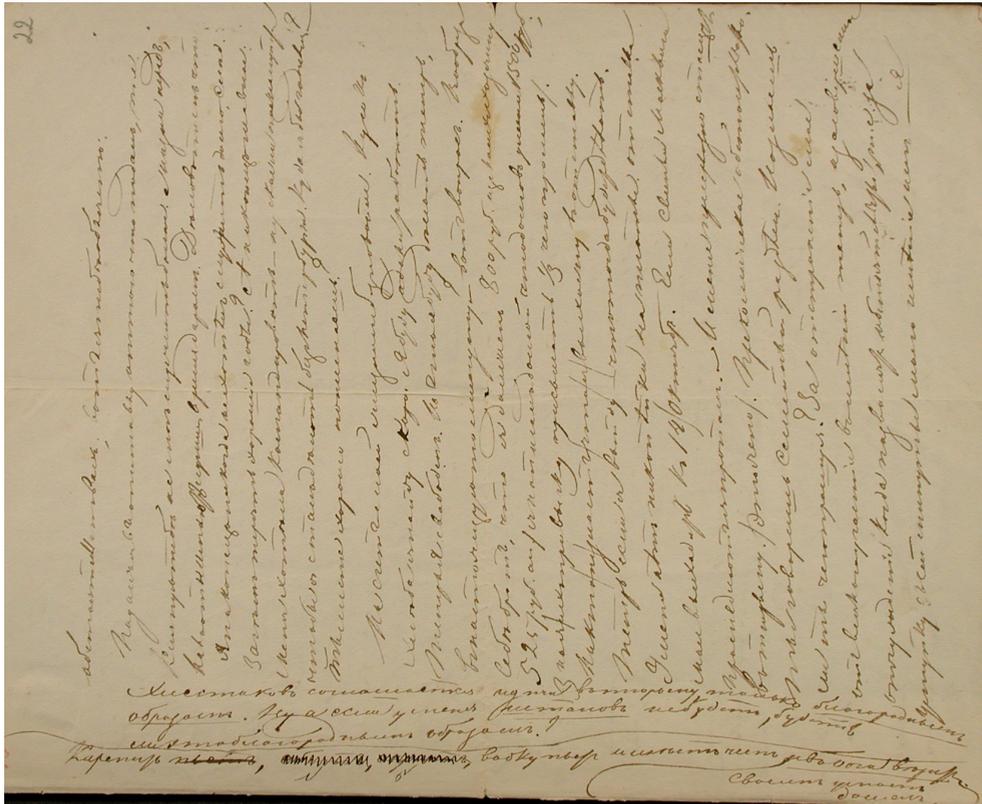
Эти сложные эмоции и чувства человека, совершающего жизненный выбор, отразились и на стиле данного письма Достоевского. Символичны названия произведений, имена писателей и литературных героев, упомянутые в письме: «Дон-Карлос», «Разбойники», «Фиеско», «Коварство и любовь», «Наивная и сентиментальная поэзия», «Письма о “Дон-Карлосе”», «Eugénie Grandet», Шиллер, Шекспир, Хлестаков... — то, что занимало мысли начинающего писателя. Именно в письме от 30 сентября он сообщает Михаилу об окончании собственного романа, который получит название «Бедные люди» и сделает его автора знаменитым. Особое значение этому письму Достоевского придает тот факт, что последнее письмо Макара Девушкина к Вареньке Добросёловой будет датировано также 30-м сентября⁷.

Немудрено, что письмо к брату насыщено эмоционально-экспрессивными лексикой и синтаксисом, отличается переходами от взволнованно-возбужденного тона к ироничному и даже язвительно саркастическому. Ирония и сарказм, резкие слова разгоряченного Достоевского направлены в адрес Карепиных, Петра Андреевича и Варвары Михайловны, игнорирующих его просьбы о немедленной денежной помощи.

Московский чиновник Карепин, по воспоминаниям неоднократно встречавшегося с ним Андрея Достоевского, «*быль добръѣйшій изъ добръѣйшихъ людей <...> не просто добрымъ, но Евангельски-добрымъ челоуѣкомъ. <...> онъ вышель изъ народа, достигнулъ всего своимъ умомъ и своею дѣятельностію»⁸. Федор же никогда не виделся с Карепиным лично, но в первые годы опекунства (1841–1843) они находились в любезных и уважительных эпистолярных взаимоотношениях⁹. Тяжелый конфликт между ними произошел в 1844 г. При выходе в отставку Достоевский столкнулся с препятствиями в виде долгов, и благоразумный опекун, поддерживаемый супругой, не помогал их устранить, а склонял молодого человека к продолжению военной службы и отказу от опрометчивого намерения стать профессиональным литератором. Это сопротивление вызывало озлобление Достоевского: «Если*

свиньи Москвичи промедляют я пропасть»; «Свинья Карепинъ глупъ как сивый меринъ. Эти Москвичи невыразимо самолюбивы, глупы, и резонеры»¹⁰. В его глазах Карепин предстал довольным собой, расчетливым дельцом, сравнимым с Фамусовым, Чичиковым и Фальстафом¹¹.

Частично зачеркнутая запись, располагающаяся на полях слева предпоследней страницы письма Достоевского к брату от 30 сентября 1844 г., также относится к Карепину (см. Илл. 1).

Илл. 1. Последний лист письма Ф. М. Достоевского к М. М. Достоевскому от 30 сентября 1844 г. (ОР РГБ. Ф. 93.1.6.11. Л. 22)

Fig. 1. The last page of the letter of F. M. Dostoevsky to M. M. Dostoevsky dated September 30, 1844 (RSL. F. 93.1.6.11. P. 22)

Этот абзац, состоящий из двух предложений, целиком опущен Анной Григорьевной при публикации письма в «Биографии...». Впервые он воспроизведен А. С. Долининым в 1-м томе издания «Письма» следующим образом:

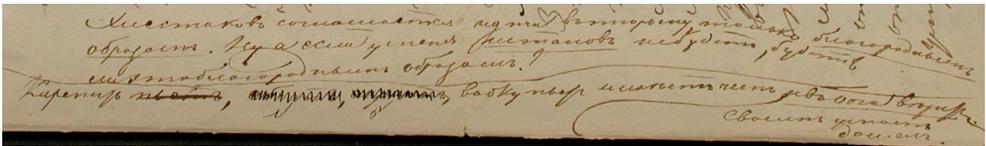
«...Карепи<н> пьет, е..., серит, водку пьет, имеет чин и в Бога верит. Своим умом дошел»¹².

В примечании сделана отметка, что три слова «пьет, е..., серит» «зачеркнуты, по всей вероятности, не Д-ским»¹³.

В схожем виде фраза была передана позже в академическом Полном собрании сочинений писателя, однако здесь были допущены следующие отступления от оригинала: первая буква в слове «Бога» изменена с прописной на строчную, отсутствует обозначение четырех подчеркнутых Достоевским слов, нецензурное слово скрыто за знаком <—> (см.: ДЗ0; 28₁: 101).

Отметим, что Н. О. Лосский, рассматривая употребление слова «Бог» в докаторжных письмах Достоевского, особо выделил эту фразу об опекуне как «наполненную грубо циничными выражениями» и производящую «отталкивающее впечатление» [Лосский: 57].

Уточним эту запись и сопроводим ее необходимым текстологическим комментарием.

Илл. 2. Запись Ф. М. Достоевского с тремя зачеркнутыми словами и стенографическими знаками под ними

Fig. 2. The handwritten entry by F. M. Dostoevsky with three crossed out words and shorthand characters below them

«Каренитъ [пьетъ,] е***ъ, серитъ, водку пьетъ имъетъ чинъ и въ Бога въритъ. Своимъ умомъ дошелъ.»¹⁾

Первое слово не требует редакторской конъектуры, как это сделано в издании А. С. Долинина и затем в академическом ПСС: оно четко прописано и представляет собой не опisku в фамилии опекуна, а сознательно употребленный окказионализм, образованный по языковой модели глаголов фразы и призванный поддержать ритмический ряд создаваемого Достоевским сатирического экспромта.

Над данным предложением поработали два лица: правка самого Достоевского (зачеркнутое горизонтальной линией слово «пьетъ») соединяется с правкой его вдовы, сделанной в автографе почти сорок лет спустя (густые зигзагообразные зачеркивания слов «е***ъ, серитъ»). Факт вычеркивания двух последних слов именно Анной Григорьевной подтверждается тем, что под ними обнаруживаются едва заметные стенографические знаки, представляющие собой сокращения этих же слов¹⁴.

Вдова писателя знала о его неприязненном отношении к опекуну: в записях, которые она набросала для О. Ф. Миллера, готовившего биографический очерк о Достоевском, воспроизведена, безусловно, точка зрения мужа:

¹⁾ В квадратные скобки заключено только вычеркнутое самим Достоевским.

«Опекуномъ Ѳедора Мих<айловича> и братьевъ былъ не Куманинъ, а Карепинъ²⁾ мужъ³⁾ сестры Ѳед<ора> М<ихайловича>, Варвары Михайловны (жива до сихъ поръ, живетъ въ Москвѣ.) Онъ былъ дѣйствительно дрянной человекъ (это между нами, помѣстить этого нельзя; этимъ огорчишь Варвару Михайловну, а этого сдѣлать не надо)»¹⁵.

Доверяя мнению мужа об опекуне, Анна Григорьевна при этом не могла оставить без своей цензуры в письме Достоевского бранные слова в адрес Карепина: письма предоставлялись для ознакомления О. Ф. Миллеру и в дальнейшем для печати¹⁶, а она была человеком чрезвычайно щепетильным, деликатным и стыдливым. Так, вспоминая свое общение с М. Е. Салтыковым-Щедриным, она не без гордости описывала, как журила его за «неприличные выражения»:

«Къ намъ часто прѣзжали литераторы почитать свои творенія, напр<имер> Майковъ, Некр<асов>, Щедринъ. Чаще всего Щедринъ. Тотъ такъ часто со мною совѣтовался, а иногда такъ просто оставлялъ мнѣ свою тетрадь. Ну и я вычеркивала. Бывало онъ говоритъ: Ну Анна Гр<игорьевна> вы самый неумолимый Ценсоръ, посмотрите какъ перечеркали. — А вы не вольнодумничайте; вѣдь вамъ нельзя всего позволять. Посмотрите ка что Вы тамъ написали о женщинѣ, какія выраженія. Да вѣдь такъ вашу книжку нельзя дать въ руки молодой дѣвушкѣ. Какая вульгарность, какой жаргонъ! Какія неприличныя выраженія. А вы знаете что я прежде всего за приличія. Приличія и нравственность!»¹⁷.

Специально для обозначения этих ее свойств Достоевский использовал слово «прюдствовать», заимствуя его из французского языка (*prude* — чопорный, ханжа, притворно добродетельный, преувеличенно стыдливый, недоступный; *pruderie* — преувеличенная стыдливость, показная добродетель, недоступность)¹⁸. «Не прюдствуй, читая это; это ты должна знать от меня», — так наставлял Достоевский жену в письме от 16 (28) июня 1874 г., признаваясь ей в своей любви и верности (Д30; 29₁: 333).

«Прюдствующая» Анна Григорьевна вычеркнула нецензурное и вульгарное слова в письме мужа к брату, по всей вероятности не подозревая, что Достоевский использовал в тексте перефразированную цитату.

Подобно вдове писателя, не догадывались об этом и комментаторы академического ПСС, восстановившие запись. Тем самым получалось, что Достоевский допустил здесь в качестве высшей формы проявления эмоций в отношении Карепина обычное сквернословие.

Между тем каламбур Достоевского имеет своим источником цитату из «срамной» поэмы «Лука Мудищев», бытовавшей в устной форме и в многочисленных рукописных списках, весьма существенно отличающихся друг

²⁾ Карепинъ вписано.

³⁾ Далее было: его

от друга. В одном из них имеются четыре строфы, озаглавленные «К прологу (дополнение)», первая из которых:

«Блажен, кто по ночам е***
И по утрам исправно серет.
Кто регулярно водку пьет
Имеет чин и в Бога верит»¹⁹, —

и была перефразирована молодым Достоевским в письме к брату.

Авторство «Луки» издавна приписывалось родоначальнику непечатной, существовавшей только в рукописной традиции «срамной» поэзии — И. С. Баркову (1732–1768). И только в конце XX в., когда он «стал одним из самых популярных, читаемых и издаваемых русских писателей XVIII в.» [Плущер-Сарно], исследователи установили, что эта поэма — творение «барковианы» («барковщины»), т. е. входит в корпус текстов, созданных разными авторами в подражание его непристойным стихам²⁰. «Рукописей Баркова не сохранилось», а «в архивах страны находятся многочисленные списки произведений поэта» [Макогоненко: 142]. В связи с этим ему «приписывались произведения, созданные через столетия после его смерти, вокруг его судьбы ходили самые немыслимые биографические легенды», его имя стало нарицательным, зажило отдельно от судьбы и творчества, а «миф о Баркове заслонил его сочинения, и поэт стал выполнять в российской мифологии функции своего рода бога Приапа — символа сексуальной мощи и витальности» [Зорин: 5–6].

В русской культуре «строжайшее табуирование так называемых матерных выражений соединяется с их почти повсеместным употреблением» [Пильщиков, Шапир: 8]. Поэтическим воплощением этого явления стала барковиана. Она имеет богатые исторические традиции: у ее истоков русский фольклор и скоморошество, позднеантичная приапея, средневековая смешовая латинская литература, французский и русский классицизм (прежде всего — бурлеск, ироикомиическая поэма), поэтические карикатуры противника классицизма П. Скаррона и эротическая поэзия А. Пирона.

Барковиана была известным явлением в отечественной литературе. Но дело здесь прежде всего не в ее эротическом содержании и наличии используемой народом obscene лексикой. Как писал автор единственной в советское время статьи о «срамной» поэзии Баркова Г. П. Макогоненко, этот поэт не был лишен таланта. Он — пародист и сатирик, выворачивающий наизнанку античные мифы и выступающий против поэтической системы классицизма с его абстрактным языком, далеким от речи простого народа (см.: [Макогоненко], а также: [Зорин], [Илюшин]). Современники чувствовали в барковиане не одно сквернословие и похабщину, но замечали и сатиру, протест против общественных нравов. Примечательный пример привел С. А. Рейсер: декабрист барон В. И. Штейнгель на следствии, отвечая на вопрос о происхождении его свободного образа мыслей, вспомнил в ряду прочих поэтов Баркова (см.: [Рейсер: 27]).

Исследователи признают, что «барковиана сыграла заметную роль в национальной поэтической традиции: достаточно сказать, что влияния Баркова не избежал никто из крупных русских поэтов второй половины XVIII — первой половины XIX в.» [Пильщиков, Шапир: 8–9]. Здесь прежде всего называют В. И. Майкова («Елисей, или Раздраженный Вакх»), И. А. Крылова («Трумф»), А. С. Пушкина («Монах», «Тень Баркова», «Царь Никита и сорок его дочерей») ²¹, В. Л. Пушкина («Опасный сосед»), А. И. Полежаева («Сашка»), М. Ю. Лермонтова («юнкерские» поэмы), Г. Р. Державина (шутливая поэзия) (см.: [Степанов]). В середине XIX в. барковиану слушал и слагал весь кружок молодого «Современника»: А. В. Дружинин, М. Н. Лонгинов, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, В. П. Гаевский, М. А. Языков ²². По признанию мемуариста Е. М. Феоктистова, в это время «въ Петербургѣ процвѣтала обширная литература, которая своимъ содержаніемъ могла бы возбудить зависть въ Барковѣ <...> трудились и порознь, и сообща надъ сочиненіемъ цѣлыхъ поэмъ одна другой грязнѣе, даже заглавія этихъ произведеній никто не рѣшится упомянуть въ печати, — много было въ нихъ остроумнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ грубѣйшее кощунство и цинизмъ, превышающій всякую мѣру» ²³.

Барковиана оказывалась за пределами печатной литературы, но не за бортом литературы как таковой, она укоренилась в сознании многих читателей и стала «своеобразной точкой отсчета и мерилем многих жизненных ценностей и явлений» [Сапов, 1994а]. Достоевский, живо интересовавшийся литературными и общественными событиями, был знаком с нею.

Цитируемая Достоевским в письме к Михаилу от 30 сентября 1844 г. поэма «Лука Мудищев» «была чрезвычайно популярна в военных училищах и офицерской среде» [Тарановский]. Вот, к примеру, какие воспоминания о распространении текстов барковианы в Павловском кадетском корпусе оставил военный инженер В. Д. Кренке (1816–1893):

«Николай I принявъ рѣшительныя мѣры къ искорененію этого зла, но чѣмъ строже корпусное начальство преслѣдовало эти рукописи, тѣмъ болѣе кадеты ухитрялись сохранять ихъ и приобрѣтать вновь. Въ мое прапорщичье время, каждый офицеръ привозилъ съ собою изъ корпуса цѣлыя тетради этихъ сочиненій, у нѣкоторыхъ были даже большіе томы, и не только съ мелкими стихотвореніями, но съ цѣлыми драматическими произведеніями, комедіями, водевилями и пр.; все это слыло подъ общимъ именемъ “барковщины”» ²⁴.

По всей видимости, Достоевский познакомился с творчеством Баркова и его подражателей в 1838–1843 гг. во время обучения в Главном инженерном училище. Тогда вызывающая разногласия ученых датировка поэмы о Луке (или, по крайней мере, ее пролога, выглядящего как самостоятельная миниатюра, слабо связанная с содержанием поэмы) может быть несколько скорректирована. Ясно, что «для таких текстов, как “Лука”, которые десятилетия бытуют в форме копий, неизбежно возникновение огромного

числа разночтений, вариантов, перестановок, пропусков и вставок» [Сапов, 1994b]. Учеными выдвигаются версии авторства и различные варианты датировок. Точности в определении датировки «Луки» нет, но по текстовым переключкам с пушкинским «Медным всадником» установлена нижняя граница (после 1833 г.), и существует солидарное мнение исследователей, что это произведение все-таки создано в послепушкинский период²⁵. Факт того, что Достоевский знал дополнение к прологу из «Луки» к 1844 г., сужает диапазон датировки как минимум этой части поэмы до десятилетия (1834–1844).

Пародийно обработанная Достоевским в письме к брату цитата из «срамной» поэмы — свидетельство зарождения будущего «отменного знатока и въедливого записывателя <...> бытующих устно народных “словечек”» [Владимирцев: 964], а также мастера литературной игры, основанной на каламбуре, в том числе игровом и обценном²⁶. Так в пылу борьбы с Карепиным, критикующим «отвлеченную лень и негу Шекспировских мечтаний», начинающий писатель в остром памфлетном стиле обращает против опекуна поэзию реальной жизни, сатирический нецензурный язык барковианы: *«Карепитъ е***ъ, серитъ, водку пьетъ имъетъ чинъ и въ Бога въритъ»*²⁷.

Запись Достоевского в письме к брату от 30 сентября 1844 г. лишь на первый взгляд кажется сквернословием раздраженного молодого человека — на самом деле это пародийная цитата из барковианы, литературная игра начинающего писателя. Данное письмо Достоевского — важнейшее свидетельство о выборе им призвания и своеобразном включении мечтателя в писательство и литературу.

* * *

Свои наблюдения над народной речью Достоевский продолжил на каторге в «Сибирской тетради». В ответ на игнорирование коллегами включенных в нее записей неприличных слов и выражений В. П. Владимирцев писал о том, что «нужно снять табу с прямого обращения к записям» обценного характера в «Сибирской тетради», «чтобы иметь полное представление о литературно-писательской работе Федора Михайловича в остроге». Он отметил, что «автор СТ нигде не впадал в крайность, работая над сюжетами из области ненормативных речевых акций», и подчеркнул связь «Сибирской тетради» с «Маленькими картинками» из «Дневника Писателя» за 1873 г. — в частности, «с “картинкой № 2”, этим недооцененным шедевром фельетонистики Достоевского» [Владимирцев: 996].

Во второй главе «Маленьких картинок» («Гражданин», № 29 от 16 июля 1873 г.) Достоевский поразил современников и вызвал их недовольство, представив колоритный рассказ о беседе пьяных мастеровых, заключавшейся в разнообразных интонациях при произнесении одного и того же

«нелексиконного существительного». «...Пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного. Именно это язык, целый язык <...> самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию, так что он совершенно не мог не явиться, и если б его совсем не было — *il faudrait l'inventer* <его следовало бы выдумать (фр.)>, — таким смелым заявлением предварил повествование автор²⁸.

Интересно, что чуть позже в этом же году в «Отечественных записках» вышел очерк Салтыкова-Щедрина «Опять в дороге» из цикла «Благонамеренные речи» (1873, № 10), автор которого при изображении деревенской действительности прибегнул к почти не завуалированной записи сквернословия: «Воздух, в буквальном смысле этого слова, насыщен сквернословием. “Мать-мать-мать-ма-ать!” — словно горох перекатывается от одного берега до другого»²⁹.

Это терпимое и добродушное отношение обоих писателей к народному сквернословию вызвало насмешки в прессе, которая стала сблизать Достоевского и Салтыкова-Щедрина как продолжателей барковианы, несмотря на противоположность их политических воззрений. Так, критический обозреватель «Санкт-Петербургских ведомостей» В. П. Буренин с нескрываемой иронией писал:

«Въ послѣднемъ очеркѣ, или, вѣрнѣе, въ историческомъ фельетонѣ “Благонамѣренныя рѣчи”, г. Щедринъ рѣшилсѣ пустить остроуміе не менѣе пикантное и удивительное, чѣмъ то, которымъ г. Достоевскій блеснулъ по поводу ругательствъ петербургскихъ мастеровыхъ. Мотивъ остроумія у автора “Губернскихъ очерковъ” тотъ же, что и у автора “Бѣсовъ”: ругатня, но только не мастеровыхъ, а крестьянъ. <...> Извѣстное простонародное ругательное словечко, вѣроятно, прибавить свѣжіе лавры къ вѣнку г. Салтыкова, подобно тому какъ къ вѣнку г. Достоевскаго прибавилъ ихъ “онъ”. Лавры, конечно, прельстительны — кто объ этомъ будетъ спорить! Но, право, даровитымъ писателямъ, да еще сатирикамъ, нечего покупать ихъ цѣною потворства грубымъ вкусамъ толпы...»³⁰.

Критик находит оправдание для сквернословия у Ювенала, Рабле, Свифта, поскольку их «цинизмъ мотивируется желаніемъ» сатириков «нарисовать отвратительное во всей его безобразной наготѣ», но всецело осуждает Щедрина и Достоевского за «не въ мѣру разыгравшееся балагурство», где «излишній цинизмъ терпѣть невозможно: онъ портитъ впечатлѣніе, онъ отзывается уже не юморомъ, а скандаломъ»³¹.

«Пристрастие» писателей к сквернословию высмеивалось в карикатуре С. Любовникова, опубликованной 23 декабря 1873 г. в еженедельном журнале сатиры и юмора «Малляр». На рисунке с ироничным названием «Поклонники родного слова, стоящие на твердой почве» изображены Щедрин и Достоевский, стоящие на издании сочинений Баркова. Достоевский одной рукой опирается на костыль с надписью «Гражданинъ», другой дружески обнимает сотрудника «Отечественных записок»; Щедрин же стоит, заложив руки за спину, с задумчивым и угрюмым выражением лица (см. Илл. 3).

Илл. 3. Карикатура на М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского. Художник С. Любвицкова («Малляр», 1873, 23 декабря)

Fig. 3. Caricature of M. E. Saltykov-Shchedrin and F. M. Dostoevsky. Artist S. Lyubovnikova (the *Malyar* [Painter] magazine, 1873, December 23)

Достоевский, сатирически высмеянный и раскритикованный публицистами, в фельетоне под названием «Учителю» («Гражданин», № 32 от 6 августа) был вынужден объяснить важность проблематики 2-й части «Маленьких картинок»:

«Мысль моя была доказать целомудренность народа русского, указать, что народ наш в пьяном виде (ибо в трезвом сквернословят несравненно реже), если и сквернословит, то делает это не из любви к скверному слову, не из удовольствия сквернословить, а просто по гадкой привычке, перешедшей чуть не в необходимость, так что даже самые далекие от сквернословия мысли и ощущения выражает в сквернословных же словах»³².

Не прюдствуя, не испытывая ложного стыда перед нецензурными словами русского языка, с одной стороны, но и не защищая их, Достоевский пришел к, казалось бы, парадоксальному и поэтому не понятному современниками убеждению:

«Народ наш не развратен, а *очень даже целомудрен*, несмотря на то, что это бесспорно самый сквернословный народ в целом мире, — и об этой противоположности, право, стоит хоть немножко подумать»³³.

Этот призыв подумать о противоречивости сквернословия объясняется тем, что простые люди в России использовали обценную лексику не по причине скверномыслия и природного бесстыдства, а из-за «скудости их радостей, забав, скудости их духовной жизни» и окружающей обстановки, вызывающей горькое пьянство. При этом «в огромном большинстве народа нашего, даже и в петербургских подвалах, даже и при самой скудной духовной обстановке, есть все-таки стремление к достоинству, к некоторой порядочности, к истинному самоуважению; сохраняется любовь к семье, к детям»³⁴.

В свою очередь, этот контраст народных нравов отмечал и А. М. Достоевский, рассказывая о крепостных в родительском имении: они были «*дѣтски-наивны*», «*не стѣснясь называли вещи своими названіями, хотя таковыя, всѣми другими почитаются неприличными и невѣжливыми*». Младший брат писателя привел в пример крестьянина Маррея и старосту Савина Макарова из Дарового, которые «*как дѣти природы*» обозначали «телесный низ» животных и человека нелитературными словами и не смущали этим Марию Федоровну Достоевскую»³⁵.

Таким был крестьянский и помещичий сельский быт, в который не проникло или было слабо выражено табуирование обценной лексики русского языка, в котором жила непонятная стихия народного языка. Федор и Андрей Достоевские это время застали и признали целомудрие «детей природы».

Примечания

- 1 См.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 7–74, 77, 110–132, 142–157.
- 2 (1) Достоевский Ф. М. Письма / под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М., Л.: Гос. изд-во, 1928–1959. Т. 1, 2, 4; (2) Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1–2. Далее ссылки на это издание приводятся с использованием сокращения *Д30* и указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
- 3 См.: (1) Письма М. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 503–579; (2) Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004–2005. Т. 15–16, особенно: Т. 16. Кн. 2. С. 312–363; (3) Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов (URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>).
- 4 Достоевский Ф. М. Письмо к М. М. Достоевскому. От 30 сентября <1844> г. (ОР РГБ. Ф. 93.1.6.11. Л. 22; см.: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов).
- 5 «Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоразумный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду», — так М. М. Достоевский передал слова брата в письме к П. А. Карепину от 28 ноября 1844 г. (*Д30*; 28,; 104).
- 6 Достоевский Ф. М. Письмо к М. М. Достоевскому. От 30 сентября <1844> г. (ОР РГБ. Ф. 93.1.6.11. Л. 22–22 об.).
- 7 Это наблюдение впервые сделано в статье И. Д. Якубович, которая заметила, что все даты писем из романа «Бедные люди» не случайны, а связаны с событиями жизни самого Достоевского (см.: [Якубович]).
- 8 См.: Достоевский А. М. Воспоминания. Квартира вторая (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. Л. 199–199 об. (с. 165–166) [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrstu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>).
- 9 Сохранилось пять писем Достоевского к Карепину и одно письмо опекуна к наставнику за 1843–1844 гг. На их основе историю взаимоотношений Ф. М. Достоевского и П. А. Карепина проанализировали Е. Ю. Сафронова [Сафронова] и К. А. Баршт [Баршт].
- 10 Достоевский Ф. М. Письмо к М. М. Достоевскому. От 30 сентября <1844> г. (ОР РГБ. Ф. 93.1.6.11. Л. 22–22 об.).
- 11 «...Я теперь вполне увърился н<a>n<римтъръ> въ существованіи Фамусова, Чичикова, и Фальстафа», — иронизировал Достоевский в письме к П. А. Карепину от 19 сентября 1844 г. (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 391).
Справедливости ради, следует отметить, что опекун предоставил денежную помощь нуждающемуся родственнику. Об этом известно из письма М. М. Достоевского к П. А. Карепину от 28 ноября 1844 г.: «...какъ я обрадовался, узнавъ изъ письма вашего, что вы наконецъ порѣшили съ братомъ Ѳедоромъ. Этой суммой онъ удовлетворить по крайней мѣрѣ минутнымъ нуждамъ и проживетъ цѣлый годъ — а это много значитъ въ его положеніи. Въ этотъ годъ судьба его можетъ значительно измѣниться» (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 405).
- 12 Достоевский Ф. М. Письма. Т. 1. М., Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 74.
- 13 Там же.
- 14 Данное утверждение базируется на существующем словаре сокращений, составленном нами в 2018–2020 гг. в ходе изучения стенографической системы А. Г. Достоевской (см., напр.: [Андрианова, Сосновская, 2018, 2019] и др.).

- 15 См.: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29600. Л. 1 об. Следуя просьбе Анны Григорьевны, О. Ф. Миллер поместил в свои «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» минимальную информацию об опекуне: «Дѣло въ томъ, что Михаилъ Андреевичъ Достоевскій скончался въ 1839 г. Опекуномъ дѣтей сдѣлался мужъ старшей изъ дочерей покойнаго, г. Карепинъ» (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 40).
- 16 Письмо Ф. М. Достоевского к М. М. Достоевскому проанализировано О. Ф. Миллером на с. 55–56 биографического очерка, ироничные высказывания в адрес Карепиных при этом не затронуты (Там же).
- 17 Достоевская А. Г. Воспоминания (1877 г., литературные друзья) (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29599. Л. 1 об.).
- 18 Согласно «Историческому словарю галлицизмов русского языка» (сост. Н. И. Епишкин, М.: ЭТС, 2010) это слово использовали в своих произведениях кн. И. М. Долгорукий, А. С. Пушкин, Н. И. Гнедич, Вс. Крестовский (см.: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006711216#?page=3718>). Сохранилось замечание Пушкина: «Coquette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилкой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае *прюдство* или смешно, или несносно» (Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 22).
- 19 Барков И. С. Иллюстрированное собрание трудов в одном томе: оды, поэмы, эпистолы, сонеты. М.: Адрес-Пресс, 2003 (Екатеринбург: ГИПП Урал. рабочий). 350 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://facetia.ru/node/4229>
- 20 В нашей статье мы будем употреблять как синонимы слова «барковиана» и «барковщина», хотя некоторые исследователи именуют тексты XIX в., публикуемые под именем Баркова, «псевдобарковианой» (см., напр.: [Плуцер-Сарно]).
- 21 Пушкин особенно ценил своеобразное дарование Баркова. В 1836 г. в диалоге с Вяземским он признавался: «Барков — это одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение. <...> нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова» (Вяземский П. П. Александр Сергеевич Пушкин, 1826–1837 // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 180).
- В лицейские годы поэт сам внес вклад в барковиану. В 2002 г. И. А. Пильщиковым и М. И. Шапиром было опубликовано первое научное издание непристойной пародийной баллады «Тень Баркова», авторство которой атрибутируется молодому А. С. Пушкину (Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. М.: Языки слав. культуры, 2002. 497 с.).
- 22 См. мемуары: Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Л.: Гослитиздат. Ленинград. отд., 1955. Т. 1: 1826–1857. С. 355; Из воспоминаний Е. М. Феоктистова // Тургеневский сборник / под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 167.
- 23 Из воспоминаний Е. М. Феоктистова. С. 167.
- 24 Кренке В. Д. Быт саперов 50 лет назад (Отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В. Д. Кренке) // Исторический вестник. 1885. Август. С. 290.

- 25 См. обзор версий авторства и датировок «Луки»: [Сапов, 1994b].
- 26 Фольклорист Г. А. Левинтон описал некоторые приемы каламбурной техники Достоевского на примерах рассказов «Чужая жена и муж под кроватью», «Крокодил» и романа «Бесы», где писатель ориентировался на фольклорные жанры обценного характера (прием опущенного слова, использование полисемии для описания «двусмысленной ситуации» и др.) (см.: [Левинтон]).
- 27 См. диалог в переписке Карепина и Достоевского:
Карепин: «*Со способностями ума коими одарилъ Васъ Господь, съ хорошиимъ образованіемъ, которое получили въ заведеніи отличномъ — Вамъ-ли оставаться при софизмахъ поэтическихъ, въ отвлеченной лъни и нъги Шекспировскихъ мечтаній? на что онъ, что въ нихъ вещественнаго кромъ распаленнаго раздутаго распухлаго — преувеличеннаго но пузырянаго образа? Тогда какъ въ вещественности Вамъ указать и открыть путь чести, труда уважительнаго, пользы общественной и своей...» (5 сентября 1844 г.; РО ИРЛИ. Ф. 56. № 399. Л. 2; см.: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов // URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/letters/kareppa/otkarepin05091844.htm>)
Достоевский: «*Въ послѣднемъ письмѣ Карепинъ ни съ того ни съ сего совѣтоваль мнѣ не увлекаться Шекспиромъ! говоритъ что Шекспиръ и мыльный пузырь все равно» (30 сентября 1844 г.; ОР РГБ. Ф. 93.1.6.11. Л. 22 об.).**
- 28 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. XIII. Маленькие картинки (Д30; 21: 108).
- 29 Салтыков-Щедрин М. Е. Опять в дороге // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 11: Благонамеренные речи (1872–1876). М., 1971. С. 235.
- 30 Буренин В. П. «Благонамеренные речи», очерк г. Щедрина («СПб. Ведом.», 1873 г., № 303) // Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1905. Вып. 2: 1864–1875. С. 170. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/42588>
- 31 Там же. С. 170–171.
- 32 Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. XIV. Учителю (Д30; 21: 115–116).
- 33 См.: Д30; 21: 116.
- 34 См.: Д30; 21: 113.
- 35 См.: Достоевский А. М. Воспоминания. Квартира первая. Покупка деревни (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsru.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>). Также, в отрывках: Достоевский А. М. Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 75.

Список литературы

1. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // Неизвестный Достоевский. 2018. № 1. С. 43–67 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (15.10.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521
2. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Неизвестные стенограммы жены Ф. М. Достоевского, или Из истории одного автографа Л. Н. Толстого // Неизвестный Достоевский. 2019. № 1. С. 119–135 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980194.pdf (15.10.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3902
3. Баршт К. А. Письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2019. Т. 22. С. 339–357 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_22/24_Баршт_339.PDF (15.10.2020). DOI: 10.31860/978-5-4469-1628-3-339-357

4. Владимирцев В. П. «Сибирская тетрадь» в творчестве Ф. М. Достоевского и русской этнологической культуре // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. Сибирская тетрадь Достоевского. С. 953–1014 [Электронный ресурс]. URL: <http://deniskmc.beget.tech/book1.html#1> (15.10.2020).
5. Зорин А. Иван Барков – история культурного мифа // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992. С. 5–16.
6. Илюшин А. А. Ярость праведных // Литературное обозрение. 1991. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/hLfD0s7kHd> (15.10.2020).
7. Левинтон Г. А. Достоевский и «низкие» жанры фольклора // Литературное обозрение. 1991. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/hqxiwscA1g> (15.10.2020).
8. Лосский Н. Достоевский и его христианское понимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 408 с.
9. Макогоненко Г. «Враг парнасских уз» // Русская литература. 1964. № 4. С. 136–148.
10. Пильщиков И. А., Шапир М. И. От составителей // Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы / изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки слав. культуры, 2002. С. 7–17.
11. Плущер-Сарно А. Русская порнографическая литература XVIII–XIX вв. // Новое литературное обозрение. 2001. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/2/russkaya-pornograficheskaya-literatura-xviii-xix-vv.html> (15.10.2020).
12. [Рейсер С. А.] Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: в 2 т. / подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. С. А. Рейсера. Л.: Сов. писатель, Ленинград. отд., 1988. Т. 1. 670 с.
13. Сапов Н. «Барков доволен будет мной!»: о массовой барковиане XIX века // Под именем Баркова: эротическая поэзия XVIII — начала XIX века / изд. подгот. Н. Сапов. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://facetia.ru/node/4276> (15.10.2020). (a)
14. Сапов Н. Посильные соображения // Под именем Баркова: эротическая поэзия XVIII — начала XIX века / изд. подгот. Н. Сапов. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://facetia.ru/node/4291> (15.10.2020). (b)
15. Сафронова Е. Ю. Проблема правового жизнетекста Ф. М. Достоевского: дело с П. А. Карепиным // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 29–43 [Электронный ресурс]. URL: https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2016/11/safonova-3_2016.pdf (15.10.2020).
16. Степанов В. П. Барков (Борков) Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1988. Вып. 1–3 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=532> (15.10.2020).
17. Тарановский К. Ритмическая структура скандально известной поэмы «Лука» // Литературное обозрение. 1991. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/hWd1QtywKh> (15.10.2020).
18. Фокин П. Е. «Брата моего я любил бесконечно...» // Неизвестный Достоевский. 2014. № 1/2. С. 12–27 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1436875594.pdf (15.10.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.2
19. Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 39–55.

References

1. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. The Stenographic System of Anna Dostoevskaya: The Problem of Decryption. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 43–67. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (accessed on October 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521 (In Russ.)
2. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Unknown Transcripts of Fyodor Dostoevsky's Wife, or On the History of One Lev Tolstoy's Manuscript. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 1, pp. 119–135. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980194.pdf (accessed on October 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3902 (In Russ.)
3. Barsht K. A. P. A. Karepin's Letter to F. M. Dostoevsky of September 5, 1844. Amended Text. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, 2019, vol. 22, pp. 339–357. Available at: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_22/24_Баршт_339.PDF (accessed on October 15, 2020). DOI: 10.31860/978-5-4469-1628-3-339-357 (In Russ.)
4. Vladimirtsev V. P. “The Siberian Notebook” in the Works of Dostoevsky and Russian Ethnological Culture. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols]*. Tobolsk, 2017, vol. 2: Researches. Proceedings for the Comment, pp. 953–1014. Available at: <http://deniskmc.beget.tech/book1.html#1> (accessed on October 15, 2020). (In Russ.)
5. Zorin A. Ivan Barkov is the History of Cultural Myth. In: *Devich'ya igrushka, ili Sochineniya gospodina Barkova [A Girl's Toy, or the Works of Mr. Barkov]*. Moscow, 1992, pp. 5–16. (In Russ.)
6. Ilyushin A. A. Fury of the Righteous. In: *Literaturnoe obozrenie [Literary Review]*, 1991, no. 11. Available at: <https://culture.wikireading.ru/hLfD0s7kHd> (accessed on October 15, 2020) (In Russ.)
7. Levinton G. A. Dostoevsky and the “Low” Genres of Folklore. In: *Literaturnoe obozrenie [Literary Review]*, 1991, no. 11. Available at: <https://culture.wikireading.ru/hqxiwscA1g> (accessed on October 15, 2020) (In Russ.)
8. Losskiy N. *Dostoevskiy i ego khristianskoe ponimanie [Dostoevsky and His Christian Understanding of the World]*. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 408 p. (In Russ.)
9. Makogonenko G. “An Enemy of the Parnassian Ties”. In: *Russkaya literatura*, 1964, no. 4, pp. 136–148. (In Russ.)
10. Pil'shchikov I. A., Shapir M. I. From Compilers. In: *Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy [The Shade of Barkov: Texts. Commentaries. Excursus]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, pp. 7–17. (In Russ.)
11. Plutser-Sarno A. Russian Pornographic Literature of the 18th–19th Centuries. In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2001, no. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/2/russkaya-pornograficheskaya-literatura-xviii-xix-vv.html> (accessed on October 15, 2020). (In Russ.)
12. Reyser S. A. *Vol'naya russkaya poeziya XVIII–XIX vekov: v 2 tomakh [Free Russian Poetry of the 18th — 19th Centuries: in 2 Vols]*. Leningrad, Sovetskiiy pisatel' Publ., 1988, vol. 1. 670 p. (In Russ.)
13. Sapov N. “Barkov Will Be Pleased with Me!”: About the Massive Barkovian of the 19th Century. In: *Pod imenem Barkova: eroticheskaya poeziya XVIII — nachala XIX veka [Under the Name of Barkov: Erotic Poetry of the 18th — Early 19th Centuries]*. Moscow, Ladomir Publ., 1994. Available at: <https://facetia.ru/node/4276> (accessed on October 15, 2020). (In Russ.) (a)

14. Sapov N. Feasible Considerations. In: *Pod imenem Barkova: eroticheskaya poeziya XVIII — nachala XIX veka* [Under the Name of Barkov: Erotic Poetry of the 18th — Early 19th Centuries]. Moscow, Ladomir Publ., 1994. Available at: <https://facetia.ru/node/4291> (accessed on October 15, 2020). (In Russ.) (b)
15. Safronova E. Yu. Problem of F. M. Dostoevsky's Law Text: P. A. Karepin's Case. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2016, no. 3 (26), pp. 29–43. Available at: https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2016/11/safonova-3_2016.pdf (accessed on October 15, 2020). (In Russ.)
16. Stepanov V. P. Barkov (Borkov) Ivan Semenovich. In: *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, issue 1–3. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=532> (accessed on October 15, 2020). (In Russ.)
17. Taranovskiy K. The Rhythmic Structure of the Scandalously Famous Poem “Luke”. In: *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review], 1991, no. 11. Available at: <https://culture.wikireading.ru/hWd1QtywKh> (accessed on October 15, 2020). (In Russ.)
18. Fokin P. E. “I Loved My Brother Infinitely...”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2014, no. 1/2, pp. 12–27. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1436875594.pdf (accessed on October 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.2 (In Russ.)
19. Yakubovich I. D. Dostoevsky in the Work on the Novel “Poor People”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, 1991, vol. 9, pp. 39–55. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андреанова Ирина Святославовна, Irina S. Andrianova, PhD (Philology), Head of кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5663-9140>; e-mail: yarysheva@yandex.ru

Web-laboratory of The Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5663-9140>; e-mail: yarysheva@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 20.10.2020
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.01.2021
Принята к публикации / Accepted 12.02.2021
Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5261

Легенды и факты о жизни М. А. Достоевского в Даровом (1837–1839)

А. С. Бессонова

*Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: abessonova13@mail.ru

Аннотация. История имени Достоевских Даровое, составляющая важный период жизни Ф. М. Достоевского, до сих пор содержит нерешенные вопросы. Самый неоднозначный — судьба отца писателя, окончившего свои дни в Даровом. Причина трагической смерти М. А. Достоевского и место его погребения по-прежнему вызывают споры. Впервые публикуемый документ из Государственного архива Тульской области (ГАТО) позволяет снять все сомнения о местонахождении могилы М. А. Достоевского. В статье рассматривается история вопроса, в том числе устное предание, дан анализ известных документальных источников, а запись в метрической книге Свято-Духовского храма села Моногарова 1839 г. подтверждает свидетельство А. М. Достоевского о погребении отца на церковном погосте. Ставится под сомнение факт связи М. А. Достоевского с дворовой девушкой Екатериной Александровой как основанный на слухах и не подтвержденный документально. Анализируется феномен устного предания и его влияние на формирование образа М. А. Достоевского как жестокого помещика, убитого крестьянами из мести. Новые архивные документы позволяют пересмотреть закрепившиеся в достоевковедении стереотипы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. А. Достоевский, биография, усадьба Даровое, Свято-Духовский храм, село Моногарово, архив, документы, метрические книги, устное предание

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90038 Достоевский («Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество»).

Для цитирования: Бессонова А. С. Легенды и факты о жизни М. А. Достоевского в Даровом (1837–1839) // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 61–76. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5261

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5261

Legends and Facts About the Life of M. A. Dostoevsky in Darovoe (1837–1839)

Albina S. Bessonova

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: abessonova13@mail.ru

Abstract. The history of the Dostoevsky estate Darovoe, which is an important period in the life of Fyodor Dostoevsky, still contains unresolved issues. The most ambiguous is the fate of the writer's father, who ended his days in Darovoe. The cause of the tragic death of M. A. Dostoevsky

and the place of his burial are still controversial. The document from the State Archive of the Tula region, published for the first time, allows to dispel all doubts about the location of the grave of M. A. Dostoevsky. The article examines the history of the issue, including oral tradition, analyzes well-known documentary sources, and the entry in the metric book of the Holy Spirit Church of the village Monogorovo in 1839 confirms the testimony of A. M. Dostoevsky about the burial of his father in the churchyard. The fact of M. A. Dostoevsky's affair with the house serf Ekaterina Alexandrova is questioned, since it was based on rumors and undocumented. The author analyzes the oral tradition phenomenon and its influence on the formation of the image of M. A. Dostoevsky as a cruel landowner killed by peasants out of revenge. New archival documents allow us to revise the stereotypes that have become entrenched in Dostoevsky studies.

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. A. Dostoevsky, biography, the estate of Darovoe, the Holy Spirit Church, the village of Monogorovo, archive, documents, metric books, oral tradition

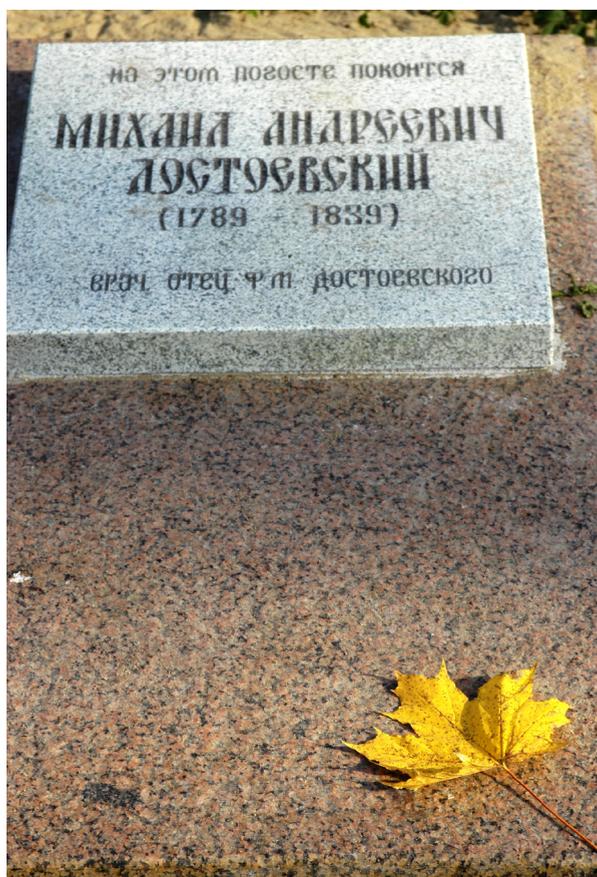
Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90038 Dostoevsky ("Darovoe of Dostoevsky: documentary sources, biography, creativity").

For citation: Bessonova A. S. Legends and Facts About the Life of M. A. Dostoevsky in Darovoe (1837–1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 61–76. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5261 (In Russ.)

Трагическая судьба Михаила Андреевича Достоевского, отца писателя, давно вызывает повышенный интерес биографов и исследователей творчества Ф. М. Достоевского. Диапазон оценок личности штаб-лекаря Мариинской больницы для бедных, а в последние полтора года жизни провинциального помещика широк: от объявления его прямым прототипом «случайного отца» Федора Павловича Карамазова [Достоевская], [Гроссман], до полной реабилитации как истового семьянина [Федоров]. Причиной такого противоречия стала безвременная кончина М. А. Достоевского в Даровом в июне 1839 г., сразу же ставшая источником слухов, взаимоисключающих версий и, как следствие, судебного расследования и местного устного предания. Последнее оказалось настолько живучим, что до наших дней в Даровом, Моногарове и Черемошне, где прошли детские годы Ф. М. Достоевского, среди коренного населения сохранилось твердое убеждение не только в насильственной смерти М. А. Достоевского, но и в том, что отец писателя похоронен на Нечаевском погосте, территории бывшей приходской церкви Покрова Пресвятой Богородицы, в непосредственной близости от усадьбы.

К причине возникновения и устойчивости этого предания мы еще вернемся, сейчас же обратимся к документальным свидетельствам, которыми мы располагали до последнего времени. Первым о месте погребения М. А. Достоевского упомянул его сын, А. М. Достоевский: «...тело было предано земле в церковном погосте села Моногарова» [Достоевский: 110], «бабушка, конечно, была на могиле отца в селе Моногарове, а из церкви заезжала к Хотяинцевым» (Там же). Посетив Даровое в 1887 г., Андрей Михайлович оставил запись в дневнике: «...мы втроем с Верой Михайлов<ной>

по заранее условленному предположению отправились пешком в село Моногарово. Пришел туда по очень знакомой мне дороге, мы вытребовали священника (свата Веры Мих<айловны>), и отслужили панихиду сперва в церкви, а потом и на могиле отца. Отец похоронен в церковной ограде. На могиле его лежит камень без всякой надписи и могила огорожена деревянною решеткою, довольно ветхою. Нужно будет озаботиться возобновить ограду» [Поездка в Даровое: 188]. (Заметим, что это обстоятельство — надгробие без надписи — сыграло свою роль в возникновении версии о захоронении М. А. Достоевского на Нечаевском погосте.) Ровно десятью годами ранее на могиле отца при храме побывал и сам Федор Михайлович, о чем косвенно свидетельствует запись в церковной книге: «За панихиду от Достоевск<ого> 1 <рубль>» [Викторович: 104] (см. *Илл. 1*).

Илл. 1. Кенотаф (условное захоронение) М. А. Достоевского у храма Сошествия Святого Духа в селе Моногарове

Fig. 1. Cenotaph (provisional burial) of M. A. Dostoevsky at the Church of the Descent of the Holy Spirit of the village of Monogorovo

Свидетельство А. М. Достоевского подтверждается метрической книгой Свято-Духовского храма за 1839 г., обнаруженной нами в Государственном архиве Тульской области в июле 2020 г.¹ В разделе третьем «О умерших» за июнь читаем²:

«Счетъ умершихъ. / мужеска 16.

Мѣсяцъ и день. [Июнь] 6 [умер]. 10 [погребен].

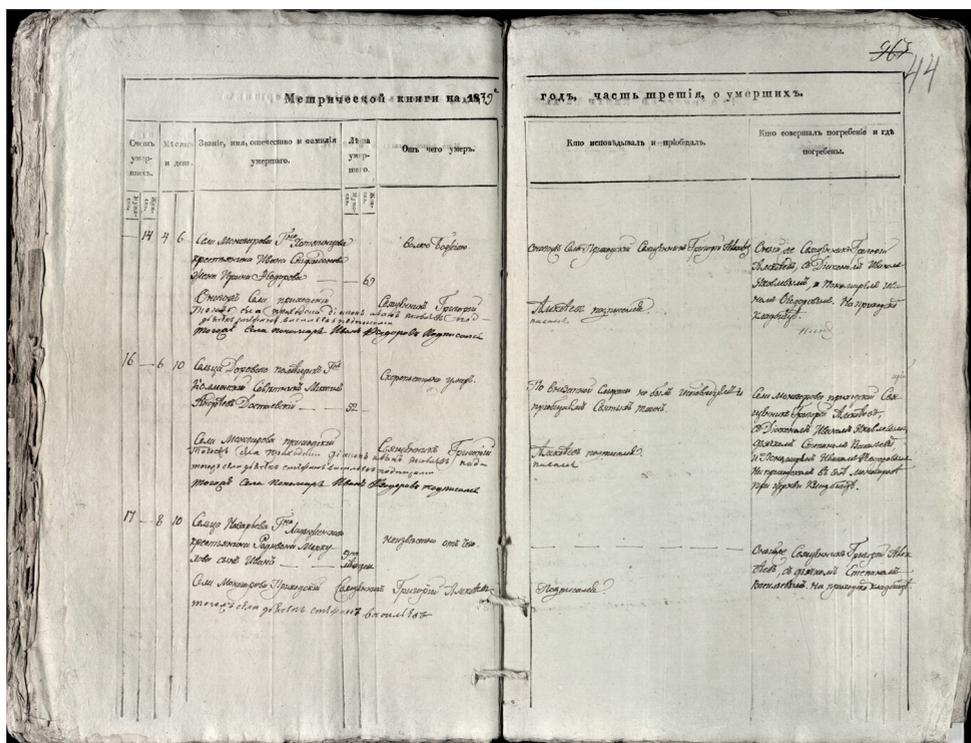
Званіе, имя, отечество и фамилія умершаго. Сельца Дороваго помѣщикъ Г^нб Коллежскій Советникъ Михаилъ Андрѣевъ Достаевскій.

Лѣта умершаго / мужеска. 52³.

Отъ чего умеръ. Скоропостижно умеръ.

Кто исповѣдывалъ и приобщалъ. По внезапной смерти не былъ исповѣдуемъ и приобщаемъ Святыхъ Таинъ.

Кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребены. Села Моногарова приходскій Священникъ Григорій Алексѣевъ, съ Діакономъ Иваномъ Яковлевымъ, дьячкомъ Степаномъ Васильевымъ, и Пономаремъ Иваномъ Феодоровымъ. На приходскомъ въ селѣ Моногаровѣ при церкви кладбищѣ»⁴ (см. Илл. 2).

Илл. 2. Метрическая книга Свято-Духовского храма села Моногарова. Запись о смерти М. А. Достоевского (ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 893. Л. 43 об. — 44)

Fig. 2. Metric book of the Holy Spirit Church of the village of Monogorovo. Record of the death of M. A. Dostoevsky (State Archive of the Tula Region)

Анализ метрических записей в церковных книгах Свято-Духовского храма за 1820–1910-е гг. показал, что в подавляющем большинстве случаев место погребения — приходское кладбище. Так именовалось либо старое Нечаевское, либо новое в Моногарове, на краю села. Они предназначались для крестьян. При церкви хоронили только местных помещиков, церковно- и священнослужителей, поэтому отметка о погребении «в церковной ограде» или «при церкви» встречается крайне редко. В метрике за 1839 г. подобная запись единственная — о М. А. Достоевском.

Когда сложилось местное предание о могиле отца писателя на Нечаевском погосте? Предположим, что в 1920-е гг., когда к Марии Александровне Ивановой, племяннице Ф. М. Достоевского, жившей в Даровом с 1918 г., стали приезжать интересующиеся Достоевским журналисты, исследователи, музейные работники. «Тело Михаила Андреевича, рядом с телом его сестры, погребено на запущенном моногаровском кладбище. Каменная плита сброшена с его могилы, решетка разломана. Тропинка поросла травой, в которой путается нога. Жизнь забыла о нем» [Дроздов: 5]⁵, — пишет А. Дроздов, внося неопределенность искаженной информацией. Он не конкретизирует, о каком кладбище идет речь (новое моногаровское в это время уже существовало⁶), ошибочно называет дочь М. А. Достоевского Веру Михайловну его сестрой, каковой она приходилась Ф. М. Достоевскому. Вера Михайловна Достоевская (в замужестве Иванова) в 1852 г. выкупила у своих братьев и сестер доли наследства в Даровом и Черемошне и стала единоличной владелицей имения в Каширском уезде (см.: [Дементьева, Воронкина]). Запись метрической книги за 1897 г., когда скончалась В. М. Иванова, свидетельствует, что похоронена сестра писателя «на Моногаровском приходском кладбище»⁷. Стандартная формулировка, отсылающая либо к старому Нечаевскому погосту, либо к кладбищу села Моногарова. По сложившейся традиции, даровская помещица В. М. Иванова должна быть похоронена рядом с М. А. Достоевским в ограде при церкви, как ранее, в 1896 г., сказано про отца Павла Проферансова⁸, настоятеля храма с 1846 г., родственника Достоевских (дочь Веры Михайловны Нина Александровна Иванова была замужем за М. П. Проферансовым, сыном моногаровского священника) (см.: [Хроника рода Достоевских: 703, 716]). В случае с В. М. Ивановой могли сказаться два обстоятельства. Возможно, это была небрежность записи в метрической книге нового настоятеля, не указавшего важную подробность — в церковной ограде, и тогда свидетельство А. Дроздова особенно ценно, поскольку можно говорить о семейном некрополе Достоевских при Свято-Духовском храме. Другое объяснение: дети решили похоронить мать поблизости от Дарового, на Нечаевском погосте, но не рядом с ее отцом, М. А. Достоевским, что странно. В таком случае А. Дроздову местные жители указали именно легендарное захоронение отца писателя.

Посещавший Даровое в 1920-е гг. директор Зарайского уездного музея И. П. Перлов в составленном им для Музейного отдела Главнауки «Описании

истории усадьбы «Даровое» Ф. М. Достоевского» явно со слов племянницы писателя М. А. Ивановой сообщал: «Под конец своей жизни отец Достоевского, принужденный уйти со службы, уже постоянно жил в Даровом, где и умер якобы задушенный крестьянами и похоронен при церкви села Моногарово в 1 версте от Дарового»⁹. Бывавшая в Даровом в эти же годы В. С. Нечаева, создатель и первый директор московского музея Ф. М. Достоевского, ни словом не упоминает о могиле М. А. Достоевского, хотя она общалась и с М. А. Ивановой, и с крестьянами, вспоминая об отце писателя и обстоятельствах его смерти, а также посещала Моногаровский храм¹⁰.

Предание о могиле помещика М. А. Достоевского на Нечаевском погосте родилось в среде потомков его крепостных крестьян. Работавшая с 2003 г. в усадьбе Даровое фольклорно-диалектологическая экспедиция филологического факультета ГСГУ (Коломна) зафиксировала воспоминания коренных жителей Дарового, Черемошни и Моногарова. Все они были единодушны в версии насильственной смерти М. А. Достоевского, о которой каждый рассказывает с собственными подробностями: «Отец Достоевского был жестокий, крестьян бил. Держал, как говорят, на коротком поводке. За это и поплатился. Его повесили в лесу. Он девочек молодых обижал — за это его и наказали. За Черемошной в лесу его и повесили», — Нина Терентьевна Чухнина слышала эту историю от своей бабушки — Марины Сергеевны Широковой, которая была экономкой у племянницы Достоевского Марии Александровны Ивановой» [Кондратова: 136].

Обратим внимание, что первоисточником подобной версии названа М. А. Иванова, что убеждает рассказчицу в достоверности сообщаемых ею сведений. Все информанты местом погребения М. А. Достоевского называли Нечаевский погост (старое кладбище), причем рядом с ним, согласно преданию, похоронена дворовая девица Екатерина Александрова и ее незаконный сын Симеон.

Эта подробность, на наш взгляд, является решающей в вопросе происхождения версии о могиле отца писателя на Нечаевском погосте. Уже В. С. Нечаева зафиксировала бытовавшее в Даровом объяснение насильственной смерти М. А. Достоевского — месть за женщину, т. е. соблазненную Екатерину [Нечаева, 1939: 58–59].

В свое время мы писали о возможных «сценариях» истории взаимоотношений помещика М. А. Достоевского и дворовой девицы, отличных от принятых в биографической литературе о Ф. М. Достоевском (см.: [Достоевский: 109], [Нечаева, 1939: 56–58], [Волгин: 258–259]). Еще раз приведем свои доводы.

Церковная ведомость 1837 г. свидетельствует о том, что девица Екатерина Александрова — дворовая г-на Достоевского и живет в Черемошне¹¹, сам же помещик Михаил Андреевич Достоевский, как постоянно проживающий в имении, появился в числе прихожан со своими домочадцами только в ведомости 1838 г. Подписана ведомость 1837 г. благочинным священником Тимофеем Пашковым 29 августа. По воспоминаниям А. М. Достоевского,

отец, вышедший в отставку и решивший переехать из Москвы в деревню, смог собраться в Даровое только в августе [Достоевский: 81]¹². В письме же самого Михаила Андреевича к сыновьям в Петербург от 17 октября 1837 г. говорится: «Я завтра еду в деревню»¹³, что можно истолковать как указание на день переезда в Даровое.

В ведомости 1838 г., заверенной благочинным 2 сентября¹⁴, дворовая девица Екатерина Александрова с незаконнорожденным младенцем Симеоном (родившемся в апреле 1838 г.¹⁵) живут уже в Даровом. Станным кажется столь скорое сближение Михаила Андреевича с дворовой девушкой¹⁶, ведь воспоминания сына Андрея повествуют о глубочайшем горе отца, тосковавшего по безвременно скончавшейся Марии Федоровне. Можно по-разному объяснить этот факт. Так, Г. А. Федоров возразил В. С. Нечаевой, поспешно сделавшей выводы об аморальности помещика Достоевского: «...но ведь возможно увидеть и любовь — жалость к несчастному в бедах своих, и прежде всего в своем одиночестве, человеку» [Федоров: 181]. Безутешный, Михаил Андреевич искал и нашел утешение. И тогда сыновнее понимание отца слышится в словах Андрея Михайловича Достоевского: «При его летах и в его положении, кто особенно осудит его за это?» [Достоевский: 109]. К тому же он гостит у отца в деревне в июле 1838 г. и признается, что «ничего ненормального в жизни отца не заметил, несмотря на свою наблюдательность» (Там же). Другой сценарий событий: сближения не было — была сплетня, которая, как показывает и современная ситуация в Даровом, значительно более жизнеспособна, нежели достоверный факт¹⁷. Особенно если она усугубляется последующими трагическими событиями — внезапной кончиной М. А. Достоевского [Бессонова, 2019: 197–198]. Как видим, молва оказывается сильнее исторического документа и здравого смысла: соблазнителя и жертву с младенцем «хоронят» рядом, могилы их в назидание показывают внукам и правнукам.

То, что Екатерина Александрова и ее незаконный сын Симеон погребены на Нечаевском погосте, не может вызывать сомнений. Метрическая книга 1839 г. содержит следующую запись за май:

«Счетъ умершихъ. / мужеска 14.

Мѣсяць и день. [Май] 29 [умер]. 31 [погребен].

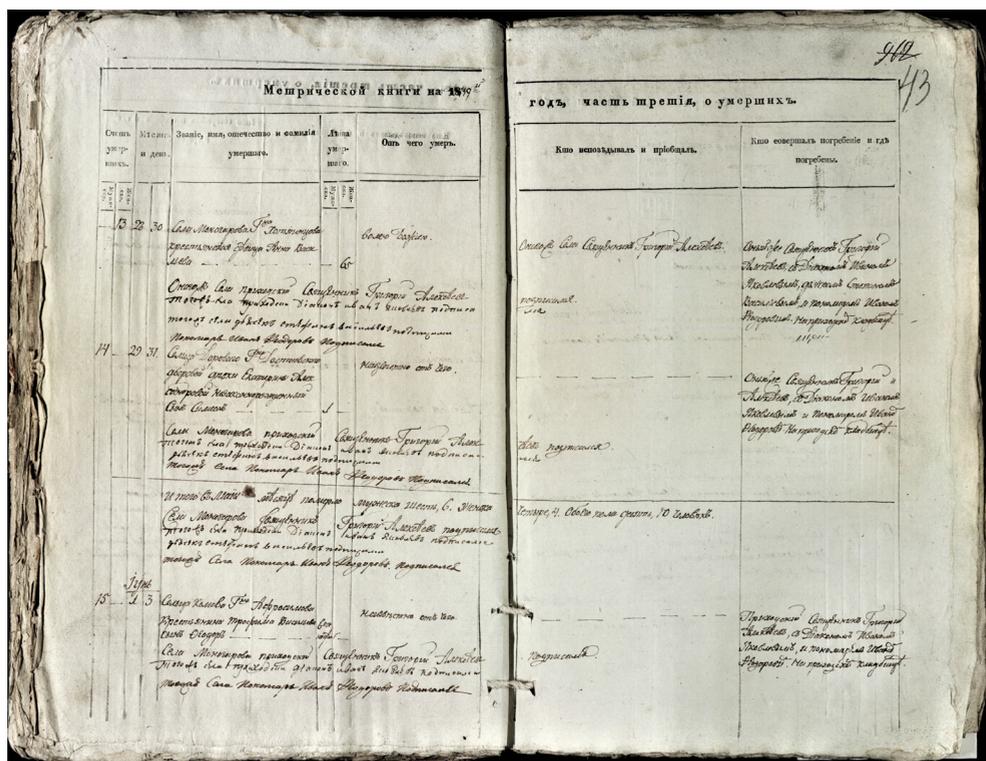
Званіе, имя, отечество и фамилія умершаго. Сельца Дароваго Г^{на} Достоевскаго дворовой дѣвки Екатерины Александровой незаконнорожденный Сынъ Симеонъ.

Лѣта умершаго / мужеска. 1.

Отъ чего умеръ. Неизвѣстно отъ чего.

Кто исповѣдывалъ и приобщалъ. — .

Кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребены. Онъ же Священникъ Григорій Алексѣевъ, съ Діакономъ Иваномъ Яковлевымъ и Пономаремъ Иваномъ Феодоровымъ. На приходскомъ кладбищѣ»¹⁸ (см. Илл. 3).

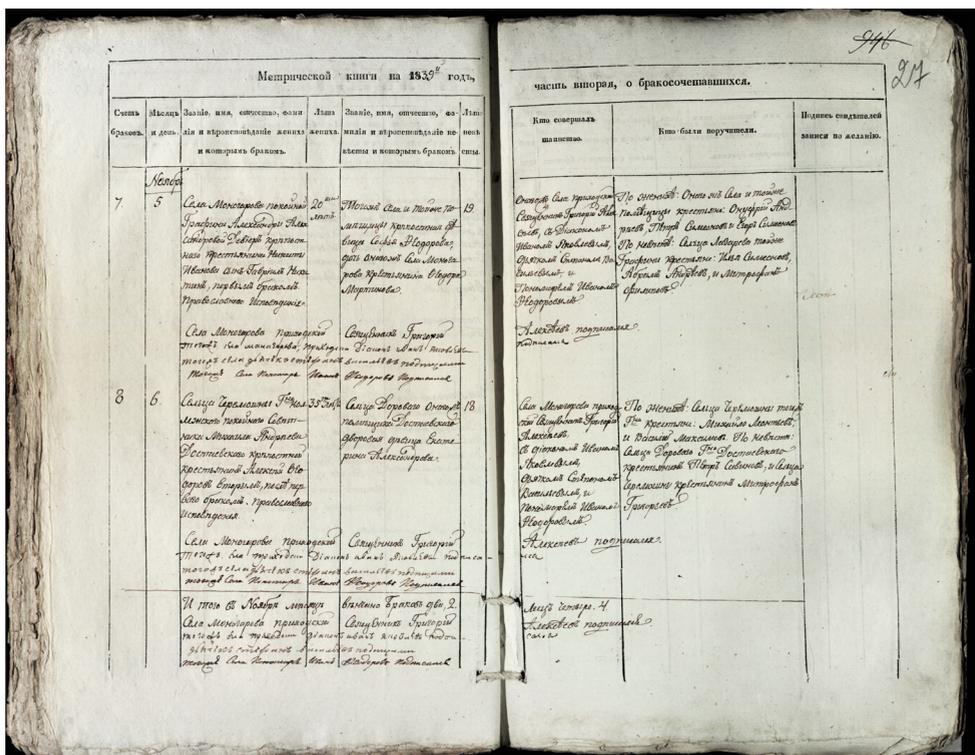
Илл. 3. Метрическая книга Свято-Духовского храма села Моногорова. Запись о смерти младенца Симеона (ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 893. Л. 42 об. — 43)

Fig. 3. Metric book of the Holy Spirit Church of the village of Monogorovo. Record of the death of infant Simeon (State Archive of the Tula Region)

6 ноября этого же года Екатерина Александрова выходит замуж:

«Сельца Черемошны Г^{на} коллежскаго покойнаго Советника Михаила Андрьева Достоевскаго крепостной крестьянинъ Алексѣй Феодоровъ вторымъ, послѣ перваго бракомъ <...> 35^{ми} лѣтъ»¹⁹ (см. Илл. 4).

В настоящее время мы не располагаем метрическими книгами Свято-Духовского храма за 1840-е гг., в которых зафиксирована смерть Екатерины Александровой (есть косвенное свидетельство об этом в исповедной ведомости за 1845 г.: против имени Екатерины записано «умре»²⁰). Однако можно утверждать, что похоронена она была на старом кладбище — Нечаевском погосте, рядом со своим отцом, крестьянином деревни Черемошны Александром Ильиным, и сыном Симеоном²¹.

Илл. 4. Метрическая книга Свято-Духовского храма села Моногарова. Запись о бракосочетании Екатерины Александровы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 893. Л. 26 об. — 27)

Fig. 4. Metric book of the Holy Spirit Church of the village of Monogorovo. Record of the wedding of Ekaterina Alexandrova (State Archive of the Tula Region)

Андрей Михайлович Достоевский, которому принято доверять как первому биографу писателя, в своих «Воспоминаниях» о драматических событиях в Даровом 1837–1839 гг. судит со слов няни Алены Фроловны, бабушки Ольги Яковлевны Нечаевой (он в это время учится в Москве в пансионе) [Достоевский: 109]. Приближение «девушки Катерины», злоупотребление спиртным, ввиду всего — отсылка дочерей Варвары и Веры в Москву — не более чем слухи и домыслы. Точно так же выглядят и подробности встречи О. Я. Нечаевой с помещиками села Моногарова Хотяинцевыми, Павлом Петровичем и Федосьей Сергеевной, которые «не скрывали от бабушки истинной причины смерти папеньки, но не советовали возбуждать об этом дела...» [Достоевский: 110].

Примечательно, что слух о насильственной смерти М. А. Достоевского исходит именно от Хотяинцевых, имевших основания недолго любить соседа-помещика, с которым судились по причине чрепозлоупотребления землевладения. Не жаловали М. А. Достоевского Нечаевы и Куманины, родственники

М. Ф. Достоевской. С современной же точки зрения, слишком обыденным выглядит апоплексический удар как причина смерти отца-помещика, а до этого — его желание помочь забеременевшей Екатерине, забрав ее в Даровое. Девушка «приблизена» раньше, еще Марией Федоровной Достоевской, в услужении у которой она была в Москве. Это известно из «Воспоминаний» А. М. Достоевского [Достоевский: 28, 109]. И. Л. Волгин, цитируя исповедные ведомости церкви Петра и Павла при Мариинской больнице в Москве, прихожанами которой были Достоевские, отмечает, что среди домочадцев в 1833 г. «возникает взятая из деревни 12-летняя “девка Катерина Иванова” <...> которой суждено будет сыграть известную роль в судьбе Михаила Андреевича» [Хроника рода Достоевских: 974], а в 1836 г. она значится как «девица Екатерина Андреева» (Там же: 979). Обратим внимание, во-первых, что дворовую девицу из Черемошни зовут Екатерина Александрова. Во-вторых, она значится в исповедных ведомостях Свято-Духовского храма села Моногарова в те же 1833 и 1836 гг. как бывшая на исповеди и у причастия. В случае отъезда прихожанина в ведомости, как правило, значилось, что он не причащался год или два «за отлучкою».

Заметим, что с подобной ситуацией — появление незаконнорожденного у прислуги — Достоевские сталкиваются не впервые:

«Десятаго числа <августа 1833> сельца Дарового въ домъ коллежской ассессорши Марьи Федоровой Достоевской живущая по отпускнуому письму крепостная полковника Михаила Дмитриева Куликова дворовая дѣвка Вѣра Александрова родила дочь Надежду. <Восприемники> Онаго жѣ сельца Дарового и госпожи Достоевской крепостные дворовые люди Григорій Васильевъ и дѣвица Анна Петрова»²².

Это та самая «горничная Вера», с которой, по воспоминаниям А. М. Достоевского, дети пешком ходили в Зарайск на почту и за покупками и однажды устроили обход поля близ Дарового с образами из старой часовни на Нечаевском погосте [Достоевский: 57–58]. При известной доле фантазии незаконнорожденную Надежду можно тоже приписать М. А. Достоевскому.

Во всей этой истории — связи М. А. Достоевского и его дворовой девушки, появления младенца Симеона, внезапной кончины Михаила Андреевича, их прямо-таки семейного захоронения на Нечаевском погосте — совсем не принимаются в расчет психологический (в плохое верится охотнее) и сословный аспекты (сутяжный и мстительный характер П. П. Хотяинцева прослеживается как в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского, так и в более поздних архивных документах, поставивших точку в земельных спорах Достоевских и Хотяинцевых²³).

Особое же внимание следует обратить на легенду о «недобром барине», которая сложилась в среде местных крестьян в 1920-е гг. и дожила до наших дней. Здесь явно сработал «социальный заказ» (М. В. Волоцкой и В. С. Нечаева 8 июля 1925 г. «ездили в Даровое со специальной целью побеседовать

с крестьянами на эту тему» [Нечаева, 1979: 93] — насильственной смерти М. А. Достоевского), и крестьяне Дарового поддались на политическую конъюнктуру: классовая борьба в имении Достоевских развернулась, по их свидетельству, задолго до Октябрьской революции²⁴. Крестьяне рассказывают именно то, что хотят от них услышать визитеры, однако В. С. Нечаева стоит на своем: «Неужели можно допустить, что восьмидесятилетние старики-крестьяне взваливали на своих отцов и дедов обвинение в несовершенно ими убийстве лишь по злобному замыслу и наущению помещика Хотяинцева?» [Нечаева, 1979: 93]. Не заметила исследовательница и другое немаловажное обстоятельство: об убийстве барина единодушно рассказывают крестьяне Дарового, в то время как черемошнинские мужики излагают официальную версию смерти М. А. Достоевского [Волгин: 321].

В данном случае мы имеем дело с весьма ненадежным источником, который бытует в Даровом без малого двести лет по законам фольклора: слухи с течением времени обрастают новыми подробностями, желаемое выдается за действительное, что и питает местную легенду об убитом крестьянами «недобром барине», рядом с которым похоронена соблазненная им девушка и их незаконный сын. Еще более усиливают эту легенду литературные ассоциации с Федором Павловичем Карамазовым²⁵. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции в Даровом свидетельствуют, что соседняя деревня Федоровка, по версии местных жителей, названа в честь Федора Михайловича Достоевского и не случайно: писатель имел незаконную связь с крестьянками, от которых родились дети, внешне очень похожие на Достоевского. При этом совершенно не учитывается возраст селения, известного по «Писцовым книгам» с XVI в., и тот факт, что писатель уехал из Дарового 15-летним подростком и после сорокалетнего перерыва гостил здесь всего два дня в июле 1877 г. Дурная слава отца распространилась на сына, что зафиксировали визитеры Дарового еще в 1920-е гг.: «О Федоре Достоевском Макаров мало знает: “Было у барина два мальчика и все тут. <...> Говорили, будто сын барина, Федор-то Михайлович, большим человеком стал. Не верю я, как хотите, этому. Не может, гражданин, быть, чтоб у эдакого отца такой сын был. Не верю”»²⁶.

К сожалению, фольклорный источник оказывается решающим даже в серьезных научных исследованиях, подобных «Хронике рода Достоевских», где Екатерина Александрова и Симеон включены в родословное древо писателя без знака вопроса. Не способствует местное предание делу музеефикации и реставрации усадьбы Даровое и Моногаровского храма (см. *Илл.* 5). Так, генеральный план развития Зарайска указывает местом погребения М. А. Достоевского Нечаевский погост, «понижая» мемориальную ценность Свято-Духовского храма. В данных обстоятельствах новые архивные документы приобретают исключительное значение. Они показывают, что не все столь однозначно в ранней биографии Ф. М. Достоевского. Сквозь призму официального документа по-иному воспринимаются «Воспоминания»

А. М. Достоевского, которые, как видим, тоже не свободны от устного предания. Его недостоверность, как показывает история с местом погребения М. А. Достоевского, заставляет усомниться в ряде обстоятельств его жизни, представлявшихся до последнего времени бесспорными фактами.

Илл. 5. Открытие кенотафа М. А. Достоевского у храма Сошествия Святого Духа в Моногарове. 2005 г.

Fig. 5. Opening of the cenotaph of M. A. Dostoevsky at the Church of the Descent of the Holy Spirit in Monogorovo. 2005

Примечания

- 1 Об этой находке в числе других ранее неизвестных архивных документов по истории Дарового, обнаруженных в ГАТО, автором настоящей статьи был сделан доклад на конференции «VIII Летние чтения в Даровом» 28 августа 2020. Видеозапись доклада доступна по ссылке: <https://vimeo.com/454180809?fbclid=IwAR2LH3q54mekIK6A1E8DF4S9xfFGSi0TRZIR8-V11QwJ3SC3KgfackpYyvo>
- 2 Текст цитируется с сохранением орфографии и пунктуации источника.
- 3 Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой точной датировки года рождения М. А. Достоевского. В опубликованном нами «Формулярном списке о службе М. А. Достоевского» 1837 г. указан его возраст — 48 лет (см.: [Бессонова, 2020: 19]). А согласно Ведомости Свято-Духовской церкви за 1838 г., М. А. Достоевскому 51 год (ОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед. хр. 16. Л. 7). Подробный анализ вопроса см.: [Тихомиров].
- 4 ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 893. Л. 43 об. — 44.
- 5 Републикация и комментарии Г. С. Прохорова: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/droz dov_usadba_darovoe.pdf (10.11.2020).
- 6 Пока мы не располагаем документами об открытии этого кладбища. Однако отдельные сохранившиеся в его центральной части надгробия датированы 1850-ми гг.

- 7 ЦГАМО. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 182. Метрическая книга Свято-Духовской церкви села Моногарова. 1897. Л. 91 об. — 92 (консисторский экземпляр); см. также аналогичную запись в приходском экземпляре метрической книги: Архивный сектор Зарайского муниципального района. Ф. 103. Оп. 1. Д. 129. Л. 315 об. — 315, опублик.: [Тарасова: 233–234].
- 8 Павел Васильевич Проферансов скончался 14 августа 1896 г. Погребен 17 августа «в ограде при церкви» // ЦГАМО. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 171. Метрическая книга Свято-Духовской церкви села Моногарова. 1896. Л. 270 об. — 271.
- 9 Цит. по: [Переписка: 197].
- 10 См.: Нечаева В. С. Поездка в Даровое // Новый мир. 1926. № 3. С. 128–134.
- 11 ОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед. хр. 15. Л. 9.
- 12 По архивным документам, отставку М. А. Достоевский получил 1 июля 1837 г.
- 13 Цит. по: [Нечаева, 1939: 116].
- 14 ОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед. хр. 16. Л. 7 об.
- 15 «Апрель. Двадцать пятого числа сельца Дарового в доме г-на Михайла Андреева Достоевского крепостная девка Екатерина Александрова родила сына Симеона. <Крещен> 25. <Восприемники> Того ж сельца и г-на дворовый человек Григорий Васильев и крестьянская женка Матрена Максимова» // ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 890. Л. 486 об. Примечательно, что восприемник незаконнорожденного младенца Григорий Васильев — прототип слуги Федора Павловича Карамазова. Матрена Максимова — мать Екатерины (см. также: [Бессонова, 2019: 198 (сноска)]).
- 16 Это обстоятельство, однако, не вызывает сомнений у исследователей биографии Ф. М. Достоевского, приводя, например, к такому заключению: «Запись в церковной ведомости относится к февралю 1838 года (что, как видим, неверно. — А. Б.). Таким образом, выясняется, что сводный брат Достоевского появился на свет Божий ровно через девять месяцев после смерти Марии Федоровны и был, так сказать, следствием тех утешений, которые позволил себе овдовевший супруг» [Волгин: 313].
- 17 Не далее как летом 2020 г. Е. В. Романцова, коренная жительница Моногарова, уверяла автора настоящей статьи в том, что кенотаф М. А. Достоевского у Свято-Духовского храма в Моногарове установили неправильно: отец Достоевского похоронен на старом Нечаевском кладбище. Аргумент: так все местные жители говорят.
- 18 ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 893. Л. 42 об. — 43.
- 19 Там же. Л. 26 об. — 27.
- 20 ОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед. хр. 23. Л. 8 об.
- 21 Церковные книги подтверждают, что и после строительства в 1763 г. нового каменного храма Сошествия Святого Духа в селе Моногарове крестьян Дарового и Черемошни продолжали хоронить на Нечаевском погосте: «...А первый мой муж в 1798 году августа 3-го дня волею Божью умре, и погребен при Покровской церкви священником Петром Феодоровым...» (Ф. 365. К. 4. Ед. хр. 4. Книга брачных обысков Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа с 1803 по 1806 гг. Л. 2 об.).
- 22 ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 884. Л. 757.
- 23 См. об этом дела полюбовного межевания Дарового, Моногарова и Черемошни 1840 — 1850-х гг.
- 24 На это, в частности, обратил внимание Г. С. Прохоров [Прохоров].
- 25 Обратим внимание, что у Федора Павловича есть «предшественник» — Версиллов, а у Смердякова — Аркадий Долгорукий.
- 26 Стонов Д. Сельцо Даровое // Красная нива. 1926. № 16. С. 8.

Список литературы

1. Бессонова А. С. Неизвестное Даровое // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 193–200.
2. Бессонова А. С. Увольнение от службы (Отставка М. А. Достоевского по архивным документам 1837 года) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 5–23 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595606667.pdf (10.11.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4621
3. Викторovich В. А. Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27–29 августа 2006 г. / сост. В. А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006. С. 101–106.
4. Волгин И. Л. «Родиться в России...» Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 607 с.
5. Гроссман Л. П. Достоевский за рулеткой: роман из жизни великого писателя. СПб.: ООО «Полиграф», 2011. 382 с.
6. Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 106–131 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607584171.pdf (10.11.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121
7. Достоевский А. М. Воспоминания / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. 432 с.
8. Достоевская Л. Ф. Мой отец Федор Достоевский / вступ. статья, общ. ред., примеч. Б. Н. Тихомирова, перев. с фр. Н. Д. Шаховской. М.: ООО «БОСЛЕН», 2017. 512 с.
9. Дроздов А. Усадьба Достоевского: («Даровое») // Известия Центрального исполнительного комитета СССР и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. М., 1924. 253 (2283). С. 5.
10. Кондратова Т. И. Даровое: современные легенды и мифы // Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27–29 августа 2006 г. / сост. В. А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006. С. 131–140.
11. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Государственное Социально-экономическое издательство, 1939. 158 с.
12. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.
13. Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому / подгот. текста, коммент. и вступ. ст. Г. С. Прохорова // А. П., Ф. Д. и В. В.: сб. науч. тр. к 60-летию профессора В. А. Викторovich. Коломна: МГОСГИ, 2010. С. 183–228.
14. Поездка в Даровое (Из дневника А. М. Достоевского 1887 года) / публ., коммент., послесл. В. А. Викторovich // IV Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 185–192.
15. Прохоров Г. С. «Говорили, будто сын барина, Федор Михайлович, большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у эакого отца такой сын был»: к вопросу об идеологической аранжировке в текстах о Даровом 1920-х годов // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 149–156.
16. Тарасова Л. А. Метрические книги Свято-Духовской церкви села Моногарова как источник по истории пребывания семьи Ивановых в Даровом // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 230–234.

17. Тихомиров Б. Н. Когда родился отец Достоевского? (Опыт критического анализа и систематизации источников) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 218–239.
18. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
19. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. Волгин И. Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1232 с.

References

1. Bessonova A. S. Unknown Darovoe. In: *V Letnie chteniya v Darovom [The 5th Summer Readings in Darovoe]*. Kolomna, Izdatel'skiy Dom "Liga" Publ., 2019, pp. 193–200. (In Russ.)
2. Bessonova A. S. Dismissal from Service (Resignation of M. A. Dostoevsky According to Archival Documents of 1837). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 5–23. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595606667.pdf (accessed on November 10, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4621 (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. Expedition to Darovoe (2005). In: *Letnie chteniya v Darovom. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 27–29 avgusta 2006 g. [Summer Readings in Darovoe: Materials of the International Scientific Conference on August 27–29, 2006]*. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2006, pp. 101–106. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii: Dostoevskiy i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh [Born in Russia. Dostoevsky and His Contemporaries: A Life in Documents]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 607 p. (In Russ.)
5. Grossman L. P. *Dostoevskiy za ruletkoy: roman iz zhizni velikogo pisatelya [Dostoevsky at Roulette: A Novel from the Life of a Great Writer]*. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2011. 382 p. (In Russ.)
6. Dement'eva T. N., Voronkina L. A. Darovoe Estate and Its Owner (According to New Archival Documents). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 106–131. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607584171.pdf (accessed on November 10, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121 (In Russ.)
7. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya [Memories]*. Leningrad, Izdatel'stvo pisateley v Leningrade Publ., 1930. 432 p. (In Russ.)
8. Dostoevskaya L. F. *Moy otets Fedor Dostoevskiy [My Father Fedor Dostoevsky]*. Moscow, BOSLEN Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)
9. Drozdov A. Dostoevsky's Estate: ("Darovoe"). In: *Izvestiya Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta SSSR i Vserossiyskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov [Proceedings of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of Soviets]*. Moscow, 1924, no. 253 (2283), p. 5. (In Russ.)
10. Kondratova T. I. Darovoe: Modern Legends and Myths. In: *Letnie chteniya v Darovom. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 27–29 avgusta 2006 g. [Summer Readings in Darovoe: Materials of the International Scientific Conference on August 27–29, 2006]*. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2006, pp. 131–140. (In Russ.)
11. Nechaeva V. N. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh [In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of M. A. and M. F. Dostoevsky]*. Moscow, Gosudarstvennoe Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)

12. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy. 1821–1849* [*The Early Dostoevsky. 1821–1849*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)
13. Correspondence with the Main Museum and the Kashirsky District Executive Committee on the Protection of the Darovoe Museum-Estate, Which Belonged to the Writer Dostoevsky. In: A. P., F. D. i V. V.: *sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu professora V. A. Viktorovicha* [A. P., F. D. and V. V.: *Collection of Scientific Works on the 60th Anniversary of Professor Vladimir A. Viktorovich*]. Kolomna, Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute Publ., 2010, pp. 183–228. (In Russ.)
14. Trip to Darovoe (From A. M. Dostoevsky's 1887 *Diary*). In: *IV Letnie chteniya v Darovom* [*The 4th Summer Readings in Darovoe*]. Kolomna, Izdatel'skiy Dom "Liga" Publ., 2016, pp. 185–192. (In Russ.)
15. Prokhorov G. S. "It Was Said that the Master's Son, Fyodor Mikhailovich, Had Become a Great Man. It can't be, Mister, that such a Father Has such a Son": to the Question of the Ideological Arrangement in the 1920s Texts About the Darovoe. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo sotsial'no-gumanitarnogo instituta. Gumanitarnye nauki* [*Herald of Moscow Regional State Institute of Humanities and Social Studies. Humanities*], 2010, no. 2 (10), pp. 149–156. (In Russ.)
16. Tarasova L. A. Metrical Books of the Holy Spirit Church of the Village of Monogorovo as a Source for the History of the Ivanov Family Stay in Darovoe. In: *V Letnie chteniya v Darovom* [*The 5th Summer Readings in Darovoe*]. Kolomna, Izdatel'skiy Dom "Liga" Publ., 2019, pp. 230–234. (In Russ.)
17. Tikhomirov B. N. When Was Dostoevsky's Father Born? (Critical Analysis and Source Classification). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 3 (11), pp. 218–239. (In Russ.)
18. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [*The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Art Culture of the 20th Century*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
19. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki* [*The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays*]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бессонова Альбина Станиславовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская область, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru

Albina S. Bessonova, PhD (Philology), Leading Researcher, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, Moscow region, 140410, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.02.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5241

Было ли доходным имение Достоевских?

Т. Н. Дементьева

*Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль»
(Зарайск, Российская Федерация)*

e-mail: darovoe-dostoevsky@yandex.ru

Аннотация. В августе 1831 г. родители Ф. М. Достоевского приобрели в Каширском уезде Тульской губернии имение, состоящее из селца Дарового и деревни Даровой. В февралю 1833 г. ими была куплена соседняя деревня Черемошняя. Все землевладение вместе с названными деревнями и селцом включало еще и участки земли в пустошах: Нечаевой, Триполье, Хариной, Шелеповой и Чертковой. Став владельцами 58 душ крестьян и более 500 десятин земли, Достоевские стали считаться среднепоместными землевладельцами. Однако Даровое, хорошо известное как место детства писателя Ф. М. Достоевского, остается малоизученным с экономической точки зрения. Одна из причин этого заключается в том, что на сегодняшний день существует не так много документов, которые могли бы достоверно свидетельствовать об экономическом состоянии имения на мемориальный период. Исключение составляет монография В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских», опубликованная в 1939 г., где автор на основе переписки М. Ф. Достоевской и М. А. Достоевского утверждает, что приобретенное ими имение не только не было доходным, но и стало причиной семейной трагедии. Мнение В. С. Нечаевой стало основополагающим для исследователей биографии писателя. Однако сегодня данный вопрос может быть пересмотрен, чему и посвящена представленная работа. Переписка родителей Ф. М. Достоевского, письма его старшего брата и опекуна над имением М. М. Достоевского и «Воспоминания» младшего брата А. М. Достоевского в комплексе дают возможность по-новому взглянуть на имение и приносимые им доходы. В контексте данной проблемы представляет интерес впервые публикуемый «Отчет старосты селца Дарового Савина Макарова Михаилу Михайловичу Достоевскому» от 8 октября 1850 г., обнаруженный в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и дополняющий известные источники по экономическому состоянию поместья Достоевских.

Ключевые слова: М. Ф. Достоевская, М. А. Достоевский, М. М. Достоевский, А. М. Достоевский, Савин Макаров, Даровое, Черемошняя, помещичье имение

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90038 Достоевский («Даровое Достоевского: Документальные источники, биография, творчество»).

Для цитирования: Дементьева Т. Н. Было ли доходным имение Достоевских? // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 77–102. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5241

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5241

Was the Dostoevsky Estate Profitable?

Tatyana N. Dementyeva

*The Zaraysk Kremlin State Museum-Reserve
(Zaraysk, Russian Federation)*

e-mail: darovoe-dostoevsky@yandex.ru

Abstract. In August 1831, the parents of Fyodor Dostoevsky purchased an estate in the Kashirsky district of the Tula Province, consisting of the hamlet of Darovoe and the village of Darovaya. In February 1833, they bought the neighboring village of Cheremoshnya. The entire property, including the above-named villages and hamlet, also included land plots in the wastelands: Nechaeva, Trypillya, Harina, Shelepova and Chertkova. Having become the owners of 58 peasant souls and more than 500 dessiatines of land, the Dostoevskys were considered average local landowners. However, Darovoe, well-known as the childhood place of the writer Fyodor Dostoevsky, remains poorly studied from an economic point of view. One of the reasons is that today there are very few documents that could reliably indicate the economic condition of the estate for the memorial period. An exception is the monograph of V. S. Nechaeva “In the Dostoevsky family and estate,” published in 1939, where, based on the correspondence of M. F. Dostoevskaya and M. A. Dostoevsky, the author claims that the estate they acquired was not merely unprofitable, but also caused a family tragedy. The opinion of V. S. Nechaeva became fundamental for researchers of the writer’s biography. However, this issue can be revised today, which is what the presented work is devoted to. The correspondence of Fyodor Dostoevsky’s parents, the letters of his older brother M. M. Dostoevsky, who was the guardian over the estate and the *Memoirs* of the younger brother of A. M. Dostoevsky in the aggregate allow to take a fresh look at the estate and the income it brought. In the context of this problem, it is of interest to refer to the newly published “Report of the headman of the village of Darovoe Savin Makarov to Mikhail Mikhailovich Dostoevsky” dated October 8, 1850. The document was discovered in the Russian State Archive of Literature and Art and complements the well-known sources on the economic condition of the Dostoevsky estate.

Keywords: M. F. Dostoevskaya, M. A. Dostoevsky, M. M. Dostoevsky, A. M. Dostoevsky, Savin Makarov, Darovoe, Cheremoshnya, landowner’s estate

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90038 Dostoevsky.

For citation: Dementyeva T. N. Was the Dostoevsky Estate Profitable? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 77–102. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5241 (In Russ.)

«Вот еще что: я не знаю, как у вас деревня, то есть заложена ли, в долгах ли, цела ли? Но если она только есть, то, *ради Бога, не продавайте!* Берегите и цените — это всегдашняя надежда, это всегдашнее пристанище, это, наконец, кредит» (Ф. М. Достоевский — В. М., С. А. и М. А. Ивановым. 1 (13) февраля 1868. Женева)¹.

Отец Ф. М. Достоевского Михаил Андреевич «очень часто повторял, что он человек бедный, что дети его, в особенности мальчики, должны готовиться пробивать себе сами дорогу, что со смертью его они останутся нищими...» [Достоевский: 72]². Действительно, много ли мог оставить своим детям М. А. Достоевский, служа врачом в Мариинской больнице для бедных, при которой в небольшой казенной квартире обитала его многодетная семья. Основной доход, на который не только жили, но и учили детей в частных пансионах, Михаил Андреевич получал, занимаясь частной врачебной практикой.

7 апреля 1827 г. М. А. Достоевский был награжден чином коллежского асессора, а в следующем 1828 г. записан в третью часть родословной книги московского потомственного дворянства, что давало право на покупку имения. Желая улучшить материальное положение своей семьи, он начал «приискивать» «подходящее именье» [Достоевский: 55]. Как писал Г. А. Федоров: «Сырая казенная квартира при больнице становилась тесной, дети проводили лето в больничном саду, у слабогрудой Марии Федоровны Достоевской — первые признаки еще не опознанной чахотки, супругу и отцу на пятом десятке пора подумать о своем доме» [Федоров: 132]. Летом 1831 г. Михаил Андреевич сторговал у коллежской асессорши Ольги Александровны Глаголевой два имения в Тульской губернии: Косая Губа в Крапивенском уезде и сельцо Даровое в Каширском уезде. Последнее было куплено 7 августа 1831 г. на имя матери писателя — Марии Федоровны Достоевской. А вот от покупки Косой Губы пришлось отказаться в пользу соседней с Даровым деревни Черемошни, которую Михаил Андреевич купил позднее, 16 февраля 1833 г., на свое имя (подробнее см.: [Дементьева, Воронкина]). Таким образом, Достоевских, ставших владельцами 58 крестьянских душ (а судя по «Ревизской сказке» в 1834 г. у них было уже 75 душ³) и имевших около 500 десятин земли, можно было считать среднепоместными помещиками⁴.

Эти приобретения должны были стать залогом надежного будущего для себя и детей: приносить доход, который вместе с жалованьем и нестабильным доходом от частной практики отца помог бы дать детям хорошее образование и вывести их в люди. Родители писателя уделяли очень большое внимание

своему хозяйству, о чем свидетельствуют их письма, датируемые 1832–1835 гг. (в эти годы Мария Федоровна с весны до осени жила в Даровом).

На основе упомянутых писем В. С. Нечаева в монографии «В семье и усадьбе Достоевских» (1939) дала свое представление о поместье Достоевских (подробнее см.: [Дементьева, 2019b]). С точки зрения автора, «приобретение имения привело семью к материальному разорению, вероятно, ускорило смерть матери, было прямой причиной гибели отца» [Нечаева: 32]. Позже это мнение было поддержано и другими исследователями [Гроссман: 17], [Селезнев: 21–22], [Сараскина: 73]. Как ранее В. С. Нечаева, они писали о скудости почвы, отсутствии рек и лесов, об однообразном ландшафте, крытых соломой избах и о страшной бедности населения, доведенного барщиной до полного разорения: «Слишком уж бедны оказались вотчины нового землевладельца, а пригляделись — поняли: на грани полного разорения» [Селезнев: 21–22]. Биографы считали, что приобретение нового имения стало «причиной материального краха семьи, ускорило смерть матери, оказалось причиной гибели отца и сделало сиротами семерых детей...» [Сараскина: 73].

Подобной точки зрения придерживался и Г. А. Федоров: «Покупкам предшествовал осмотр М. А. Достоевским будущих владений. Непрактичность его вскоре обернулась горем. Земля Дарового суглинистая, худородная — “дурные поля” — признает он позже сам. Из восьми лет владения имением до смерти М. А. Достоевского (1831–1839 гг.), семь лет в центральных губерниях неурожайные. Нетрудно представить, чем ежегодно радовал истощенный суглинок своих владельцев. Да и крестьянские дворы были ветхими — бедное хозяйство» [Федоров: 132].

Однако отдельные факты в источниках позволяют не согласиться со столь распространенной оценкой Дарового. Важными документами являются письма старшего брата писателя М. М. Достоевского⁵, которые хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ), и «Воспоминания» младшего брата писателя А. М. Достоевского.

29 сентября 1839 г., после скоропостижной смерти отца и передачи имения под опеку Н. П. Елагину, не внушавшему доверия Михайлу Михайловичу Достоевскому, он писал сестре Варваре Михайловне:

«Труды Папиньки пропали. Чтò онъ впродолженіи б лѣтъ собиралъ, увеличивалъ съ такимъ тщаніемъ, съ такимъ, примѣрнымъ для всякаго сельскаго хозяина, стремленіемъ, — то все должно рушитъся, исчезнуть»⁶.

Из письма следует, что супруги Достоевские на протяжении всех лет владения Даровым и Черемошной вкладывали в имение все свои силы и деньги. Осложняло дело и то, что после пожара 1832 г. им надо было полностью восстановить хозяйство в Даровом и выплачивать долги по залогам. По всей видимости, они сумели добиться определенного уровня благосостояния,

так как даже после трудных неурожайных 1838–1839 гг. к 1850 гг. имение, видимо, стало приносить доход, на который и рассчитывали при его покупке. Косвенно об этом свидетельствует письмо жившего в это время в Даровом М. М. Достоевского. 19 июля 1850 г. он писал жене, Эмилии Федоровне, что единственным несчастьем для него были плохие чернила и мухи, а «*что касается до счастья, то оно очень велико: погода великолпная, хлѣба порядочные, а наши два сельца чудо как хороши*»⁷. Михаил Михайлович писал, что сено уже убрано и крестьяне начали «*жать и косить рожь*»⁸. Отметим, что М. М. Достоевский был одним из опекунов над имением, но в его письме нет никаких признаков недовольства урожаем. А вскоре М. М. Достоевский стал одним из претендентов на выкуп у своих братьев и сестер Дарового и Черемошни [Достоевский: 212].

А. М. Достоевский в своих «Воспоминаниях» довольно подробно рассказал о продаже родительского имения в 1852 г. и привел переписку со своим зятем и еще одним опекуном — Александром Павловичем Ивановым⁹. Так, он пишет, что в 1848 г. имение, обремененное долгами [Достоевский: 165]¹⁰ и еще при жизни М. А. Достоевского заложенное «в 5 1/2 тысяч серебром в опекуновом совете <...> приносило отличнейший доход» [Достоевский: 213]. Кроме того, А. П. Иванов сообщал, что выкупить родительское поместье хочет его жена (сестра последнего) Вера Михайловна Иванова¹¹.

Трудно предположить, что оба опекуна, хорошо знавшие состояние имения, пожелали бы стать его владельцами, если бы оно было нерентабельным, особенно учитывая, что и М. М. Достоевский, и А. П. Иванов содержали семьи на свои заработки. Если в расчетах Михаила Михайловича можно подозревать теплые чувства к месту своего детства, то Александр Павлович руководствовался, скорее, тем же, что и его тесть М. А. Достоевский, — обеспечить надежное будущее своей семье.

Отметим также, что в момент раздела имения с сонаследниками в 1852 г., при окончательном расчете А. М. Достоевский по раздельному акту должен был получить за свою часть имения 1500 рублей серебром [Дементьева, Воронкина: 117], но, как писал сам Андрей Михайлович, ему было выплачено 2000 рублей серебром, т. е. на 500 рублей больше [Достоевский: 214], что косвенно также может свидетельствовать о реальной стоимости Дарового.

Вопрос экономической рентабельности Дарового и Черемошни, безусловно, требует отдельного исследования, однако анализ имеющихся источников уже позволяет составить общее представление о доходности имения.

В 6–8 км к востоку от Дарового и Черемошни находятся деревни Авдеево и Куково, относившиеся в XIX в. к Зарайскому уезду Рязанской губернии и издревле принадлежавшие семье Селивановых¹². В 1856–1857 гг. В. В. Селивановым была опубликована книга «Год русского земледельца. Зарайский уезд. Рязанской губернии»¹³. Данная работа представляет несомненный интерес с точки зрения изучения Дарового, так как является достаточно полным описанием деревенской жизни первой половины XIX в. Несмотря

на то, что административно владения Достоевских и Селивановых относились к разным губерниям, с географической точки зрения они очень близки. В. В. Селиванов не только знакомит читателя с крестьянским и помещичьим бытом и богатейшим этнографическим материалом своего времени, но и достаточно подробно объясняет особенности ведения сельского хозяйства в интересующем нас регионе. Приведенные нами замечания и комментарии В. В. Селиванова дополняют письма Достоевских и позволяют лучше понять, что представляло собой их имение.

Достоевские, как большинство подобных им помещиков, занимались комплексным хозяйством: животноводством и растениеводством. Большое значение имели дополнительные доходы, которые хозяева получали, если в поместье имелись водоемы, лес (особенно строевой) или если крестьяне занимались каким-либо промыслом. Образованная семья Достоевских, заинтересованная в повышении доходов со своего имения, вероятнее всего, следовала существовавшим в то время прогрессивным рекомендациям по ведению хозяйства. Из письма Михаила Андреевича известно, что Мария Федоровна, будучи рачительной помещицей, вела хозяйственный журнал: «...за Журнал твой по хозяйственным занятиям чувствительно благодарю тебя, милый друг мой»¹⁴, а сама она писала: «Расходам своим я веду счет и при свидании ты его от меня получишь и не будешь удивляться моему богатству»¹⁵.

В 1832 г. Мария Федоровна, приехав с детьми на все лето жить в сгоревшую деревню, построила для своей семьи небольшой флигелек¹⁶, восстановив в первую очередь амбар, скотный двор, гумно и другие хозяйственные постройки:

«...купила только тесу для варот к скотному, да еще досок, на закрома и потолок к амбару»¹⁷.

Строительство продолжалось, по всей видимости, и в последующие годы, так как в 1835 г. Мария Федоровна писала:

«...новой мой сарай почти окончен только остается покрыть соломой»¹⁸.

В то же время у Достоевских не было каретного сарая, и их экипажи стояли в липовой роще. Все это говорит о том, что доходы у семьи были небольшими, но все деньги и усилия новоиспеченных помещиков были направлены на рачительное ведение хозяйства.

Мария Федоровна, сама следившая за посевами, сбором урожая, молотью и приглядывавшая за скотом, жила в Даровом с конца апреля и почти до октября. Обо всем происходившем в имении она сообщала в письмах мужу, а он в ответных письмах наставлял ее. В одном из них Михаил Андреевич сетовал:

«Нащет молотбы ты пишешь, что по сей причине не успеешь приехать ранее 1-го октября подумай милая, что ты и так уже 4 месяца находишься в деревне»¹⁹.

Переписка Достоевских передает не только их трогательные супружеские отношения, но и отражает все их тревоги и надежды, связанные с имением. В 1833 г. Михаил Андреевич писал:

«Здесь, в Москве, льют беспрестанные дожди; ежели и у вас такие же, то беда да и только, ваза пропадет, сено у тебя в Даровой хотя и скошено, но наверно говорю, что сгниет, а все оттого, что меня не послушались и не сложили в ригу»²⁰.

А Мария Федоровна, только приехав в Даровое 26 апреля 1835 г., в тот же день сообщала мужу:

«В деревнях наша все кажется в порядке, крестьяне все живы и здоровы, — выключая Федорова семейства которые были при смерти, но теперь слава Богу и им стало легче, только трое из них еще не пашут; скот слава Богу здоров и не так худ как я воображала глядя по теперешним кормам...»²¹.

Основной доход Достоевские, по всей видимости, получали с продажи зерна: ржи (озимая называлась ваза), овса (простого и английского) и пшеницы. Об этом свидетельствуют частые упоминания в письмах Достоевских о продаже овса и муки, что могло быть в ближайшем к Даровому Зарайске. Косвенно это подтверждается письмом Нины Александровны Ивановой²², предположительно датированным 1883 г., в котором она пишет о Зарайске:

*«Нашъ городъ, какъ тебѣ въроятнo извѣстно торгуетъ хлѣбомъ и скотомъ...»*²³.

Сеяли Достоевские преимущественно овес (см. Табл. 1) и рожь, а вот пшеницы выращивали немного. По переписке Достоевских можно предполагать, что рожь была основной выращиваемой культурой наравне с овсом, об этом свидетельствует и «Дело о взятии в ссуду денег на обсеменение озимых полей» 1840 г.²⁴. Кроме того, Достоевские выращивали гречиху, скороспелый горох, лен, репу, картофель, но уже, видимо, для себя.

Выращиваемая культура	Десятин		Мер посеяно
	В Даровой	В Черемошне	
Овес английский	8 ½ дес.	5 ½ дес.	
Овес простой	12 десятин		
Овса всего	33 ½ дес.	28 дес.	

Пшеница	½ десятины		4 четверти
Гречиха	2 дес.	2 дес.	
Горох		1 дес.	
Лен			
Картофель			1 четверть

Табл. 1. Культуры, выращиваемые в имении Достоевских (по письмам 1835 г.)

Tabl. 1. Crops grown on the Dostoevsky estate (according to letters from 1835)

Все вышеупомянутые культуры перечислены и у В. В. Селиванова: «Русское сельское хозяйство дѣлитъ изстари пахатную землю на три поля <...>. Въ 1-мъ полѣ, озимомъ, сѣется рожь и озимая пшеница; во 2-мъ, то есть, въ яровомъ, овесъ, ячмень, горохъ, гречиха, яровая пшеница, ленъ, пожалуй и картофель, ежели на огородѣ нѣтъ мѣста, чечевица, просо и проч.»²⁵. При этом автор отмечает, что «пшеница самый прихотливый хлѣбъ, приносящій или доходъ, или убытокъ (средины нѣтъ) и всегда истощающій землю. <...> На рожь почти всегда урожай, исключая особенныхъ случайностей въ воздухѣ; но пшеница не такова»²⁶.

Относительно картофеля В. В. Селиванов писал, что «картофель въ помѣщичьихъ садахъ и огородахъ ведется изстари; но въ народную потребность онъ началъ входить съ небольшимъ лѣтъ 30»²⁷.

Зерно, овес и муку как продавали в Зарайске, так и везли обозами на продажу в Москву. Сохранились письма Михаила Андреевича, одно из них относится к 19 августа 1835 г.:

«...ты пишешь, что хочешь обмолотить и Англицкій овес, то из сего я заключаю, что ты и его хочешь часть привезти для продажи, ежели же нет, то не лучше ли зделать умолот, а привезти только одной муки. Теперь цена в лавках 260 к.»²⁸.

А 1 сентября этого же года он писал:

«Нащет обозу пишешь ты, что у крестьян нет телег, что делать. Мука сегодня на болоте была уже по 2 рубли пуд от всюду подвоз, даже обозы господские из Эпифани, Винева и Каширы. <...> ...в сентябре полагаю хлеб будет еще дешевле, что нам делать друг мой, где нам взять денег, подумай друг мой и напиши мне, а между тем нельзя ли привезти хотя на дватцати возах муки, ибо овес очень дешев по 7 сыромолотный а овинный не многим чем дороже. Подумай друг мой, и напиши решительно, чтобы нам с честью выпутаться из сего дела»²⁹.

В Даровом и Черемошне у Достоевских были сады (подробнее см.: [Дементьева, 2018]). В Даровском саду для господского употребления росли яблони, груши, вишни, сливы. Судя по письмам Достоевских, они разводили

клубнику и малину. Мария Федоровна варила варенья, делала наливки. Однако основной культурой, по всей видимости, были яблоки. В первой половине XIX в. яблоневые сады сдавались помещиками в аренду, что и предлагал сделать М. М. Достоевский в письме от 29 сентября 1839 г.:

«Незнаю, что [с]дѣлали нынѣшнее лѣто съ нашими садами. Ихъ можно было отдать въ наемъ; это бы принесло рублей 400»³⁰.

В. В. Селиванов писал о садах Зарайского уезда: «Садоводство въ описываемой мною мѣстности, у помѣщиковъ принимаетъ широкіе размѣры и дѣлается отраслю сельскаго хозяйства, приносящею значительный доходъ. Крестьяне также начинаютъ заниматься садоводствомъ и многіе съ успѣхомъ. Теперь увидишь въ огородахъ ихъ не одну рябину да нѣсколько тычинокъ хмѣля, но и яблони хорошихъ сортовъ, которыя приносятъ доходу отъ 15 до 30 и 50 рублей серебромъ»³¹.

Были в Даровом и в Черемошне огороды и конопляник. В. В. Селиванов писал, что «огороды полны разными, даже прихотливыми овощами и зеленью. Парники и паровыя гряды съ арбузами и дынями»³², но из переписки Достоевских и из отчета С. Макарова 1850 г. нам известно лишь то, что Достоевские сажали картофель и репу.

Несмотря на то, что основной доход Достоевские получали с продажи зерна и муки, не менее важное значение в их хозяйстве имел скот. Достоевские разводили коров, овец, свиней, держали птицу: кур, гусей и уток. Телятник и птичники находились в Черемошне.

Наиболее ценным у помещиков того времени был крупный рогатый скот и лошади. Коров Мария Федоровна покупала на ярмарке в Зарайске, а Михаил Андреевич присылал телят из Москвы:

«Посылаю тебе телочку, она еще очень нежна, то приказывай ее особенно попаивать с примесью хоть немного снятого молока»³³.

В своих письмах Михаил Андреевич просит Марию Федоровну:

«...главным образом прикажи иметь хороший присмотр за скотом, чтобы хорошо кормили»³⁴.

Или:

«Телочку новотельную прикажи поить хорошо Анне и ежели и рыжая отелет телочку, то и тую так же, за скотом прикажи иметь наиприлежнейшее смотрение»³⁵.

Михаил Андреевич сожалел, что у них мало дойных коров, а судя по письмам, он пытался развести коров тирольской породы³⁶.

Из переписки супругов Достоевских известно, что были у них и овцы. Но их, скорее, держали для себя и не только для мяса, но и из-за шерсти.

В. В. Селиванов писал: «Каждый крестьянинъ и помѣщикъ держатъ овецъ столько, на сколько хватаетъ средствъ для ихъ продовольствія. <...> Овецъ <брѣютъ> т. е. стригутъ, два раза въ годъ: весною въ Апрѣлѣ, или Маѣ; а осенью въ Сентябрѣ»³⁷. Возможно, из Москвы привозили ягнят, так, в одном из писем Мария Федоровна упоминала, что ее сын Николай играл с барашком от московской овечки³⁸.

В письме от 29 мая 1835 г. Мария Федоровна писала, что «свинуха опоросила»³⁹, по всей видимости, у Достоевских в хозяйстве их было немного. Объяснение этому можно найти у В. В. Селиванова: «Свиной въ нашихъ мѣстахъ разводять тоже не въ большомъ количествѣ, болѣе для своего продовольствія, потому что по цѣнности хлѣба на нашихъ рынкахъ, выкармливаніе свиней для продажи не можетъ приносить значительныхъ выгодъ»⁴⁰.

Видимо, для себя же держали и птицу: кур, уток, гусей. Так, узнав, что птицы в 1835 г. было мало: «гусенят убыветъ»⁴¹ и нет наседок, — Михаил Андреевич, склонный к сильным переживаниям по поводу «расстройства хозяйства», писал лишь:

«Жаль очень, что мы нынешний год будем без птицы»⁴².

В Москву из деревни Достоевские везли наливки, варенье, мясо, яйца, масло, муку, которые не только были необходимы в большой семье, но, возможно, отсылались для продажи. Так, в одном из писем Мария Федоровна сообщала, что послала две сотни яиц и масла 35 фунтов. Кроме продуктов, из Дарового везли шерсть, полотно, корпию, нитки на чулки. Дополняет эти сведения письмо М. М. Достоевского к жене:

*«Холста я тебѣ привезу — 90 арш<инъ> тонкаго, 40 арш<инъ> полотенецвъ, да еще столько же арш<инъ> потолще»*⁴³.

Дополнительную прибыль Достоевские могли получать с леса, даже если не продавали его, а использовали для собственных нужд, экономя таким образом на покупке необходимых строительных материалов. В «Экономических примечаниях» говорится, что в сельце Даровом был лес строевой дубовый⁴⁴, а из письма Марии Федоровны от 9–11 мая 1835 г. известно, что лес Достоевских понравился Еропкину, и он оценил его по 3 р. за доску⁴⁵.

Сложно сказать, насколько большой доход приносило имение Достоевских. Однако, судя по семейной переписке, у Михаила Андреевича в Москве часто не хватало денег, в письмах упоминалась его зависимость от частной врачебной практики. Так, в письме от 9 июля 1833 г. он жаловался:

«Дела мои по приезде очень тихи, до сих пор ни одного больного, что делать, скучно на старость лет при недостатке; но Бог для меня был всегда милостив, — потерпим»⁴⁶.

В 1835 г. для поездки в Даровое Михаил Андреевич берет жалование вперед, а вернувшись в Москву, в письме от 19 августа 1835 г. он пишет:

«Как жаль друг мой, что по недостаткам моим не могу больше ничего тебе послать. Поверишь ли, друг мой, такая нужда, какой еще никогда небывало. Взял в перед жалованья 20 р. асс. но и тех уже нет ибо отдал на дорогу 8 р. ибо дети истратили 19 р. 28 к. то суди что для лошадей корм надобен. <...> Доходу до сих пор нет ни одной копейки»⁴⁷.

В то же время Мария Федоровна, живя в деревне, как правило, была пусть при небольших, но деньгах:

«...не беспокойся о присылке мне денег, я и так бесовестно обобрала тебя кругом; перебивайся милой мой сам сколько можно, а я покудова не нуждаюсь а ежели и придет нужда, то продам или авсеца которого надеюсь у меня останется [зачеркнуто: или мучки] а между тем может быть и Шишков привезет долг; то я и исправлюсь»⁴⁸.

Откладывала деньги она и на наем лугов, покупку сена и соломы:

«...только бы как тебе перебиться деньжонками на проезд ко мне нельзя ли учредить так: жалованьем доехать сюда, а отсюда приехать опять на жалованья я же которые имею поберегу на сено»⁴⁹.

Возможно, не случайно имение было приобретено за год до поступления старших детей в учебные заведения. Достоевские стремились дать детям хорошее образование, что было весьма сложно при небольшом жалованьи и нестабильных доходах Михаила Андреевича. Если до поступления детей в пансионы семья могла обходиться своими средствами, то с 1832 г. расходы значительно увеличились. Так, в одном из писем М. А. Достоевский тревожился:

«...меня беспокоит поездка в деревню, не знаю, как то я извернусь, а доходов не предвидится, от Куманиных сомневаюсь получу ли, с некоторого времени дуются, а Чермаку надобно отдать непременно»⁵⁰.

Более того, ответное письмо Марии Федоровны дает возможность предполагать, что обучение у Чермака частично оплачивали Куманины⁵¹:

«...а Чермаку по приезде твоём Куманин кажется должен отдать заслуженное»⁵².

Отсюда следует, что доходы от Дарового были нужны и для обучения детей. Из этих же денег выплачивались и долги за имение:

«Щет читал, он довольно значительный, так что из денег, полученных за овес, останется за уплатою долга только 22 р.: очень скудный остаток»⁵³.

Кроме того, после покупки Дарового практически все продукты, а также шерстяные и льняные изделия были своими, что существенно сэкономило бюджет семьи.

Что же касается приписываемой семье писателя безнадежной нищеты, то, возможно, В. С. Нечаева несколько сгущала краски: «...в разных местах переписки находятся подтверждения тому, что хозяйство Достоевских, так же, как и их крестьян, было гнетуще убого, нищенски бедно» [Нечаева: 46]. Конечно, имение не могло приносить очень большого дохода, тем более в первое время после случившегося пожара, но в письмах до 1838 г. нет каких-либо серьезных опасений о предстоящем разорении, скорее, это характерно именно для 1838–1839 гг. Напротив, в ранних письмах наряду с беспокойством о плохой погоде, нехватке сена и соломы (которые приходилось покупать или же арендовать луга под покосы), часто встречаются строки о том, что посевы взойли, урожай убран вовремя. Даже 1832 г., несмотря на случившийся в Даровом пожар, по всей видимости, был для Достоевских удачным. Они не только смогли восстановить деревню, но получили неплохой урожай с полей, судя по письму Марии Федоровны от 29 июня:

«Рожь цветет в самом сильном цвете погода у нас хороша, но только почти всякой день тучки набегают и дожди хоть маленькие самые а все всякой день перепадают, а ежели погода устоитя то прикажу косить сено...»⁵⁴.

В письмах 1833 и 1834 гг. Михаил Андреевич много писал об уборке овса, посевных работах и молотье, но единственное упоминание о неурожае в эти годы встречено в письме Марии Федоровны от 3 мая 1835 г.: она боялась, что «ржи <...> опять засохнут»⁵⁵. В то же время весной 1835 г. у рачительной помещицы, закончившей сев до 1 мая, хватило семян для крестьян и оставались на продажу еще прошлогодняя мука и овес:

«У тебя-таки довольно осталось овса, и ты уже успела продать 10 четвертей, хотя и дешево, но что делать. Я полагаю, что еще можно четвертей пять продать»⁵⁶.

26 апреля 1835 г. Мария Федоровна писала мужу:

«Еще с удовольствием уведомляю тебя милый друг, что ржи наши хороши, а особенно Ваза очень хороша и ежели б Бог благословил хорошей погодой и сохранил от засухи, то с одной копани снимем хлеба в волю»⁵⁷.

Судя по письму Марии Федоровны от 3 мая, она боялась, что рожь засохнет, а из письма от 23 мая 1835 г. становится известно, что «ваза в Черемошне на навозной десятине худа»⁵⁸. Однако уже в конце мая Михаил Андреевич радовался, что «хлеба хороши»⁵⁹, а 31 мая 1835 г. Мария Федоровна начинает свое письмо к мужу с главного, что все здоровы и «в деревнях <...>

все благополучно»⁶⁰. И действительно, исходя из писем Михаила Андреевича, этот год был удачным: «Как ты меня милый друг мой обрадовала, написав, что хлеб убрала, и уже кое что успела посеять»⁶¹, — писал он 19 августа. «Благодарю тебя друг мой за посев хлеба, овес также, хотя еще неубран, надеюсь также с Божью помощью, и твоим старанием уберется; кажется и простого овса наберется довольно, пшенички также посильное дело»⁶², — 1 сентября. Кроме того, в 1835 г. был хороший урожай английского овса. Неблагоприятным он оказался только для льна, гороха и гречихи.

Первое письмо о серьезном неурожае относится к 20 августа 1837 г. Михаил и Федор Достоевские писали отцу из Петербурга:

«Жаль, что Бог не благословил нас урожаем озимых хлебов» [Достоевский: 313].

Более тревожное письмо датируется 19 ноября 1838 г. М. А. Достоевский писал дочери Варваре:

«...не устройство состояния нашего, долги, нужда, недостатки, лишения и без вас истощают по каплям мое здоровье»⁶³.

Наконец 27 мая 1839 г. он пишет своим сыновьям о том, что имение на грани разорения:

«Вспомни, что я писал третьего года к вам обоим, что урожай хлеба дурной, прошлого года писал тоже, что озимого хлеба совсем ничего не уродилось. Теперь пишу тебе, что за нынешним летом последует решительное и ко-нечное расстройство нашего состояния. Представь себе зиму, продолжавшуюся почти 8 месяцев, представь, что по дурным нашим полям мы и в хорошие годы всегда покупали не только сено, но и солому, то кольми паче теперь для спасения скота я должен был на сено и солому употребить от 500 до 600 руб. Снег лежал до мая месяца, следовательно, кормить скот чем-нибудь надобно было. Крыши все обнажены для корму. Но это ничто в сравнении с настоящим бедствием. С начала весны и до сих пор ни одной капли дождя, ни одной росы. Жара, ветры ужасные все погубили. Озимые поля черны, как будто и не были сеяны; много нив перепахано и засеяно овсом, но это повидимому не поможет, ибо от сильной засухи, хотя уже конец мая, но всходов еще не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом!»⁶⁴.

Письмо М. А. Достоевского В. С. Нечаева подтверждает данными из «Нравственно-политического отчета» за 1839 г., где говорится о повсеместной засухе в центральных губерниях России [Нечаева: 50], и Г. А. Федорова: «Записки агронома, жившего поблизости от Дарового, расширяют картину бедственного лета 1839 года. В июне жара доходила до 40 градусусов. Земля

истрескалась, почва высохла, хлеба росли в “пепловидном порошке, в знойной атмосфере тропиков”» [Федоров: 149, 184].

В июне 1939 г. М. А. Достоевский скончался, а все имение было передано под опеку. В своем письме от 1 сентября сестре Варваре Михайловне М. М. Достоевский писал о том, что боится, как бы после смерти отца имение не было окончательно разорено⁶⁵. Но больший интерес представляет письмо М. М. Достоевского от 29 сентября 1939 г.:

«Неужли дѣло дошло уже до продажи скота? Сестра, знаешь ли, что это значитъ? Скотъ есть источникъ благосостоянія сельскаго хозяйства. Не одинъ хозяинъ не рѣшится на этотъ безразсудный поступокъ. Труды Папинки пропали. Чтò онъ въ продолженіи 6 лѣтъ собиралъ, увеличивалъ съ такимъ тщаніемъ, съ такимъ, примѣрнымъ для всякаго сельскаго хозяина, стремленіемъ, — то все должно рушитъ<ь>ся, исчезнуть. Покрайней мѣрѣ Папинка, какъ бы ни были дурны обстоятельства, никогда не рѣшился бы на это. Да и Елагинъ, если только онъ умный, смысленный человекъ не впадетъ въ эту оплошность. Развѣ нельзя было продать нашъ экипажъ, Папенькины шубы, или другія какія нибудь вещи, (если ужъ непременно того требуютъ обстоятельства) и поберечь скотъ. Разсуди сама, моя милая, и ты увидишь, что я правъ. Да и много ли мы выручимъ черезъ эту продажу. Положимъ, что продадутъ 15 или 20 штукъ, по 30 руб. за штуку (эта еще красная цѣна по тамошнему); чтожъ 600 руб. Экой барышъ! Положимъ даже, что и 1000 руб.; но эти 1000 руб. будутъ намъ дорого стоить. Наши поля лишаться половины удобренія, чтò очень значительно по неунавоженности земли нашей. Отчего у насъ такіе неурожаи? Земля плоха. А эти деньги можно было бы получить отъ экипажа и отъ шубъ. Даже ежелибъ вздумали продать пару лошадей, то все бы еще лучше; потому что имъ надо овса да и присмотръ за ними долженъ быть тщательнѣе»⁶⁶.

Письмо подтверждает, что родители писателя старались при малейшей возможности развивать свое хозяйство. Михаил Михайлович, прекрасно понимая, в каком состоянии находилось после неурожайных лет их имение, все же больше переживает за то, чтобы ему не нанесли еще более значительного ущерба продажей скота — основы сельского хозяйства. Отметим, что в Зарайском и Каширском уездах, где земли были недостаточно плодородными, крупный рогатый скот держали не столько для производства молочной продукции, сколько для удобрения полей: «Такъ какъ главная цѣль содержанія скотнаго двора есть удобреніе земли, то рогатаго скота, по силѣ-возможности, стараются развести какъ можно болѣе»⁶⁷.

Михаил Михайлович пишет, что, продав 16–20 голов, они потеряют половину удобрения для полей, это значит, что к 1839 г. у Достоевских было не менее 30–40 голов, а судя по тому, что ценность представлял именно крупный рогатый скот, то речь в письме, видимо, идет именно о нем. Косвенно это подтверждается и тем, что М. М. Достоевский был готов продать лошадей, но не рогатый скот. О преимуществах наличия в хозяйстве коров

В. В. Селиванов писал: «...содержаніе лошадей начетисто и хлопотливо тогда какъ корова не требуетъ почти никакого особеннаго ухода. Кромѣ удобренія, корова даетъ доходъ — молокомъ, творогомъ, масломъ, телятами, а подѣ старость и сама идетъ въ солонину; шкура же или продается, или выдѣлывается для домашняго употребленія. Десять головъ мелкой скотины, какъ то: овецъ, свиней, козъ и до года телушекъ, считаютъ собственно для навоза за одну корову»⁶⁸.

Таким образом, можно предположить, что супруги Достоевские все же успели до 1837 г. наладить свое хозяйство.

После смерти жены М. А. Достоевский подал в отставку по состоянию своего здоровья: «...ссылаясь на трясение правой руки и ухудшавшееся зрение, он отказался от предложенного ему, наконец, повышения по службе со значительным окладом» [Белов: 18]. Покинув Москву, где у него было не только стабильное жалованье, но и частная практика (которую он в Зарайске так и не завел), Михаил Андреевич, судя по письму М. М. Достоевского от 20 августа 1837 г., начал постройку флигеля:

«Вы пишете о флигеле, который Вы начали строить, но какой же это флигель? Тот ли, который Вы хотели строить по плану Димитрия Александровича, или какой-либо другой?» [Достоевский: 313].

Каким бы ни был этот флигель, его постройка требовала вложений, а после увольнения и отправки старших сыновей в Петербург денег у Андрея Михайловича было немного. А ему еще предстояло выучить младших детей, дать хорошее образование сыновьям и выдать замуж дочерей. Все это может косвенно свидетельствовать о том, что М. А. Достоевский надеялся на доходы с имения.

На следующий год после засушливого лета 1839 г. у Достоевских не хватало семян на посев озимой ржи. В связи с этим 23 августа 1840 г., по распоряжению опекуна над имением малолетних господ Достоевских Н. П. Елагина, Савин Макаров оформил ссуду и закупил семена на выданную ему 11 сентября 1840 г. ссуду 1144 руб. 54 коп. (324 руб. 2 коп. серебром) (подробнее см.: [Деметьева, 2019а]).

К 1850 г. ситуация в имении Достоевских, по всей видимости, улучшилась, и оно приносило неплохой доход. Более полно представить состояние хозяйства Достоевских в это время позволяет обнаруженный в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее РГАЛИ) «Отчет старосты сельца Дарового Савина Макарова Михаилу Михайловичу Достоевскому»⁶⁹, датированный 8 октября 1850 г. (см. Приложение). Судя по документу, в 1850 г. старостой по-прежнему был Савин Макаров. В это время в Даровом и Черемошне, как и прежде, сеяли рожь, овес, лен, гречиху, картофель. Важной деталью является отчет о собранном урожае:

- «1) посевь озимаго хлеба 68 десятинь вышло съмянъ 74 четверти и 4 мѣры
 2) овса собрано ранняго посева 140 копенъ умолоть 9^{мб} мѣ 1/2 позняго собрано 65^{мб} копенъ умолоть онаго — 6 меръ
 3) гречихи собрано 35 копенъ намолочено 15^{мб} четверть 2 четверти <:>
 4) лна 40 копенъ изонаго намолочено чистаго зерна 1^{на} четверть
 5) картофли накопано 6 четвертей»⁷⁰.

Часть этого урожая отправляли на продажу, для чего в конце сентября — начале октября собирали обозы. Несмотря на то, что в Зарайске занимались закупкой зерна, Достоевские отправляли свои обозы в Москву. На продажу везли:

«...старой ржи мукою 13 возовъ съ половиной и одного сорта 300 пудовъ, овесъ собралъ съ крестьянъ въ заимообразной и поступилъ въ добавокъ обоза 11 четвертей со онымъ обозомъ отправляется кладки мелочныя ящицъ 350 полотенцовъ 50 аршинъ, 31 мотъ нитокъ»⁷¹.

Важной информацией являются сведения о постройке крестьянских домов. В Даровом в 1850 г. на новые места были переселены Петр Архипов и Федул Петров, что подтверждает дневниковая запись А. М. Достоевского о том, что во время его приезда в 1887 г. деревня поменяла свой облик⁷². Петр Архипов, по всей видимости, являлся сыном того Архипа, из-за которого произошел пожар в Даровом в 1832 г. В Черемошне «крестьяне Ефимъ Максимовъ, Исай Мироновъ построились а продтчія крестьяне готовили лесъ и постройку оставили до будущаго года»⁷³.

Для строительства крестьянских домов лес выделялся помещиками («...по приказу вашему лесу имъ выдано 70 корней»⁷⁴), что может подтверждать факт того, что у Достоевских во владении был хороший строевой лес. В. В. Селиванов писал, что строились и ремонтировали старые постройки в деревнях традиционно три раза в году: «Великимъ постомъ, до Святой недѣли», после «Святой до покоса или начала уборки» и «послѣ уборки хлѣба и до зимы»⁷⁵.

В отчете Савина Макарова говорится о том, что крестьяне, не закончив строительства, «ушли в<ъ> работу»⁷⁶. По всей видимости, отпускать рабочих зимой на заработки в город было обычной практикой⁷⁷. Однако М. М. Достоевский писал сестре в 1839 г.: «Дворовые люди гуляютъ, между тѣмъ, какъ они могли бы быть отпущены по паспорту и приносить оброкъ»⁷⁸, — что может говорить о том, что при его родителях крестьяне не уходили на заработки. Подобная ситуация могла возникнуть и из-за того, что в сентябре 1939 г. еще не был назначен опекун над имением.

В 1847 г. наследники Достоевские участвовали в полюбовном размежевании принадлежащих им земель. Вся деловая переписка по этому вопросу находится в Центральном Государственном Архиве г. Москвы (ЦГА г. Москвы)⁷⁹. Со стороны Достоевских по их доверенностям вопросом

размежевания занимался Савин Макаров, который и отчитывался перед опекунами:

«Жили два землемера целую неделю<.> По пустоше Даровой отводили вольнаго зѣмльдельца от насъ <ѣ> и утвердили столбы и покопали ямы а продтчимъ пустошамъ решения не видно»⁸⁰.

Рассмотрев практически все известные на сегодняшний день источники, касающиеся хозяйственной жизни в Даровом и Черемошне, можно сделать предположение, что имение Достоевских не было причиной разорения и несчастий для семьи, а наоборот, стало для них серьезным подспорьем. Отметим, что до того, как Достоевские стали помещиками, их благополучие зависело исключительно от доходов главы семейства⁸¹. Новое же имение, по всей видимости, приносило неплохие доходы Достоевским, а затем и Ивановым. Ситуация несколько изменилась в 1861 г., после отмены крепостного права, а после смерти мужа в 1868 г. Вере Михайловне Ивановой и ее дочерям все сложнее было управлять заложенным имением.

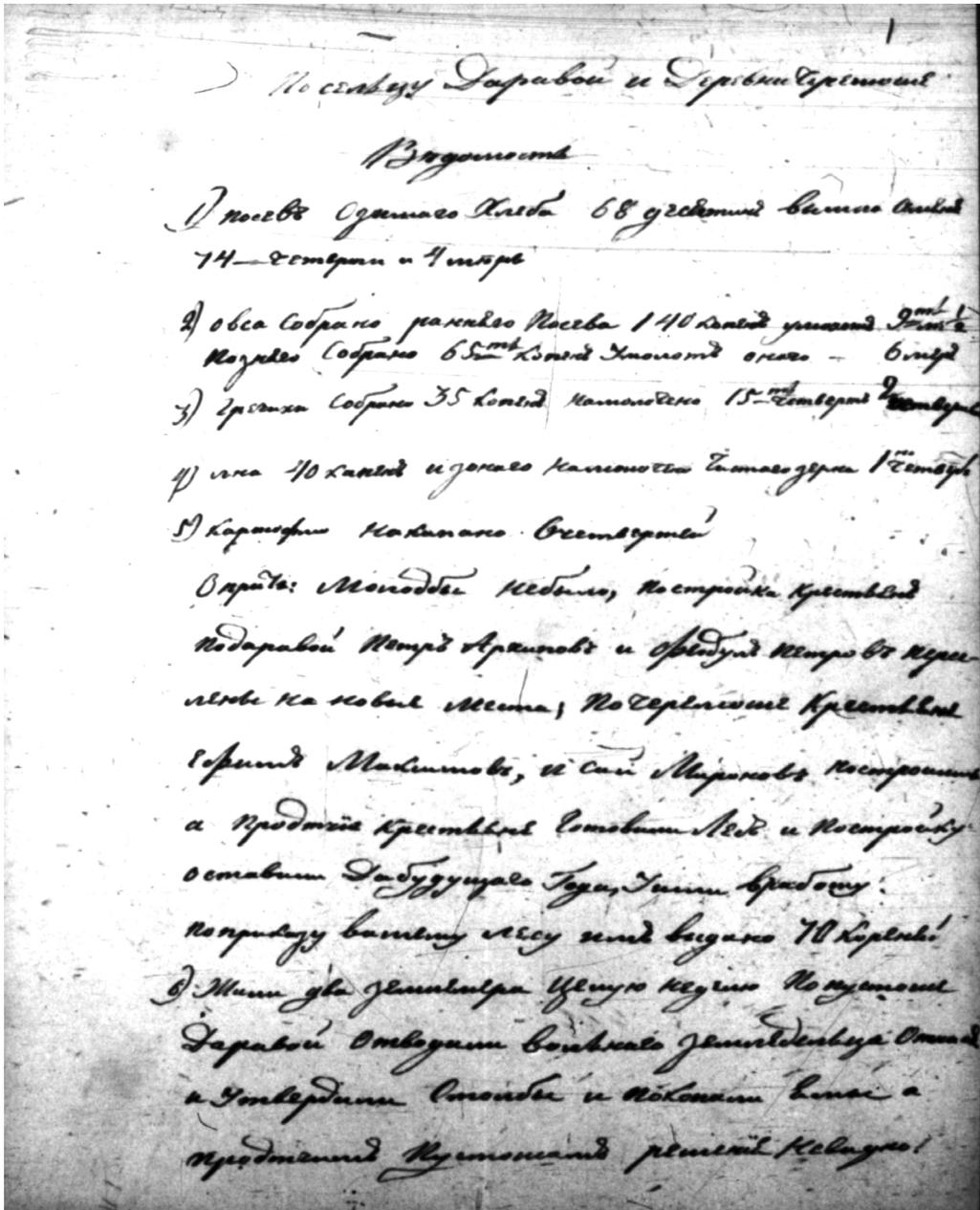
Слова Михаила Андреевича Достоевского о том, что он умрет и ничего не оставит своим детям, могли бы оказаться пророческими, если бы не купленное и благоустроенное им имение. Даровое стало единственной надеждой на будущее его дочери, Веры Михайловны Ивановой, оставшейся вдовой с десятью детьми и прожившей в Даровом без малого тридцать лет. Здесь же завершили свою жизнь внучки Михаила Андреевича: Юлия Александровна и Мария Александровна, а для последней усадьба стала единственным прибежищем после революции.

Отметим, что сами дети М. А. и М. Ф. Достоевских не считали Даровое причиной несчастий их семьи. Федор, Михаил, Андрей в своих произведениях вспоминали с теплотой о месте своего детства. Все старшие братья посещали Даровое после смерти родителей, а Михаил и Вера сами готовы были выкупить родительское имение. В 1889 г. Вера Михайловна писала вдове Федора Михайловича, Анне Григорьевне: «Я решилась продать свое милое (выделено мной. — Т. Д.) Даровое» — и очень боялась, что имение попадет в чужие руки [Викторович: 193].

Таким образом, купленное родителями Ф. М. Достоевского имение, на которое они возлагали большие надежды, действительно, стало не только источником доходов для трех поколений семьи Достоевских, но и местом счастливого детства и их детей и внуков.

Приложение
Appendix

Источник текста: РГАЛИ. Ф. 212.1.13. Л. 1-1 об. Публикуется впервые.

Илл. 1. Отчет С. Макарова 1850 г. РГАЛИ Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

Fig. 1. Savin Makarov's report for 1850 (Russian State Archive of Literature and Art)

106

7) Новому Кашину Общ. Удѣ. Земельн. изд. агаровъ помѣстья
 13 вѣрстъ сѣвернѣе и восточнѣе 300 пудовъ, Общ. Общ. изд.
 съ крестьянъ взаимнообразован. и Помѣстья вѣдѣннѣе
 Общ. 11 землеробн. Земельн. Общ. изд. Агаровнѣе изд. изд.
 землеробн. Изд. 350 Помѣстья 50 Общ. изд. 31 земл. изд.
 8) Землянина вѣдѣннѣе Крестинѣе и помѣ. вѣдѣннѣе Агаровнѣе
 изд. Землеробн. вѣдѣннѣе, вѣдѣннѣе Крестинѣе

Списокъ Служб. Младш. Общ.

1850го года Октября 8го г.г.

Илл. 2. Отчет С. Макарова 1850 г. РГАЛИ Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1 об.
 Fig. 2. Savin Makarov's report for 1850 (Russian State Archive of Literature and Art)

**«По сельцу Даравой и Деревни Черемоше
Ведомость**

- 1) посевъ озимаго хлеба 68 десятинь вышло стьянь 74 четверти и 4 мѣръ
- 2) овса собрано ранняго посева 140 копенъ умолоть 9^{мб} мѣ $1/2$ позняго собрано 65^{мб} копенъ Умолоть онаго — 6 меръ
- 3) гречихи собрано 35 копенъ намолочено 15^{мб} четверть 2 четверти <з>
- 4) лна 40 капенъ изонаго намолочено чистаго зерна 1^{на} четверть
- 5) картофли накопано 6 четвертей

Опричь: молодбы небыло, постройка крестьянь по Даравой Петръ Архиповъ и Феодуль Петровъ переслены на новыя места; по Черемоше крестьяне Ефимъ Максимовъ, Исай Мироновъ построились а продтчія крестьяне готовили лесъ и постройку оставили до будущаго года, ушли в<ъ> работу. По приказу вашему лесу имъ выдано 70 корней

6) Жили два землемера целую неделю<.> По пустоше Даравой отводили вольнаго землядельца от насъ<з> и утвердили столбы и покопали ямы а продтчимъ пустошамъ решения невидно. <Л. 1>.

7) по вашему письму обозъ изъготовилъ изъ старой ржи мукою 13 возовъ с половиной и одного сорта 300 пудовъ, овесъ собрать съ крестьянь въ заимообразной и поступилъ въ добавокъ обоза 11 четвертей со онымъ обозомъ отправляется кладки мелочныя яиць 350 полотенцовъ 50 аршинъ, 31 мотъ нитокъ

8) Михайла Васильевъ прибылъ и жилъ въ деревни отправится со обозомъ въ Москву до светлой недели

Староста Савинъ Макаровъ
1850²⁰ года Октября 8²⁰ дня» <Л. 1 об.>.

Примечания

- 1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 254.
- 2 Достоевский Андрей Михайлович (1825–1897) — младший брат писателя, автор «Воспоминаний».
- 3 Согласно купчей от 7 августа 1831 г. и записи в «Протоколах и журналах присутствия Тульской гражданской палаты» от 10 февраля 1832 г., у М. Ф. Достоевской в Даровом числилось 40 душ крестьян, а судя по закладной на Черемошню от 12 октября 1833 г., М. А. Достоевскому в Черемошне принадлежало 18 душ [Дементьева, Воронкина: 109, 112]. По Ревизской сказке 14 февраля 1834 г., у М. Ф. Достоевской в с. Даровом числилось душ: 44 мужского пола и 45 — женского, а у А. М. Достоевского в д. Черемошне — 31 мужского пола и 31 женского (ЦГА г. Москвы. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 1. Л. 392а, 400 об., 401). По Ревизской сказке от 2 августа 1850 г., у Достоевских в с. Даровом было 49 душ мужского пола и 62 женского, а в д. Черемошне 53 — мужского пола и 46 женского (ЦГА г. Москвы. Ф. 1249. Оп. 1. Д. 7. Л. 306 об., 307, 314 об., 315). По Ревизской сказке 12 мая 1858 г., В. М. Ивановой в с. Даровом принадлежало 48 душ мужского пола и 58 — женского, а в деревне Черемошне 61 душа мужского пола и 54 — женского (ЦГА г. Москвы. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 12. Л. 154 об., 155, 164 об., 165). При условии того, что при оценке имения учитывались только мужские души, у Достоевских на 1833 г. было 58 душ, в 1834 г. — 75, а уже в 1850 г. — 102 души, последнее подтверждается Раздельным актом 1852 г. [Дементьева, Воронкина: 117–118].
- 4 Согласно общепринятой классификации душевладения на дереформенный период, помещики, имевшие от 1 до 20 ревизских душ, считались мелкопоместными, от 21 до 100 ревизских душ — среднепоместными и свыше 100 ревизских душ — крупными помещиками. А по соответствующей поземельной классификации: дворяне, владевшие от менее 1 до 100 дес. были мелкопоместными, 101 — 1000 дес. — среднепоместными и свыше 1000 дес. — крупнопоместными (см.: Шаповалов: 91–92)].
- 5 Достоевский Михаил Михайлович (1820–1864) — старший брат писателя. Предположительно с 1840 г. по 1852 гг. был опекуном над имением Достоевских.
- 6 Достоевский, Михаил Михайлович. Письмо к Достоевской (в замужестве Карепиной) Варваре Михайловне от 29 сентября 1839 г. (ОР РГБ. Ф. 93.П.4.25. Л. 4) // Электронное научное издание «Достоевский». Эпистолярное наследие М. М. Достоевского. URL: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (01.11.2020).
- 7 Достоевский, Михаил Михайлович. Письмо к Достоевской (урожд. Дитмар) Эмили Федоровне от 19 июля 1850 г. (ОР РГБ. Ф. 93.П.8.12. Л. 1 об.) // Электронное научное издание «Достоевский». Эпистолярное наследие М. М. Достоевского. URL: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (01.11.2020).
- 8 Там же. Л. 2 об.
- 9 Иванов Александр Павлович (1813–1868) — муж Веры Михайловны Ивановой, урожденной Достоевской.
- 10 Описываемые события отнесены автором к осени 1848 г. [Достоевский: 165].
- 11 Иванова (Достоевская) Вера Михайловна (1829–1897) — младшая сестра писателя. Вышла замуж за А. П. Иванова и в 1852 г. выкупила у своих братьев и сестер родительское имение. Овдовев в 1868 г., переехала жить с детьми в Даровое, где и провела остаток жизни. Умерла в 1897 г.
- 12 Подробнее см.: Селиванов А. В. Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих свое начало от Кичибя. Рязань: Губ. тип., 1912. Ч. 1–3.

- 13 Селиванов В. В. Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии. Рязань: Типография Губернского Правления. 1887. 143 с.
- 14 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 19 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 95].
- 15 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 31 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 106].
- 16 О постройке в 1832 г. флигеля упоминал А. М. Достоевский в своих: «Воспоминаниях»: «Через неделю же закипела работа, и крестьяне все повеселели. Маменька каждому хозяину выдала на усадьбу по 50 рублей. Тогда это деньги были очень большие. Свой скотный двор тоже поставили новый и при нем людскую избу и небольшой флигелек для нашего пребывания. Плетневая наша мазанка, окруженная двумя курганами, была защищена вековыми липами и не сгорела, но в ней всем нам помещаться было тесно» [Достоевский: 64].
- 17 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 29 июня 1832 г. Цит. по: [Нечаева: 74].
- 18 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 24 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 99].
- 19 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 19 августа 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 112].
- 20 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 9 июля 1833 г. Цит. по: [Нечаева: 76–77].
- 21 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 26 апреля 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 84].
- 22 Иванова (в зам. Проферансова) Нина Александровна (1857–1914) — дочь В. М. Ивановой. До замужества жила в Даровом.
- 23 Иванова (в зам. Проферансова), Нина Александровна. Письма к Достоевскому, Николаю Михайловичу // ОР РГБ. Ф. 93. III. 13. 69. Л. 7 об.
- 24 Дело о взятии в ссуду денег на обсеменение озимых полей от 23 августа 1840 года // ЦГАМ. Ф. 2146. Оп. 1. Ед. хр. 50. Подробнее см.: [Дементьева, 2019а].
- 25 Селиванов В. В. Год русского земледельца. С. 9.
- 26 Там же. С. 19.
- 27 Там же. С. 21–22.
- 28 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 19 августа 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 112].
- 29 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 1 сентября 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 113].
- 30 Достоевский, Михаил Михайлович. Письмо к Достоевской (в зам. Карепиной) Варваре Михайловне от 29 сентября 1839 г. (ОР РГБ. Ф. 93. II. 4. 25. Л. 4) // Электронное научное издание «Достоевский». Эпистолярное наследие М. М. Достоевского. URL: <https://philolog.petrsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (01.11.2020).
- 31 Селиванов В. В. Год русского земледельца. С. 25–26.
- 32 Там же. С. 26.
- 33 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 23 августа 1834 г. Цит. по: [Нечаева: 82].
- 34 Там же.
- 35 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 1 сентября 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 113].
- 36 См.: Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 19 мая 1835 г. [Нечаева: 96].
- 37 Селиванов В. В. Год русского земледельца. С. 114.
- 38 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 1 мая 1835 г. См.: [Нечаева: 88].
- 39 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 29 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 103].
- 40 Селиванов В. В. Год русского земледельца. С. 114–115.
- 41 См. письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 29 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 103].
- 42 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 2 июня 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 108].
- 43 Достоевский, Михаил Михайлович. Письмо к Достоевской (урожд. Дитмар) Эмилии Федоровне от 19 июля 1850 г. (ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 12. Л. 2) // Электронное научное издание «Достоевский». Эпистолярное наследие М. М. Достоевского. URL: <https://philolog.petrsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (01.11.2020).

- 44 Экономические Примечания Тульской Губернии Каширского Уезда. ГРАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1814. Л. 78–78 об. По более точным данным, в сельце Даровом лесу строевого было 6 десятин 1250 сажений, а в деревне Даровой 37 десятин 2100 сажений (Экономические примечания. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1816. Л. 102 об. — 103; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1823. Л. 27 об. — 28). Что касается деревни Черемошни и пустошей Черемошни и Старой Черемошни, то здесь лес был дровяной (не подходивший под строительство). Исключение составляет единственное упоминание о том, что в пустоше Черемошне было 5 десятин 600 сажений строевого леса («Экономические примечания». РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1816. Л. 102 об. — 103).
- 45 В 1832 г. Мария Федоровна писала о покупке ею в Зарайске «тесу для варот к скотному, да еще досок, на закрома и потолок к анбару» [Нечаева: 74]. Сложно сказать, почему Достоевские не использовали свой лес при строительстве, возможно, тес и доски на закрома было выгоднее купить.
- 46 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 9 июля 1833 г. Цит. по: [Нечаева: 76].
- 47 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 19 августа 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 112].
- 48 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 1 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 87].
- 49 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 29 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 103].
- 50 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 23 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 98].
- 51 Куманина Александра Федоровна, старшая сестра Марии Федоровны Достоевской и жена Куманина Александра Алексеевича, московского купца. Супруги Куманины материально поддерживали семью Достоевских.
- 52 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 29 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 103].
- 53 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 12 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 93].
- 54 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 29 июня 1832 г. Цит. по: [Нечаева: 75].
- 55 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 3 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 89].
- 56 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 12 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 93].
- 57 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 26 апреля 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 84].
- 58 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 23 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 98].
- 59 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 26 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 101].
- 60 Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 31 мая 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 105].
- 61 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 19 августа 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 111].
- 62 Письмо М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 1 сентября 1835 г. Цит. по: [Нечаева: 113].
- 63 Письмо М. А. Достоевского В. М. Достоевской от 19 сентября 1838 г. Цит. по: [Нечаева: 120].
- 64 Письмо М. А. Достоевского Ф. М. Достоевскому от 27 мая 1839 г. Цит. по: [Нечаева: 121].
- 65 Письмо М. М. Достоевского В. М. Достоевской (Карепиной) от 1 сентября 1839 г. (ОР РГБ. Ф. 93.П.4.25. Л. 1 об.) // Электронное научное издание «Достоевский». Эпистолярное наследие М. М. Достоевского. URL: <https://philolog.petsru.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (01.11.2020).
- 66 Письмо М. М. Достоевского В. М. Карепиной (Достоевской) от 29 сентября 1839 г. (ОР РГБ. Ф. 93.П.4.25. Л. 3 об. — 4) // Электронное научное издание «Достоевский». Эпистолярное наследие М. М. Достоевского. URL: <https://philolog.petsru.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (01.11.2020).
- 67 Селиванов В. В. Год русского земледельца. С. 113.
- 68 Там же. С. 34.
- 69 Отчет старосты сельца Дарового Савина Макарова Михаилу Михайловичу Достоевскому (РГАЛИ. Ф. 212.1.131).

- 70 Там же. Л. 1. Здесь и далее при цитировании и публикации источника сохранена его орфография и пунктуация.
- 71 Там же. Л. 1 об.
- 72 Подробнее см.: [Викторович: 187].
- 73 Отчет старосты сельца Дарового Савина Макарова Михаилу Михайловичу Достоевскому (РГАЛИ. Ф. 212.1.131. Л. 1).
- 74 Там же.
- 75 Селиванов В. В. Год русского земледельца. С. 67.
- 76 Отчет старосты сельца Дарового Савина Макарова Михаилу Михайловичу Достоевскому (РГАЛИ. Ф. 212.1.131. Л. 1).
- 77 Селиванов В. В. Год русского земледельца. С. 109.
- 78 Письмо М. М. Достоевского В. М. Карепиной (Достоевской) от 1 сентября 1839 г. (ОР РГБ. Ф. 93.П.4.25. Л. 1 об.) // Электронное научное издание «Достоевский». Эпистолярное наследие М. М. Достоевского. URL: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts//letters/letters.htm> (01.11.2020).
- 79 На сегодняшний день вся известная нам официальная переписка по размежеванию земель, принадлежавших Достоевским, содержится в следующих делах:
- а) «Дело Каширского Посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи сельца Дарового. Дело о размежевании земли села Дарового между помещиками Хотяинцевым П. П. и Достоевскими» 31 августа 1847 — 6 декабря 1850 гг. (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43);
- б) «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и деревни Даровой» 31 августа 1847 — 17 августа 1850 гг. (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44);
- в) «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и пустоши Старой Черемошни. Дело о размежевании пустоши старой Черемошни между помещиками Достоевскими М. А. и М. Ф. и Карепиным П. А.» 31 августа 1847 г. — 15 февраля 1850 г. (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 49);
- г) «Дело о специальном размежевании дач и деревни Черемошни, владельцами которой являлись Коллежский асессор М. А. Достоевский, Поручик В. Н. Ладыженский, Майор П. П. Хотяинцев и Священноцерковнослужители с. Моногарова» 31 августа 1847 г. — 31 августа 1858 г. (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 51);
- д) «Дело Каширского Посредника 2-го о специальном размежевании дачи пустоши Нечаевой» (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 47);
- е) «Дело Каширского Посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи пустоши Триполи» (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 19);
- ж) «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и пустоши Чертковой» (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 54).
- 80 Отчет старосты сельца Дарового Савина Макарова Михаилу Михайловичу Достоевскому (РГАЛИ. Ф. 212.1.131. Л. 1).
- 81 Не принимая в расчет той финансовой помощи, которую семье Достоевских оказывали их богатые родственники супруги Куманины.

Список литературы

1. Белов С. В. А. М. Достоевский и его воспоминания // Достоевский А. М. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 5–21.
2. Викторovich В. А. Поездка в Даровое (Из дневника А. М. Достоевского 1887 года) // IV Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 185–194.
3. Гроссман Л. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965. 605 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»)
4. Дементьева Т. Н. На пути к воссозданию сада Достоевских в Даровом // Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы / науч. ред.-сост. М. В. Нащокина. СПб.: Коло, 2018. Вып. 24 (40). С. 225–236.
5. Дементьева Т. Н. Прошение Савина Макарова // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 225 – 229. (а)
6. Дементьева Т. Н. Сельцо Даровое и деревня Даровая (к вопросу о землевладении Достоевских) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 214–224. (b).
7. Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 106–131 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607584171.pdf (01.11.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121
8. Достоевский А. М. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 398 с.
9. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А и М. Ф. Достоевских). М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 158 с.
10. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. 825 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»)
11. Селезнев Ю. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1985. 544 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»)
12. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
13. Шаповалов В. А. К проблеме изучения пореформенной эволюции поместного землевладения и стратификации поместного дворянства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 91–100 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16625578> (01.11.2020).

References

1. Belov S. V. A. M. *Dostoevsky and his Memories*. In: *Dostoevskiy A. M. Vospominaniya [Dostoevsky A. M. Memories]*. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992, pp. 5–21. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Trip to Darovoe (From A. M. Dostoevsky's 1887 Diary). In: *IV Letnie chteniya v Darovom [The 4th Summer Research Readings in Darovoe Village]*. Kolomna, Izdatel'skiy Dom "Liga" Publ., 2016, pp. 185–194. (In Russ.)
3. Grossman L. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 605 p. (Ser. "The Life of Wonderful People"). (In Russ.)

4. Dement'eva T. N. On the Way to the Reconstruction of the Dostoevskys Garden in Darovoe Village. In: *Russkaya usad'ba: sbornik Obshchestva izucheniya russkoy usad'by* [Russian Estate. Collection of the Society for the Study of Russian Estate]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2018, issue 24 (40), pp. 225–236. (In Russ.)
5. Dement'eva T. N. Savin Makarov's Petition. In: *V Letnie chteniya v Darovom* [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]. Kolomna, Izdatel'skiy Dom "Liga" Publ., 2019, pp. 225–229. (In Russ.) (a)
6. Dement'eva T. N. The Village of Darovoe and the Hamlet of Darovaya (to the Question of Land Ownership by the Dostoevskys). In: *V Letnie chteniya v Darovom* [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]. Kolomna, Izdatel'skiy Dom "Liga" Publ., 2019, pp. 214–224. (In Russ.) (b)
7. Dement'eva T. N., Voronkina L. A. Darovoe Estate and Its Owner (According to New Archival Documents). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 4, pp. 106–131. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607584171.pdf (accessed on November 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121 (In Russ.)
8. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memories]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 398 p. (In Russ.)
9. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of M. A. and M. F. Dostoevsky]. Moscow, State Economic and Social Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)
10. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013. 825 p. (Ser. "The Life of Wonderful People"). (In Russ.)
11. Seleznev Yu. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1985. 544 p. (Ser. "The Life of Wonderful People"). (In Russ.)
12. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Art Culture of the 20th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
13. Shapovalov V. A. Postreform Evolution of Land Owning and Landed Classes Stratification. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, no. 1 (31), pp. 91–100. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16625578> (accessed on November 1, 2020). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дементьева Татьяна Николаевна, заведующая отделом «Музей-усадьба Ф. М. Достоевского "Даровое"», Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль» (ул. Музейная, 1 А, г. Зарайск, Российская Федерация, 140600); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2917-7486>; e-mail: darovoe-dostoevsky@yandex.ru

Tatyana N. Dementyeva, Head of Department «Museum-estate of F. M. Dostoevsky "Darovoe"», The Zaraysk Kremlin State Museum-Reserve (ul. Muzeynaya 1A, Zaraysk, 140600, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2917-7486>; e-mail: darovoe-dostoevsky@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 16.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.03.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301

Скандалист и доносчик: Лев Петрович Крыжановский, ординатор Омского военного госпиталя (по архивным материалам)

М. А. Калинин

Московский государственный университет

(Москва, Российская Федерация)

e-mail: mckalinin99@gmail.com

Аннотация. В настоящей публикации продолжено авторское исследование, связанное с каторжным периодом биографии Ф. М. Достоевского. Основанная на архивных и меуарных разысканиях, статья раскрывает личность еще одного представителя медицинского начальства Омского военного госпиталя — ординатора Льва Петровича Крыжановского. В ней исправляются ошибочные представления и выводы, сложившиеся вокруг этого имени и касающиеся сибирского окружения писателя. Благодаря воспоминаниям Юзефа Богуславского становится известно об однофамильце ординатора ссыльным поляке Кароле Крыжановском и его супруге Наталье Степановне Крыжановской — омской знакомой Достоевского, ставшей прообразом для бедной вдовы Настасьи Ивановны в «Записках из Мертвого Дома». Введенные в научный оборот архивные документы составляют портрет Л. П. Крыжановского. Это позволяет сопоставить его с данным в предыдущей публикации автора портретом ординатора Я. Я. Ловчинского и сделать выводы о прототипе соответствующего персонажа медицинского начальства в произведении. Кроме того, в найденных материалах проясняются некоторые детали следствия по доносу Крыжановского на главного лекаря Троицкого за «большое снисхождение и потворство политическим арестантам», известного по запискам Мартыанова, и описываются беспорядки в Омском военном госпитале, получившие отражение в «Записках...». Это дает возможность уточнить обстоятельства пребывания осужденных петрашевцев Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова на каторге.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Л. П. Крыжановский, Кароль Крыжановский, Н. С. Крыжановская, Троицкий, Юзеф Богуславский, Дуров, «Записки из Мертвого Дома», каторга, Омский военный госпиталь, прототип

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 Достоевский («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

Для цитирования: Калинин М. А. Скандалист и доносчик: Лев Петрович Крыжановский, ординатор Омского военного госпиталя (по архивным материалам) // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 103–119. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301

Brawler and Snitch: Lev Petrovich Kryzhanovsky, Resident of the Omsk Military Hospital (Using Archival Sources)

Mikhail A. Kalinin

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: mckalinin99@gmail.com

Abstract. This publication continues the author’s research related to the Siberian exile period of the biography of F. M. Dostoevsky. Based on archival and memoir sources, the article reveals the identity of another medical doctor of the Omsk Military Hospital — resident Lev Petrovich Kryzhanovsky. It corrects the misconceptions and the erroneous conclusions about him and about the Siberian circle of the writer. The memoirs of Jozef Boguslavsky identify the namesake of the resident, an exiled Pole Karol Kryzhanovsky and his wife Natalia Stepanovna Kryzhanovskaya. She turned out to be Dostoevsky’s Omsk acquaintance, who became the prototype for the poor widow Nastasya Ivanovna in *The House of the Dead*. These archival documents introduced into scientific discourse elucidate a profile of L. P. Kryzhanovsky. This allows us to compare it with the profile of the resident Ya. Ya. Lovchinsky provided in the author’s previous publication and to draw conclusions about the identity of the prototype of the medical doctor in the book. In addition, the materials clarify certain details of the investigation into Kryzhanovsky’s denunciation of the chief physician Troitsky for “great commutation and indulgence for the political prisoners,” identified in Martyanov’s notes. They also describe the poor conditions in the Omsk Military Hospital, which were portrayed in *The House of the Dead*. All of the above provides an opportunity to fill in the gaps in the circumstances of the penal servitude of the Petrashevsky Circle members F. M. Dostoevsky and S. F. Durov.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, L. P. Kryzhanovsky, Karol Kryzhanovsky, N. S. Kryzhanovskaya, Troitsky, Jozef Boguslavsky, Durov, “Notes from the Dead House”, penal servitude, Omsk Military Hospital, prototype

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90021 Dostoevsky.

For citation: Kalinin M. A. Brawler and Snitch: Lev Petrovich Kryzhanovsky, Resident of the Omsk Military Hospital (Using Archival Sources). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 103–119. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301 (In Russ.)

Каторжные впечатления Ф. М. Достоевского от военного госпиталя описываются на страницах четырех глав «Записок из Мертвого Дома», включая рассказ «Акулькин муж», подслушанный ночью в арестантской палате. В первом письме к брату Михаилу по выходе из омского острога писатель отмечает:

«Я часто лежал больной в госпитале. От расстройства нервов у меня случилась падучая, но, впрочем, бывает редко. Еще есть у меня ревматизмы в ногах. Кроме этого, я чувствую себя довольно здорово»¹.

Да и как рассказчик «Записок...» Достоевский признается, что «частенько» бывал в госпитале². Однако не секрет, что писатель попадал туда не только по причине «редко» случающегося припадка падучей³ и ревматических болей. Все понимали, что арестанту из дворян было тяжело переносить каторгу и каторжную работу. Благородное происхождение говорило само за себя: болезненность воспринималась не только как медицинское, но и как социальное явление.

Воспоминания современников Достоевского бесспорно свидетельствуют о благосклонном отношении врачей Омского военного госпиталя к осужденному петрашевцу. Среди них в первую очередь стоит упомянуть установленных прототипов медицинского начальства в «Записках...»⁴: главного лекаря И. И. Троицкого («человеколюбивого» и «честного» старшего доктора) и ординатора Я. Я. Ловчинского («ласкового» и «приветливого» ординатора); а также старшего фельдшера А. А. Аполлонова⁵ и фельдшера А. И. Иванова⁶. Писатель так же, как и другие арестанты, приходил в военный госпиталь «отдохнуть» от острожного житья-бытья, которое выносить было *сравнительно* тяжелее, чем содержание в арестантских палатах. Также не вызывает сомнений, что именно там, под покровительством Троицкого, Достоевский создавал и хранил свою «тетрадку каторжную», названную исследователями «Сибирской тетрадь».

Известно имя еще одного врача — ординатора Крыжановского. Однако мы не ставим его в один ряд с вышеперечисленными лицами, медицинским начальством, которое старалось всеми способами облегчить участь Достоевского на каторге. В записках П. К. Мартыанова «В переломе века» упоминается ординатор Кр—вский, донесший в Петербург на доктора Троицкого за «слишком большое снисхождение и потворство политическим арестантам»⁷. В итоге из Тобольска был прислан советник уголовной палаты барон фон Шиллинг для расследования этого дела, что, впрочем, не увенчалось успехом⁸:

«Но при всем том, что доктор Троицкий не был признан виновным, ему объявили строгий выговор, ординатора же Кр—ского перевели из Омска в другой госпиталь, расположенный где-то на дальней пограничной линии»⁹.

Важно отметить, что архивные разыскания М. М. Громыко подтвердили высокую степень достоверности записок Мартыанова, несмотря на их позднюю публикацию (1895 г.) относительно описываемых событий и беллетризованный стиль повествования. В документах имя фон Шиллинга действительно связывается с Тобольском и проведенными им ревизиями: «Из документов Главного управления Западной Сибири выясняется, что фон Шиллинг был в 1849–1850 гг. советником этого управления и провел ряд ревизий: позднее Шиллинг стал председателем Тобольского губернского суда» [Громыко: 32].

В «Записках...» описывается одна из них. Еще до визита ревизора в Омск по всему острогу разносится молва о «важномъ генералѣ», приехавшем из Петербурга ревизовать Западную Сибирь (623).

Известно также письмо А. И. Сулоцкого декабристу М. А. Фонвизину, датированное январем 1853 г. В нем учитель закона Божьего в Сибирском кадетском корпусе пишет о бывшем подчиненном Троицкого, враче Крыжановском, который «зорко» смотрит за действиями главного лекаря, находясь с ним «в непрерывной борьбе»¹⁰. При этом такой же отрицательный отзыв в этом письме получает и Ловчинский — наиболее вероятный, по мнению исследователей, прототип сочувственного образа ординатора в «Записках...». Но если о Ловчинском среди свидетельств существует только одна единственная негативная оценка, то о Крыжановском их оказывается больше. Из исследования Громыко мы узнаем: «Л. П. Крыжановский встречается и на страницах метрических книг Омска: в январе 1851 г. он был штаб-лекарем 6-го батальона (т. е. уже удален из госпиталя после ревизии, закончившейся в пределах 1850 г.); в той же должности он упомянут в августе 1852 г.» [Громыко: 31].

Тем не менее в достоеведении существует и иная точка зрения. В энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» С. В. Белова дана справка о некоем Владимире Степановиче Крыжановском — ординаторе омского госпиталя, брате Натальи Степановны Крыжановской. Автор убежден: «Однако это ничем не подтвержденное и скорее всего явно клеветническое измышление, так как не мог брат Н. С. Крыжановской, которая всю себя отдала помощи каторжникам, писать донос о “слишком большом снисхождении и потворстве политическим арестантам”, тем более что это был тот самый брат Н. С. Крыжановской, о котором она пишет в письме к Достоевскому 4 августа 1861 г., что он постарался доставить ей, пока она болела, “Записки из Мертвого Дома” (Достоевский и его время. 253). Кстати, об ординаторе, не называя фамилию, тепло пишет Достоевский в “Записках из Мертвого Дома”...» [Белов: 441].

Н. С. Крыжановская стала прообразом бедной вдовы Настасьи Ивановны в «Записках...», жившей в форштадте города, — примером «высочайшей любви къ ближнему» (476). Рассказчик описывает сцену встречи с ней по выходе из острога и с особым теплом и благодарностью упоминает ее в числе тех лиц, «которые кажется назначеніемъ жизни своей поставляють себѣ — братскій уходъ за “несчастливыми”, состраданіе и соболѣзнованіе о нихъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное, святое» (475). В письме Достоевскому от 4 августа 1861 г. Наталья Степановна говорит о брате, доставившем ей четвертую главу «Записок из Мертвого Дома», но без указания его имени [Достоевский и его время: 253]. Брат прототипа Настасьи Ивановны из «Записок...», возможно, и не писал донос о потворстве политическим преступникам в арестантских палатах, но являлся ли он тем самым врачом-доносчиком из записок Мартьянова?

Благодаря сохранившемуся «Сибирскому дневнику» ссыльного поляка Юзефа Богуславского¹¹, впервые переведенному на русский язык А. Г. Подрябинкиной, мы почерпнули ряд неизвестных ранее деталей, касающихся личности Н. С. Крыжановской, но прежде всего — личности ее мужа, Кароля Крыжановского:

«Ale zanim zaprowadzę mego czytelnika [do Omska], chcę jeszcze chwilę zatrzymać się we wspomnianej stancy, zwanej Oczairiem. Znaleźliśmy tam ziomka, urodzonego na Podolu, służącego niegdyś w szeregach obrońców wyzwalającej się Ojczyzny w 1831 r[oku], a następnie zapędzonego, jak wielu innych, na Sybir. Z początku służył, jako żołnierz w 6 batalionie, a później, dosłużwszy się stopnia podoficera, został przeznaczony na stróża magazynu zbożowego do Oczairu. Nazywał się Karol Krzyżanowski (w 1850 r[oku] umarł w szpitalu w Omsku); miał żonę Rosjanę i dwie córki. Żona jego była córką pułkownika dyżurnego, oficera w sztabie głównym syberyjskiego korpusu; nazywała się Natalia Krywańko» [Polacy z Wilna: 93–94] («Но прежде чем я начну рассказывать об Омске, я хочу еще немного повспоминать станицу Очаир. Мы встретили там земляка, который родился в Подоле и служил в рядах защитников Отечества в 1831 г., а после, как и многие, был сослан в Сибирь. Сначала он был солдатом в 6-м батальоне, а потом, дослужившись до унтер-офицера, был определен сторожем магазина с зерном в Очаире. Его звали Кароль Крыжановский (в 1850 г. он умер в омском госпитале); у него была жена россиянка и две дочери. Его жена была дочерью дежурного полковника, офицера в главном штабе сибирского корпуса; звали ее Наталья Криванько» (здесь и далее курсив в цитатах наш. — М. К.))¹².

Итак, Кароля Крыжановского сослали в Сибирь как участника польского восстания 1830–1831 гг., и там он женился на офицерской дочери Наталье (Степановне) Криванько. Кроме того, в 1850 г. ссыльный поляк скончался в том же самом госпитале, в котором служил ординатором брат его жены, и, как выясняется из «Записок из Мертвого Дома», когда там находился Достоевский:

«Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпитальъ, въ арестантской палатъ въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной» (413).

Очевидно, брат вдовы с девичьей фамилией Криванько не мог быть Крыжановским. На основании каких источников Белов отождествляет его с ординатором Омского военного госпиталя Л. П. Крыжановским (инициалы которого были установлены М. М. Громько) и нарекает к тому же Владимиром — неизвестно. Отсюда вытекает вопрос: кем был ординатор Крыжановский?

Ответ мы получаем из материалов военно-исторического архива в Москве (РГВИА). Большой находкой стало девятитомное военно-судное дело штаб-лекаря Крыжановского за 1850–1853 гг. В нем представлена документация по ряду следствий, которые велись в разные годы его службы в Сибири. Этого оказалось достаточно, чтобы пролить свет на личность ординатора и дополнить контекст пребывания Достоевского в военном госпитале, который получил такое яркое отражение в «Записках из Мертвого Дома».

Главные сведения о жизни штаб-лекаря 6-го Линейного Сибирского батальона, титулярного советника Льва Петровича Крыжановского, по табличным ячейкам расписаны в его формулярном списке за 1850 г.¹³ Очевидно, он не являлся даже родственником Натальи Степановны, поскольку родились они от разных отцов; жену ординатора звали Анной Дмитриевной, а старшей дочери тогда было только 11 лет¹⁴. Сам Лев Петрович на 19 июня 1850 г. был в возрасте сорока лет. Он родился в Херсонской Губернии Александровского уезда и происходил из духовного звания, впрочем, как и его сослуживцы по госпиталю: главный лекарь И. И. Троицкий и ординатор Я. Я. Ловчинский, — что было распространено среди медиков в первой половине XIX в. [Калинин: 82]. Выходцем из этой же среды, кстати, был и отец писателя (как известно, М. А. Достоевский, прежде чем построить медицинскую карьеру, обучался в Подольско-Шаргородской семинарии). Первоначальное образование Крыжановский получил в Екатерининской духовной семинарии¹⁵, затем поступил в Императорскую медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге в числе казенных воспитанников, откуда спустя три года из-за болезни вернулся на родину с одним только одобрительным аттестатом:

«...по хроническому катару, т. е. простуде легких, соединенному со страданием печени, произошедшему вследствие воспаления оной»¹⁶.

Как признается Лев Петрович, отвечая на вопросные пункты Военно-судной комиссии, родимый климат Малороссии повлиял на его скорое выздоровление и через год он вернулся к учебе, но уже — в Императорском Харьковском университете. Удостоенный звания лекаря I отделения, Крыжановский 17 декабря 1834 г. был определен на службу ординатором в Пермский военный госпиталь¹⁷. Через 2 года у него обострилось «хроническое страдание печени», что послужило причиной постоянных смен мест службы и отпусков для лечения: на Сергиевских и Кавказских минеральных водах. Но это не помогло вылечиться Крыжановскому. И 15 ноября 1841 г. он был вовсе уволен от службы с пенсией 100 рублей 5 коп. серебром¹⁸. Болезнь не позволила Льву Петровичу долго задержаться и на частной службе при Горном ведомстве. Он приехал в Петербург, где начал лечение гидротатией, или, как он также называет, «искусственными минеральными водами», и, на удивление, пошел на поправку. Так, по собственному прошению,

Крыжановский в 1843 г. был снова принят на службу Медицинским департаментом Военного министерства и определен в 6-ой Линейный сибирский батальон в город Омск, по прибытии в который прикомандирован в Омский военный госпиталь¹⁹. На этом месте, последовательно излагая свою биографию Комиссии военного суда, Лев Петрович делает следующее замечание:

«В этом-то госпитале начались мои, и притом в 1 раз на моей медицинской службе, притеснения и мои несчастья; и в нем желают довершить несчастья мои политической (гражданской. — М. К.) моею смертью»²⁰.

Так начался сибирский период службы Крыжановского — череда следствий и разбирательств как по военным, так и по гражданским судебным делам. Одно из последних — «за грубость против главного лекаря Омского военного госпиталя и другие поступки»²¹ — разместилось на сотнях листов бумаги Аудиториатского департамента и действительно стало для Льва Петровича, по его собственному выражению, своего рода политической смертью. Надо сказать, с начальством отношения Крыжановского не складывались в принципе, особенно в Омском военном госпитале. По его рассказу, в 1844 г. он навлек на себя ненависть главного лекаря Попова и корпусного штаб-доктора Милованова за то, что не боялся «о злоупотреблениях по аптеке Омского военного госпиталя говорить гласно; а по присяге и противодействовать злоупотреблениям настоятельно»²², и попал на две недели на гауптвахту. В 1848 г. по донесению уже главного лекаря Войткевича и того же самого корпусного штаб-доктора Милованова на Льва Петровича завелось следственное дело о неправильных действиях на службе, в итоге ему было велено «просидеть на гауптвахте один месяц с исправлением должности» — без внесения отметки в формулярный список²³. Крыжановский находился в конфликте с начальством и в других командировках по Сибири: по донесению полкового командира 2-го казачьего полка Алгазина он был подвергнут следствию, по окончании которого попал под особенный надзор медицинского начальства, не снятый до конца его службы²⁴. Однако судить о справедливости обвинений, по словам обвиняемого, было бы пристрастно, тем более Лев Петрович не сознается ни в одном своем проступке, а красноречия и убедительности ему было не занимать:

«После сего, предав себя и службу свою воле Божьей, обиженный невинно до глубины души моей, поклялся исполнять службу с неусыпною деятельностью, бесстрашием и с самоотвержением, но с благоразумнейшею осмотрительностью, терпением и кротостью, не упуская, впрочем, из виду пользы страдальцев, лечившихся в Омском госпитале...»²⁵.

Для того чтобы составить более достоверный портрет ординатора Крыжановского, обратимся также к выводам следствия:

«...неоднократно подвергался взысканиям за нетрезвое поведение, неблагопристойные поступки и неисполнение обязанностей службы, и хотя 1 марта 1844 г., по предписанию бывшего командира Отдельного сибирского корпуса генерала от Инфантерии князя Горчакова, назначен ему был 4-х месячный срок для исправления в поведении, но он и после того в том же году три раза был штрафован за неисполнение обязанностей службы; по формулярному же и кондуктному спискам за тот год был аттестован строптивым в характере и часто подающим случай замечать упущения»²⁶.

Большой интерес представляет замечание по следствию 1847 г., поскольку оно полностью обесценивает высокую риторику штаб-лекаря:

«...в августе 1846 г. он был вновь прикомандирован к Омскому военному госпиталю, но в начале 1847 г. был удален из оногo к прежнему месту служения и подвергнут следствию, по коему признан был виновным: в дурном обращении с больными нижними чинами, из коих двум назначил в виде наказания слабые порции, одного рядового стращал шпицрутенным наказанием и одному больному нанес два удара по лицу...»²⁷.

Теперь не остается никаких сомнений, кто точно мог быть прототипом слишком уж смиренного ординатора в «Записках...», который «измѣнялъ порціи чуть не по первой просьбѣ больныхъ и даже, кажется, готовъ былъ назначать имъ и лекарства по ихъ же просьбѣ» (571): частый гость гауптвахты Крыжановский под это описание определенно не подходит, в отличие от Якова Яковлевича Ловчинского — «доброго и сострадательного человека», по свидетельству друга Достоевского А. Е. Ризенкампа²⁸.

Кстати, Лев Петрович подвергался обвинениям со стороны не только начальников, но и частных лиц. В 1848 г. на него поступает несколько жалоб: от соликамского мещанина Колмогорова о нанесении ему побоев за то, что тот не дал денег в долг²⁹; от младшего землемера Тобольского округа Карпова о том, что также нанес побои его матери; от чиновника Томыковского об украденном из его квартиры столовом белье, которое нашли при обыске у Крыжановского³⁰. А в 1849 г., исполняя в Семипалатинске должность карантинного медика, Лев Петрович был обвинен в стеснении торговцев «несвоевременной выдачею установленных свидетельств» при провозе их товаров через карантин³¹.

9 февраля 1850 г. Крыжановский в должности ординатора вернулся на службу в Омский военный госпиталь. Как раз тогда, когда там, в арестантских палатах, лежал Достоевский с самого начала прибытия в крепость³². И сразу за ординатором стали наблюдаться упущения:

«...оказался неисполнительным по службе: не делал больным перевязки, не в свое время приезжал и уезжал из госпиталя и небрежно вел скорбные листы...»³³.

А 23 марта 1853 г. главный лекарь И. И. Троицкий написал рапорт с представлением удалить ординатора Крыжановского из госпиталя «как медика, приносящего больше вреда, нежели пользу службе»³⁴. Так Лев Петрович попал под военный суд. По словам его начальника, он «предался нетрезвости до такой степени, что впал в белую горячку и был привезен в госпиталь для пользования от сей болезни»³⁵. Детали этой истории крайне любопытны. Началась она 3 марта, когда Крыжановский уже три дня не появлялся на службе. Троицкий предписал плац-майору Кривцову³⁶ вместе с командированным лекарем Вишневым найти и освидетельствовать ординатора. Обнаружили они Льва Петровича на его квартире в следующей обстановке:

«Г. Крыжановский, будучи в халате, обвязанный вокруг шеи и груди шерстяным шарфом, немедленно встал со стула, на котором он, вероятно, перед приходом нашим сидел за столом, пил и закусывал; ибо на этом месте имелись: водка в четырехугольном графине и на тарелках: хлеб, квашеная капуста и другие мясные закуски...»³⁷.

На вопросы незваных гостей он «отвечал самым невнятным произношением: “Вы видите, что я болен”». Лекарь Вишневский незамедлительно поставил диагноз «*delirium tremens pofatorum* — белая горячка — от чрезмерного употребления спиртных напитков»³⁸. Иронично, что, кроме Вишневого, освидетельствовать ординатора был отправлен плац-майор Кривцов, всем хорошо известный в остроге своим пристрастием к выпивке. В свое оправдание перед военным судом штаб-лекарь Крыжановский замечал:

«...какой гений шепнул им, что в четверугольном графинчике была водка, тогда как в графинчике был укус, и закуска поставлена была вовсе не для меня <...> а для моего семейства»³⁹.

Также подсудимый обращал внимание следствия на то, что молодой лекарь Вишневский по неопытности поставил диагноз только «из дрожания членов»⁴⁰, ничего не написав о спиртном запахе, и добавил, что в прежних местах службы его никогда не замечали пьяным. Для пущей убедительности Лев Петрович даже заговорил на латыни:

«Древнее философское справедливое изречение гласит: *a posse ad esse non valet consequential*⁴¹, т. е.: от возможного и вероятного к действительному не сильно заключение; и если Г. Вишневский и Г. Троицкий не знали философского сего изречения, то как медики твердо должны знать, что медицинские свидетельства, решающие часто судьбу подобного им человека, должны быть основаны [и по науке, и по здравому смыслу, и по справедливости, и по христианскому состраданию к ближним, и человеколюбию] не на вероятиях, а на фактах ясных, положительных, неопровержимых и совестливо справедливых»⁴².

Недаром Троицкий отмечал в рапорте, что «своими софистическими спорами»⁴³ Крыжановский отвлекает его и других врачей от полезных занятий. Впрочем, репутацию непьющего человека Льву Петровичу удалось спасти: никто из свидетелей не подтвердил, что у него был спиртной запах.

Но поводом к преданию Крыжановского военному суду стало другое обстоятельство:

«22 и 24 числа марта (1850 г. — М. К.) нанес ему, Троицкому, дерзкое оскорбление и грубости в том, что с азартом и криком упрекал его в незнании своих обязанностей, в неумении распознавать болезней, *в приеме в госпиталь людей совершенно здоровых, для увеличения будто доходов* его, Троицкого, причем, грозил ему пальцем, поднося оный близко к носу, и говорил, что он видит его насквозь и выведет на чистую воду»⁴⁴.

Последний упрек в адрес Троицкого особенно интересен. Совершенно понятно, что дурная слава Крыжановского как одного из первых доносчиков в Омске, о чем известно по запискам Мартьянова, небезосновательна. В военно-судном деле штаб-лекаря отрывочно всплыла история с доносом на главного лекаря, вызвавшая расследование барона фон Шиллинга. В рапорте Аудиториатскому департаменту военного министерства от 18 декабря 1851 г. Крыжановский, находясь уже под следствием, просит разрешение об отпуске в Санкт-Петербург для того, чтобы вылечить печень. Он замечает, что лечиться в Омском военном госпитале не может, поскольку опасается обид от Троицкого, вспоминая случай, когда Лев Петрович находился там в качестве пациента и главный лекарь покушался надеть на него «рубашу для сумасшедших с целью вывести из всякого терпения»⁴⁵. Штаб-лекарь объясняет почему:

«...в отмщение за то, что я огласил nepозволительные связи и сношения его с государственным преступником крепостным арестантом Дуровым, коему Г. Троицкий доставлял от себя *более полугода* чай, пищу, клецки и даже жирную свинину и держал его здорового в госпитале под предлогом болезни; следственное дело, чем кончилось, не знаю, но знаю, что оно не присовокуплено к военно-судному делу...»⁴⁶.

Как также выяснилось, это следственное дело называлось «о снабжении арестанта из политических преступников Дурова улучшенной пищей»⁴⁷. Оно было произведено по доносу подсудимого Крыжановского и решено некоторое время назад к 16 октября 1851 г. Выходит, следственное разбирательство по доносу ординатора Кр—вского из записок Мартьянова было в действительности. Правда, за снисхождение и потворство главного лекаря не политическим арестантам, а только одному политическому арестанту — С. Ф. Дурову, вместе с которым Достоевский был осужден по делу петрашевцев и сослан в Сибирь. И здесь важно обратить внимание на срок — *более*

полугода. Если вспомнить, что сосланные петрашевцы в феврале 1850 г. точно лежали в Омском военном госпитале, то донос произошел не раньше конца лета — начала осени, — видимо, как раз тогда, когда Лев Петрович там лечился. Именно в этом году в острог приезжал для расследования барон фон Шиллинг. Ординатор так или иначе контактировал с Дуровым и Достоевским с момента его прибытия на службу в середине февраля 1850 г. до предания военному суду в конце марта этого же года, а также в то время, когда он находился в военном госпитале по болезни (не исключено, что не один раз).

Значит ли это, что писатель отказывался от стола Троицкого? Очевидно, да. Иначе разве умолчал бы Крыжановский в своем доносе и о Достоевском? Согласно письму А. И. Сулоцкого декабристу М. А. Фонвизину от 11 февраля 1850 г., Достоевский действительно отказывался от пищи, предлагаемой ему главным врачом: «...г. Достоевский все в лазарете; главный врач Троицкий, по просьбе Ив. Викентьевича, толковал с ним, предлагал ему лучшую пищу, иногда и вино; но он отказывается от всего этого, а просит только о том, чтобы принимать почаше в лазарет и помещать в сухой комнате» [Громыко: 18].

О причинах можно только догадываться. Наводят на мысли следующие строки из рапорта Крыжановского:

«...дабы сокрыть непозволительные связи Г. Троицкого с важнейшим государственным преступником — связи, на кои смотрели все арестанты в госпитале, маловажные к явному их соблазну и к уважению важнейшего преступника Дурова...»⁴⁸.

Вероятно, автор «Записок из Мертвого Дома», который не хотел выглядеть «белоручкой» на каторжных работах и искренне не понимал, как можно не выйти на претензию вместе со всеми, «изъ товарищества» (655), не мог из совести позволить себе пользоваться привилегиями, которых нет у остальных арестантов.

Но что штаб-врач имел в виду под *увеличением доходов*? Жалованье для медиков было фиксированным и никак не зависело от числа пациентов. Очевидно, дело было в другом. Из исторического очерка «Столетие военного министерства: 1802–1902» известно, что в ходе ревизий госпиталей в период правления Николая I выявили массу различных злоупотреблений. Среди них в ходу была практика наживаться за счет различных фальсификаций расчетных записей о порциях. Например, приписывать к числу больных здоровых людей для получения дополнительных порций:

«Для сего записываются обыкновенно в число больных здоровые госпитальные служители, школьники, фельдшера, цирюльники и конторские писаря — иногда под названием хожалых больных»⁴⁹.

По «Запискам...» мы точно знаем, что старший доктор был не против принимать здоровых в пациенты, но не из корыстных формальностей, а из сострадания — как раз для того, чтобы они могли «отдохнуть отъ работы или полежать на тюфякъ, вмѣсто голыхъ досокъ и наконецъ все-таки въ теплой комнатѣ, а не въ сырой кордегардіи» (573). Частица *будто* в следственном замечании намекает на неоправданность обвинения. В противном случае Троицкий впоследствии не удостоился бы такого высокого звания, как корпусной штаб-доктор.

Однако беспорядки в Омском военном госпитале, безусловно, были. Ординатор Крыжановский, уже в качестве пациента, на себе ощутил тяготы условий содержания больных. Сохранился его рапорт от 12 марта 1850 г. на имя главного лекаря Троицкого о беспорядках в Омском военном госпитале, ценный тем, что подтверждает документальность изображения «Записок...» и дополняет художественный образ военного госпиталя. Больной ординатор последовательно доказывает, почему в палатах не может быть чистого воздуха:

«... правда, что во всех больничных палатах есть оконные форточки для пропуска наружного воздуха, есть и камины, да много ли от них пользы? Форточки открываются не всегда и ночью постоянно закрыты; а в каминах, и то не во всех, поддерживается огонь не далее 12-ти часов утра, т. е. до обхода только госпиталя главным лекарем, и от самого обеда и ночью камины и мрачны, и холодны <...>. В коридоре холоднее, чем в палатах, а в ретирадных местах, к коим вход прямо из коридора, гораздо холоднее, чем в коридоре; представим (что и на самом деле есть) наддверные рамы в палатах опущены; следовательно, коридорный воздух будучи холоднее, а потому и гуще палатного по законам физическим точно так, как это бывает и при пожарах, стремится занять изреженно-теплое воздушное пространство — и потому в опущенные наддверные рамы и врывается в палаты; но это еще не беда; коридорный воздух — приглашенный гость — для пропуска его и устроены наддверные рамы; да то беда, что непрошенный вонючий, смрадный, неспособный ни для горения, ни для дыхания и поддержания жизни живых существ ретирадный воздух следом за коридорным как бы по пятам его пробирается в госпитальные палаты...»⁵⁰.

При том, что Достоевский лежал в особых, арестантских палатах, постоянно запертых, опыт Крыжановского абсолютно созвучен ощущениям рассказчика «Записок...»:

«Въ палатѣ былъ чрезвычайно удушливый, больничный запахъ. Воздухъ былъ зараженъ разными неприятными испареніями и запахомъ лекарствъ, несмотря на то, что почти весь день въ углу топилась печка» (559).

Но очевидно и различие в порядках арестантских палат: старший доктор обходил заключенных в одиннадцатом часу (571), а печка у них топилась почти весь день. В остальном впечатления Достоевского и Крыжановского схожи. Например, ординатор докладывает «о том, что в каждой почти палате можно найти полуздоровых людей, пристрастных к трубке»⁵¹. По его словам, если им не удавалось тайком от врачей покурить днем, то они делали это ночью. Вот что рассказывает об этом Горянчиков:

«Трубки же и кисеты, которые были почти у каждого, не исключая даже и чахоточныхъ, прятались подъ койки. Докторъ и другіе изъ начальниковъ почти никогда ихъ не осматривали, а если и заставляли кого съ трубкой, то дѣлали видъ, что не замѣчаютъ. Впрочемъ и больные были почти всегда осторожны и ходили курить къ печкѣ. Развѣ ужъ ночью курили прямо съ кроватей; но ночью никто не обходилъ палатъ, кромѣ развѣ иногда офицера, начальника госпитальнаго караула» (559).

Еще одно излюбленное ночное занятие бодрствующих больных, по словам Крыжановского, — «послушать сказальщика»⁵², отражение чего без труда можно найти в «Записках...» (вспомнив хотя бы главу «Акулькин муж»).

Однако Федор Михайлович, в отличие от Льва Петровича, не сетует на медицинское начальство и защищает его:

«Порядокъ этотъ шель разумѣтся не отъ докторовъ. Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали ихъ за отцовъ, уважали ихъ» (566).

Несомненно, художественной задачей автора «Записок из Мертвого Дома» являлось создание образа благородного и человеколюбивого врача и возведение его в национальный тип. Именно поэтому для Достоевского было немислимо взять за прообраз одного из своих героев ординатора Крыжановского. И смеем предположить, если бы Лев Петрович не был врачом, то он мог бы пополнить ряды таких начальников-самодуров в «Записках...», как плац-майор и поручик Жеребятников.

Так чем же закончилось военно-судное дело штаб-лекаря Крыжановского? Вероятно, чтобы смягчить себе приговор, ординатор принял такую позицию:

«...со 2-го по 26-е число марта (1850 г. — М. К.) одержимый желчною горячкой с припадками мрачайшей ипохондрии, уподоблялся я человеку, приговоренному к смерти; и по истинной чистой и благородной совести уверяю, что ни слов, ни действий, ни поступков своих с 2-го по 26-е число марта я не помню и бывшие проявления моего ума и свободной моей воли не признаю»⁵³.

Но следствие пришло к другим заключениям:

«Генерал Аудиториат, признавая, что подсудимый Крыжановский оказал дерзость против главного лекаря Троицкого не в припадке ипохондрии,

а вследствие крайне беспокойного характера, по которому подвергся и другим вышеизъясненным обвинениям, и что после всех испытанных начальством мер он не подает уже никакой надежды к исправлению, полагал отставить его, Крыжановского, от службы с тем, чтобы впредь в оную не определять, и, подвергнув его полицейскому надзору, воспретить ему на будущее время пользование больных так, как сам он в продолжение производства над ним дела доказывал, что часто подвергается припадкам ипохондрии, и из дела видно, что он беспечен в исполнении своих обязанностей и дурно обращается с больными»⁵⁴.

А 18 декабря 1852 г. последовала собственноручная Его Императорского Величества конфирмация: «Быть по сему»⁵⁵.

На основании архивных и мемуарных источников раскрыта фигура ординатора Л. П. Крыжановского. Это позволило нам обнаружить ошибочность мнения С. В. Белова о кровном родстве штаб-лекаря с Н. С. Крыжановской (Криванько), личность которой легла в основу образа Настасьи Ивановны в «Записках из Мертвого Дома», а также исключить вероятность его «прототипичности» персонажу ординатора, «котораго очень любили арестанты» (571). Уточнены детали следствия по доносу ординатора Крыжановского на главного лекаря Троицкого за «большое снисхождение и потворство политическим арестантам» (как оно упоминается в записках Мартыянова): на самом деле следственное дело имело отношение только к С. Ф. Дурову и называлось «о снабжении арестанта из политических преступников Дурова улучшенной пищей». Найденные архивные материалы составляют представление о порядках в Омском военном госпитале, что дополняет его художественный образ в «Записках...» и подчеркивает документальный характер произведения. Таким образом, прояснены обстоятельства пребывания Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова на каторге.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 170–171.
- ² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авторской орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. Т. 3. С. 564. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Эпилепсия.
- ⁴ Более подробно о названных прототипах медицинского начальства в «Записках...» см.: [Калинин].
- ⁵ Если верить свидетельству П. К. Мартыянова, первые главы «Записок из Мертвого Дома» Достоевский начал писать в госпитале и хранил рукопись у старшего фельдшера Омского военного госпиталя (см.: Мартыянов П. К. В переломе века. (Отрывки из старой записной книжки). II. Морячки // Исторический вестник. 1895. Т. 62. № 11. С. 452). По архивным разысканиям М. М. Громыко, в годы каторги писателя эту должность занимал Алексей Аполлонович Аполлонов [Громыко: 34].

- 6 Г. А. Вяткин раскрыл имя фельдшера Александра Ивановича Иванова, опираясь на слова его сына — омского педагога Владимира Александровича Иванова. Тот рассказал, что его отец, исполняя должность фельдшера, передавал Достоевскому французскую газету «Le nord» от Троицкого (Вяткин Г. Достоевский в Омской каторге. По поводу 75-летия ссылки Ф. М. Достоевского в Сибирь // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 179).
- 7 Мартьянов П. К. В переломе века. С. 455.
- 8 Благодаря запискам Мартьянова до нас дошло свидетельство курьезной сцены допроса Достоевского следователем: «Политические арестанты, при допросе их, давали такие уклончивые иносказательные ответы, что следователь становился в тупик и только бранился. Так, Ф. М. Достоевский на сделанный ему следователем вопрос: не писал ли он чего-либо в остроге или когда находился в госпитале? — ответил: — Ничего не писал и не пишу, но материалы для будущих писаний собираю. — Где же материалы эти находятся? — У меня в голове» (Мартьянов П. К. В переломе века. С. 455–456).
- 9 Там же. С. 455.
- 10 ОР РГБ. Ф. 6. П. 3. № 67. Л. 25 об.
- 11 Прототип Б—кого в «Записках...».
- 12 Цитата из рукописного текста мемуаров Богуславского приводится в переводе А. Г. Подрябинкиной.
- 13 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 517.
- 14 Там же. Л. 518.
- 15 Екатеринославская духовная семинария — среднее духовное учебное заведение Екатеринославской епархии Русской православной церкви в городе Екатеринославе (ныне г. Днепр, Украина). Существовала в 1804 — ок. 1918 гг.
- 16 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 36 об.
- 17 Там же. Л. 517 об.
- 18 Там же. Л. 519 об.
- 19 Там же. Л. 521 — 521 об.
- 20 Там же. Л. 38.
- 21 Там же. Ч. 1–3, Ч. 5–9.
- 22 Там же. Ч. 1. Л. 38 об.
- 23 Там же. Л. 41 об.
- 24 Там же. Л. 40 об.
- 25 Там же. Л. 39 об. — 40.
- 26 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 1 — 1 об.
- 27 Там же. Л. 1 об. — 2.
- 28 См. Письмо А. Е. Ризенкамппа к А. М. Достоевскому от 10 марта 1881 г. // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 551. (Литературное наследство; т. 86).
- 29 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 4 об.
- 30 Там же. Л. 5.
- 31 Там же. Л. 5. — 5 об.
- 32 ОР РГБ. Ф. 6. П. 3. № 67. Л. 7 об.
- 33 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 2 об.
- 34 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 2.
- 35 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 2 об.
- 36 Прототип плац-майора в «Записках из Мертвого Дома».

- 37 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 20.
 38 Там же. Л. 20 об.
 39 Там же. Л. 47 об.
 40 Там же.
 41 Умозаключение от возможности к действительности не имеет силы (*лат.*).
 42 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 48.
 43 Там же. Л. 16.
 44 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 2 об. — 3.
 45 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 9. Л. 73.
 46 Там же.
 47 Там же. Ч. 5. Л. 113.
 48 Там же. Ч. 9. Л. 73 об.
 49 Исторический очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование Императора Николая I // Столетие военного министерства: 1802–1902 / гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1908. Т. VIII. Ч. II. С. 263.
 50 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 51 об. — 52 об.
 51 Там же. Л. 53 об.
 52 Там же. Л. 56.
 53 Там же. Л. 44.
 54 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 6 об. — 7.
 55 Там же. Л. 7 об.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. СПб.: Алетейя; РНБ, 2001. Т. 1. 573 с.
2. Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука, 1985. 168 с.
3. Достоевский и его время / под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Л.: Наука, 1971. 367 с.
4. Калинин М. А. Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 69–100 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666170.pdf (01.10.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501
5. Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2016. Т. 4. 331 s.

References

1. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar'*: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteya Publ., RNB Publ., 2001, vol. 1. 573 p. (In Russ.)
2. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854 gg.* [Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky. 1850–1854]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)
3. *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 367 p. (In Russ.)

4. Kalinin M. A. Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's "The House of the Dead" (Based on Archival Materials). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 69–100. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666170.pdf (accessed on October 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501 (In Russ.)
5. *Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta [Poles from Vilnius and Zemaitija in Exile. The Memoirs of Jozef Boguslavsky and Priest Mateusz Veit]*. Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego Publ., 2016, vol. 4. 331 p. (Ser.: Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918)) (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Калинин Михаил Андреевич, студент **Mikhail A. Kalinin**, Journalism Student, Lomonosov факультета журналистики, Московский Moscow State University (ul. Mokhovaya 9с1, государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3777-9922>; e-mail: mckalinin99@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 14.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.02.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 070+821.161.1+281.93

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5281

Вопрос о расколе в журналах «Время» и «Эпоха» (1861–1865)

Л. В. Алексеева

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: lempi@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теме раскола в журналах братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха». Содержание опубликованных в них статей и рецензий рассмотрено с точки зрения почвеннического направления изданий, позиция редакции которых была сформулирована в «Объявлении об издании в 1861 году журнала “Время”, ставшем программным документом. Главная идея «Времени», а также последовавшей за ним «Эпохи», заключалась в необходимости слияния образованной части общества и народа, между которым произошел разрыв, раскол, духовный, политический, социальный, вследствие не только церковной реформы XVII в., но и дальнейших государственных преобразований, вызвавших неприятие народа. Идея журналов Достоевских заключалась в понимании и познании народа, признании его самобытности, обращении к народному началу, «почве», развитию общинной формы устройства жизни, синтезе тех идей, которые развивает Европа и которые найдут свое развитие в русской народности. Эти мысли вобрала в себя идея усиленного «познания России» Ф. М. Достоевского, которая нашла отражение в его статье «Два лагеря теоретиков». На материале публикаций журналов «Время» и «Эпоха» показано, что понятие «раскол» в сознании авторов XIX в. было гораздо шире, чем историческое явление, вызванное церковной реформой XVII в. Они понимали раскол не только как религиозное, но и как социальное, политическое явление, которое требует глубокого изучения и исправления, синтеза европейских и народных начал.

Ключевые слова: «Время», «Эпоха», Ф. М. Достоевский, почвенничество, раскол, старообрядчество, сектантство, земство, община

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90016 Достоевский («Редакционный архив журналов братьев Ф. М. и М. М. Достоевских “Время” и “Эпоха”»).

Для цитирования: Алексеева Л. В. Вопрос о расколе в журналах *Время* и «Эпоха» (1861–1865) // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 120–148. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5281

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5281

The Issue of the Split (Schism) in the *Vremya* and *Epokha* Journals (1861–1865)

Lyubov V. Alekseeva

Petrozavodsk State University
(*Petrozavodsk, Russian Federation*)

e-mail: lempi@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the schism in the *Vremya* and *Epokha* journals published by the brothers Fyodor and Mikhail Dostoevskys. The content of the articles and reviews published in them is considered from the viewpoint of *pochvennichestvo* (*native soil*) position of the publications. The stance of their editorial board is formulated in the *Announcement about the publication of the Vremya journal in 1861*, which became a program document. The main concept of *Vremya*, as well as the *Epokha* journal that followed it, was the need to merge the educated part of society with the people. There was a spiritual, political and social gap, a split between them, which was caused not only by the church reform of the 17th-century, but also by subsequent state reforms that caused people's rejection. The idea of the Dostoevskys' journals was to get to know the people, recognize their originality, appeal to the native principle, *pochva* (*soil*), the communal form of life, the synthesis of the ideas developed in Europe, which will find their development in the Russian *narodnost'* (Russian people). These thoughts were absorbed by F. M. Dostoevsky's idea of enhanced *knowledge of Russia*, which was reflected in his article "Two Camps of Theorists." Using the publications in the *Vremya* and *Epokha* journals, it is demonstrated that the concept of *split* (*schism*) in the minds of the 19th-century authors was much broader than the historical phenomenon caused by the 17th-century church reform. They consider the split not only as a religious, but also as a social and political phenomenon that requires deep research and rectification, a synthesis of European and popular principles

Keywords: "Vremya" ("Time"), "Epokha" ("Epoch"), Fyodor Dostoevsky, *pochvennichestvo* (*native soil*), split (*schism*), Old Belief, sectarianism, *zemstvo*, commune

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90016 Dostoevsky.

For citation: Alekseeva L. V. The Issue of the Split (Schism) in the "Vremya" and "Epokha" Journals (1861–1865). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 120–148. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5281 (In Russ.)

«Въ послѣднее время особенно какъ-то развилась у насъ охота занимать-ся расколомъ. Вопросъ о русскомъ расколѣ чуть не сдѣлался моднымъ во-просомъ <...> явилось много и печатныхъ толкователей о немъ. Но <...> за немногими исключеніями, никто не постарался заглянуть въ дѣло поглуб-же» (*Владиславлев*: 83), — так обозначил тенденцию начала 1860-х гг. в от-ношении вопроса об изучении этого культурно-исторического явления автор рецензии на книгу А. И. Бровковича «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александр-ра Б.», опубликованной в 1861 г. в журнале «Время».

Вскоре во «Времени», также в рубрике «Критическое обозрение», на это высказывание последовала реакция историка Н. Я. Аристов, который в рецензии «По поводу новых изданий о расколе» заметил:

«Недавно кто-то выразился, что вопросъ о расколѣ сталъ моднымъ. Это неправда: скорѣе нужно видѣть въ немъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ времени, до котораго добрались самымъ послѣдовательнымъ, логическимъ путемъ. Явленіе такой важности и такое запутанное нельзя сразу рѣшить...» (Аристов: 90).

Действительно, до рубежа 1850–1860-х гг. общество имело ограниченное представление о русском старообрядчестве, возникшем как следствие неприятия частью православных верующих церковной реформы XVII в. Это незнание объяснялось тем, что ввиду политики преследования старообрядцев доступ к первоисточникам — документам и сочинениям старообрядческой мысли — был ограничен, старообрядческая литература издавалась редко, а «моменты освещения событий раскола в печати строго регламентировались цензурными актами и системой господствующих идеологических приоритетов» [Молзинский, 2011b: 47]. В 1860-е гг. не только начали активнее выходить из печати сами эти источники, но появились и публикации — реакция на эту литературу¹.

Освещение во «Времени» и «Эпохе» вопроса о расколе (используя терминологию авторов XIX в.²) обращало на себя внимание исследователей, занимавшихся изучением журналов Достоевских (редакционной политикой, направлением изданий, содержанием публикаций и др. вопросами; см.: [Кирпотин: 50–55], [Нечаева, 1972: 195–199; 1975: 113–114], [Соколова], [Баршт, 2017: 39], [Агашина], [Peace], [Снигирева]). Так, В. С. Нечаева рассматривала эти публикации как часть большой темы, нашедшей выражение на страницах журналов Достоевских, — темы русской истории [Нечаева, 1972: 195–199; 1975: 113–114]. Е. Н. Агашина сосредоточилась на концепции историка А. П. Шапова, изложенной в его статье «Земство и раскол. Бегуны» [Агашина]. В работе английского исследователя Ричарда Писа (Richard Peace) «The Description of the Russian Sects in “Vremia” and “Epocha”» позиция Ф. М. Достоевского рассматривается в контексте художественного творчества писателя [Peace]. С. Д. Снигирева пишет о влиянии А. П. Шапова на историософские воззрения Ф. М. Достоевского [Снигирева].

Интерес редакции «Времени» к теме раскола может быть объяснен основными установками и взглядами на задачи и направление журнала, которые были изложены в «Объявлении об издании в 1861 году журнала “Время”»³.

Главная идея журнала заключалась в необходимости слияния «образованности и ея представителей съ началомъ народнымъ и приобщеніе всего великаго русскаго народа ко всѣмъ элементамъ нашей текущей жизни, — народа,

отшатнувшася отъ петровской реформы <...> и съ тѣхъ поръ разъединеннаго съ сословіемъ образованнымъ, жившаго отдѣльно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнію» (*Достоевский*; т. 4: 7). Народ не принял форм жизни, не согласовывавшихся с его духом, и, осозная свою самобытность, попытался создать свою новую форму: «Онъ вдумывался въ себя и свое положеніе, пробовалъ создать себѣ свое воззрѣніе, свою философію, распадался на таинственныя уродливыя секты, искалъ для своей жизни новыхъ исходовъ...». Попытка создать новые формы жизни оказалась неудачной, но «въ нихъ было одно общее начало, одинъ духъ, вѣра въ себя незыблемая...» (*Достоевский*; т. 4: 8).

Окончание петровского периода истории поставило общество перед выбором дальнейшего пути развития, когда, по мнению редакции журнала, настало время создания новой формы жизни — время «примиренія цивилизаціи съ народнымъ началомъ» (*Достоевский*; т. 4: 10).

Идея воссоединения русского общества, осознавшего свою самобытность и невозможность примкнуть к европейцам, была объявлена девизом журнала. И в качестве первостепенной редакция «Времени» ставила задачу создать «новую форму <жизни> <...>, взятую изъ почвы <...>, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ» (*Достоевский*; т. 4: 9). Эта новая форма жизни должна основываться на русской идее — «синтезъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя <...> развиваетъ Европа», где «все враждебное <...> найдетъ свое примиреніе и дальнѣйшее развитіе въ русской народности» (*Достоевский*; т. 4: 9). В способности «примирительнаго взгляда на чуждое» заключен «высочайшій и благороднѣйшій даръ природы, который дается очень немногимъ національностямъ» (*Достоевский*; т. 4: 9–10). Первым шагом к этому примирению с народом, как говорилось в «Объявлении...», должны стать грамотность и образование, поэтому этот шаг необходимо сделать «образованному сословию» (*Достоевский*; т. 4: 10). Распространение образования определялось редакцией как одна из первоочередных задач времени.

«Объявление...» стало своеобразным манифестом почвенничества. Таким образом, «Время» планировало развивать основополагающую идею почвенничества — идею сближения на национальной или народной «почве» оторванных друг от друга начал (см. также: [Нечаева, 1972: 195], [Захаров, 2012: 15–16]).

Говоря о характере издания, его редакция сообщала о намерении следить за важными литературными фактами и особом внимании к отделу критики. В нем «всякая замѣчательная книга, но и всякая замѣчательная литературная статья, появившаяся въ другихъ журналахъ, будетъ непремѣнно разобрана», — говорилось в «Объявлении...» (*Достоевский*; т. 4: 12).

Сменившая «Время» «Эпоха» намеревалась продолжить то же направление, в основе которого лежали идеи «почвы», соединения общества с интересами народа. О первых успехах этого взаимодействия сообщал М. М. Достоевский.

«Великія событія послѣдняго времени, заявившія собой первые признаки (послѣ эпохи двѣнадцатаго года) соединенія общества съ земствомъ, такъ что та и другая сторона начали почти понимать другъ друга — составляютъ наглядный примѣръ того чего мы всегда желали и къ чему стремилось наше направленіе», — говорится в Объявлении «Об издании нового ежемесячного журнала “Эпоха”, литературного и политического» (*Достоевский*; т. 5: 652).

Несмотря на то, что исследователи уже обращались к вопросу о расколе в журналах Достоевских (преимущественно на материале публикаций «Времени»), представляется необходимым рассмотреть его через призму идей, изложенных в «Объявлениях об издании. . .», выражающих почвенническое направление этих журналов.

В публикациях «Времени» нашла отражение идея познания народа, его идеалов, признания его национальной самобытности. Объединяющим началом ряда статей и рецензий стало рассмотрение старообрядчества как проявления народной жизни. Причем речь идет о собственно старообрядчестве: совокупности религиозных течений в русле православия, отвергших никоновские реформы церковного богослужения XVII в. Мысли о необходимости изучения и преодоления раскола общества (религиозного, политического и социального, возникшего вследствие не только церковных, но и государственных преобразований в последующие эпохи), поиска формы жизни, основанной не на борьбе, а на сосуществовании различных частей русского общества, примирении разных взглядов, синтезе идей пронизывают статьи и рецензии на эту тему в журнале «Время».

Интерес к старообрядцам проявлял и сам Ф. М. Достоевский. Он наблюдал их на каторге, в Петербурге, позднее, с 1870-х гг., в Старой Руссе — одном из крупнейших старообрядческих центров [Агеева: 383]. Непосредственное общение с ними Достоевский имел в Омском остроге (1850–1854). Впечатления от знакомства со старообрядцами, в которых писатель увидел хранителей нравственной силы народа, его «могучую силу», отразились в «Записках из Мертвого Дома» (см. подробнее: [Баршт, 2017: 37–38; 2019: 123–124]).

Об интересе писателя можно судить по его библиотеке, в которой имелась ценная подборка книг по этой теме. Об их наличии свидетельствует список книг, составленный А. Г. Достоевской. В нем выделены тематические группы, с которыми соседствуют описания отдельных книг. Одна из таких групп, отмеченная Анной Григорьевной, — «Книги по расколу» [Библиотека Ф. М. Достоевского. . . : 16–17]. В 1862 г. из магазина А. Ф. Базунова Достоевским в числе других книг были заказаны «Рассказы по истории старообрядчества» С. В. Максимова, «Раскольничьи дела XVIII столетия» Г. Есипова, «История Выговской старообрядческой пустыни», «Раскол» А. П. Щапова («В пользу раскола»), близкий к этой теме (если рассматривать старообрядчество как проявление народного сознания и форму общинного быта) труд Н. И. Костомарова «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечегового уклада» (в 2 т.) [Библиотека Ф. М. Достоевского. . . : 11]. Входили в библиотеку

и «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б.» Никанора (Бровковича А. И.), «Русский раскол старообрядства...» А. П. Шапова, а также более поздние, 1870–1880-х гг., издания: сочинения публициста, церковного писателя Т. И. Филиппова, проявлявшего симпатии к старообрядцам и общавшегося с Н. Лесковым; Павла Прусского — архимандрита, в прошлом старообрядца, примкнувшего к единоверию, известного своими сочинениями против старообрядчества; «Ереси и расколы первых трех веков христианства» протоиерея А. М. Иванцова-Платонова. Внимание Ф. М. Достоевского к этой теме подтверждают и воспоминания А. Г. Достоевской:

«У него была прекрасная библиотека, о которой он очень тосковал за границей. В ней было много книг, подаренных ему друзьями-писателями с их посвящениями; много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества, которыми Федор Михайлович очень интересовался [Достоевская: 260].

Центральной в обсуждении темы раскола в журнале «Время» является статья Ф. М. Достоевского «Два лагеря теоретиков» (Время. 1862. № 2)⁴, в полной мере выразившая позицию издания и самого автора в отношении этого вопроса. Его рассмотрение велось в статье в связи с важнейшими темами, затронутыми редакцией «Времени» в «Объявлении об издании...». Это — народность, национальное начало, значение петровских преобразований, разобщенность в обществе и пути ее преодоления, необходимость единения образованной части общества с простым народом.

Основываясь на понимании раскола как явления народной жизни, Достоевский поднимает в статье вопрос о народе — русском земстве, «одномъ изъ главныхъ заправляющихъ началъ нашей жизни» (Достоевский; т. 5: 259). Решение этого вопроса должно определить успех будущего развития общества, но, по Достоевскому, его решение не может опираться на теорию по причине того, что «два лагеря теоретиков» — западники и славянофилы — отрицают всякую народность (Достоевский; т. 5: 261). При этом славянофилам отдается должное в том, что они много способствовали изучению народного быта, указали роль земства и общинного быта в истории. Однако теоретики «осудили въ русской жизни все что неукладывалось въ ихъ узкую рамку» (Достоевский; т. 5: 259), и не поняли, что «земство — самый нужный элементъ въ <...> русской жизни» и «въ чемъ должно состоять <...> съ нимъ сближеніе» (Достоевский; т. 5: 261). Его значимость, по мнению Достоевского, заключена в будущем обновлении общественной жизни. Для этого необходимо преодолеть разрыв в обществе — оторванным от народа образованным сословиям вернуться «на почву народности», объединиться с земством. Одним из условий достижения этого единства должно стать распространение грамотности в народе, а главное — «нужно полюбить народъ, но любовью

вовсе не кабинетною, сентиментальною» (*Достоевский*; т. 5: 277). Ценное зерно будущего обновления «почвы» заключено, по мнению писателя, в старообрядцах.

Старообрядчество, считает Достоевский, не было понято ни западниками, ни славянофилами: одни, «лелѣя въ душѣ одинъ только московскій идеаль Руси православной не могутъ съ сочувствіемъ отнестись къ народу, измѣнившему православію...»; вторые видят в нем лишь «фактъ невѣжества русскаго», самодурства, «гнавшагося за сугубымъ алилуія, двуперстнымъ знаменіемъ» (*Достоевский*; т. 5: 277).

Преодолевая односторонность этих взглядов, Достоевский дает другое, более широкое, его понимание. Он рассматривает раскол как «исторический фактъ», «историческое явление», выросшее на русской «почве» вследствие неприятия не только церковной реформы Никона в XVII в., но и последующих государственных преобразований. Это протест народа, почувствовавшего «худобу жизни», против действительности и его попытка «выйти на свѣжій воздухъ» (*Достоевский*; т. 5: 267). Задаваясь вопросом, «что произвело нашъ русскій расколъ?», писатель ищет его истоки в допетровской Руси, возражая идеализировавшим ее славянофилам: «...нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выраженіе жизни народной» (*Достоевский*; т. 5: 267). Его суждения основываются на выявлении отрицательных сторон допетровской Руси: наружное смирение, рабство, «чрезвычайно много азиатскаго, восточной лѣни, притворства, лжи» и др. (*Достоевский*; т. 5: 267). В этих условиях, по мнению Достоевского, народ вынужден был отвернуться от существующего порядка, вследствие чего и образовался раскол. Идеализацию современниками допетровской Руси автор объясняет тем, что в ней «видна цѣлостность жизни», но это мнимая видимость: она «потому и хороша, что вдаль отъ насъ, что ее показываютъ при искусственномъ освѣщеніи» (*Достоевский*; т. 5: 267). Ее исцеление, по Достоевскому, заключено в необходимости обновления, зерно которого находится в «почве», в народе.

Немаловажную роль в развитии и усилении раскола Достоевский отдает петровским преобразованиям, в которых видит средоточие «общего желанія — дать новое направленіе <...> исторической жизни...» (*Достоевский*; т. 5: 267), тем самым признавая их закономерность и значимость. Он считает реформы Петра народными в той степени, в какой они выразили стремление к обновлению жизни. Однако преобразования, по его мнению, были поверхностными, внешними и в этом не соответствовали народному духу. Произвол, «деспотизмъ <...> реформаторскихъ приемовъ» были антинародны. И поскольку «реформационная буря», по определению писателя, уже была подготовлена, то народ, земство отrekliсь от реформаторов и выбрали свой путь, отличный от пути высшего общества, «но какъ выйти, куда идти, — плохо сознается и понимается...» (*Достоевский*; т. 5: 270). Это «странное отрицаніе», в котором выразились «глубокое недовольство

дѣйствительностью», «страстное стремленіе къ истинѣ», нашло выход в народном движении старообрядчества, не понятом ни западниками, ни славянофилами: «И этотъ фактъ русской дури и невѣжества <...> самое крупное явленіе въ русской жизни, и самый лучший залогъ надежды на лучшее будущее, въ русской жизни» (*Достоевский*; т. 5: 277).

Не приняв вполне позицию ни одной из сторон, автор находит у каждой из них долю правды, без которой невозможно решение вопроса. С одной стороны, последствия произошедшего раскола губительны для общества — как для народа, так и для оторванных от него образованных слоев. Это разобщенность общества: «нѣтъ <...> общихъ, связывающихъ узъ, нѣтъ общихъ интересовъ» (*Достоевский*; т. 5: 277), разрыв духовных связей. Отсюда — недоверие народа к проявляемому сочувствию к его интересам, враждебность. Между тем как понимание общечеловеческих интересов, по Достоевскому, невозможно без усвоения национальных. Народ не может развиваться, вынужденный отстаивать свою самобытность, не восприимчив к достижениям европейской цивилизации, которые пытается усвоить образованное общество. «Почва» приносит не те плоды, что могла бы. В то же время другая часть общества не обновляется новыми народными силами, свежими мыслями — не получает подпитки «почвы»:

«...посмотрите какой иногда тактъ въ сужденіи, какая зрѣлая практичность ума, мѣткость въ словѣ проявляется въ этомъ народѣ, который не имѣетъ никакой юридической подготовки, не знаетъ римскаго права» (*Достоевский*; т. 5: 278);

«Мы признаемъ въ народѣ много недостатковъ, но никогда не согласимся съ однимъ лагеремъ теоретиковъ, что народъ непроходимо глупъ, ничего не сдѣлалъ въ тысячу лѣтъ своей жизни...» (*Достоевский*; т. 5: 279).

По Достоевскому, для того чтобы подпитывать общество свежими умственными силами, образование должно стать общенародным достоянием (*Достоевский*; т. 5: 275) («идея о всенародном образовании»⁵).

Выход из этого разрыва Достоевский видит в объединении общего стремления к обновлению — в формировании нового общественного быта, когда образованный слой будет опираться не только на себя, но и на народ (*Достоевский*; т. 5: 275).

Основой общественного устройства, по мысли писателя, может стать общинный быт, который в западной цивилизации еще не получил развития, а русский народ его веками отстаивал. В старообрядчестве же ему удалось сохраниться в полной мере. Это стремление старообрядцев к отстаиванию своего уклада жизни, несмотря на гонения, выявило способность народа к политической жизни. В этом, а также в стремлении к самостоятельности в своем развитии, в стремлении к умственной деятельности писатель видит прогрессивное начало, которое должно стать основой будущего развития.

Его необходимое условие — преодоление разрыва общества, разрушительного отрицания и обращение к народной почве. Залог успешного преодоления раскола Ф. М. Достоевский видел в стремлении «настолько соединиться съ народомъ, чтобъ онъ не отдѣлялъ образованныхъ людей отъ себя и считалъ образованное общество своимъ...» (*Достоевский*; т. 5: 273).

В своих взглядах на причины появления и значение старообрядчества как проявления раскола Ф. М. Достоевский во многом был созвучен современникам, высказывавшимся по этому вопросу в конце 1850-х — 1860-е гг., например: крупнейшему исследователю старообрядчества П. И. Мельникову-Печерскому (записка «О русском расколе», 1857, опубл. 1860⁶), Н. И. Костомарову, позиция которого была отчетливо выражена в «Истории раскола у раскольников» (опубл. 1871⁷) [Молзинский, 2011a], отчасти — Н. П. Гилярову-Платонову, Н. С. Лескову, И. С. Аксакову (см.: [Водолазко], [Дмитриев, 2012, 2018, 2019] и др.). «История раскола у раскольников» стала своего рода кульминацией волны изучения старообрядчества в сер. XIX в., начавшейся в условиях некоторого послабления в годы царствования Александра II и пошедшей на спад в 1870-е гг. К тому времени произошло знакомство читателей со множеством сочинений старообрядцев, в том числе благодаря журналам братьев Достоевских. В то же время еще не получило развития всестороннее изучение этого явления, не печатались труды историков-старообрядцев. Значительным шагом на пути к пониманию старообрядчества, помимо существовавшего обличительного направления, стало формирование иного подхода со стороны славянофилов и представителей так называемой социально-политической школы (А. П. Щапова, Н. Я. Аристова, В. В. Андреева и др.).

Позднее во «Времени» была представлена концепция раскола, автором которой был историк, этнограф, публицист А. П. Щапов, значимость участия которого в журнале подчеркивал Ап. Григорьев: «Что же вы ловите слюню бешеных <...> и не заполучите такого человека, как Щапов, который носит в себе целое, совсем новое и вполне народное направление? Как это журналу, толкующему непрерывно, хоть и крайне неопределенно, о народности, не сойтись с ним...»⁸. Это новое веяние, по его мнению, должно было истребить «празднословие западников», «суесловие “Дня”», «хохлословие Костомарова» и «буесловие “Современника”»⁹.

А. П. Щапов, высоко оцененный признанным знатоком старообрядчества П. И. Мельниковым-Печерским¹⁰, руководствовался принципом исследования, им сформулированным: познание народа, «лежа у мужика на полатяхъ, а не сидя въ бархатныхъ креслахъ въ кабинетъ»¹¹. Обучаясь в Казанской духовной академии (1852–1857)¹², А. П. Щапов имел возможность работать с рукописями Соловецкого монастыря, впоследствии, состоя на службе чиновником в Министерстве внутренних дел, — с другими архивными документами по делам раскола.

Предпосылкой написания нескольких журнальных статей А. П. Шапова стало его участие в апреле 1861 г. в Куртинской панихиде по расстрелянным крестьянам с. Бездна, не признавшим манифеста об освобождении [Нечкина: 648, 668]¹³, а также письмо от 8 октября 1861 г. к П. П. Вяземскому, сыну поэта, по поводу стихотворения П. А. Вяземского «Заметка» (см. подробнее: [Нечкина: 648–651]).

В 1862 г. «изгнанный из Казани, лишенный университетской кафедры, крамольный профессор» А. П. Шапов [Коган: 583]¹⁴, находившийся в Петербурге под строжайшим надзором III Отделения в должности чиновника Министерства внутренних дел по делам раскола [Нечкина: 648], опубликовал в двух номерах журнала «Время» (№№ 10–11) продолжение статьи «Земство и раскол» (Отечественные Записки. 1861. № 12)¹⁵ — под тем же названием, но с подзаголовком «Бегуны».

Свою концепцию Шапов обозначил уже в раннем сочинении «Русский раскол старообрядства»¹⁶: «...разсмотрѣть русскій расколъ старообрядства, въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII»¹⁷. Эта формулировка подразумевала трактовку старообрядчества не только в привычном, религиозном, но и в историко-культурном и социальном контекстах. Благодаря Шапову старообрядчество стало рассматриваться не только как явление религиозное, выражающее разногласия части народа с православной церковью, но и как социально-политическое — как проявление общественного протеста.

В статье «Земство и раскол. Бегуны» Шапов развивает мысль о том, что старообрядчество — мощный народный протест против государственного и церковного устройства, переросший в оппозиционное народное движение, сопоставимое с пугачевщиной.

Точкой отсчета, кардинально изменившей сложившиеся свободными народный быт и строй русского земства, Шапов называет времена царя Алексея Михайловича и Петра I (*Шапов, 1862a*: 319, 324). Реформы, проводимые ими на русской почве, породили глубокие противоречия между традиционной культурой и культурой, чуждой народу, что и стало причиной раскола общества и появления старообрядчества. Эту мысль Шапов высказывал и ранее в сочинении «Русский раскол старообрядства»¹⁸. В своей оценке петровских преобразований историк не расходится с позицией редакции «Времени». Раскол усилился, когда реформы (учреждение высших центральных правительственных ведомств, «издание регламентовъ, инструкцій и уставовъ» и разложение цельного общинного быта земского мира на сословия, ревизия душ и др.) подтолкнули большую часть земства — крестьян, мещан, купцов — перейти в старообрядчество, поднявшее оппозицию народа против нововведений (*Шапов, 1862a*: 319–320). Этому способствовал и характер взаимоотношений власти с народом — жестокий произвол и непонимание народных нужд:

«Тогдашнее правительство не знало народа, надъ которымъ держало строгую деспотическую опеку. <...> Въ половинѣ XVIII столѣтія правительство было въ самомъ печальномъ невѣдѣніи народа, а народъ передъ нимъ былъ самый жалкій...» (Щапов, 1862а: 321).

Это отрицание сильнее всего выразилось в одном из старообрядческих согласий — бегунах (странниках)¹⁹, что Щапов объясняет их социальным составом: солдаты, крестьяне, купечество, мещанство, находившиеся в наиболее тяжелых условиях быта при существующей политике правительства. В этой земской среде, которая составляет основу бегунства, обращает на себя внимание Щапова «вѣковая, исторически-развившаяся и окрѣпшая сила воли, самостоятельность быта. <...> въ этомъ расколѣ не все застой, а есть жизнь, движеніе, поддерживается и воспитывается духъ народнаго саморазвитія, свободной самодѣятельности, самораспорядительности, самостоятельности, самоустройства, самоуправленія» (Щапов, 1862а: 324).

Рассматривая причины, толкавшие представителей различных сословий народа поддерживать старообрядческое движение и вливаться в состав распространившегося в то время бегунства, Щапов подводит к мысли о том, что разъединение земства, нарушение общности «задолго приготавлило къ бѣгунству» (Щапов, 1862а: 335). Старообрядчество явилось следствием раскола в земстве — сословного, «политико-географическаго или земско-областнаго, и даже этнографическаго» (Щапов, 1862а: 350), — которым подпитывалось и развивалось.

Народное движение, как отмечает Щапов, тоже не было единым. Разделение во взглядах вызвало другие протестные движения иного, стихийного характера — «буйное движеніе накипѣвшаго, наболѣвшаго въ сердцахъ народныхъ антагонизма и недовольства», «сбойчивый, мятежный порывъ несносно-сдержанныхъ могучихъ силъ народа къ выходу изъ-подъ вѣковаго гнета» в противоположность «тихому, духовно-нравственному, мистико-идеалистическому» (Щапов, 1862b: 254–255). Однако эти проявления народного возмущения — и пугачевщина, и христовщина, и селивановщина — определяются Щаповым как самозванство, политическое и религиозное (Щапов, 1862b: 257). Ни одно из них не облегчило положение протестующих.

Учение Евфимия, возглавлявшего странническое согласие (бегуны), сам Щапов признает малосодержательным и голословным, но тем не менее оказавшим сильное влияние на сознание народа.

На примере странничества А. П. Щапов затрагивает тему женской эмансипации, высокий уровень которой сохранялся там, как и в целом в старообрядчестве, и в XIX в. Особенно почитались среди бегунов²⁰ как мужчины, так и женщины, которые отличались грамотностью, начитанностью, некоторые — за свои сочинения, способствовавшие распространению учения (Щапов, 1862b: 280–282).

Тема женской эмансипации в начале 1860-х гг. активно обсуждалась в журнале Достоевских «Время», а позднее полемика на эту тему продолжилась и в «Эпохе» [Варламова]. Журнал был против сословного разделения в женском образовании. Достоевские «рассматривали борьбу женщин за равноправие как одну из сторон почвеннической идеи, заключающейся в том числе и в свободе личности» [Варламова: 45]. Этот вопрос интересовал редакцию прежде всего с точки зрения народного образования, которое должно было стать первоочередной мерой в преодолении разрыва в обществе. «Разумѣется, что первый шагъ къ достиженію всякаго согласія есть грамотность и образованіе. <...> Распространеніе образованія, усиленное, скорѣйшее и во что бы то ни стало — вотъ главная задача нашего времени, первый шагъ ко всякой дѣятельности», — говорится в «Объявлении об издании в 1861 году журнала “Время”» (*Достоевский*; т. 4: 10)²¹.

В журнале «Время» вопрос образования в России рассматривался в связи с идеей почвенничества²²: регулярно появлялись сообщения об открытии новых образовательных заведений, освещались материалы других периодических изданий на эту тему, велась полемика с ними, при этом в публикациях четко прослеживалась позиция самого журнала в вопросе женского образования и эмансипации²³, публиковались художественные произведения, посвященные женскому вопросу²⁴.

Щапов предлагал создать систему просветительских учреждений для народа, хотел учредить общество для распространения грамотности и организации сельских школ и школ для подготовки учителей (см.: [Нечкина: 654]).

Подробное рассмотрение учения бегунов приводит Щапова к выводу, что оно есть «отрицанье всѣхъ основныхъ началъ и учреждений имперіи, всей государственной системы» (*Щапов, 1862b*: 290). Историк указывает на то, что основной догмат учения о спасении бегством от антихриста декларирует эмансипацию членов семьи и свободный выход из нее, разрыв семейной замкнутости в противоположность домостроевским представлениям о крепких семейных связях (*Щапов, 1862b*: 292–293). При этом многие из бегунов наделены такими качествами, как смелость, энергия, нередко богатырская удаля, изумительная сметливость и изобретательность, выдержка, твердость в отстаивании своего учения (*Щапов, 1862b*: 293–294). Эти свойства как лучшее проявление народа, выражение его национальной самобытности подчеркивал и Ф. М. Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» (см.: *Достоевский*; т. 5: 278—279).

Основные положения Щапова совпадали с позицией редакции по вопросу о расколе (оценка раскола не только как религиозного, но и как социального явления — народного протестного движения вследствие отрицания не только церковной реформы, но и всей государственной системы, — как раскола общества, признание общинной формы устройства как лучшей формы организации общественной жизни) и были созвучны почвенничеству²⁵.

Говоря о взаимоотношениях Щапова с редакцией журнала, нельзя обойти вниманием историю, рассказанную в некрологе Щапова²⁶ в связи с публикацией во «Времени» его статьи «Земство и раскол. Бегуны». По словам автора некролога С. С. Шашкова²⁷, осенью 1862 г., когда Щапов сильно нуждался в деньгах, редактор М. М. Достоевский затягивал с выплатой следующих ему за статью денег и обещал выплатить их через неделю, но, узнав, что Щапов стеснен в деньгах до такой степени, что ему нечего надеть, отвез его к портному, услуги которого записал в счет будущей выплаты²⁸. Однако Ф. М. Достоевский в апрельской книге «Дневника Писателя» 1876 г.²⁹ опровергает эту историю, называя ее «голословным обвинением», «анекдотом», «нелепостью» с искаженными фактами. Защищая репутацию брата как честного человека и редактора, он предполагает тут просьбу Щапова о денежной выплате вперед, что нередко практиковалось в журнале. Жена писателя А. Г. Достоевская также вспоминала негодование мужа, выраженное им в «Дневнике Писателя» 1876 г. по этому поводу [Гроссман: 64–65]³⁰. Надо заметить, что материальная помощь Щапову оказывалась неоднократно. Так, в течение нескольких лет ее осуществлял Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд), о чем свидетельствуют документы Литфонда и письма Щапова³¹. Ходатайствовал о материальной поддержке Щапова через Литфонд и Ф. М. Достоевский: в феврале 1863 г. писатель визирует письма в Комитет Общества о срочной помощи Щапову, находившемуся в трудном финансовом положении (см.: [Заборова: 162]). С просьбой о материальной помощи Щапов обращался в Комитет и позднее, в июле 1865 г. (см. подробнее: [Заборова: 163]), и спустя десятилетие, в июне 1875 г., из иркутской ссылки, где он в сложных условиях продолжал заниматься литературной и научной деятельностью (см.: [А. П. Щапов в Иркутске: 85–87]). Что касается истории, рассказанной в некрологе, то записи в гонорарной книге журналов «Время» и «Эпоха» позволяют полностью отвести обвинения в адрес М. М. Достоевского. На развороте нижней крышки переплета отмечались дававшиеся вперед сотрудникам суммы. Здесь же — в верхнем левом верхнем углу — в столбик записаны деньги, выданные Щапову, которые в общей сумме составляют 242 р. Поскольку статья «Земство и раскол. Бегуны» Щапова была опубликована в октябрьской и ноябрьской книжках 1862 г. (№№ 10–11), то суммы, выданные до 2 ноября (всего 127 р.), были выплачены Щапову вперед. Остальные 115 руб. (40 р. — за ноябрь и 75 р. — за декабрь) были получены Щаповым в срок (см. также: [Нечаева, 1972: 47]).

<u>«Щаповъ»</u>	
	72
	15
	10
	20
	10
Ноябр. 2)	10
Ноябр. 14,	20 р.
Ноябр. 20 – 10 –	
Дек. 5	– 25 р. ¹
Дек. 12 – <u>50</u>	
	242» ³² .

Впоследствии в записной тетради 1876–1877 гг. Ф. М. Достоевский так вспоминал об участии А. П. Щапова в журнале:

«“Время” помещало статьи Щапова осторожно, и я наверно знаю, что не особенно за ними гонялось. Напротив, я очень помню, что Щапов сам приносил и предлагал свои статьи редакции»;

«Щапов был без твердого направления деятельности. Щапов был человек, не только не выработавшийся, но и не в силах выработаться»;

«Расширить взгляда своего он никогда не мог, европейского образования не имел и бродил в нем лишь ощупью» (Д30; 24: 201).

Идея «Времени» о развитии русского общества заключалась в синтезе европейской образованности с самобытным народным началом. Щапов, рассматривая народ как движущую силу будущего обновления, а общину как идеальную форму общественного устройства, не указал такого пути развития.

Откликом на появившиеся в печати в 1861 г. издания некоторых старообрядческих сочинений³³ стали опубликованные в журнале «Время» рецензии. Так, в 1861 г. в № 10 «Времени» появился отзыв на вышедшую в том же году книгу А. И. Бровковича «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б.» (Владиславлев), которая представляла собой систематизированное конспективное переложение нескольких десятков сочинений: «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» и ряда его сочинений, «Истории об отцах и страдальцах соловецких», «Винограда Российского, или Описания

¹ Строкой ниже было: Дек. 10–20

пострадавших в России за древлецерковное благочестие...», «Истории Выговской старообрядческой пустыни» и др.³⁴ Рецензия была опубликована анонимно, но В. С. Нечаева в росписи содержания журнала указывает на авторство М. И. Владиславлева [Нечаева, 1975: 241], основываясь на записи в гонорарной ведомости «Времени» и «Эпохи». Однако исследовательница ссылается на ошибочно прочитанную запись от 13 октября 1861 г.: «Тридцать семь руб. получил за X том М. Владиславлев» [Нечаева, 1975: 264] (нужно: «Тридцать семь рублей получил за Хот<инскаго> М. Владиславлев»³⁵), в то время как необходимо рассматривать другую запись — от 18 января 1862 г.: «За Октябрьскую книжку получил Владиславлев 50.»³⁶, — а также связанную с ней запись от 13 ноября 1861 г.: «Владиславлеву в Новгород 40»³⁷. При этом ранее, исходя из анализа содержания рецензии (ссылки на Куно Фишера, объемные латинские цитаты), В. С. Нечаева предположила авторство Н. Н. Страхова [Нечаева, 1972: 197], что малоубедительно. На наш взгляд, на основании записи в гонорарной книге рецензию следует атрибутировать М. И. Владиславлеву³⁸.

Автор рецензии поднимает вопрос о причинах раскола, но предупреждает, что о нем нужно рассуждать очень осторожно (*Владиславлев*: 82). Владиславлев придерживается почвеннического направления и рассматривает раскол как явление народной жизни. Он выявляет общую закономерность происхождения любого народного движения — народ понимает необходимость обновления своего быта и разрыва с окружающей действительностью и отрекается от всего, что его гнетет. Исходя из этого, Владиславлев также объясняет раскол социальными и политическими причинами: отрицание церкви, государственного устройства, разрыв с прежними связями, с образованным обществом, желание обновить свой быт вызваны тяжелыми условиями жизни народа. Отсюда старообрядчество трактуется автором не как «осколок старины», а как жажда обновления.

Отметив, что, несмотря на большое количество рассуждающих о расколе, проникнувших в его суть, за редким исключением, нет, Владиславлев выделяет несколько групп исследователей: одни — фактом объясняют факт (пытаются проследить развитие мнений, легших в основу учения старообрядцев, но не изучают причину происхождения этих мнений), другие — приводят причины, недостаточные для объяснения факта: невежество, суеверие народа, исправление церковных книг, предпринятое при Никоне (*Владиславлев*: 83, 84).

Владиславлев приходит к мысли, что понять раскол можно, обратившись к старообрядческим сочинениям Аввакума, Феодора, Лазаря, Саввы и др., которые, с одной стороны, являются очевидцами событий, но с другой — как его представители имеют пристрастное к нему отношение (*Владиславлев*: 91):

«По раскольничьимъ сочиненіямъ можно услѣдить, что́ за главная причина побудила массы нашего простого народа отдѣлиться отъ церкви и общества, съ которымъ прежде онъ состоялъ въ связи. Такъ вы найдете исторію событій, имѣющихъ очень важное значеніе въ жизни раскола» (Владиславлев: 93).

Владиславлев указывает на то, что старообрядческие сочинения дают возможность узнать глубже народный тип XVII столетия, поскольку их авторы — выходцы из народной среды.

«Добросовѣстное и безпристрастное» изучение этих сочинений может послужить в решении сложных проблем раскола, с чем, по мнению Владиславлева, не справился А. Бровкович, автор рассматриваемой в рецензии книги.

В начале 1860-х гг. при журнале Достоевских образовалась группа «казанского землячества» [Коган: 583], куда, помимо А. П. Шапова и других, входил историк, публицист, его близкий друг, биограф и «усердный слушатель» в Казанской духовной академии, разделявший его взгляды, Николай Аристов³⁹.

Рецензия Н. Я. Аристова «По поводу новых изданий о расколе», опубликованная в № 1 «Времени» за 1862 г., посвящена изданным в 1861 г. Д. Е. Кожанчиковым «Рассказам из истории старообрядства, переданным С. В. Максимовым по раскольничьим рукописям», «Житию протопопа Аввакума, им самим написанному», «Повести о новгородском Белом Клобуке и Сказанию о хранительном былии, мерзком зелии, еже есть табаце. Два произведенія раскольничьей литературы».

Аристов трактует раскол с почвеннических позиций, развивая мысль о народном характере и социальных причинах его происхождения, но делает акцент не на разрыве образованной интеллигенции с простым народом, «почвой», а на противостоянии народа и власти, что сближает его с позицией Шапова. Старообрядчество понимается им как «демократическое общество», «тесное братство» на народных началах, ставшее в оппозицию правительству, не понимающему «коренныхъ народныхъ началъ и требованій духа національнаго» (Аристов: 78)⁴⁰. Общинное устройство также признается Аристовым правильной формой организации народной жизни. Такая форма быта, открытость общины для каждого приходящего, независимо от сословия, право каждого на голос, взаимопомощь членов общины, активное распространение учения различных согласий и толков способствовали усилению раскола.

Аристов отмечает роль женщин в старообрядчестве, которые, как и мужчины, могли руководить целой общиной, заниматься распространением учения, обучением детей (Аристов: 85). Грамотность и начитанность были значительны в этой среде, отсюда в нем развита литературная деятельность. Не избежал Аристов и идеализации: указывая на множество положительных

качеств старообрядцев, в особенности на твердость в вере и почитание преданий, он подчеркнул большую степень выраженности этих качеств именно в них, по сравнению с представителями официальной церкви. Даже раздробленность на согласия и толки и противостояние между ними историк объясняет стремлением к усовершенствованию (*Аристов*: 87).

В развитии и укреплении раскола Аристов отдает должное руководителям народного движения, явившим образец стойкости в вере, «искренно убѣжденнымъ въ правотѣ своего слова и дѣла» (*Аристов*: 83). Успех «наставников» он видит не только в силе их убеждения, но и в близости простому народу: «жили потребностями и нуждами народными, <...> говорили въ его духѣ и характерѣ, со слезами на глазахъ, съ горячимъ участіемъ къ угнетенному народу, жертвовали своей жизнью» (*Аристов*: 83). Тем самым Аристов подводит к одной из ключевых идей почвенников о необходимости познания народа через понимание сущности раскола, чему, по его мнению, может способствовать изучение старообрядческих сочинений, которые должны быть доступны широкому кругу читателей.

В связи с выходом в 1862 г. из печати двух старообрядческих сочинений («Из истории Преображенского кладбища» и «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное») в журнале «Время» (1862. № 12) появилась рецензия М. В. Родевича. Являясь сотрудником «Времени» с августа 1862 г., он поддержал сложившееся в журнале направление в трактовке раскола как не только религиозного, но и социального, общественного явления. Его корнем автор рецензии видит осознанное отрицание народом всего ему чуждого. По мнению Родевича, это особое народное сознание, а не «безсмысленное явление фанатическаго изуверства» (*Родевич*: 79). Он заявляет, что прошли времена наивных убеждений, что раскол — результат невежества и заблуждений и исчезнет «при первомъ блескѣ просвѣщенія» (*Родевич*: 79). Автор рецензии апеллирует к высказыванию П. И. Мельникова-Печерского, работавшего в период 1862–1864 гг. над циклом статей «Очерки поповщины»⁴¹, в которых вновь выразилась позиция Мельникова-просветителя: «Раскол старообрядчества <...> есть порождение невежества <...>. *Пред светом просвещения ему не устоять*» (курсив мой. — Л. А.)⁴². Этого не могло произойти, по мнению Родевича, потому что раскол и есть своего рода цивилизация. Он отмечает, что существовавшая ранее концепция, когда раскол рассматривался исключительно как религиозное явление, также ушла в прошлое (*Родевич*: 80).

Интерес Родевича к рассматриваемым им изданиям вызван тем, что успех раскола он, как и Аристов, видит не в учениях различных толков и согласий, а в организации общины как наиболее подходящей формы общественного устройства и в личностях ее руководителей, сочинениям о которых посвящена его рецензия. Яркими представителями раскола, чья деятельность способствовала его укреплению, он считает знаменитого подвижника старообрядчества протопопа Аввакума и купца Илью Ковылина — основателя

Преображенского кладбища и общины при нем. Родевич подчеркивает заслуги Ковылина и значение организованного им в 1771 г. в Москве старообрядческого центра, сыгравшего заметную роль во время чумы (Родевич: 81–83). Ковылин оказывал поддержку многочисленным прихожанам общины, помогал финансами купечеству, организовал воспитание малолетних детей, учредил училища, добился для общины права независимого самоуправления. Родевич выявляет главное достоинство рассматриваемого сочинения о Преображенском кладбище — оно проливает свет в целом на явление раскола. Говоря о личности второго подвижника, автор рецензии признает его силу в другом — искренности и стойкости в проповедовании своей веры:

«...въ житіи протопопа Аввакума слышна сила простоты, сила искренности и крѣпкой вѣры въ истину и непреложность своихъ убѣждений, которую сознаетъ самъ протопопъ...» (Родевич: 88).

Главная мысль рецензии состоит в том, что понимание народа заключено не в диспутах о нем, а в осмыслении того, как «народъ умствуетъ о себѣ и понимаетъ себя» (Родевич: 79), т. е. его самобытности.

Иная позиция на страницах журналов Достоевских выражена по отношению к русскому сектантству — крайнему проявлению раскола. В «Эпохе» были опубликованы два очерка В. И. Калатузова⁴³: в № 8 за 1864 г. — «Монтаны» (Калатузов, 1864) — и в № 1 за 1865 г. — «Очерк быта и верования скопцов» (Калатузов, 1865).

В обоих очерках религиозные секты — монтаны и скопчество, близкие к хлыстовству⁴⁴, — рассматривались как ересь, направленная против православной церкви, но прикрывавшаяся духовными целями. Эти религиозные инакомыслия не имели отношения к старообрядчеству и его учению⁴⁵. В отличие от старообрядчества, как подчеркивал в своих трудах и Мельников-Печерский, эти религиозные секты возникли не на русской народной почве и были чужды православному учению⁴⁶.

Следует отметить, что журналы Достоевских отличала широта охвата материала по теме сектантства. Ранее в журнале «Время» была опубликована другая статья — «Мормонизм и Соединенные Штаты» (1861. № 10), также посвященная одной из религиозных сект⁴⁷. В основе возникшего в 1830-е гг. мормонизма (или Движения святых последних дней) лежало учение о «восстановлении», согласно которому истинная Церковь после смерти апостолов Христа исчезла с лица земли, и Джозеф Смит, основатель секты, был избран Богом для ее восстановления⁴⁸. В этом есть некоторое сходство с религиозными движениями, распространенными в XIX в. и в России.

Так, секта монтанов, которой посвящен первый очерк В. Калатузова, свое название получила благодаря сходству с монтанизмом — религиозным движением II века в христианстве, основанным во Фригии Монтаном. На

русской почве секта возникла в 1835 г. в селе Дубовый Умет Самарского уезда и распространилась в Заволжье. Была известна также под названиями «никифоровщина», «кобызевщина», «ивановщина». Сектанты называли себя духовидцами, так как верили в то, что способны видеть Духа Божия во время радений, и отвергали воплощение Сына Божия⁴⁹. В повествовании о странствиях некоего старца Никифорыча, «провозвѣстника *новаго ученія*», отмеченного перстом Божьим направлять род человеческий на истинный путь спасения, подробно представлено учение тайной секты (Калатузов, 1864: 6). Часть очерка посвящена устройству и быту женских *келейных* общин, организованных последовательницами учения секты и не имевших ничего общего с православными монастырями и общинами. Также вниманию читателя предложен рассказ от лица крестьянки, обустроившейся в одной из таких келейных и повествующей историю своего вхождения в секту. Рассказ позволяет изнутри взглянуть на учение секты и быт ее последователей.

«Очерк быта и верований скопцов» основан на рассказе странницы Родионовны, попавшей к сионским христианам, как называли себя скопцы. Проживая в течение продолжительного времени среди них, странница наблюдала их быт, постигала веру, обряды, усваивала понятия. Она устояла против намерения сектантов ввести ее в свой *корабль*, т. е. приобщить к тайнам веры, и покинула их, после чего остальные последователи секты были наказаны за распространение ереси ссылкой.

Оба очерка содержат много наблюдений за жизнью сектантов, представлен их фольклор (песни, духовные стихи). Несмотря на сдержанный тон повествования и, на первый взгляд, беспристрастность автора, оба очерка имеют обличительную направленность. В них детально описаны жестокие обряды и тайные радения сектантов, негативные впечатления невольных свидетелей всего происходящего, методы привлечения сектантами к своему учению (психологическое давление, обман, запугивание и др.) с целью дальнейшего введения в свою общину новых членов, преимущественно из числа молодежи. Указав на вредное воздействие сект на народ, автор подводит к мысли о том, что учение сектантов не имеет будущего: оба очерка заканчиваются приездом следственной комиссии по делам раскола и разоблачением тайных общин.

Очерки Калатузова вызвали подозрения и претензии цензуры (см. подробнее: [Нечаева, 1975: 114]) и были опубликованы только благодаря настойчивости редакции. Несохранившаяся переписка Достоевского с Калатузовым, о которой свидетельствует записная тетрадь Ф. М. Достоевского 1864–1865 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.3), по-видимому, была посвящена возникшим проблемам с публикацией очерков. Запись Достоевского от 6 октября 1864 г. («Отыскать письмо Калатузова» — Д30; 27: 96), сделанная накануне решения Цензурного комитета от 7 октября 1864 г. о дозволении к печати очерка «Монтаны», указывает на существование как минимум письма Калатузова. Вторая запись («1 января <1865 г.> написать. <...> Калатузову» — Д30; 27:

97) — говорит о намерении Достоевского направить в его адрес письмо, скорее всего, по поводу «Очерка быта и верований скопцов», напечатанного в «Эпохе» как раз в январе 1865 г.

В любом случае, очерки Калатузова были опубликованы. В них также была показана одна из сторон народной жизни. В публикации очерков выразилась четкая позиция редакции «Эпохи» в отношении сектантства, далекого от православия и чуждого русской «почве».

В отношении к старообрядчеству позиция журналов братьев Достоевских выражалась в поисках преодоления разрыва общества, духовного, политического и социального раскола. Сформулированная в литературной программе журнала «Время» идея воссоединения образованной части общества с народом выражала взгляды почвенников на будущее развитие России. Обращение к народным истокам, к «почве», познание и понимание народа, его самобытности должно было стать залогом успешного преодоления разрыва общества. Авторы публикаций в журналах «Время» и «Эпоха» разделяли позицию редакции, показав раскол не только протестным движением, но и самобытным явлением народной жизни, понимание которого — ключ к примирению всех идей, выражение любви к России и народу.

Источники

1. *Аристов* — Аристов Н. [Я.] По поводу новых изданий о расколе // *Время*. 1862. № 1. С. 76–98.
2. *Владиславлев* — [Владиславлев М. И.] «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б.». Рецензия // *Время*. 1861. № 10. С. 79–100.
3. *Достоевский*; т. 5 — [Достоевский Ф. М.] Два лагеря теоретиковъ (по поводу «Дня» и кой-чего другого) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. Т. 5. С. 258–280.
4. *Щапов, 1862a* — Щапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // *Время*. 1862. № 10. С. 319–363.
5. *Щапов, 1862b* — Щапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // *Время*. 1862. № 11. С. 251–297.
6. *Родевич* — Родевич М. [В.] Из истории Преображенского кладбища. Москва. 1862; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Издано под ред. г. Тихонравова. СПб. 1982; Нищие на святой Руси. Матерьялы для истории общественного и народного быта в России. Соч. Ив. Прыжова. Москва. 1862 // *Время*. 1862. № 12. С. 78–112.
7. *Калатузов, 1864* — Калатузов В. Монтаны // *Эпоха*. 1864. № 8. С. 1–48.
8. *Калатузов, 1865* — Калатузов В. Очерк быта и верования скопцов. Из рассказов страницы // *Эпоха*. 1865. № 1. С. 1–38.

Примечания

- 1 См. подробнее: [Вишленкова].
- 2 Слова «раскол» и «раскольник» по отношению к старообрядчеству имеют негативный оттенок [Мальцев, 2006: 440–441]. Исследователи старообрядчества избегают использования этих понятий. Авторы «Времени» и «Эпохи» понимали раскол в конкретном и широком смысле, при этом разграничивая понятия «раскол», «старообрядчество» и «сектантство».

Учитывая это, автор статьи ориентируется на тезаурус критиков и публицистов того времени.

- 3 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. Т. 4. С. 7–14. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский* и указанием тома и страницы в круглых скобках.
- 4 Время. 1862. № 2. С. 143–163. Опубликовано также: *Достоевский*; т. 5: 258–280; Электронное научное издание «Ф. М. Достоевский» (Портал PHILOLOG.RU / ПетрГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/vremja/vremja.html> (10.09.2020)).
- 5 См., напр., две статьи Ф. М. Достоевского «Книжность и грамотность» в журнале «Время» (1861. № 7. С. 35–52; № 8. С. 91–130). Опубликовано также: *Достоевский*; т. 4: 490–552; Электронное научное издание «Ф. М. Достоевский» (Портал PHILOLOG.RU / ПетрГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/vremja/vremja.html> (10.09.2020)).
- 6 Мельников П. И. О русском расколе // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. И. Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 1. С. 167–198. Некоторые пропущенные места из Записки были опубликованы биографом П. И. Мельникова-Печерского П. С. Усовым (Усов П. С. П. И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П. И. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; СПб., 1897. Т. 1. С. 173–176).
- 7 Костомаров Н. И. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. Т. 2. Кн. 4. С. 469–536.
- 8 Григорьев Ап. Письмо Н. Н. Страхову. От 21 декабря 1861 г. // Григорьев Ап. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 269.
- 9 Там же. С. 270.
- 10 Мельников П. И. (Андрей Печерский). Письма о расколе // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 8. С. 9.
- 11 Сборник Нижегородской Ученой Архивной Комиссии в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород: Типо-Лит. Т-ва И. М. Машистова, 1910. Т. IX. Ч. 1. С. 77.
- 12 См.: Лучинский Г. Щапов, Афанасий Прокопьевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1904. Т. XL (79). С. 45–47.
- 13 Там же. С. 46.
- 14 См. также: [Белов: 435].
- 15 Подробнее см., напр.: [Вишленкова].
- 16 Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань: Изд-е книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. 547 с.
- 17 Там же. С. III.
- 18 Там же. С. II.
- 19 Это радикальное направление старообрядчества, известное также как странническое, сопелковское (по названию села Сопелки близ Ярославля), отделившееся от беспоповского согласия филипповцев [Юхименко, Мальцев, Агеева], возникло в кон. XVIII в. (1765–1766) в среде крестьян, мещан, беглых солдат, категорически отрицавших всю государственную и церковную систему. В 1780-е гг. течение возглавил бывший филипповский инок Евфимий, беглый солдат из крестьян, который стал учить, что государственная власть в лице императора, начиная с Петра I, является воплощением антихриста, а правительственные чиновники и духовенство — слуги сатаны (см. подробнее:

- [Юхименко, Мальцев, Агеева], [Мальцев, 1986; 2006: 436–478]). Учение бегунов нашло отражение в сочинениях возглавившего его Евфимия: «Лицевом Апокалипсисе», «Цветнике» (Шапов, 1862b: 259–261). См. илл. № 21 («Лицевой Апокалипсис, переписанный и иллюстрированный яростным бунтарем, беглым солдатом Евфимием, основателем согласия бегунов») в кн.: [Покровский: 151].
- 20 Как и в старообрядчестве в целом; подробнее о системе образования в старообрядчестве см.: [Севастьянов].
- 21 Ср. в ст. «Книжность и грамотность»: «грамотность прежде всего, грамотность и образование усиленные, — вотъ единственное спасеніе, единственный передовой шагъ, теперь остающийся и который можно теперь сдѣлать. Мало того: даже при возможности и другихъ шаговъ грамотность и образование все-таки остаются единственнымъ первымъ шагомъ, который надо и должно сдѣлать» (Достоевский; т. 4: 490–491).
- 22 Подробнее см.: обзор публикаций во «Времени» В. С. Нечаевой (глава «Проблемы народного образования и демократизации культуры» [Нечаева, 1972: 126–194]), о задачах общественного образования — идее усиленного «познания России» Ф. М. Достоевского [Захаров, 2016], о женском вопросе в журналах «Время» и «Эпоха» [Варламова: 31–144].
- 23 См., напр.: ряд статей А. У. Порецкого в журнале «Время» под общим названием «Наши домашние дела. Современные заметки» — об университетском образовании и женском образовании в частности, о публикациях в «Северной Пчеле» и «Современной Летописи» на тему женского образования в России, полемику с газетой «Северная почта» (№ 86) на тему университетского женского образования, об открытии женских воскресных школ и училищ (Время. 1861. № 10; 1862. №№ 2, 5); статьи о женской эмансипации Ф. М. Достоевского «Ответ “Русскому Вестнику”» (Время. 1861. № 5) в ответ на статью М. Н. Каткова «Наш язык и что такое свистуны» (Русский Вестник. 1861. № 3) и «Рассвет». Журнал для девиц» (Время. 1861. № 9); статью М. В. Родевича «Наша общественная нравственность. Мысли об устройстве убежища или общества для обращающихся с пути заблуждения женщин в России... Эммануила Александровича Штейнгеля» (Время. 1862. № 8), где также затрагивался вопрос женского образования.
- 24 Сулова А. П. Покуда // Время. 1861. № 10. С. 273–300; Сулова А. П. До свадьбы. Из дневника одной девушки // Время. 1863. № 3. С. 155–187. См. также в журнале «Эпоха» произведения Ап. Суловой, А. В. Корвин-Круковской, С. В. Ковалевской: Сулова А. П. Своей дорогой // Эпоха. 1864. № 6. С. 157–192; Корвин-Круковская А. В. Сон // Эпоха. 1864. № 8. С. 1–24.
- 25 А. Н. Пыпин подчеркивал почвенническую направленность трудов А. П. Шапова: «...это — внутренняя исторія “земства”, т. е. народа въ тѣсномъ смыслѣ слова, и исторія “раскола”, который также былъ исключительно земскимъ, народнымъ явленіемъ»; «Г. Шапов <...> старается ввести читателя въ самую среду этой исторической жизни народа въ извѣстную эпоху, объяснить ту связь, которая соединяетъ его старину съ настоящимъ, и отъ давнего историческаго вопроса привести къ вопросу современному и практическому» (Пыпин А. Н. Земство и раскол, А. Шапова. Вып. 1. СПб. 1862. Бегуны, А. Шапова («Время», 1862, октябрь и ноябрь) // Современник. 1863. № 3. Отд. II. С. 111).
- 26 С. Шашков. Некролог А. П. Шапова // Дело. 1876. № 4. С. 149–160. Некролог перепечатан в «Новом Времени» (1876. № 55. 25 апреля), где и был прочитан Ф. М. Достоевским.
- 27 Писатель, публицист, историк С. С. Шашков являлся товарищем А. П. Шапова по учебе в Казанской духовной академии и также участвовал в Куртинской панихиде (см., напр.: Никиенко О. Г. Шашков Серафим Серафимович (1841–1882) // Земля Томская:

- краеведческий портал [Электронный ресурс]. URL: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/20/> (10.09.2020).
- 28 С. Ш«ашков». Некролог А. П. Щапова. С. 158. См. также: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 386. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома и страницы в круглых скобках; ср.: [Белов: 435].
- 29 См. гл. «За умершего» в апрельской книжке «Дневника Писателя» за 1876 г. (*Д30*; 22: 132–135).
- 30 Пояснения А. Г. Достоевской были сделаны ею в виде заметок на полях одного из экземпляров издания Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского 1906 г. (см.: [Гроссман: 54], [Панюкова, 2016а; 2016б: 113]).
- 31 См.: ОР РНБ. Ф. 438. № 12, 14; [А. П. Щапов в Иркутске: 69–87].
- 32 См.: ОР РГБ. Ф. 93.1.3.22. Форзац 1.
- 33 В 1860-е гг. начали активно выходить в свет памятники старообрядческой литературы и исторической мысли и появляться публикации как реакция на эту литературу.
- 34 Александр Б. (Бровкович А., Никанор). Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола: в 2 ч. СПб., 1861.
- 35 См.: ОР РГБ. Ф. 93.1.3.22. Л. 4 об.
- 36 Там же. Л. 6. Запись под этой же датой (18 января 1862 г.) имеется в приходно-расходной книге по изданию журналов Достоевских: «*Владиславеву въ Новгород<одъ> 50*» (ОР РГБ. Ф. 93.1.3.22. Л. 14/27).
- 37 См.: ОР РГБ. Ф. 93.1.3.22. Л. 5.
- 38 На авторство М. И. Владиславева указывает и К. А. Баршт: [Баршт, 2017: 39; 2019: 130].
- 39 Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Вып. 2. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1892. С. 114 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003927191?page=122> (10.09.2020).
- 40 Опубл.: Электронное научное издание «Ф. М. Достоевский» (Портал PHILOLOG.RU / ПетрГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrso.ru/fmdost/vremja/vremja.html> (10.09.2020)).
- 41 Впервые было опубликовано в журнале «Русский Вестник» (1863. №№ 4, 5, 6; 1864. № 5; 1866. №№ 5, 9; 1867. № 2) под названием «Исторические очерки поповщины».
- 42 Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 7. С. 409.
- 43 См. о нем: [Ляпина: 226, 228–229].
- 44 Подробнее о хлыстовстве и близких к нему сектах см.: [Криницкая: 7–14], [Эткинд].
- 45 См. об этом также: Мельников П. И. О русском расколе. С. 174.
- 46 П. И. Мельников-Печерский дополняет: «У них нет никаких преданий, ни исторических, ни догматических, ни обрядовых, между тем как предание всегда нераздельно со всяким верованием русского человека. У них нет преданий, связанных с историческими преданиями русского народа» (Мельников П. И. (Андрей Печерский). Письма о расколе. С. 54).
- 47 Морمونизм и Соединенные Штаты // Время. 1861. № 10. С. 321–355.
- 48 Соловьев Вл. Мормонство, Мормоны // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIXа (38). С. 863–867. См. также: Дворкин А. Л. Сектоведение: Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. 3-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008. 816 с.

- 49 См. статьи о монтанизме и монтанах: Булгаков С. В. Настольная книга для церковно-священно-служителей. 3-е изд., испр. и доп. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913; Соловьев Вл. Монтанизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIXа (38). С. 796.

Список литературы

1. Агашина Е. Н. Тема религиозного раскола в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 5–7.
2. Агеева Е. Тайна Старой веры в русской литературе (по архиву Н. С. Лескова и библиотеке Ф. М. Достоевского) // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избр. доклады и тезисы. М., 2008. С. 382–383.
3. А. П. Щапов в Иркутске: неизданные материалы / подг. А. Н. Турунов, вступ. ст. Б. К. Козьмина. Иркутск: ОГИЗ, Иркутское областное издательство, 1938. 103 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://icdlib.nspu.ru/views/icdlib/6275/read.php> (14.12.2020).
4. Баршт К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. Pisa-Roma: Fabrizio Serra Editore, 2017. Vol. XXIV. С. 29–46 [Электронный ресурс]. URL: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2019/12/166.-Stranitsy-iz-Russica-Romana-2017_Impaginato.-Riv804.pdf (14.12.2020).
5. Баршт К. А. «...Исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 116–131. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00037
6. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. 544 с.
7. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
8. Варламова Д. В. Женский вопрос в журналах М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 158 с.
9. Вишленкова Е. А. Историк в условиях демократического подъема 1850–1860-х гг. // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратов. нац. исслед. гос. университет им. Н. Г. Чернышевского, 2003. Вып. 20. С. 67–78 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9873/04.pdf> (14.12.2020).
10. Водолазко В. Н. Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы V науч.-практ. конф. (20–21 ноября 2000 г., Москва). М., 2000. С. 39–45.
11. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: материалы, библиография и комментарии. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. 120 с.
12. Дмитриев А. П. Преодоление «вероисповедной ксенофобии»: тема старообрядчества в русской литературе 1870–1880-х гг. (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, Н. С. Лесков и др.) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 180–189.
13. Дмитриев А. П. Н. С. Лесков и Н. П. Гиляров-Платонов: моменты единомыслия и разногласий в публицистике современников // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 2. С. 111–115.

14. Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. 722 с.
15. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. 768 с.
16. Заборова Р. Б. Ф. М. Достоевский и Литературный фонд (по архивным документам) // Русская литература. 1975. № 3. С. 158–170.
17. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. № 10. С. 14–24 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (14.12.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.335
18. Захаров В. Н. Идея Достоевского: усиленное познание России как задача образования // Известный Достоевский. 2016. № 3. С. 3–13 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1477920447.pdf (14.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2781
19. Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятые годы. М.: Худож. лит., 1966. 560 с.
20. Коган Г. Ф. Журнал «Время» и революционное студенчество 1860-х годов // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 581–593. (Литературное наследство; т. 86).
21. Криницкая Г. С. Тайные секты в России: исторический очерк. Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2010. 35 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/287422688.pdf> (14.12.2020).
22. Ляпина А. В. Выпускники Казанской духовной академии в истории Самарской духовной семинарии в первый период ее работы до реформы 1867 года // Научные труды Самарской духовной семинарии / Самарская епархия Русской Православной церкви; Самарская духовная семинария. Самара: Книжное издательство, 2018. С. 223–237.
23. Мальцев А. И. Староверы-странники во второй половине XVIII — начале XIX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1986. 473 с.
24. Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: проблема взаимоотношений / РАН, Сибир. отд-е, Ин-т истории; отв. ред. Н. Н. Покровский, Н. С. Гурьянова. Новосибирск: Сова, 2006. 572 с.
25. Молзинский В. В. Николай Иванович Костомаров и его концепция старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы X Международной конференции 2011 г. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=91&sid=83 (14.12.2020). (a)
26. Молзинский В. В. Старообрядчество в культуре дореволюционной России как проблема исторической науки // Вестник СПбГУКИ. 2011. Март. С. 47–54. (b)
27. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861–1863). М.: Наука, 1972. 317 с.
28. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). М.: Наука, 1975. 304 с.
29. Нечкина М. В. А. П. Щапов в годы революционной ситуации. Письмо к П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. // Революционные демократы. Новые материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 645–668. (Литературное наследство; т. 67).
30. Панюкова Т. В. Примечания А. Г. Достоевской к произведениям Ф. М. Достоевского (две редакции) // Известный Достоевский. 2016. № 2. С. 70–80 [Электронный ресурс].

- URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1471945236.pdf (14.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2725 (a)
31. [Панюкова Т. В.] Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2016. № 2. С. 81–137 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (14.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2741 (b)
 32. Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. / вступ. ст. Д. С. Лихачева. Новосибирск: Сова, 2005. 344 с.
 33. Севастьянов И. М. Система образования в старообрядчестве. 1905–1918 гг.: источниковедческий аспект // *Вестник архивиста*. 2014. № 2. С. 81–91 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestarchive.ru/2014-2/2840-sistema-obrazovaniia-v-starooobriadchestve-1905-1918-gg-istochnikovedcheskii-aspekt.html> (14.12.2020).
 34. Снигирева С. Д. Историософские воззрения Ф. М. Достоевского и демократическая концепция раскола А. П. Щапова // *Litera*. 2020. № 5. С. 14–26 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32888 (14.12.2020). DOI: 10.25136/2409-8698.2020.5.32888
 35. Соколова В. Ф. Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф. М. Достоевского // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Материалы VII науч.-практ. конф. (22–24 февраля 2005 г., Москва — Боровск). М., 2005. Т. 2. С. 288–294.
 36. Эткинд А. М. Хлыст: секты, революция и литература / каф. славистики Ун-та Хельсинки. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.
 37. Юхименко Е. М., Мальцев А. И., Агеева Е. А. Беспоповцы // *Православная энциклопедия*. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. IV. С. 702–724 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%86%D0%B5%D0%B2.html> (14.12.2020).
 38. Peace R. The Depiction of the Russian Sects in «*Vremia*» and «*Epokha*» // *Dostoevsky Studies*. New Series. 2014. Vol. 18. Pp. 35–43.

References

1. Agashina E. N. The Issue of Religious Schism in the Journal “*Vremya*” by M. M. and F. M. Dostoevskys. In: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Researchs in the Russian Far East], 2010, no. 3, pp. 5–7. (In Russ.)
2. Ageeva E. The Secret of the Old Belief in Russian Literature (According to the Archive of N. S. Leskov and the Library of F. M. Dostoevsky). In: *II Mezhdunarodnyy simpozium «Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste»* [Second International Symposium “Russian Literature in the World Cultural Context”]. Moscow, 2008, pp. 382–383. (In Russ.)
3. A. P. Shchapov v Irkutске: neizdannye materialy [A. P. Schapov in Irkutsk: Unpublished Materials]. Irkutsk, OGIZ, Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo Publ., 1938. 103 p. Available at: <https://icdlib.nspu.ru/views/icdlib/6275/read.php> (accessed on December 14, 2020). (In Russ.)
4. Barsht K. A. On “Realism in the Highest Sense” and the Symbol of Faith of F. M. Dostoevsky. In: *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. Pisa-Roma, Fabrizio Serra Editore, 2017, vol. 24, pp. 29–46. Available at: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2019/12/166.-Stranitsy-iz-Russica-Romana-2017_Impaginato.-Riv804.pdf (accessed on December 14, 2020). (In Russ.)

5. Barsht K. A. "... Was Passing in Blessing, the Pope Antichrist". About One Paradoxical Wording in the Preparatory Materials for F.M. Dostoevsky's Novel "The Possessed". In: *Novyy filologicheskyy vestnik [New Philological Bulletin]*, 2019, no. 2 (49), pp. 116–131. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00037 (In Russ.)
6. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 2. 544 p. (In Russ.)
7. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
8. Varlamova D. V. *Zhenskiy vopros v zhurnalakh M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya» i «Epokha»: dis. ... kand. filol. nauk [Women's Issue in the Journals "Vremya" and "Epokha" by M. M. and F. M. Dostoevskys. PhD. philol. sci. diss.]*. Moscow, 2017. 158 p. (In Russ.)
9. Vishlenkova E. A. Historian in the Conditions of the Democratic Rise of the 1850–1860s. In: *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Liberation Movement in Russia: Inter-University: Inter-University Collection of Scientific Works]*. Saratov, Saratov State University Publ., 2003, issue 20, pp. 67–78. Available at: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9873/04.pdf> (accessed on December 14, 2020). (In Russ.)
10. Vodolazko V. N. N. P. Gilyarov-Platonov on Reform Old Belief. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy V nauchno-prakticheskoy konferentsii (20–21 noyabrya 2000 goda, Moskva) [Old Belief: History, Culture, Modernity: Proceedings of the 5th Scientific and Practical Conference (November 20–21, 2000, Moscow)]*. Moscow, 2000, pp. 39–45. (In Russ.)
11. Grossman L. P. *Seminariy po Dostoevskomu: materialy, bibliografiya i kommentarii [A Seminar on Dostoevsky: Materials, Bibliography and Comments]*. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 119 p. (In Russ.)
12. Dmitriev A. P. Overcoming "Religious Xenophobia": the Theme of Old Believers in Russian Literature of the 1870–1880s (I. S. Aksakov, N. P. Gilyarov-Platonov, N. S. Leskov and others). In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]*, 2012, vol. 13, issue 4, pp. 180–189. (In Russ.)
13. Dmitriev A. P. N. S. Leskov and N. P. Gilyarov-Platonov: Moments of Unanimity and Disagreement in the Journalism of Contemporaries. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kostroma State University]*, 2018, no. 2, pp. 111–115. (In Russ.)
14. Dmitriev A. P. N. P. *Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850–1880-kh godov: dis. ... d-ra filol. nauk [N. P. Gilyarov-Platonov and Russian Literature of the 1850s–1880s: PhD. philol. sci. diss.]*. St. Petersburg, 2019. 722 p. (In Russ.)
15. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
16. Zaborova R. B. Dostoevsky and the Literary Fund. In: *Russkaya literatura*, 1975, no. 3, pp. 158–170. (In Russ.)
17. Zakharov V. N. Pochvennichestvo in Russian Literature: The Metaphor as Ideologeme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2012, no. 10, pp. 14–24. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (accessed on December 14, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.335 (In Russ.)
18. Zakharov V. N. Dostoevsky's Idea: Deeper Understanding of Russia as an Educational Challenge Learning. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 3, pp. 3–13.

- Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1477920447.pdf (accessed on December 14, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2781 (In Russ.)
19. Kirpotin V. Ya. *Dostoevskiy v shestidesyatye gody* [*Dostoevsky in the Sixtieth*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 560 p. (In Russ.)
 20. Kogan G. F. “Vremya” Journal and the Revolutionary Students of the 1860s. In: *F. M. Dostoevskiy: Novye materialy i issledovaniya* [*F. M. Dostoevsky: New Materials and Researches*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 581–593. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86) (In Russ.)
 21. Krinitskaya G. S. *Taynye sekty v Rossii: istoricheskiy ocherk* [*Secret Sects in Russia: a Historical Essay*]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2010. 35 p. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/287422688.pdf> (accessed on December 14, 2020). (In Russ.)
 22. Lyapina A. V. Graduates of the Kazan Theological Academy in the History of the Samara Theological Seminary in the 1st Period of Its Work Before the Reform of 1867. In: *Nauchnye trudy Samarskoy dukhovnoy seminarii* [*Scientific Works of the Samara Theological Seminary*]. Samara, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2018, pp. 223–237. (In Russ.)
 23. Mal'tsev A. I. *Starovery-stranniki vo vtoroy polovine XVIII — nachale XIX veka* [*Starover-Wanderers in the Second Half of the 18th — Early 19th Centuries*]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1986. 473 p. (In Russ.)
 24. Mal'tsev A. I. *Starobryadcheskie bespopovskie soglasiya v XVIII — nachale XIX v.: problema vzaimootnosheniy* [*Old Believer Bespopov's Consents in the 18th — Early 19th Centuries.: the Problem of Relations*]. Novosibirsk, Sova Publ. 572 p. (In Russ.)
 25. Molzinskiy V. V. Nikolai Ivanovich Kostomarov and His Concept of Old Belief. In: *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy X Mezhdunarodnoy konferentsii 2011 goda* [*Old Belief: History, Culture, Modernity. Proceedings of the 10th International Conference of 2011*]. Available at: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=91&sid=83 (accessed on December 14, 2020). (In Russ.) (a)
 26. Molzinskiy V. V. Old Belief in the Culture of Pre-Revolutionary Russia as a Problem of Historical Science. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [*Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*]. 2011, March, pp. 47–54. (In Russ.) (b)
 27. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya» (1861–1863)* [*The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Vremya” (1861–1863)*]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 317 p. (In Russ.)
 28. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha» (1861–1863)* [*The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Epokha” (1864–1865)*]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 304 p. (In Russ.)
 29. Nechkina M. V. A. P. Schapov During the Years of the Revolutionary Situation. The Letter to P. P. Vyazemsky Dated October 8, 1861. In: *Revolyutsionnye demokraty. Novye materialy* [*Revolutionary Democrats. New Materials*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 645–668. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 67) (In Russ.)
 30. Panyukova T. V. The Notes of A. G. Dostoevskaya to Literary Works of F. M. Dostoevsky (Two Editions). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2016, no. 2, pp. 70–80. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1471945236.pdf (accessed on December 14, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2725 (In Russ.) (a)
 31. Panyukova T. V. The Notes of A. G. Dostoevskaya to Literary Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2016, no. 2, pp. 81–137. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (accessed on December 14, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2741 (In Russ.) (b)

32. Pokrovskiy N. N. *Puteshestvie za redkimi knigami* [Travel for Rare Books]. Novosibirsk, Sova Publ., 2005. 344 p. (In Russ.)
33. Sevastyanov I. M. The Education System of the Old Believers in Period 1905–1918. Source Study Aspect. In: *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2014, no. 2, pp. 81–91. Available at: <https://www.vestarchive.ru/2014-2/2840-sistema-obrazovaniia-v-starobriadchestve-1905-1918-gg-istochnikovedcheskii-aspekt.html> (accessed on December 14, 2020). (In Russ.)
34. Snigireva S. D. Historiosophical Views of F. M. Dostoevsky and the Democratic Concept of the Schism of A. P. Schapov. In: *Litera*, 2020, no. 5, pp. 14–26. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32888 (accessed on December 14, 2020). DOI: 10.25136/2409-8698.2020.5.32888 (In Russ.)
35. Sokolova V. F. The Theme of the Church Schism in the Journalism and F. M. Dostoevsky's Creative Works. In: *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferentsii (22–24 fevralya 2005 goda, Moskva — Borovsk)* [Old Belief: History, Culture, Modernity. Materials of the 7th Scientific and Practical Conference (February 22–24, 2005, Moscow — Borovsk)]. Moscow, 2005, vol. 2, pp. 288–294. (In Russ.)
36. Etkind A. M. *Khlyst: sekty, revolyutsiya i literatura* [Khlyst: Sects, Revolution and Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 688 p. (In Russ.)
37. Yukhimenko E. M., Maltsev A. I., Ageeva E. A. Bespopovtsy. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church and Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”, Publ., 2002, vol. 4, pp. 702–724. Available at: <https://wwwpravenc.ru/text/%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%86%D0%B5%D0%B2.html> (accessed on December 14, 2020). (In Russ.)
38. Peace R. The Depiction of the Russian Sects in “Vremia” and “Epocha”. In: *Dostoevsky Studies*. New Series, 2014, vol. 18, pp. 35–43. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексева Любовь Викторовна, кандидат филологических наук, специалист Web-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1190-8084>; e-mail: lempi@mail.ru

Lyubov V. Alekseeva, PhD (Philology), Master of Arts of Web-Laboratory of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1190-8084>; e-mail: lempi@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 16.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242

«БЫВШИЙ КНЯЗЬ» Всеволод Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток»

В. В. Борисова

Башкирский государственный педагогический

университет им. М. Акмуллы

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: borisova@ufacom.ru

Аннотация. В статье рассмотрены биографический, реальный и историко-литературный аспекты романа «Подросток», связанные с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского и Вс. А. Долгорукова, «бывшего князя», обладавшего литературными способностями, участника шайки «червонных валетов», которые были замешаны в «деле о куманинском наследстве». Он вначале стал прототипом героев романа «Подросток», а затем эпигоном его автора, пережив, после падения на дно жизни в молодые годы, новый жизненный взлет в сибирской ссылке, обусловленный искренним раскаянием и нравственным очищением. Исправление и «восстановление» Всеволода Долгорукова подтверждается его благотворительной и творческой деятельностью. Вслед за Достоевским он воспроизвел тип «русского подростка» из «случайного семейства», к которому, наряду с героями романа Достоевского Аркадием Долгоруком и Сергеем Сокольским, относится и главный герой романа-хроники Вс. Долгорукова «Литературная богема» (1890) молодой граф Нагоров. Мемуарные записки «раскняженного князя», которого дважды лишили титула, в сюжетном и идейном плане во многом перекликаются с «записками» Подростка, что обусловлено влиянием романа Достоевского на Вс. Долгорукова. Об этом также свидетельствует его каторжный рассказ «Мишка Блоха», типологически сходный с «Записками из Мертвого Дома» и пасхальным рассказом «Мужик Марей». На этом основании в статье сделан вывод о том, что в жизни и творчестве Всеволода Долгорукова нашла свое воплощение надежда Достоевского на встречу «русских подростков» с православной идеей.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Подросток», Вс. А. Долгоруков, «случайное семейство», герой, прототип, «герой-сочинитель»

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90013 Достоевский («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского).

Для цитирования: Борисова В. В. «Бывший князь» Всеволод Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток» // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 149–167. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242

“The Former Prince” Vsevolod Dolgorukov as a Prototype and Reader of Dostoevsky’s Novel *The Raw Youth*

Valentina V. Borisova

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: borisova@ufacom.ru

Abstract. The article deals with the biographical, real and historical-literary aspects of the novel *The Raw Youth* that are related to the life and work of Fyodor Dostoevsky and Vsevolod Dolgorukov. The latter was a “former prince,” who possessed literary talents and was a member of the “Jacks of hearts” gang, which was involved in the “case of the Kumanin inheritance.” He first became the prototype of the characters of the novel *The Raw Youth*, and then an epigone of its author. After sinking very low in his youth, he experienced a new life surge in Siberian exile, due to sincere repentance and moral purification. Correction and “restoration” of Vsevolod Dolgorukov is confirmed by his subsequent charitable and creative activities. Like Dostoevsky, he was the “Russian youth” type from a “random family,” which, along with the heroes of Dostoevsky’s novel Arkady Dolgoruky and Sergei Sokolsky, included the young Count Nagorov, the main character of the saga novel *Literary Bohemia* (1890) by Vs. Dolgorukov. The memoir notes of the “former prince,” who was twice stripped of his title, largely echo the notes of *The Raw Youth* in narrative and ideology due to the influence of Dostoevsky’s novel on Vs. Dolgorukov. It is also evidenced by his convict-themed short story *Mishka the Flea*, which is typologically similar to *Notes from the Dead House* and the Easter short story *The Peasant Marey*. Based on the above, the author concludes that Dostoevsky’s hope for an encounter of “Russian youths” with the Orthodox idea was embodied in the life and work of Vsevolod Dolgorukov.

Keywords: F. M. Dostoevsky, novel “The Raw Youth”, Vs. A. Dolgorukov, random family, hero, prototype, author-hero

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90013 Dostoevsky.

For citation: Borisova V. V. “The Former Prince” Vsevolod Dolgorukov as a Prototype and Reader of Dostoevsky’s Novel “The Raw Youth”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 149–167. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242 (In Russ.)

Актуальной проблемой изучения романа «Подросток» на современном этапе является его рецепция. До сих пор он остается наименее популярным и самым «непрочитанным» романом «великого пятикнижия» Достоевского, хотя типологически из него не выбивается (см. об этом: [Шаулов: 106]). Но, как точно заметил немецкий ученый Х.-Ю. Геригк, «художественное достижение такого уровня может и подождать, пока публика созреет для него» [Геригк: 197].

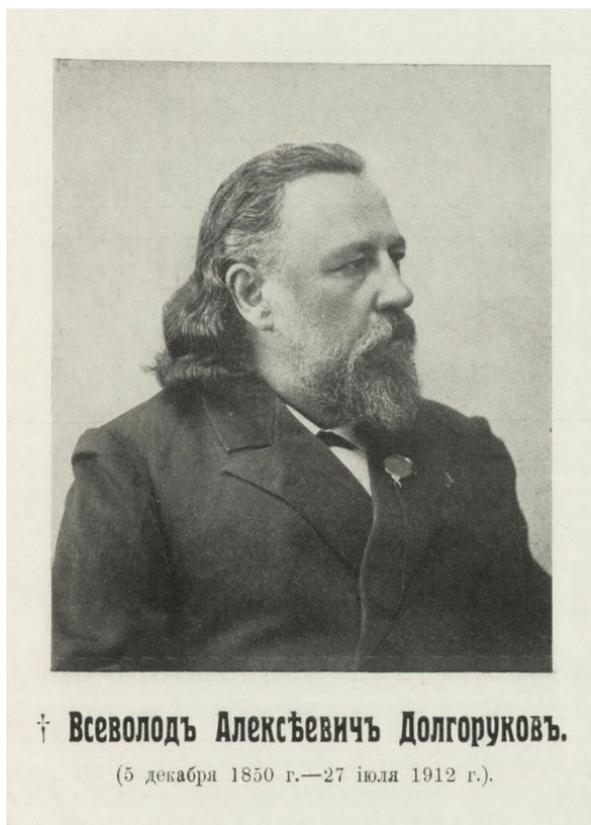
Каковы, тем не менее, причины «рецептивной неудачи» романа «Подросток»? Одно из возможных объяснений: он не в полной мере вписан в биографический, реальный и историко-функциональный контекст своей

творческой истории. Возможности его комплексного комментария в этом плане отчасти раскрыты в нашей статье «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток», посвященной выявлению авторской контаминации историко-биографического нарратива и литературной традиции, причудливым образом наложившихся друг на друга (см.: [Борисова, Шаулов: 149–165]).

Образец подобного сопряжения представила Достоевскому сама жизнь, в которой, например, французская сага о Рокамболе послужила моделью поведения для российских «червонных валетов». Один из последних вначале стал прототипом героев романа «Подросток», а затем эпигоном его автора.

Речь идет о князе Всеволоде Алексеевиче Долгорукове (Долгоруком), который родился в Петербурге, по одним источникам — 6 (18) октября 1845 г. [Мельцин, 1997: 139; 2007: 257], по другим — 5 (17) декабря 1850 г. [Всеволод Алексеевич Долгоруков] и скончался в Томске 27 июля (9 августа) 1912 г. Проблема в том, что не все факты его биографии согласуются с указанными датами рождения, хотя сам он писал о том, что 16-летним юношей после трех лет учебы был выпущен из Морского кадетского корпуса¹, в который поступил в 1857 г.² Но и 1850 год рождения Вс. Долгорукова подтверждается документальными сведениями, приведенными, в частности, в сборнике материалов о нем [Всеволод Алексеевич Долгоруков]. Это, прежде всего, некрологи, опубликованные в сибирских газетах, и сведения из Томского некрополя³. Безусловную значимость для установления года рождения Вс. Долгорукова имеют документы из Государственного архива Томской области, в частности ходатайство томского губернатора И. И. Красовского о восстановлении гражданского статуса Вс. Долгорукова в 1885 г.: «...Долгоруков, 35 лет (выделено мной. — В. Б.), поведения хорошего, занимается сотрудничеством в разных периодических изданиях, семейства при себе не имеет, податной недоимки за ним не числится, под судом и следствием в Сибири не состоял и не состоит. При этом Губернское правление имеет честь доложить, что ввиду одобрительного поведения Долгорукова правление находит со своей стороны ходатайство его, Долгорукова, о возвращении утраченных им по суду прав и преимуществ заслуживающим удовлетворения, если не получит к этому препятствием краткость времени, проведенного им в ссылке...»⁴.

Кроме того, в документах Мариинской городской управы имеется паспортная характеристика Долгорукова на 1896 г.: «Приметы: лета — 46. Рост — 2 аршина 6 вершков <...>. Волосы и брови — темнорусые, глаза — серые. Нос обыкновенный. <...> Подбородок — лицо — чистые. Особые приметы — нет»⁵. Еще одно свидетельство, указывающее на рождение Долгорукова в 1850 г., приведено в издании Е. М. Баранцевича, посвященном его памяти⁶. В нем размещена фотография В. А. Долгорукова, под которой указаны даты его жизни: «5 декабря 1850 — 27 июля 1912».

Илл. 1. Фото Вс. А. Долгорукова из книги Е. М. Баранцевича «Страничка благотворительной деятельности (из жизни Томского патроната)» (Томск, 1913)

Fig. 1. Photo of Vs. A. Dolgorukov from the book by E. M. Barantsevich “A page of charitable activities (from the life of the Tomsk Patronage)” (Tomsk, 1913)

Столь же двойственен княжеский статус Вс. Долгорукова, при рождении принадлежавшего к старшей ветви князей Долгоруковых⁷. Его дед, князь Владимир Иванович Долгоруков, в 1810–1825 гг. был издателем «Московских Ведомостей». Отец, князь Алексей Владимирович, как пишет М. О. Мельцин, «представлял собой личность достаточно оригинальную»⁸. По определению Святейшего синода от 31 августа 1851 г., рассматривавшего дело о двоебрачии кн. Алексея Владимировича Долгорукова, его второй брак был признан недействительным⁹. В результате сыновья Алексея Владимировича от второго брака Всеволод и Глеб княжеский титул утратили, хотя 28 августа 1857 г. в Морской кадетский корпус Всеволод был зачислен как князь¹⁰, а в изданной в 1869 г. биографии своего рода «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские» представил себя: «уважающий потомокъ *Князь Всеволодъ Долгорукой*»¹¹. При этом отец его А. В. Долгоруков, лишенный за

двоеженство всех прав и преимуществ, и прежде всего княжеского титула, в конце 1863 г. был приговорен к ссылке в одну из отдаленных российских губерний с наложением епитимьи на 7 лет и помилован только в конце 1872 г.¹² К этому времени и сын его Всеволод во второй раз утратил титул князя. Не сделав карьеры морского офицера, он с 1864 г. занимался мелким литературным трудом и мошенничеством. В 1870 г., по приговору Санкт-Петербургского окружного суда от 27 февраля согласно ст. 2.19.3 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1845), он был признан виновным «в мошенничестве, лишен всех особенных прав состояния» и после полуторамесячного тюремного заключения выслан из столицы в ссылку в город Ефремов Тульской губернии, превратившись, таким образом, в «ефремовского мещанина».

Эта эффектная перверсия имен и «положений» — *князь Долгоруков / мещанин Долгоруков*, судя по всему, навела Достоевского на мысль дать созвучную фамилию 19-летнему Подростку, чтобы подчеркнуть двойственность его социального статуса и происхождения:

- «— Как твоя фамилия?
- Долгорукий.
- Князь Долгорукий?
- Нет, просто Долгорукий.
- А, просто! Дурак.

И он прав: ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем»¹³.

Таким «мнимым», точнее, «бывшим князем» оставался и Всеволод Долгоруков, повторив судьбу отца. Незаконно используя княжеский титул и фамилию¹⁴, выдавая себя за богатого человека, владеющего большими имениями, Долгоруков вместе с подельниками заключал займы, подписывал векселя, по которым был не в состоянии платить, выманивал под видом покупки в кредит разное движимое имущество. Уверяя в своей состоятельности лиц, с которыми он вступал в мошеннические сделки, использовал печатные бланки «Главной конторы князя Всеволода Алексеевича Долгорукова» и т. п. В это время Долгоруков уже принадлежал к шайке «червонных валетов», члены которой были замешаны в многочисленных аферах, в том числе и в «деле о куманском наследстве». В 1871 г. он снова был привлечен к суду как ее активный участник, ожидая решения своей участи в Бутырской тюрьме, и 8 февраля — 5 марта 1877 г. предстал перед Московским окружным судом с участием присяжных заседателей, не делавших снисхождения ни сану, ни сословию, ни возрасту. Среди 48 обвиняемых под номером 16 он числился как «бывший князь Всеволод Алексеевич Долгоруков»¹⁵. Примечательно, что, уже находясь в Сибири, он, как и отец, дождался от Государя амнистии (7 января 1898 г.), но неполной: «...разрешить

Мариинскому мещанину Всеволоду Алексею Долгорукову повсеместное в Империи жительство, с восстановлением утраченных им по суду прав и преимуществ, *кроме княжеского титула и прав дворянского достоинства* (курсив мой. — В. Б.)»¹⁶.

На суде адвокат А. С. Гольденвейзер представил документы, дающие «ключ к разгадке его личности»: выдержки из переписки Долгорукова с другом юности писателем Немировым. В одном из писем молодой «князь» с грустью вспоминал о времени, проведенном в Петербурге, жалуясь на окружающее общество и на свое настроение, лишенное светлых идеалов и стремлений. Немиров, в свою очередь, в письме к защитнику сообщал:

«Въ то время, <...> когда я познакомился съ Всеволодомъ Алексѣвичемъ, около 1865 г., онъ былъ юноша, почти ребенокъ, ребенокъ добрый, весьма неглупый, симпатичный, вообще милый, хотя съ перваго же взгляда было замѣтно — ребенокъ балованный. Натура талантливая въ немъ проглядывала очевидно, но къ сожалѣнію онъ слишкомъ разбрасывался. Характера, выдержки въ немъ не было вовсе, а увлеченія на каждомъ шагу... <...> изъ нашего кружка (он перешел. — В. Б.) въ общество людей, которые для насъ не представляли ничего симпатичнаго и которые едва-ли могли имѣть доброе вліяніе на Долгорукова. Послѣ того времени я долго не видался съ нимъ, до тѣхъ поръ, когда, года, кажется, чрезъ три, получилъ отъ него вышеозначенное письмо. Я былъ у него по этому письму тотчасъ же, засталъ у него 6 или 7 какихъ-то личностей, мнѣ совершенно до того времени незнакомыхъ. Не понравились они мнѣ, да и князю они, очевидно, не были симпатичны. Несмотря на окружавшую его тогда среду я не замѣтилъ въ Долгоруковѣ особенныхъ перемѣнъ. Это былъ все тотъ же милый, благородный, очень добрый, живой, но совершенно безхарактерный юноша...»¹⁷.

Долгоруков был приговорен к ссылке в Томскую губернию и последовал по этапу в Сибирь. Ему не простили того, что, участвуя в аферах «червонных валетов», он выдавал себя за племянника московского генерал-губернатора Владимира Андреевича Долгорукова.

Из подготовительных материалов к роману «Подросток» («Заметки, планы, наброски»). Январь — ноябрь 1875 г.) видно, что впервые фамилия *Долгорукий* появляется в рукописи Достоевского 20 сентября:

«Чего ж, имя хорошее, — сказала тетка. — Макар Ива<нов> Долгорукий. С чего он носит это громкое имя?» — «Не знаю, и знать не хочу». — «Ты, кажется, русскую историю любишь»» (Д30; 16: 149–150).

Таким образом, громкой «исторической» фамилией писатель наделил вначале юридического отца Аркадия, а последнего позже, 6 октября, тоже наконец назвал Долгоруким. В дальнейшем тексте Подросток уже прочно ассоциируется с князем Долгоруким (Д30; 16: 190–191, 301, 304, 336, 392).

В окончательной редакции романа в самом начале своих «записок» Подросток представляется:

«Фамилия моя Долгорукий, а юридический отец мой — Макар Иванов Долгорукий, бывший дворовый господ Версиловых» (ДЗ0; 13: 6).

Так потомок древнейшего княжеского рода, оказавшийся на скамье подсудимых, стал под пером Достоевского прототипом «детей» из «случайных семейств». Это и молодой князь Сокольский, который говорит о себе: «... всё кончено и последний из князей Сокольских отправится в каторгу» (ДЗ0; 13: 248), — и Аркадий Долгорукий (см.: [Борисова, Шаулов: 153]). Авторская контаминация черт прототипа в обоих образах обусловлена, на наш взгляд, их принадлежностью к одному типу «героя времени», о котором пронизательный читатель «записок» Подростка Николай Семенович сказал: «И таких, как вы, юношей немало...» (ДЗ0; 13: 453).

Об этом говорит и князь Сергей Сокольский: «Нас с вами постигла обоюдная русская судьба, Аркадий Макарович: вы не знаете, что делать, и я не знаю, что делать» (ДЗ0; 13: 246). Поначалу обоих героев объединяла надежда на возрождение к новой жизни, о которой мечтал «князь Сережа»: «Я хочу разорвать, разорвать со всем теперешним окончательно! Всё другое, всё по-новому!»; «Я дал себе слово переделать себя, переломить жизнь...» (ДЗ0; 13: 245, 246), однако «переделать себя», в отличие от своего прототипа, он не смог.

В биографии же «реального» Долгорукова падение на дно жизни в молодые годы сменилось новым жизненным взлетом в Сибири, обусловленным искренним раскаянием, нравственным очищением, долгим и упорным трудом в сферах журналистики, литературы, юриспруденции. Исправление и «восстановление» Всеволода Долгорукова подтверждается его благотворительной и творческой деятельностью.

В Сибири Долгоруков был членом множества благотворительных томских обществ, которые часто учреждались при его непосредственном участии: это «Общество попечения о начальном образовании», «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек читален в Томской губернии», «Общество взаимопомощи книгопечатников», Томское отделение Императорского Русского музыкального общества, Томское общество охотников конского бега, Томское благотворительное общество, Томское общество любителей художеств и др. Долгоруков также был членом и секретарем Томского общества «Патронат», которое покровительствовало лицам, освобожденным из мест заключения, членом Томского отдела Российского общества Красного Креста, Томского отдела Российского общества покровительства животным и организованного при нем общества «Майский союз», Томского общества защиты женщин «Пчельник» и почетным членом Томского общества «Ясли», попечителем церковно-приходской школы при Никольской церкви. Помогая этим обществам из личных средств, Долгоруков

не афишировал свою благотворительную деятельность. Так, «школа при Никольской г. Томска церкви содержалась въ теченіе десяти лѣтъ на его средства, причѣмъ воспитанникамъ, до двадцати лицъ, онъ выдавалъ и на завтраки. Послѣдняя его благотворительность стала извѣстна обществу лишь изъ талантливаго надгробнаго слова священника Воскресенской церкви о. Ѳедора Смирнскаго въ день похоронъ»¹⁸.

Достоевский умер, когда у «бывшего князя» Долгорукова началась новая жизнь. Осужденный и сосланный в Сибирь в 1879 г., в столицу он уже не вернулся, хотя в 1893 г. получил право выезда из Томска. Здесь он прожил всю оставшуюся жизнь, работал в качестве частного поверенного в окружном суде, умер в 1912 г. и с почестями был похоронен на Воскресенском кладбище.

Приехав в Сибирь с репутацией «высокородного мошенника», ссыльно-го по делу о «червонных валетах», в результате многолетней «самовыделки» он сумел доказать свою нравственную и профессиональную состоятельность. Заслуга В. А. Долгорукова состоит в том, что он не сломился под трудными жизненными обстоятельствами и показал пример исправления личности. Вслед за главным героем романа Достоевского он мог бы сказать: «...многое утекло с тех пор, многое совсем изменилось, а для меня давно уже наступила новая жизнь...» (Д30; 13: 445).

О наступлении новой жизни свидетельствуют литературные труды Долгорукова. Сохранилось любопытное свидетельство А. Г. Ковнера, оказавшегося с ним в одной этапной партии во второй половине 1879 г.: «...онъ былъ довольно литературно образованный человѣкъ и обладалъ порядочнымъ поэтическимъ талантомъ»¹⁹. Словесность привлекала Долгорукова с раннего возраста: будучи юным кадетом Морского корпуса, он стал одним из авторов и составителей «Литературного сборника произведений русско-го юношества с карикатурами» (1861)²⁰, а спустя 11 лет составил путеводитель по окрестностям Москвы²¹.

Снова к литературной деятельности Всеволод Долгоруков вернулся в томской ссылке. Здесь бывший «червонный валет» под псевдонимом «Всеволод С<ибирск>ий» стал сочинять религиозные стихи, проникнутые искренним пасхальным чувством:

«Но все-жь, порой, среди растлѣнья,
Въ насъ чувства добрыя встають
И зло стряхнуть съ себя зовуть...
Такъ будемъ свѣтлыя мгновенья
Ловить, чтобъ кликъ “Христоръ воскресъ!”
Для насъ безслѣдно не исчезъ.

Всеволодъ С—ій. Воскресенья день!»²²

Судя по всему, именно сочинительство удержало и спасло его, как и «подростка» Аркадия, от окончательного падения, обеспечив духовное самоисцеление. К обоим можно отнести слова Николая Семеновича:

«...И никогда не могли вы <...> употребить с большею пользою ваш временный досуг, как теперь, написав эти ваши “Записки”! Вы дали себе, так сказать, сознательный отчет о первых, бурных и рискованных, шагах ваших на жизненном поприще. Твердо верю, что сим изложением вы действительно могли во многом “перевоспитать себя”, как выразились сами» (Д30; 13: 452).

Так, во второй половине жизни Долгоруков стал «сочинителем», описавшим путь героя-«подростка» в автобиографическом романе-хронике «Литературная богема». Н. В. Жиликова отнесла это произведение к жанру «газетного романа» [Жиликова: 63], поскольку он печатался в газете «Сибирский Вестник»²³. Из редакторских примечаний явствует, что роман состоит из трех частей. Первая часть названа «В житейском омуте», вторая — «Мишура и грязь», и в ней автор вводит читателя в два мира: высшего петербургского и московского обществ и мир разных прожектёров и аферистов. Третья часть называется «Тюрьма и край неволи». Роман охватывает 1860-е гг. в первой части и 1870-е — в остальных²⁴. Заявленные к напечатанию вторая и третья части в итоге не были опубликованы²⁵.

В романной хронике, сюжет которой в целом совпадает с биографией самого Долгорукова, описывается судьба петербургского графа Алексея Петровича Нагорова, 19-летнего литератора, печатающегося в разных журналах и газетах. Воспользовавшись его материальными и матримониальными затруднениями, мошенники втягивают графа в уголовную авантюру.

Н. В. Жиликова, отметив жанровые особенности этого произведения Вс. Долгорукова как авантюрно-криминального и автобиографического романа, не обратила внимание на его связь с другим автобиографическим текстом ссыльного писателя. Имеется в виду его исповедь, включенная в историко-биографическую книгу «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские», изданную в 1869 г. с предисловием, послесловием и примечаниями Вс. Долгорукого. Охваченный чувствами чести и стыда одновременно, он пишет:

«По истинѣ, жалкую картину представляетъ, въ настоящее время, положеніе древнихъ русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Раззоренныя, чрезъ различныя неблагопріятныя имъ обстоятельства, или раззорившіяся, чрезъ мотовство, — онѣ — покрайней-мѣрѣ, большинство ихъ, — утратили нынѣ то значеніе, какое имѣли въ Россіи прежде. Безъ вѣса въ государственныхъ дѣлахъ, безъ кредита, — онѣ являются жалкими дѣтьми славныхъ нѣкогда отцевъ ихъ!

Всѣ значительныя, по древности, русскія фамиліи — съ весьма малыми средствами, едва достаточными для ихъ безбѣднаго существованія;

а иныя — и безъ всякихъ средствъ; принуждены чуть не идти по-міру, или пускаться въ различныя, сомнительной честности, предпріятія; принуждены — не способныя къ честному труду — дружитья съ шулерами и мошенниками и, не добросовѣстными путями, добывать себѣ насущный хлѣбъ»²⁶.

Далее, предчувствуя свою судьбу, Долгоруков добавляет:

«Наша молодежь — т. е. та, которая, по происхожденію, можетъ быть причислена къ, такъ называемому, высшему свѣту — въ долгу какъ въ шелку, находится въ рукахъ самыхъ наглыхъ ростовщиковъ... Кредитъ для нея не существуетъ, да въ Россіи и никому, вообще, не дѣлается правильный кредитъ... Векселя нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ значительное состояніе, ходятъ по 35 % за рубль... Вообще, заемъ по 20 % — 25 % за рубль, между нашею молодежью, считается еще хорошимъ... Многихъ изъ насъ ожидать одно въ перспективѣ: домъ неисправныхъ должниковъ, а съ нимъ, конечно, потеря карьеры, словомъ — *всего*, и гибель...»²⁷.

Через год после выхода этой книги Вс. Долгоруков действительно оказался на скамье подсудимых, скомпрометировав свой знаменитый род, о котором в 1869 г. писал С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен»²⁸. Это сочинение Достоевский хорошо знал и чрезвычайно ценил²⁹. Кроме того, в 1870 г. была опубликована работа «Судьба князей Долгоруких при императрице Анне» в журнале «Заря»³⁰. С литературным и политическим журналом В. В. Кашпирева Достоевский сотрудничал, опубликовав в 1-м и 2-м номерах за 1870 г. свой рассказ «Вечный муж». Учитывая эти обстоятельства, как полагала Г. Я. Галаган, бывший «князь из потомков Рюрика» не мог для Достоевского остаться незамеченной фигурой (ДЗ0; 17: 309–310).

Из подготовительных материалов к роману «Подросток» видно, как шла разработка образа молодого князя, в котором соединились «все низости падения» и «все ощущения “высокой мысли”» (ДЗ0; 16: 278). Изначально он наделен комплексом «ущемленности» от того, что олицетворяет собой «срам фамилии», «Рюриковского рода» (ДЗ0; 16: 222, 299). Примечательны характеристики князя, данные в планах и набросках к роману: «недостойный потомок рода» (ДЗ0; 16: 267), который, однако, «безмерно смотрит на свое рождение» (ДЗ0; 16: 241). В нем сильно желание «восстановить свое имя» (ДЗ0; 16: 241) — «Тогда я настоящим князем буду» (ДЗ0; 16: 242) и т. п.

Думается, исповедь Вс. Долгорукова, включенная им самим в родовую биографию, проливает свет и на роман «Подросток», и на роман «Литературная богема». Как бы в тандеме с Аркадием Долгоруким, воскликнувшим: «...я начинаю теперь историю моего стыда и позора, и ничто в жизни не может для меня быть постыднее этих воспоминаний!» (ДЗ0; 13: 163) — Всеволод Долгоруков, исповедуясь, пишет:

«Тяжело вспоминать о тѣхъ ошибкахъ юности, о тѣхъ увлеченіяхъ; какія выпали и на мою долю, которыя привели меня къ самымъ грустнымъ, къ самымъ нерадостнымъ обстоятельствамъ...

16-лѣтнимъ юношей выпущенный изъ корпуса, — я вступилъ въ жизнь, не зная ее совершенно, не имѣя никого, кто-бы поддержалъ меня нравственно, кто-бы могъ руководить моими дѣйствіями, на первыхъ порахъ, на жизненномъ пути...»³¹.

В этом плане мемуарные записки бывшего князя перекликаются с «записками» Подростка:

«Входя в дверь моего петербургского романа со всеми позорными моими в нем приключениями, я нахожу это предисловие необходимым» (ДЗ0; 13: 65).

Следует отметить жанровое и повествовательное сходство текстов Достоевского и Долгорукова, в которых представлен «подвиг исповеди». «Подросток» написан в форме публичной исповеди, переходящей в показание (см.: [Степанян: 287]), максимально адекватно передающей процесс духовного преображения героя. В исповеди Вс. Долгорукова событийный ряд также воспроизводится от первого лица:

«Попавъ, стеченіемъ различныхъ обстоятельствъ, въ кругъ людей пустыхъ, у которыхъ всѣ цѣли въ жизни заключались въ томъ, чтобъ хорошо поѣсть да попить, — я невольно поддался нѣсколько вліянію этой растлѣвающей среды... Я падалъ все ниже и ниже — и не было никого, кто-бы остановилъ меня въ этомъ паденіи; — кто-бы подалъ мнѣ руку и указалъ путь болѣе честный, болѣе разумный, чѣмъ тотъ, по которому я шель... Запутанный комиссіонерами (факторами), я вошелъ въ долги — цифра послѣднихъ, день-за днемъ, возростала, кредиторы стѣсняли меня: не давали мнѣ свободно дѣйствовать, мыслить... я былъ рабъ ихъ — хуже, чѣмъ крѣпостной человѣкъ... Съ меня они тащили послѣднее — брали что могли, послѣдній рубль шель имъ, и между-тѣмъ, — долги не уменьшались: что съ меня было взято, — шло за проценты, а капитальная сумма съ первоначальными процентами оставалась все таже!..

Занимая деньги, я принужденъ былъ входить въ сношеніе съ разными жалкими, пошлыми личностями... Оговоръ одного изъ такихъ — привелъ меня къ аресту, къ суду...»³².

В романе Долгорукова «Литературная богема» форма повествования от первого лица сменяется безличным повествованием о «типичном» представителе дворянской молодежи конца 1860-х — начала 1870-х гг., чем обусловлено историческое и автобиографическое содержание хроники, отмеченное печатью эпохи, субъектом и объектом которой стал сам автор. И хотя по сравнению с «Подростком» хроника Вс. Долгорукова представляет собой

бульварный криминальный роман с морализаторским пафосом (интрига из авантюрно-криминальной сферы не переходит в нем в плоскость психологии героя и философии автора), типологическое сходство обоих произведений несомненно, что подтверждается аналогией в сюжете и воспроизведением типа «русского подростка» из «случайного семейства», к которому относятся как молодой князь Сокольский и Аркадий Долгоруков, так и граф Нагоров, герой Вс. Долгорукова.

Аркадий, отмечая «возможность уголовщины» в делах князя Сергея, пишет, что на него имел «страшное влияние» «один поганец — одним словом, одно мерзейшее существо <...> Стебельков», «мошенник» (ДЗ0; 13: 199, 248). Примечательно признание самого князя: «...я потерял в последние три недели столько денег, и этот мерзавец Стебельков берет такие проценты...» (ДЗ0; 13: 180). В конечном счете ростовщик заманил Сергея Сокольского как своего должника в аферу с фальшивыми акциями железной дороги.

В романе Долгорукова обнаруживается прямая сюжетная параллель: мошенники Теребриков и Огурчиков так же вовлекают 19-летнего Нагорова в историю с фальшивыми векселями: «Видите, ваше сиятельство, <...> есть выгодное дѣльце... неуждно ли вамъ, графъ, денегъ за небольшую комиссію»³³. Предвидя обман, Нагоров говорит: «А если не женюсь на богатой и наслѣдство не получу, чѣмъ тогда заплачу долгъ? Въ тюрьму придется сѣсть?»³⁴ И все же, надеясь получить наследство бабушки по матери, он соглашается ради спасения умирающей от чахотки возлюбленной на все условия ростовщика Огурчикова, с которым свел его Теребриков, и подписывает векселя якобы под поручительство богатых родственников, сведения о которых аферисты добыли заранее. Затем, под угрозой ареста, тюрьмы и подачи уголовной жалобы об обмане, ему пришлось подписать еще один вексель. «Господи! <...> что дѣлать? 7000 рублей долгу на шеѣ и впереди ничего вѣрнаго», — восклицает герой в отчаянии³⁵.

Являются ли подобные переключки, кроме того, что они обусловлены типичными ситуациями русской действительности, еще и следствием воздействия «автора» на «героя»: читал ли Долгоруков роман Достоевского «Подросток»? Известно, что Долгоруков был начитанным литератором и журналистом, много лет вел отдел библиографии «Литературная беседа» в сибирских журналах и газетах. Следование Достоевскому видно и в публицистической деятельности Долгорукова, который, публикуя в «Сибирском Вестнике» собственное «обозрение русской жизни», знакомил читателей с ее «курьезами» («Я не считаю себя вправѣ миновать ихъ и знакомя съ ними читателей, такъ какъ они тоже представляютъ характеристику нѣкоторыхъ сторонъ нашей жизни»³⁶), причем затрагивал злободневные социальные темы, связанные с различного рода преступлениями, пьянством в народе, положением переселенцев Сибири и т. п., показательные и для «Дневника Писателя».

Примером непосредственного влияния писателя-классика на беллетриста Вс. Долгорукова, писавшего в Томске под псевдонимом «Всеволодъ

Сибирскій», является, на наш взгляд, его произведение из цикла, названного самим автором «Из рассказов заключенного». Это рассказ «Мишка Блоха», судя по всему, написанный в духе «Записок из Мертвого Дома» и пасхального рассказа «Мужик Марей» Достоевского, в которых представлены колоритные народные типы: «Это был наш мужик Марей. <...> мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде» (ДЗ0; 22: 48). В рассказе Долгорукова Мишка по прозвищу Блоха описан так: «...ражий дѣтина, косая сажень въ плечахъ, роста не менѣе 12 вершковъ, съ свѣтлыми волосами»³⁷.

Еще более очевидна параллель между образами Газина и каторжника в описании Долгорукова. О Газине рассказчик вспоминает, что «он производил на всех страшное, мучительное впечатление», «ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его», никто «не производил <...> такого отвратительного впечатления, как Газин», про которого рассказывали, что он «любил прежде резать маленьких детей» (ДЗ0; 4: 40).

Аналогично представлен Мишка Блоха в рассказе Вс. Долгорукова: он «производилъ не то что-бы отталкивающее впечатлѣніе, а непріятное. Когда онъ взглядывалъ на васъ, вамъ невольно дѣбалось жутко. Онъ словно подавлялъ васъ своимъ взоромъ, и вы чувствовали угнетенное состояніе. Говорятъ — тоже самое чувствуютъ люди, когда неожиданно въ лѣсу встрѣчаются съ какимъ нибудь хищнымъ звѣремъ и, даже имѣя оружіе съ собой для защиты, первоначально теряются. <...> въ тюрьмѣ его всѣ боялись <...> как самага безсердечнаго жестокаго челоувѣка, не щадившаго никого, кто становился на его дорогѣ». Между арестантами он считался «самымъ жестокимъ и самымъ страшнымъ»³⁸. Среди его жертв был даже родной брат, из крестьян, имевший жену и двух детей-малолеток, которых Мишка Блоха хладнокровно задушил.

Истории обоих страшных каторжников также совпадают: они беглые, закоренелые преступники, не в первый раз сидящие в остроге и прошедшие всю Сибирь. Но если Газину Достоевский отказал в «восстановлении», то Долгоруков показал, как «въ челоувѣкѣ-звѣрѣ проснулись челоувѣческія чувства»³⁹. В окне противоположного острожного здания каторжник увидел маленькую девочку, лет 5 или 6, с белокурыми волосами, миловидную и изящную. «Когда Мишка Блоха взглянулъ на нее, — она, какъ будто, улыбуналась ему <...>. Такъ, по крайней мѣрѣ, это показалось Блохѣ. И Мишка Блоха сразу почувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то особенное, чего ранѣе никогда не было, — что онъ становится лучше, добрѣе»⁴⁰.

Объясняя подобное «преображение» русского мужика, Достоевский, как известно, связал его с любовью именно к маленьким детям-«ангелам»: «Любил он, что ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают» (ДЗ0; 22: 49). «Съ этихъ поръ Мишка Блоха сталъ не узнаваемъ. По цѣлымъ днямъ, какъ только было свободное время, Блоха простаивалъ передъ окномъ около своихъ наръ, ожидая появленія въ противоположномъ окнѣ малютки-дѣвочки, и какъ только она появлялась — все лицо его озарялось радостной

улыбкой <...> вся его любовь, вся привязанность сосредоточилась на малюткѣ...»⁴¹.

Как и у Достоевского, в произведении Долгорукова мотив встречи героя с ребенком дополняется мотивом его спасения. Во время пожара, случившегося в остроге, Мишка Блоха вынес из огня эту девочку и, получив «сильные обжоги», «через нѣсколько дней скончался въ больницѣ, находясь все время въ безпамятствѣ». «...Только передъ смертью Блоха пришелъ въ сознание и первымъ вопросомъ было: “здорова-ли дѣвочка?” Узнавъ, что она жива и невреждена, онъ началъ умолять больничную сидѣлку привести къ нему дѣвочку, чтобы проститься съ ней... Желание несчастнаго бродяги было исполнено. Оля была приведена къ нему. Мишка Блоха взглянулъ на нее *сіяющимъ радостнымъ* взоромъ, — хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ — и глаза его закрылись на вѣки...»⁴². Ср.: мужик Марей посмотрел на барчонка «*сіяющимъ <...> светлою любовью* взглядом» (ДЗ0; 22: 49; курсив в обеих цитатах мой. — В. В.).

Сходен христианский пафос обоих произведений, ярко выраженный в рассказе Достоевского: «...только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика...» (ДЗ0; 22: 49).

Итак, «учительное» влияние Достоевского на Долгорукова как на писателя и человека очевидно. Думается, связанный с ним историко-биографический и литературный контекст существенно расширяет масштаб восприятия романа «Подросток». Ориентиром в этом плане является реакция Николая Семеновича, который прочитывает «записки» Подростка как исторический документ, как «материал» времени и заключает: «Если бы я был русским романистом и имел талант...», — правда, затем он признается, что «не желал бы <...> быть романистом героя из случайного семейства!» (ДЗ0; 13: 453, 455).

Примечательно, что далее воспитатель Аркадия как alter ego автора излагает «философию», вполне близкую к тому, о чем писал сам Достоевский в «Дневнике Писателя», мечтая о воцарении «порядка» и «благообразия» в России. Не случайно в письме Николая Семеновича Аркадий Долгорукий находит «некоторый общий взгляд и как бы нечто разъяснительное» (ДЗ0; 13: 452).

Аналогичным суждением заканчивается и исповедь Всеволода Долгорукова:

«Я хотѣлъ исключить многія подробности изъ книги, какъ незанимательныя для большинства читающей публики; но оставилъ ихъ потому, что настоящее сочинение и все вообще имѣетъ интересъ, преимущественно, семейный <...> въ немъ, мѣстами, затрогиваются, болѣе, или менѣе, важныя событія, совершавшіяся въ Россіи, и, слѣдовательно, представляющія интересъ общій...»⁴³.

За этим «общим взглядом» и «общим интересом», объединившим Достоевского и Вс. Долгорукова, стоит прежде всего общественно-типическое, но не только это. В свое время Д. П. Бак в рецензии на книгу И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма» задал вопрос, который, на наш взгляд, вполне может быть отнесен к В. А. Долгорукову: «Каким образом тот или иной частный человек, с его сугубо индивидуальным жизненным опытом, сложившимся набором склонностей и привычек, извлекает из окружающей реальности и признает своими вполне определенные (а не иные, не произвольные) ценности и культурные жесты? И какую роль в этом сложнейшем перетекании личностно-го в социально-характерное и обратно играет литература?» [Бак: 231].

Напрашивается ответ о синтезе литературы и жизни, их двойной экспансии: жизни — в литературу и литературы — в жизнь, результатом чего в данном случае стала творческая трансформация личностного и исторического опыта «героев времени» в романе «Подросток», который повлиял на литературный и духовный опыт Вс. Долгорукова как читателя и писателя. Произошел «круговорот» литературы и жизни, в котором под пером Достоевского Долгоруков стал прототипом героев романа «Подросток» и, как бы приняв эстафету от Аркадия Долгорукова, в свою очередь предстал «героем-сочинителем» (см. об этом типе: [Сараскина: 99–130]).

В свете проблемы подобных взаимоотношений искусства и действительности Достоевский не раз подчеркивал необходимость «романизации» жизненных впечатлений в литературном произведении⁴⁴. Так, в письме С. А. Ивановой из Флоренции от 25 января (6 февраля) 1869 г. он отмечал:

«Мне непременно надобно воротиться в Россию; здесь же я потеряю даже возможность писать, не имея под руками всегдашнего и необходимого материала для письма, — то есть русской действительности (дающей мысли) и русских людей» (Д30; 29₁: 11).

С другой стороны, Достоевский имел в виду и «практическое» воздействие своего романа на жизнь, о чем свидетельствует его замысел, который был связан с надеждой писателя на встречу «русских подростков» с православной идеей. Не случайно фамилией «раскняженного» князя в романе писателя наделен и старец Макар Долгорукий, олицетворяющий все лучшее в русском народе и ставший истинным духовным отцом Аркадия.

Примечания

- ¹ Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские (С приложением статьи «О происхождении первых русских князей: Рюрика, Синеуса и Трувора», портрета князя Якова Федоровича Долгорукого и гербов рода: князей Долгоруких и ДолгорукихАргутинских) / изд. под ред. и ответ. князя Всеволода Долгорукого; предисл., послесл. и примеч. кн. Вс. Долгорукого. СПб.: В тип. Ю. Штауфа, 1869. Ч. 1. [2], XII, 207 с., 2 л. ил., 1 л. схем. С. 174 (Далее: *Долгорукие*).
- ² Некоторые источники указывают годом рождения также 1847-й (возможно, смешивая в данном случае Всеволода с его младшим братом Глебом). См., например, в пояснительной надписи князя А. Б. Лобанова-Ростовского (январь 1871 г.) на экземпляре книги «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские», хранящемся ныне в библиотеке Пушкинского Дома: «Краткая биография автора купленной тобою книги: Князь Всеволод Алексеевич Долгорукий, 23 лет...» (*Д30*; 17: 309).
- ³ Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939 / сост. и ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 2001. С. 141–142; портр. (на с. 141).
- ⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 1782. Л. 4, 4 об.; опубликовано: [Всеволод Алексеевич Долгоруков: 43–44].
- ⁵ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.; опубликовано: [Всеволод Алексеевич Долгоруков: 46].
- ⁶ Баранцевич Е. М. Страничка благотворительной деятельности (из жизни Томского патроната). Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1913. 49 с.
- ⁷ Достоверную биографию В. А. Долгорукова, основанную на документальных источниках, представил историк М. О. Мельцин [Мельцин, 2007].
- ⁸ См.: [Мельцин, 2007: 257].
- ⁹ М. О. Мельцин ссылается на Определение Святейшего синода от 31.08.1851 // РГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д. 34701. Л. 37–42 [Мельцин, 2007: 258, 262].
- ¹⁰ См. найденный М. О. Мельциным документ: Формулярный список воспитанника Морского кадетского корпуса князя Всеволода Долгорукова, переведенного по распоряжению начальства по высочайшему повелению во флот юнкером, от 25.04.1863 // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 432 (Морской кадетский корпус). Оп. 1. Д. 4747; о переводе пяти воспитанников Морского кадетского корпуса, по невыдержании экзамена в гардемарины, во флот юнкерами — л. 20 об. [Мельцин, 2007: 258, 263].
- ¹¹ См.: *Долгорукие*: [2].
- ¹² См.: [Мельцин, 2007: 258].
- ¹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ¹⁴ См. сведения Российского родословного фонда [Электронный ресурс]. URL: <https://rgfond.ru/person/6890>.
- ¹⁵ Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века: сб. / сост. И. Потапчук; предисл. С. А. Андреевского. Тула: Автограф, 1997. С. 159.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 6; опубликовано: [Всеволод Алексеевич Долгоруков: 63].
- ¹⁷ Клуб червонных вальетов: уголовный процесс. М.: Н. Н. З., 1877. С. 374–375 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=189>. См. также: Русские судебные ораторы...

- 18 Баранцевич Е. М. Страничка благотворительной деятельности. С. 14–15.
- 19 А. К. [Ковнер А. Г.] Тюремные воспоминания // Исторический вестник. 1897. Т. 67. № 1. С. 177.
- 20 «Весь тираж был уничтожен по распоряжению корпусного начальства, единственный сохранившийся экземпляр хранится в Российской национальной библиотеке в Петербурге» (см.: [Мельцин, 2007: 258–259, 263]).
- 21 Путеводитель по Троицко-Сергиевой Лавре, Вифании, Гефсиманскому скиту и другим примечательным монастырям, а также селениям, близь Москвы лежащим / [сост. В. Долгой]. М.: Изд-е редакции «Путеводителя по России» (В. Г. кн. Долгорукого и В. И. Анофриева), 1872. 104 с. (книга подписана псевдонимом).
- 22 Сибирский Вестник. 1890. № 38. 1 апреля. С. 1.
- 23 Там же. № 67. 15 июня. С. 2–3; № 69. 20 июня. С. 2–3; № 72. 27 июня. С. 2–3; № 75. 4 июля. С. 2–3; № 78. 11 июля. С. 1–2; № 81. 18 июля. С. 1–3; № 84. 25 июля. С. 1–2.
- 24 Там же. № 67. 15 июня. С. 2–3.
- 25 Там же. № 84. 25 июля. С. 1–2.
- 26 См.: *Долгорукие*: III–IV.
- 27 Там же. С. VI.
- 28 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1869. Т. 19. 840 с.
- 29 Об этом см., напр., письмо Ф. М. Достоевского к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. (Д30; 30; 212).
- 30 Судьба князей Долгоруких при императрице Анне // Заря. 1870. № 6. С. 152–170; № 7. С. 171–193.
- 31 См.: *Долгорукие*: 174.
- 32 Там же. С. 174–175.
- 33 Сибирский Вестник. 1890. № 72. 27 июня. С. 2–3.
- 34 Там же.
- 35 Там же. № 84. 25 июля. С. 1–2.
- 36 Там же. № 111. 28 сентября. С. 2.
- 37 Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 1. С. 23.
- 38 Там же. С. 25.
- 39 Там же. С. 25.
- 40 Там же. С. 26.
- 41 Там же. С. 26.
- 42 Там же. С. 27–28.
- 43 См.: *Долгорукие*: 175.
- 44 См. об этом: [Захаров: 404].

Список литературы

1. Бак Д. П. «Реалисты» // Новый мир. 1997. № 2. С. 230–232.
2. Борисова В. В., Шаулов С. С. «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 149–165 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602588705.pdf (10.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781
3. Всеволод Алексеевич Долгоруков: сб. материалов / Том. обл. универ. науч. б-ка им. А. С. Пушкина; [сост.: В. М. Костин, А. В. Яковенко; ред. С. С. Быкова]. Томск: [б. и.], 2013. 239 с.

4. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История. 2016. 320 с.
5. Жилиякова Н. В. Зарождение, развитие и специфика жанра романа в томской периодике (конец XIX — начало XX века) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 63–71.
6. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
7. Мельцин М. О. «Крымская» ветвь князей Долгоруковых в XIX — XX вв. // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 9. С. 139–160.
8. Мельцин М. О. Автор одного из первых путеводителей по Новгороду // Новгородика-2006: материалы международной науч. конф. Великий Новгород, 2007. С. 257–264.
9. Сараскина Л. И. Слово звучащее, слово воплощенное (Сочинители в произведениях Достоевского) // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 99–130.
10. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010. 400 с.
11. Шаулов С. С. «Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 105–116 [Электронный ресурс]. URL: [dostmirkult.ru/images/2020-4/DOST_2020-412-INTERN-107-118.pdf](https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-105-116) (10.12.2020). <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-105-116>

References

1. Bak D. P. “Realists”. In: *Novyy mir*, 1997, no. 2, pp. 230–232. (In Russ.)
2. Borisova V. V., Shaulov S. S. “The Jack of Hearts Club” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Raw Youth”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 149–165. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602588705.pdf (accessed on December 10, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781 (In Russ.)
3. *Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: sbornik materialov [Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: Collection of Materials]*. Tomsk, 2013. 239 p. (In Russ.)
4. Gerigk Kh.-Yu. *Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'ev Karamazovykh» [Dostoevsky's Literary Skills in Development. From the “Notes from a Dead House” to “The Brothers Karamazov”]*. St. Petersburg, The Pushkin House Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)
5. Zhilyakova N. V. Origin, Development and Specificity of the Genre of the Novel in Tomsk Periodicals (Late 19th — Early 20th Century). In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2016, no. 1, pp. 63–71. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
7. Mel'tsin M. O. “Crimean” Branch of the Dolgorukov Princes in the 19th — 20th Centuries. In: *Iz glubiny vremen [From the Depths of Time]*. St. Petersburg, 1997, issue 9, pp. 139–160. (In Russ.)
8. Mel'tsin M. O. Author of One of the First Travel Guides to Novgorod. In: *Novgorodika-2006: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Novgorodika-2006: Materials of the International Scientific Conference]*. Novgorod the Great, 2007, pp. 257–264. (In Russ.)
9. Saraskina L. I. The Sounding Word, the Embodied Word (Writers in the Works of Dostoevsky). In: *Voprosy literatury*, 1989, no. 12, pp. 99–130. (In Russ.)
10. Stepanyan K. A. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo [Phenomenon and Dialogue in the Novels of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, Kruga Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)

11. Shaulov S. S. “The Kumanin Inheritance Case” and “The Adolescent”: A Reception Aspect. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2020, no. 4 (12), pp. 105–116. Available at: dostmirkult.ru/images/2020-4/DOST_2020-412-INTERN-107-118.pdf (accessed on December 10, 2020). <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-105-116> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Башкортостан, Российская Федерация, 450008); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: borisova@ufacom.ru

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor, Head of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolutsii 3a, Ufa, Bashkortostan, 450008, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: borisova@ufacom.ru

Поступила в редакцию / Received 16.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 930.25+347.965

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5201

**Уловки адвокатов,
или
Что получили Достоевские
от продажи тульского имения**

Ю. В. Юхнович

Музеи Ф. М. Достоевского в Старой Руссе

(г. Старая Русса, Российская Федерация)

e-mail: yulyayu@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрена история продажи недвижимого имения московской тетки Ф. М. Достоевского А. Ф. Куманиной в Тульской губернии. Раздел имущества, которое досталось после ее смерти наследникам, должен был осуществиться после их ввода в права владения имениями: сначала тульским, затем — смоленским и рязанским, находившимися в залоге. Криминальную роль в этом процессе сыграли адвокаты. Ими в ходе раздела и продажи дома и земельного участка в Туле была разработана преступная схема, предрешившая судьбу «куманинского наследства», большая часть которого ушла на уплату долгов, недоимок и гонораров поверенным. В связи с делом о наследовании Ф. М. Достоевский обращался за юридической помощью к В. П. Гаевскому, В. И. Веселовскому, Б. Б. Полякову, В. И. Губину, Е. В. Коршу, А. В. Лохвицкому, В. И. Люстиху. Факты, свидетельствующие о неблагоприятной роли поверенных, которая, в конечном счете, привела к неожиданному исходу «куманинской истории», представлены в мемуарах и переписке брата писателя Андрея Михайловича. На них же указывают материалы переписки других наследников А. Ф. Куманиной, в числе которых был Ф. М. Достоевский и его ближайшие родственники, пытавшиеся вернуть право на владение наследственными имениями, а также материалы родословной описи Н. С. Лазарева-Станицева, ставшего одним из участников аферы, связанной с «куманинским наследством». В Приложении размещено не публиковавшееся прежде письмо помощника поверенного В. И. Веселовского в «деле о куманинском наследстве» Д. А. Смирнова к А. М. Достоевскому от 10 февраля 1874 г. о продаже дома Куманиных в Туле.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. С. Лазарев-Станицев, А. Т. Неофитов, Г. Ф. Асафов, Д. А. Смирнов, Б. Б. Поляков, Е. В. Корш, В. И. Веселовский, дело о куманинском наследстве

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90013 Достоевский («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского»).

Для цитирования: Юхнович Ю. В. Уловки адвокатов, или Что получили Достоевские от продажи тульского имения // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 168–182. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5201

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5201

Lawyers' Tricks, or What Did the Dostoevskys Get from the Sale of the Tula Estate

Yulia V. Yukhnovich

F. M. Dostoevsky Museums in Staraya Russa

(Staraya Russa, Russian Federation)

e-mail: yulyayu@list.ru

Abstract. The article deals with the history of the sale of the real estate property belonging to A. F. Kumanina, the Moscow aunt of F. M. Dostoevsky, in the Tula province. The division of the property received by her heirs after her death was to be carried out after their entry into the ownership of the estates: first Tula, then Smolensk and Ryazan, which were pledged. Lawyers played a criminal role in this process. They developed an illegal scheme during the division and sale of the house and land plot in Tula, which predetermined the fate of the Kumanin inheritance, most of which was spent on paying debts, arrears and attorney fees. In connection with the inheritance case, F. M. Dostoevsky sought legal assistance from V. P. Gaevsky, V. I. Veselovsky, B. B. Polyakov, V. I. Gubin, E. V. Korsh, A. V. Lohvitsky, V. I. Lustikh. The facts testifying to the unseemly role of the attorneys, which ultimately led to the unexpected outcome of the "Kumanin story," are presented in the memoirs and correspondence of the writer's brother Andrey Mikhailovich. They are also indicated in the correspondence of the other heirs of A. F. Kumanina, including F. M. Dostoevsky and his closest relatives, who tried to regain the right to own hereditary estates, as well as the materials of the genealogic inventory of N. S. Lazarev-Stanishchev, who became one of the participants in the "Kumanin inheritance" scam. The Appendix contains a previously unpublished letter from D. A. Smirnov, assistant to attorney V. I. Veselovsky in the "case of the Kumanin inheritance," to A. M. Dostoevsky dated February 10, 1874 about the sale of the Kumanin house in Tula.

Keywords: F. M. Dostoevsky, N. S. Lazarev-Stanishchev, A. T. Neofitov, G. F. Asafov, D. A. Smirnov, B. B. Polyakov, E. V. Korsh, V. I. Veselovsky, the case of the Kumanin inheritance

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90013 Dostoevsky.

For citation: Yukhnovich Yu. V. Lawyers' Tricks, or What Did the Dostoevskys Get from the Sale of the Tula Estate. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 168–182. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5201 (In Russ.)

«Дело о куманинском наследстве», главными участниками которого стали Ф. М. Достоевский и его ближайшие родственники, уже не раз освещалось в исследованиях. Некоторые его обстоятельства были рассмотрены в комментариях к Полному собранию сочинений писателя в 30 томах¹, в Летописи его жизни и творчества², в предшествовавших им 83-м и 86-м томах серии «Литературное наследство» [Неизданный Достоевский: 182–511], [Ланский]. Значительный вклад в изучение биографии писателя внес и капитальный труд «Хроника рода Достоевских», представляющий собой

расширенное и дополненное (после книги М. В. Волоцкого³) описание родословия писателя, в том числе и по линии Куманиных [Хроника рода Достоевских]. Однако, несмотря на имеющиеся фундаментальные и частные историко-биографические исследования, важные подробности нашумевшего «дела», оставившего роковой след в судьбе Достоевского, до сих пор не прояснены. Предметом специального изучения оно не становилось, за исключением давней небольшой статьи Н. Ильина [Ильин]. В работах последних лет раскрыты новые факты, связанные с «куманинским наследством» Достоевских (см.: [Борисова, 2008, 2009, 2018, 2019], [Юхнович, 2018, 2019], [Сосновская, Андрианова]).

Целью данной статьи является введение в научный оборот неопубликованных документальных источников, проливающих свет на историю продажи тульского имения как части недвижимого имущества московской тетки Ф. М. Достоевского А. Ф. Куманиной. После смерти Александры Федоровны начался длительный процесс по вводу ее родственников в права наследования, после чего имение было продано за бесценок. Приведенные документы позволяют сделать вывод, что причиной этого стала деятельность группы адвокатов, которые на данном этапе начали осуществлять незаконные сделки, связанные с разделом и продажей собственности наследников, что в дальнейшем во многом определило исход «куманинского дела».

В воспоминаниях А. М. Достоевского представлена подробная опись имущества А. Ф. Куманиной на июнь 1868 г., согласно которой часть ее наследного состояния заключалась к тому времени в закладных крепостях⁴ на имения помещиков Яковлевых в Рязанской губернии и Лазаревых-Станищевых в Тульской губернии⁵. По документам стоимость недвижимого имущества в Рязани составляла 45 000 рублей, а в Туле — 40 000 рублей (включая дом и земельные угодья). Однако впоследствии имения были проданы за меньшие деньги. Например, в целом за имение в Тульской губернии наследники выручили около 17 000 рублей (9 850 рублей — за дом, 7 000 рублей — за земельный участок). При этом на долю Ф. М. Достоевского и его племянников пришлось 1 160 рублей⁶.

История раздела и продажи земель в Рязани оказалась наиболее драматичной, так как спор между наследниками Куманиной в силу ряда юридических и экономических причин затянулся на долгие годы. Отметим, что Ф. М. Достоевский крайне отрицательно относился к продаже земельной собственности в Рязанской губернии, рассчитывая на склоне лет обзавестись здесь имением и хозяйством, чтобы в дальнейшем передать имущество детям. Однако интересы писателя не были учтены при разделе, и земля, вопреки желанию наследников, продавалась небольшими частями.

Не последнюю роль в этом процессе сыграли адвокаты, деятельность которых парадоксальным образом привела к криминальным последствиям. Согласно документальным свидетельствам, раздел наследных земель как в Рязани, так и в Туле проходил по заранее выработанной ими преступной

схеме. Адвокаты намеренно затягивали процесс ввода в права наследования, из-за чего на имениях копились огромные недоимки, и это вынуждало наследников продавать земли и имущество в срочном порядке за небольшие деньги.

Первым душеприказчиком А. Ф. Куманиной стал крестник ее мужа Александра Алексеевича Куманина А. Т. Неофитов, который был уличен в связях с преступным обществом «Клуб червонных валетов»⁷. Одним из тех, кто участвовал в разработке плана по разорению богатого семейства, был Гавриил Федорович Асафов — юрист, приглашенный А. П. Ивановым (мужем сестры Достоевского В. М. Ивановой) руководить делами А. Ф. Куманиной. Асафов, заверивший среди прочих лиц своей подписью духовное завещание А. Ф. Куманиной в сентябре 1865 г. и, соответственно, располагавший информацией о ее движимом и недвижимом имуществе, неслучайно, согласно воспоминаниям А. М. Достоевского, подговорил неопытного А. П. Иванова к невыгодным сделкам. По инициативе этого юриста были найдены заемщики, которые готовы были отдать свои имения под залог части наследства. В ходе сделки были оформлены фальшивые документы. В этом Асафова заподозрил А. М. Достоевский, назвав его *«адвокатомъ изъ подѣ Иверской»*, который *«какъ пѣявка успѣлъ присосаться и къ этому дѣлу!..»*⁸.

Позже В. И. Веселовский, ознакомившись с залоговыми свидетельствами А. Ф. Куманиной, также назвал их весьма «нехорошими». Как вспоминал А. М. Достоевский: *«Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ отъ 1го Сентября <1868 г.>, Веселовскій писалъ, что Яковлевъ утраченный Уголовнымъ преслѣдованіемъ за фальшивыя свѣдѣнія обозначенныя въ залоговыхъ свѣдѣтельствахъ, прискакалъ къ нему Веселовскому, и между прочимъ разсказалъ ему подробности о сдѣлкахъ съ Ивановымъ и Асафовымъ при займѣ денегъ, подробности нехорошія, добавляетъ Веселовскій, ежели они вѣрны и правдивы!»*⁹ Подобные мошеннические вовлечения в невыгодные сделки были распространенным в то время явлением. Так, в суде над «червонными валетами» разбирались 13 аналогичных дел¹⁰.

Участниками таких преступных сообществ, как «Клуб червонных валетов», зачастую становились разорившиеся дворяне. Например, в одном из разбиравшихся в то время в суде дел был замешан помещик Тульской губернии Александр Алексеевич Протопопов. Став поделщиком «червонных валетов», он представлялся богатым человеком и, осуществляя сделки на доверии, обманывал своих заемщиков. В качестве его посредников выступали другие мошенники, называвшие себя адвокатами и занимавшиеся подделкой юридических документов¹¹. Подобная же афера была осуществлена и Г. Ф. Асафовым при заключении сделки, связанной с куманинским наследством¹². По свидетельству А. М. Достоевского, опекун А. Ф. Куманиной *«Александръ Павловичъ, очень былъ неопытенъ въ денежныхъ дѣлахъ и при томъ очень доверчивъ, — какъ же пѣявкѣ Асафѣ, знакомому со всѣмъ этимъ, не нагрѣтъ было руки. И вотъ онъ сосводничалъ Алекс. Павловичу*

Яковлевыхъ и Лазаревыхъ-Станицевыхъ, доказывая ему что 10 % лучше 5 %, и что люди эти богачи и имѣнія предложенныя въ залогъ, чуть ли не золотое дно; и что занимая у тетки деньги изъ 10 %, они чуть ли не благодаряніе дѣлаютъ этимъ. Александръ Павловичъ соблазнился и дѣло было сдѣлано»¹³.

Однако так ли богаты были люди, которых рекомендовал Асафов для заключения сделки? В Государственном архиве Тульской области хранится «Дело по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Лазарева-Станицева Николая Семеновича»¹⁴. Согласно архивным данным, Николай Семенович «воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ кадетомъ тысяча восемьсотъ тридцать пятаго года...»¹⁵. В 1838 г. его перевели в гардемарины, в 1839 г. — в мичманы, а в 1845 г. — в лейтенанты. «Высочайшимъ приказомъ 15го Февраля 1850 года по флоту отданнымъ уволенъ согласно прошенія его отъ службы за бользнію, Капитанъ Лейтенантомъ»¹⁶. Затем Н. С. Лазарев-Станицев был произведен в титулярные советники, а в 1855 г. за выслугу лет — в коллежские асессоры, в 1856 г. — в надворные советники. Это звание позволило ему просить об утверждении в правах потомственного дворянства для себя и членов своей семьи и внесении в дворянскую родословную книгу Тульской губернии, в которую они перебрались из Владимирской. В Туле он занимал должность советника казенной палаты при отделении питейных сборов, владел винокуренным заводом, впоследствии сильно пострадавшим от пожара, имуществом, состоявшим из небольших имений в деревнях Федоровке и Долбиловке Тульского уезда, а также 155 крестьянскими душами и двухэтажным домом. Семейство у Николая Семеновича было большое: супруга Евдокия Васильевна, пятеро сыновей и дочь Елизавета. В документах 1870-х гг. упоминаются имена еще трех дочерей: Лидии, Евгении и Надежды. Для их обеспечения средств у отца семейства явно не хватало.

Г. Ф. Асафов убедил душеприказчика А. Ф. Куманиной отдать ее капиталы в частные руки, в том числе Н. С. Лазареву-Станицеву под залог имения, представив его как «богача». Но тот, взяв 40 000 рублей под 10 % годовых и уплатив проценты только за первый год, на второй платить не стал. Так же поступили и другие заемщики. В результате этих мошеннических действий, по свидетельствам А. М. Достоевского, «тетушка осталась и безъ капиталовъ и безъ процентовъ на которые можно было бы жить»¹⁷. Когда спустя время имение перешло к наследникам Александры Федоровны, его пришлось продать за бесценок («меньѣ 10.000 руб.»¹⁸) из-за больших долгов и недоимок, накопившихся по вине адвокатов.

Достоевские вступили в права наследования тульским имением спустя два года после смерти А. Ф. Куманиной, в 1873 г. В это время писатель пользовался услугами Б. Б. Полякова, а его братья обращались за помощью к другим адвокатам: Е. В. Коршу и В. И. Веселовскому. Помощником поверенного В. И. Веселовского в «деле о куманинском наследстве» был студент

Дмитрий Александрович Смирнов¹⁹. В его переписке с А. М. Достоевским за 1873–1874 гг. сохранились важные подробности, касающиеся оформления наследственных документов и продажи имения в Тульской губернии.

25 октября 1873 г. Смирнов писал А. М. Достоевскому: «23го Октября Вы, по моему ходатайству, утверждены Тульскимъ Окружнымъ Судомъ въ правахъ наследства къ $\frac{1}{12}$ имуществу А. Θ. Куманиной ($\frac{2}{3}$ этого имущества переходятъ къ потомству двухъ единокровныхъ сестеръ Куманиной, а $\frac{1}{3}$ дѣлится между 4 сыновьями родной ея сестры); исполнительный листъ можно будетъ получить 8го Ноября и вскорѣ за тѣмъ послѣдуетъ вводъ во владѣніе домомъ въ г. Туль и имѣніемъ въ Тульской губерніи»²⁰.

В этом же письме поверенный уведомил А. М. Достоевского о том, что все наследники, включая Ф. М. Достоевского, согласны на продажу своей доли имущества в самые короткие сроки, ссылаясь при этом на свидетельство Корша и Полякова, и даже назвал потенциального покупателя: «...по Туль было разнесено о имѣющей быть продажѣ дома и имѣнія и вслѣдствіе этого стали находиться желающіе купить и то и другое; между таковыми на первомъ планѣ стоитъ А. Н. Смирновъ, тамошній губернской землемѣръ; онъ намѣренъ покуда дать за домъ 10 и имѣніе 12 т., ставя непремѣннымъ тому условіемъ и покупку дома Владиміра Ивановича, на что послѣдній согласенъ, можно думать, что при случаѣ Смирновъ и надбавитъ»²¹.

Очевидно, что Д. А. Смирнов, упоминая о покупке еще одного дома, имел в виду недвижимость В. И. Веселовского, который впоследствии был уличен А. М. Достоевским в незаконных действиях, связанных с продажей наследственных имений²². Будучи поверенным А. М. Достоевского и занимаясь поисками покупателя на имение в Туле, Веселовский преследовал и свою выгоду, выставляя на торги вместе с землями наследников Куманиной личную недвижимость. Судя по всему, о скорой продаже своей доли имения его поручитель ничего не знал, что следует из дальнейшего текста письма Д. А. Смирнова А. М. Достоевскому:

«Между тѣмъ о Вашемъ желаніи продать имущество Куманиной въ стороннія руки никому положительно неизвѣстно.

Не сочтете¹⁾ ли, Андрей Михайловичъ, нужнымъ²⁾ уведомить меня или Владиміра Ивановича о Вашихъ намѣреніяхъ³⁾, тѣмъ болѣе, что дѣло продажи, въ случаѣ Вашего на то согласія, могло бы кончиться скоро»²³.

Процесс продажи тульского имения действительно был завершен в скором времени. В письме от 18 ноября 1873 г. Смирнов сообщил о сумме, которую можно было выручить наследникам от покупки имения и дома в Туле: «...всѣ наследники согласились продать Тульскіе имѣніе и домъ за 25 т. р. сер...»²⁴. В ответ А. М. Достоевский выслал доверенность на имя

¹⁾ Было: *соблаговолите*

²⁾ *нужнымъ* вписано

³⁾ Было: *о Вашемъ намѣреніи*

Д. А. Смирнова о полном ходатайстве по делу наследства А. Ф. Куманиной. Это означало, что поверенный брал на себя обязанность заниматься всеми юридическими вопросами, включая продажу имений, оформление необходимых бумаг и предоставление их в судебные и административные ведомства.

Ввод во владение наследников А. М. и Н. М. Достоевских был осуществлен 5 декабря 1873 г., после того как их поверенные Д. А. Смирнов, Е. В. Корш и В. И. Веселовский приехали в Тулу. Адвокат Ф. М. Достоевского Б. Б. Поляков от поездки отказался ввиду того, что был не согласен с вновь утвержденной суммой продажи, назначенной покупателем, — 18 тысяч рублей (хотя первоначально именно он предлагал продать имение как можно быстрее *«въ виду могущей накопиться большой недоимки»*²⁵). То есть всего за несколько недель стоимость имения по непонятным причинам оказалась значительно снижена. Однако Корш и Веселовский настаивали на продаже и уверяли, что сумма, которую готов заплатить землемер Смирнов, вполне достаточная. Этот факт может свидетельствовать о возможном сговоре адвокатов.

В конечном счете дом в Туле как часть имущества наследников Куманиной был продан через несколько месяцев, 7 февраля 1874 г., за 9 850 рублей, из которых всего 820 рублей полагалось на долю А. М. Достоевского. Согласно счету, представленному Д. А. Смирновым, поручитель должен был отдать ему 200 рублей за хлопоты, связанные с поездками в Тульскую губернию, и еще 100 рублей сверх означенной суммы за оформление юридических бумаг²⁶.

Таким образом Андрей Михайлович выручил от продажи немногим более пятисот рублей. Ф. М. Достоевский получил еще меньшую сумму — 468 рублей 29 копеек, а его поверенный Поляков попросил за свои услуги более семисот рублей²⁷. В этот счет, составленный самим адвокатом, помимо расходов, связанных с оформлением документов, и дорожных трат, был включен пункт о платежах Е. В. Коршу, касающийся недоимок, лежащих на имении.

В более поздних письмах к В. Д. Шеру, отражающих историю раздела другого (рязанского) имения, А. М. Достоевский отозвался о Корше как о мошеннике, который наживался за счет своих поручителей:

«Изъ письма Вашего я къ удивленію своему увидѣлъ что благодаря небрежности Корша на имѣніи накопилась громадная недоимка. Это извѣстіе побудило меня приложить⁴⁾ Вамъ при семъ⁵⁾ копію съ⁶⁾ части послѣдняго письма⁷⁾ Корша полученнаго мною въ концѣ Іюля сего года. — Дѣло въ томъ что дѣйствуя по довѣренности моей и продавъ Смоленское имѣніе, онъ какъ

⁴⁾ Было: *послать*

⁵⁾ *при семъ* вписано

⁶⁾ Было: *письма*

⁷⁾ Было: а) *мн* б) *пол*

Вы увидите изъ прилагаемой Копіи не прислалъ мнѣ ни копѣйки, хотя на мою долю и причиталось 666 р. съ копѣйками.

Вслѣдствіе энергическаго моего требованія прислать мнѣ причитающіеся за продажу деньги или расчетъ, онъ и прислалъ мнѣ это письмо, а⁸⁾ въ доказательство что⁹⁾ недоимки возросли¹⁰⁾ до нѣсколькихъ тысячъ <...>. Изъ этихъ копій Вы увидите (что по словамъ Корша) за мою $\frac{1}{12}$ долю внесено 544 р. 62 недоимокъ; ежели помножить эту цифру на 12, то образуется сумма 6535 р. 44 коп. т. е. вся сполна которая числится недоимкой до 1го Января 1878 года по письму исправника, за исключеніемъ частныхъ недоимокъ въ общемъ итогъ на сумму 2345 р. 63 $\frac{3}{4}$ коп. <...> Вообще будьте любезны много уважаемый Влад. Дмитриевичъ хотя /и/ не въ скоромъ времени, но какъ найдете свободную минутку увѣдомьте меня¹¹⁾ о¹²⁾ томъ 1) внесены сказанные деньги 544 р. 62 коп. Коршемъ или нѣтъ и 2^{e)} получила ли тетушка Ольга Федоровна отъ продажи Смоленскаго имѣнія хоть сколько нибудь денегъ или тоже вся ее выручка пошла на покрытие недоимокъ. — Это послѣднее свѣдѣніе меня интересуетъ потому, что я слышалъ отъ брата Э. М. что онъ отъ сказанной продажи получилъ отъ Полякова 500 слишкомъ рублей. Но можетъ быть онъ не платилъ изъ этой суммы недоимки, и теперь съ него¹³⁾ будутъ требовать¹⁴⁾ большія уплаты. — Или въ концѣ концовъ Коршъ меня надувалъ и досель надуваетъ»²⁸⁾.

Из приведенного письма видно, что недоимки на именах исчислялись огромными суммами и фактически были равны вырученному от продажи имения деньгам. Таким образом, наследники, не имея никакой выгоды, лишь тратили большие средства на услуги адвокатов и оплату долгов. О мошенничестве поверенного Корша писал и Н. М. Достоевский: «Живу я прескверно, благодаря Корша, который просто надулъ меня, безсовестно и безчестно...»²⁹⁾. Ф. М. Достоевский в одном из писем к Анне Григорьевне небезосновательно сделал предположение о том, что Корш мог подкупить адвоката Жеромского для того, чтобы решить дело в пользу наследников по линии О. Ф. Шер³⁰⁾.

Почти все адвокаты, принимавшие участие в «деле о куманинском наследстве», действовали против воли своих поручителей, исходя из собственных интересов. В большинстве случаев они не согласовывали с ними важные юридические вопросы, касающиеся передачи, раздела и продажи их имущества, иногда исчезали на неопределенный срок и намеренно не

⁸⁾ Было: *вмѣстѣ съ*

⁹⁾ Было: *уплата до*

¹⁰⁾ Было: *недоимка возросла*

¹¹⁾ Далее было: *какъ*

¹²⁾ Далее было: *выше*

¹³⁾ Далее было: *по*

¹⁴⁾ Было: *требуется*

информировали поручителей о ходе процесса. Так, В. М. Карепина в одном из писем к А. М. Достоевскому сообщала о том, что адвокаты совершенно не занимаются их делом: *«Милый Братъ, что же ты съ своей стороны не хлопчешь и неужели Веселовскій тебя ни о чемъ не увѣдомилъ. Вѣдь дѣло о наслѣдствѣ говорятъ, сложено въ Архивъ отъ того что никто не хлопчетъ»*³¹.

После продажи дома в Туле, не принесшей наследникам никакой выгоды, их поверенные Е. В. Корш, В. И. Веселовский и Б. Б. Поляков начали искать покупателей на имение Лазаревых-Станицевых в Тульском уезде. Вот что об этом сообщал Д. А. Смирнов 10 февраля 1874 г.: *«За имѣніе въ Тульскомъ уездѣ никто Краснопольскій даетъ по 30 руб. десятину, такъ же Смирновъ — по 50 р., лучшихъ покушниковъ куда нѣтъ; говорятъ, что Смирновъ даетъ цѣну хорошую, но отдать за оную несоглашается повѣренный <...> Поляковъ; дѣло это такимъ образомъ стоитъ; впрочемъ Поляковъ ввелъ своихъ доверителей во владѣніе этимъ имѣніемъ и говоритъ, что можетъ быть онъ самъ, Поляковъ, купить его для себя»*³².

В августе 1874 г. имение было продано за 7000 рублей. По свидетельству Б. Б. Полякова, покупателем стал «некий крестьянин Поляков», который также «намерен приобрести рязанское имение» (*Летопись*: 508). По странному стечению обстоятельств, этот человек оказался однофамильцем адвоката. Отметим, что в случае с продажей дома в Туле произошло то же самое — покупатель и один из поверенных имели одинаковые фамилии. Конечно, это могло быть простым совпадением, однако, если соотнести все факты недобросовестного поведения поверенных, то поневоле возникают подозрения.

При продаже смоленского и рязанского имений была реализована схема, согласно которой продажа земли осуществлялась небольшими частями, когда наследники, находясь на расстоянии и не имея возможности осуществить раздел самостоятельно, поручали это своим адвокатам. Они же обманным путем, стараясь запутать доверителей, продавали земельные угодья за небольшие деньги, лишая их законной прибыли. Цепочку афер с куманинскими землями «порвала» А. Г. Достоевская. При разделе рязанского имения именно она отказалась от помощи поверенных и, полагаясь лишь на собственные силы, сделала всё возможное, чтобы оставить за собой часть наследных земель, до конца исполняя волю мужа (см.: [Сосновская, Андрианова: 168–183]).

Таким образом, к «делу о куманинском наследстве» имели отношение разные адвокаты и в разное время (В. И. Губин, С. Жеромский, Д. А. Смирнов — в 1873–1874 гг.; А. В. Лохвицкий — в 1874 г. и в 1877 г.; В. П. Гаевский, В. И. Люстих — в 1878 г.). Главными его фигурантами стали А. Т. Неофитов, Г. Ф. Асафов, Е. В. Корш, Б. Б. Поляков и В. И. Веселовский. Так, по совету Неофитова и Асафова в наследную часть состояния А. Ф. Куманиной под большой процент были включены имения помещиков Яковлевых

и Лазаревых-Станищевых, не представляющие, как оказалось, особой ценности. Позже эта криминальная история получила развитие во время раздела наследного имущества: адвокаты Корш, Поляков и Веселовский скрывали от поручителей важную информацию, касающуюся раздела и продажи имений, совершали незаконные действия при составлении юридических документов, наживались на наследниках, лишая их законной прибыли. Эти факты бесчестного поведения адвокатов нашли отражение в переписке Ф. М. Достоевского и его родственников, а также в других материалах, связанных с «делом о куманинском наследстве», которое, судя по всему, оказалось не только «несчастливым» и «роковым», но и криминальным.

Приложение Appendix

<Письмо Д. А. Смирнова к А. М. Достоевскому от 10 февраля 1874 г.>
<Letter of D. A. Smirnov to A. M. Dostoevsky dated February 10, 1874>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 107. Л. 14–15 об.

В верхнем левом углу л. 14 помета А. М. Достоевского: «Получ<ено> 11го Февраля 1874 г.».

«10^е Февраля 1874 года.

Милостивый Государь,
Андрей Михайловичъ,

Домъ Вашъ въ Туль проданъ нами 7го числа Статскому Совѣтнику Алексѣю Николаевичу Смирнову за 9850 руб. и деньги получены нами сполна; на Вашу долю приходится 820 руб., относительно всѣхъ вычетовъ изъ этой суммы прилагаю Вамъ особый счетъ.

Издержано много, но много потому, что пришлось много платить въ Консисторіи и потомъ 5 разъ ѣздить въ Тулу; при томъ издержаны деньги главнымъ образомъ по общему для всѣхъ имѣній Куманиной дѣлу — утвержденію Васъ въ правахъ наследства къ этимъ имѣніямъ, такъ что послѣ этого по продажѣ Рязанскаго имѣнія, несмотря на его несравненно бѣльшую сравнительно съ цѣною Тульскаго дома стоимость, <л. 14> издержки будутъ во много разъ меньше.

За тѣмъ послѣ этихъ длинныхъ трудовъ позволѣте, добрыйшій Андрей Михайловичъ, повести рѣчь о вознагражденіи за веденіе дѣла. Вознагражденіе это въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, удобнѣе опредѣлить, оцѣняя каждую поѣздку; каждую же поѣздку я полагаю въ 40 руб., что въ суммѣ составитъ 200 руб., при этомъ я ни во что ставлю свои труды по Консисторіи. Если Вамъ угодно, уплату этихъ денегъ я могу разсрочить: 100 руб. Вы потрудитесь прислать мнѣ изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи дома въ Туль, по полученіи ихъ Вами отъ Владиміра Ивановича, а остальные 100 руб. изъ тѣхъ денегъ, которые будутъ выручены отъ продажи Вашего Тульскаго имѣнія.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта остаюсь искренно преданный Вамъ

Дм. Ал. Смирновъ. <Л. 14 об.>

Счетъ.

За домъ получено	9850 руб.
1/12	<u>820 —</u>
	Итого 820 р.

Издержано 1) по продажъ дома:

1., поѣздка въ Тулу (4 сутокъ)	42–70
2., возвращено Смирнову изъ полученной арендной платы	<u>5–40</u> <u>48–10</u> 771–90

2) по утверждению въ правахъ
наслѣдства и вводу во владѣніе:

1., исковыхъ пошлинъ	18–75
2., Консисторіи	22–50
3., 4 поѣздки въ Тулу	<u>75 —</u> 655 р. 65 к.

Дм. Ал. Смирновъ. <Л. 15>

Шесть сотъ пятьдесятъ пять рублей 65 к. (655 р.) для доставленія Андрею Мих. Достоевскому получилъ. Влад. И. Веселовскій.
10 февраля.

Р. С. За имѣніе въ Тульскомъ уѣздѣ нѣкто Краснопольскій даетъ по 30 руб. десятину, такъ же Смирновъ — по 50 р., лучшихъ покупициковъ покуда нѣтъ; говорятъ, что Смирновъ даетъ цѣну хорошую, но отдать за оную несоглашается повѣренный Ник. Мих. Достоевскаго Поляковъ; дѣло это такимъ образомъ стоитъ; впрочемъ Поляковъ ввелъ своихъ довѣрителей во владѣніе этимъ имѣніемъ и говорить, что можетъ быть онъ самъ, Поляковъ, купитъ его для себя.

Дм. Смирновъ». <Л. 15 об.>

Примечания

- 1 Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 29₁. С. 528–529 (Далее: Д30).
- 2 См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевскаго, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 2: 1865–1874. С. 376–377 (Далее: *Летопись*). См. также: т. 3, с. 220.
- 3 См.: Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевскаго (1506–1933) / под ред. М. Цявловскаго; предисл. П. М. Зиновьева. М.: Север, 1933. 443 с.
- 4 Закладная крепость — то же, что и закладная: «письменный вид на заложенное кому-либо имение» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусскаго языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dal.slovaronline.com/8876-ZAKLADYIVAT>).
- 5 Достоевскій А. М. Воспоминанія // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1043. См. также: Электронное научное издание «А. М. Достоевскій». Воспоминанія. Квартира 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrsu.ru/amdost/vozpomin/vozpomin.htm>

- 6 См.: Письмо Б. Б. Полякова к А. Г. Достоевской от 25 августа. <1870-е гг.> // РГАЛИ. Ф. 212.1.206. Л. 85–86; ср.: (*Летопись*: 508).
- 7 См.: [Борисова, 2020: 156–167].
- 8 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1058, 1041. См. также: Электронное научное издание «А. М. Достоевский». Воспоминания. Квартира 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>
- 9 Там же. С. 1048.
- 10 См.: Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. Изд-е Н. Н. З. М.: Тип. М. Н. Лаврова и Ко, 1877 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1>
- 11 Там же.
- 12 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1138–1139. См. также: Электронное научное издание «А. М. Достоевский». Воспоминания. Квартира 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>
- 13 Там же. С. 1042.
- 14 ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1279. Л. 1–59.
- 15 Там же. Л. 7 об.
- 16 Там же. Л. 8 об.
- 17 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1026.
- 18 Там же. С. 1072.
- 19 Во втором томе «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» его имя указано ошибочно: А. Д. Смирнов (*Летопись*: 571).
- 20 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 107. Л. 5 — 5 об.
- 21 Там же. Л. 5 об. — 6.
- 22 В. И. Веселовский был замечен в недобросовестном отношении к оформлению юридических бумаг, когда занимался делами продажи тульского имения (*Летопись*: 370–371), а во время продажи имения в Рязанской губернии сделал всё возможное, чтобы его поручители не получили причитающейся им доли по наследству (см.: Достоевский А. М. Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. Л. 656 — 661 об.).
- 23 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 107. Л. 6.
- 24 Там же. Л. 10 об.
- 25 Письмо Б. Б. Полякова к А. Г. Достоевской от 6–17 ноября [1873 г.] // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30208. Л. 17 об.; ср.: (*Летопись*: 433).
- 26 См. в Приложении: Письмо Д. А. Смирнова к А. М. Достоевскому от 10 февраля 1874 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 107. Л. 14 — 14 об.
- 27 См.: Документальные материалы по «делу о куманинском наследстве» (16 мая 1873 — 1881) // РГАЛИ. Ф. 212.1.121. Л. 8–12; ср.: [Юхнович, 2019: 178–181].
- 28 Письмо А. М. Достоевского к В. Д. Шеру от 22 октября 1878 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Л. 12 — 12 об., 14 — 14 об.
- 29 Письмо Н. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 9 июля 1875 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30361. Л. 1 об.; ср.: [Юхнович, 2018: 178].
- 30 См.: *ДЗ*; т. 29; 290.
- 31 Письмо В. М. Карепиной к А. М. Достоевскому от 16 марта 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 81. Л. 1–1 об.
- 32 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 107. Л. 15 об.

Список литературы

1. Борисова В. В. «...Не могу заплатить самых святых долгов» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избр. доклады и тезисы. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 270–276.
2. Борисова В. В. «Долг чести» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: материалы XXIII Международных Старорусских чтений 2008 г. Великий Новгород, 2009. С. 46–51.
3. Борисова В. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 1. С. 32–42 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481
4. Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 1. С. 46–68 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786
5. Борисова В. В. «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 1. С. 156–167 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786
6. Ильин Н. Достоевский в споре за куманинское наследство // Звенья. Т. IX. М.; Л.: Academia, 1951. С. 548–559.
7. Ланский Л. Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 349–564. (Сер. «Литературное наследство»; т. 86).
8. *Неизданный Достоевский*. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. 727 с. (Сер. «Литературное наследство»; т. 83).
9. Сосновская О. А., Андрианова И. С. «...Прождав 23 года, немислимо ждать опять 20 лет»: неизвестная стенограмма о судьбе рязанского имения Достоевских // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 1. С. 168–183 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587670456.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4461
10. Хроника рода Достоевских; Игорь Волгин. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1222 с.
11. Юхнович Ю. В. «Куманинское дело» в мемуарном и эпистолярном наследии А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 4. С. 176–184 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3785
12. Юхнович Ю. В. Адвокаты в судебных делах Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 2. С. 171–185 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562697405.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3961

References

1. Borisova V. V. "...I Can Not Pay the Most Holy Debts". In: *II Mezhdunarodnyy simpozium «Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste»: izbrannye doklady i tezisy [Second International Symposium "Russian Literature in the World Cultural Context": Selected Reports and Abstracts]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2008, pp. 270–276. (In Russ.)
2. Borisova V. V. "Debt of Honor" by F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XXIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2008 goda [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of the 23d International Readings in Old Russian Culture, 2008]*. Novgorod the Great, 2009, pp. 46–51. (In Russ.)
3. Borisova V. V. "The Kumanin Heritage Case" in Life and Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 32–42. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (accessed on December 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481 (In Russ.)
4. Borisova V. V. Moral and Legal Dimensions of the "Kumanin Case". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 1, pp. 46–68. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (accessed on December 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
5. Borisova V. V. "Jack of Hearts" A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 156–167. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (accessed on December 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
6. Il'in N. Dostoevsky in the Dispute for the Kumanin Heritage. In: *Zven'ya*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1951, vol. 9, pp. 548–559. (In Russ.)
7. Lanskiy L. R. Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of Contemporaries (1837–1881). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86). (In Russ.)
8. *Neizdannyy Dostoevskiy [Unpublished Dostoevsky]*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 83). (In Russ.)
9. Sosnovskaya O. A., Andrianova I. S. "...After Waiting 23 Years, It Is Unthinkable to Wait Again for 20 Years": An Unknown Transcript on the Fate of the Dostoevsky Family's Ryazan Estate. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 168–183. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587670456.pdf (accessed on December 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4461 (In Russ.)
10. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1222 p. (In Russ.)
11. Yukhnovich Yu. V. The "Kumanin Case" in Anna Dostoevskaya's Memoirs and Letters. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 4, pp. 176–184. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (accessed on December 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3785 (In Russ.)
12. Yukhnovich Yu. V. Lawyers in Dostoevsky's Lawsuits. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 171–185. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562697405.pdf (accessed on December 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3961 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юхнович Юлия Вячеславовна, кандидат филологических наук, заведующая филиалом «Музеи Ф. М. Достоевского в Старой Руссе» (наб. Достоевского, д. 42/2, г. Старая Русса, Новгородская обл., Российская Федерация, 175202); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-8934>; e-mail: yulyayu@list.ru

Yulia V. Yukhnovich, PhD (Philology), Head of the Branch of F. M. Dostoevsky Museums in Staraya Russa (nab. Dostoevskogo 42/2, Staraya Russa, Novgorodskaya obl., 175202, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-8934>; e-mail: yulyayu@list.ru

Поступила в редакцию / Received 16.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 82-93

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5181

«Детский репертуар» Достоевского

Р. Вассена

Миланский государственный университет

(г. Милан, Италия)

e-mail: raffaella.vassena@unimi.it

Аннотация. Статья посвящена двум детским сборникам произведений Ф. М. Достоевского, подготовленным его вдовой Анной Григорьевной. Это «Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет)», изданный под редакцией В. Я. Стоюнина в 1887 г., и «Достоевский для детей школьного возраста», изданный в 1897 г. под редакцией А. В. Круглова. Сотрудничество Достоевской с двумя профессионалами и знатоками детской психологии, такими как Стоюнин и Круглов, позволило вдове писателя преодолеть провал издания 1883 г. «Русским детям» и закрепить основы «детского репертуара» Достоевского. В статье вводятся в научный оборот архивные материалы, благодаря которым восстанавливается история составления этих изданий; сформулированы задачи, которые Достоевская возложила на них для распространения творчества своего мужа; показано их восприятие педагогической критикой и государственными учреждениями, ответственными за регламентацию детского чтения в России в последнее двадцатилетие XIX века.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, детская литература, литературная адаптация, русская педагогическая критика XIX века, В. Я. Стоюнин, А. В. Круглов

Для цитирования: Вассена Р. «Детский репертуар» Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 183–205. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5181

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5181

Dostoevsky's Repertoire for Children

Raffaella Vassena

University of Milan / Università degli Studi di Milano

(Milan, Italy)

e-mail: raffaella.vassena@unimi.it

Abstract. The article is devoted to two collections of works for children by F. M. Dostoevsky, compiled by his widow Anna Grigor'evna: "A selection from the works of F. M. Dostoevsky for secondary school-age children (over 14 years of age)," edited by V. Ya. Stoyunin in 1887, and "Dostoevsky for school-age children," published in 1897 under A. V. Kruglov's editorship. Dostoevskaya's collaboration with two professionals and experts in child psychology, Stoyunin and Kruglov, allowed her to overcome the failure of the 1883 volume "To Russian children" and consolidate the foundations of Dostoevsky's "repertoire for children." The article introduces new archival materials, which allow to reconstruct the history of the publication of these volumes, formulates the tasks Dostoevskaya assigned to them to disseminate her husband's works, and describes their reception by pedagogical criticism and state institutions responsible for the regulation of children's reading in Russia in the last two decades of the 19th century.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, children's literature, literary adaptation, 19th century Russian pedagogical criticism, V. Ya. Stoyunin, A. V. Kruglov

For citation: Vassena R. Dostoevsky's Repertoire for Children. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 183–205. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5181 (In Russ.)

В последнее двадцатилетие XIX века в России литературный канон для детей формировался в результате взаимодействия или, чаще, столкновения различных институций, ответственных за детскую литературу — ее производство, распространение и контроль. Издательская индустрия, педагогическая критика в специализированных журналах, отдельные ученые (социологи, педагоги, библиографы и т. д.) и благотворительные культурные общества, направленные на распространение образования среди малограмотных слоев общества, включая детей, а также государственные учреждения, в рамках которых специальные комиссии готовили репертуары одобренных текстов для школьных программ, библиотек школ и для публичных чтений, — способствовали постепенной институционализации детской литературы (см.: [Лучкина, 2013]). Именно неоднородность вовлеченных институций привела к некой вариативности самого понятия «литература для детей», которое приобретало новые очертания в зависимости от критической школы, идеологического направления, методологии и целей участвующих в дебатах по этой теме. Это особенно заметно в спорах, последовавших за попыткой вывести произведения Достоевского на рынок книг для детей.

По свидетельству Анны Григорьевны, незадолго до смерти Достоевский изъявил желание опубликовать некоторые отрывки из своих произведений в сборнике, предназначенном для детей, и дал четкие указания по содержанию этого издания. В своей записной книжке 1881 г. Достоевская дважды отметила те отрывки, которые указал писатель, а также описала его опасения, связанные с этим проектом:

«Для детской книжки: Неточка Незван<ова>. Коля Красот<кин>. Смерть Илюшечки. Мальчик у Христа. Мужик Марей. Столетняя. Маленький герой.

Боялся грустного впечатления.

Боялся, чтоб детей не раздавили. <...>

В Детскую Книгу хотел Неточку, Колю Красоткина, Смерть Илюшечки, Мальч<ик> у Христа, Мужик Марей, Мален<ький> герой?

Но находил лишь, что впечатление на детей будет грустное» (*Достоевская, 1993: 279*).

Анна Григорьевна не прокомментировала далее распоряжения своего мужа, и мы не располагаем информацией о других источниках, подтверждающих

намерение Достоевского издать сборник для детей, хотя он сам косвенно намекает на это в письме от 1878 г. к А. Н. Якоби и более открыто высказывается об этом в письме от 28–29 мая 1880 г. к жене¹. Характерно, что указанные вдовой писателя отрывки являлись частью репертуара Достоевского для благотворительных публичных чтений в пользу детей, на которых он часто выступал. Публичные чтения можно рассматривать как своего рода лабораторию, которая помогла заложить основы посмертной издательской истории творчества Достоевского².

Сразу после смерти мужа Анна Григорьевна разрешила публикацию в детских журналах некоторых отрывков из его произведений³, а в 1883 г. она издала сборник «Русским детям» под редакцией О. Ф. Миллера (см.: *Русским детям*). В России практика чтения детьми «изящной словесности» не была новостью: она отстаивалась сторонниками образовательного потенциала литературы для взрослых, но не всегда вызывала одобрение критиков, убежденных в необходимости специальной детской литературы (см. об этом: [Лучкина, 2015], [Сергиенко: 87–89]). Появление в начале 1880-х гг. некоторых рассказов и отрывков из произведений Достоевского для детей вызвало строгое порицание как педагогической, так и литературной критики (см.: [Вассена])⁴. С одной стороны, «гуманитарные» темы в диккенсовском духе: моральное и физическое оскудение социальной среды, «случайность» семей, страдания самых маленьких, неравенство — удовлетворяли требования педагогической критики народнического направления. С другой стороны, та же самая «поэтика страдания»: склонность останавливаться на более темных и мутных сторонах души, мистические образы, возвышение жертвы-мученичества — вызывала недоумение критиков и педагогов, не находивших в произведениях Достоевского той нравственной целостности, того гармоничного видения окружающего мира, которые составляли неперемменные реквизиты детской литературы. Несмотря на жаркие споры вокруг «Достоевского для детей», спустя всего три года после выхода сборника «Русским детям» вдова писателя приступила к изданию новой книги, предназначенной для юных читателей.

Издание под редакцией В. Я. Стоюнина

«Первый опыт мой — книга “Русским детям” — был неудачен; издание давно разошлось и сильно требуется, но я не решилась повторить его в том же виде»⁵.

Этими словами Достоевская призналась в декабре 1886 г. А. С. Суворину, что провал сборника «Русским детям» являлся для нее открытой раной. И все же она не собиралась сдаваться: *«Моя давнишняя мечта была выбрать из сочинений покойного моего мужа отрывки, которые можно было бы дать в руки детям»⁶*. Именно с этой целью Достоевская обратилась к Владимиру Яковлевичу Стоюнину (1826–1888), мужу ее давней подруги М. Н. Тихменевой.

Будучи известным писателем, журналистом и педагогом, Стоюнин считался реформатором в области преподавания литературы и одним из главных сторонников того, что художественный текст несет огромный воспитательный потенциал. Кроме того, с 1870-х гг. Стоюнин сотрудничал с государственными учреждениями, ответственными за регламентацию литературы для детей, — сначала в качестве члена канцелярии Управления учреждений императрицы Марии, а затем как член Ученого комитета Министерства народного просвещения (Витберг: 6). Из единственного сохранившегося письма Стоюнина к Достоевской по поводу этого издания можно сделать такой вывод: то, что вначале, вероятно, являлось лишь консультацией по отбору отрывков из сочинений Достоевского, по желанию вдовы писателя стало формальным сотрудничеством:

«Я совѣсть не дѣлаю секрета изъ того, что дѣлаю выборъ изъ сочиненій Фед<ора> Мих<айловича> и ни отъ кого не скрываю этого; но въ печати для публики я обыкновенно соединяю свое имя съ такою самостоятельною работою, которая требовала отъ меня дѣйствительнаго труда; тогда какъ о настоящей работѣ я не могу сказать, что я употребилъ какой либо трудъ; я только читалъ и дѣлалъ отмѣтки карандашемъ; но удачный ли выборъ мною сдѣланъ, я и самъ не знаю и не увѣренъ, такъ какъ желалъ бы, чтобы онъ имѣлъ воспитательное значеніе; а этотъ вопросъ рѣшить нелегко: кто захочетъ, придаться можетъ безъ затрудненія; а отвѣчать и заводить полемику, нѣтъ охоты съ нашими умниками и крикунами.

Я выставляю Вамъ свои резоны; но если Вы непременно желаете видѣть въ издаваемой книгѣ мое имя, то предоставляю Вамъ распорядиться по собственному усмотрѣнію.

Заглавный титулъ къ книгѣ — самый подходящій»⁷.

Влиятельное положение Стоюнина, его прочная репутация в педагогической сфере и его знание детской души представляли лучшую гарантию для Достоевской:

«Настоящая книга издана подъ редакціею Вл. Я. Стоюнина. Не берусь рѣшать удаченъ-ли выборъ: я слишкомъ пристрастный судья, но думаю, что Стоюнинъ, какъ талантливый педагогъ, десятки лѣтъ знающій дѣтей, навѣрно сумѣлъ выполнить свою задачу»⁸.

На этот раз Достоевская постаралась избежать повторения ошибок, которые поставили под угрозу успех сборника 1883 г.: слабое и недостаточно аргументированное предисловие; некая неопределенность в указании возрастного диапазона читателей-адресатов; отсутствие строгих и последовательных педагогических критериев при отборе и адаптации текстов.

В заглавии, одобренном Стоюниным в его письме от 28 ноября 1886 г., был точно указан минимальный возраст читателей-адресатов: «Выбор из

сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет)». Лишенный иллюстраций или других значимых паратекстуальных элементов, за исключением фотографии Достоевского (фотограф К. Шапиро, 1879), сборник содержал полные версии повестей «Господин Прохарчин» и «Неточка Незванова», слегка сокращенную версию романа «Бедные люди» и избранные отрывки из «Записок из Мертвого Дома». Сохранение целостности первых трех произведений объясняется педагогическим кредо Стоюнина, убежденного защитника необходимости знакомить учащихся с классиками русской литературы. Он считал художественную литературу важнейшим образовательно-воспитательным материалом для подрастающего поколения. В своей работе «О преподавании русской литературы» (1864 г.) он предлагал рассматривать литературное произведение с точки зрения не его эстетических качеств, а содержащихся в нем духовно-нравственных идеалов. Беседы между учителем и учениками о прочитанном произведении помогали бы последним отождествлять себя с литературными героями и извлекать из их жизненных ситуаций ценный урок для своего существования в обществе (см.: [Byford: 641–644]). Именно для достижения этой цели Стоюнин рекомендовал представить юному читателю не отдельные фрагменты из нескольких произведений, а два-три произведения целиком:

«Лучше прочитатъ два-три сочиненія, но вполнѣ и разобравъ ихъ сколько возможно подробнѣе, чѣмъ отрывки изъ сотни сочиненій. Первые скорѣе разовьютъ любовь къ чтенію, вкусъ и критическіе приемы. Пересказывать въ сокращенномъ видѣ то или другое произведеніе также трудъ излишній и бесполезный: можетъ ли плохая литографія дать хотя приблизительное понятіе о прекрасной картинѣ гениальнаго художника? можно ли по ней разбирать произведеніе и судить объ его достоинствахъ, когда остаются только одни темныя очертанія фигуръ, а то, что составляетъ ихъ жизнь, ихъ душу, исчезло?» (Стоюнин: 15).

Однако убеждения Стоюнина, должно быть, пошатнулись перед «Записками из Мертвого Дома». Часть педагогической критики уже рекомендовала использовать из них только выдержки, чтобы уберечь юного читателя от преждевременного контакта с девиантным поведением, способным вызвать опасное желание подражания (Алчевская: 72–73). Поэтому в сборнике под редакцией Стоюнина отдельные части этого произведения были адаптированы и переформулированы, в результате чего создалась целая галерея портретов разных персонажей и различных моментов из каторжной жизни. Отрывки только частично следовали за сюжетом оригинального текста: «Введение», «Мертвый дом», «Аким Акимыч», «Старовер», «Сироткин», «Лезгин-Нурра», «Алей», «Сушилов», «Петров», «Исай Фомич», «Праздник Рождества Христова», «Представление», «Каторжные животные», «Выход из каторги».

Сборник встретил благосклонность критиков, которые не преминули провести сравнение с прошлым изданием под редакцией О. Ф. Миллера. Рецензент «Педагогического сборника» напомнил о неудаче издания 1883 г. и похвалил сборник под редакцией Стоюнина, в частности его отбор фрагментов из «Записок из Мертвого Дома», под влиянием которых «юноши поймутъ, почему народъ смотритъ на арестантовъ как на несчастныхъ, но не погибшихъ людей» (*Обзор детских книг*: 251–252). «Бедные люди» были оценены столь же положительно. По мнению рецензента, любовная преданность Макара Варваре смогла смягчить даже менее назидательные эпизоды романа, такие как сцена смерти Покровского, гибель отца детей Горшкова и пьянство самого Макара. С другой стороны, выбор «Господина Прохарчина» был признан неуместным из-за сомнительного морального облика главного героя и грубой гротескной сцены его смерти: «Этотъ трупъ, ерзающій по кровати, сползающій на полъ и втаскиваемый за ноги, эти поиски въ тюфякъ, эти дикіе сцены способны разстроить нервы взрослога читателя, не говоря о дѣтяхъ» (*Обзор детских книг*: 252)⁹.

Кроме того, журнал «Женское образование» признавал сборник под редакцией Стоюнина более удачным, чем сборник «Русским детям». Главной причиной являлась та осознанность, которую редактор продемонстрировал, обращаясь к читателям-подросткам, а не к детям:

«Нашъ извѣстный педагогъ В. Я. Стоюнин задался цѣлью, вполнѣ отвѣчающею его педагогической опытности и литературной компетентности: онъ сдѣлалъ выборъ изъ сочиненій Достоевскаго уже не для дѣтей, а для юношества, и такимъ образомъ книга, подобная по содержанию прежней, приобрѣла смыслъ и серьезное значеніе» (*Н. П.-я-в*: 529).

Таким образом, репутация Стоюнина в решающей степени способствовала одобрительному восприятию второго сборника сочинений Достоевского для детей. Анна Григорьевна сразу воспользовалась случаем, чтобы подать запрос в Министерство народного просвещения на рассмотрение этого издания для употребления в школьных библиотеках. Просьба Достоевской была принята, и 17 августа 1896 г. ей сообщили об одобрении сборника для использования в ученических библиотеках городских училищ и в учительских библиотеках начальных школ¹⁰. Следующим шагом был выпуск в 1902 г. второго издания, идентичного первому, за исключением изображения автора (фотографии Н. Досса 1876 г.) и указания на титульном листе официального одобрения Министерства народного просвещения¹¹.

Издание под редакцией А. В. Круглова

Последним проектом Достоевской в области детского издательства стал сборник «Достоевский для детей школьного возраста», вышедший в 1897 г. под редакцией Александра Васильевича Круглова (1852–1915). И в этот раз

выбор Достоевской пал на человека из круга знакомых: Круглов был мужем писательницы и давней подруги Достоевской А. Н. Доганович. Кругловы посещали Достоевских с 1870-х гг.: по воспоминаниям Александра Васильевича, в Достоевском в начале своей литературной карьеры он нашел сурового критика, но одновременно бесценного учителя (Круглов, 1993: 204). По совету Достоевского Круглов отказался от написания произведений в жанре романа и посвятил себя малым жанрам: с 1880-х гг. он начал печатать стихи, очерки и рассказы для детей, которые пользовались большой популярностью и многие из которых были рекомендованы для школьных библиотек. Наряду с масштабной писательской деятельностью (он являлся автором более 100 книг), Круглов вел активную просветительскую работу и сотрудничал с некоторыми из главных русских детских журналов (см. об этом: [Сенькина]).

Как Достоевская объясняла Суворину в апреле 1897 г., она возлагала надежды на успех издания, подготовленного именитым редактором:

«Я обратилась къ А. В. Круглову. Онъ считается однимъ изъ талантливыхъ дѣтскихъ писателей: онъ понимаетъ дѣтскую душу и дѣти любятъ его произведенія. Можно надѣяться, что онъ съумѣетъ выбрать изъ произведеній Достоевскаго только то что можетъ благотворно дѣйствовать на дѣтей»¹².

Учитывая тревогу, которая сопровождала каждый проект Достоевской в области детской литературы, возникает вопрос, что принудило ее пойти на риск, который мог поставить под угрозу все ее издательское предприятие. Ответ частично содержится в том же письме Суворину, в котором Достоевская признавалась:

«Покойнаго моего мужа чрезвычайно занимала мысль выбрать изъ своихъ произведеній отрывки, возможные для дѣтскаго чтенія. Онъ даже намѣтилъ нѣкоторые изъ нихъ, но къ сожалѣнiю не успѣлъ при себѣ издать. Осуществить мысль Федора Михайловича взялся покойный О. Э. Миллеръ и подъ его редакціею въ 1883 году была издана мною книга “Русскимъ Дѣтямъ”. Книга эта имѣла большой успѣхъ — три тысячи экз<емпляров> разошлись въ полтора года. Но встрѣчена она была критикою до того недружелюбно, что я не рѣшилась повторить изданія.

За послѣдніе годы многіе родители и педагоги упрекали меня зачѣмъ я не издаю Сборника отрывковъ изъ произведеній покойнаго мужа; говорили, что хорошихъ книгъ для дѣтскаго чтенія у насъ мало, что они на опытѣ видѣли какъ многое изъ его сочиненій, съ толкомъ и умѣньемъ выбранное, производило отличное впечатлѣнiе на дѣтей. Говорили, что дѣти, читая въ школьѣ отрывки изъ Достоевскаго, захотятъ впоследствии познакомиться со всѣми его сочиненіями, и что такимъ образомъ благотворное вліяніе его произведеній будетъ продолжаться. Все это заставило меня издать новый сборникъ»¹³.

Слова Достоевской свидетельствуют о ее профессионализме: берясь за публикацию нового сборника для детей в 1897 г., вдова писателя руководствовалась не только желанием осуществить мечту мужа, но и удовлетворить конкретные запросы общества. Этапы работы над этим изданием можно восстановить почти с точностью: если письма Достоевской Круглову сохранились лишь частично, то его письма к ней сохранились полностью.

Она обратилась к нему весной 1896 г., предложив стать редактором нового сборника произведений Достоевского, предназначенного для детей. В ответном письме от 5 апреля 1896 г. Круглов, не скрывая своей радости, не только согласился, но и предложил вдове включить также биографический очерк («*вполнѣ доступный дѣтямъ*») о писателе и обещал закончить работу над ним к августу того же года. По этому поводу Круглов умолил Анну Григорьевну прислать ему сочинения Достоевского и сборник «Русским детям», о котором она, должно быть, упомянула в своем письме. Такую же просьбу Круглов повторил в следующих двух письмах от 1-го и 10 мая 1896 г. В этом последнем письме Круглов добавлял, что для биографического очерка он нуждался в первом томе «Полного собрания сочинений» Достоевского, изданного в 1883 г. Как известно, первый том, названный «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», включал ценные биографические материалы о Достоевском: не только его письма и отрывки из записных книжек, но также и биографию, написанную О. Ф. Миллером, и воспоминания Н. Н. Страхова.

Достоевская не сразу удовлетворила просьбу Круглова, который повторил ее в письме от 14 мая, вновь подчеркнув важность первого тома для своего очерка. Вместо этого Достоевская отправила Круглову аванс в сто рублей за работу, договор и одну «*вырезку*». Со слов Круглова можно предположить, что речь шла о рецензии Н. К. Михайловского, анонимно опубликованной в «Отечественных записках» за 1883 г., где наиболее яростно сборник «Русским детям» подвергался критике на основе тезиса о «жестокоем таланте» Достоевского¹⁴. В этом отношении Круглов попытался успокоить Достоевскую, объяснив теоретические принципы своего творческого метода, уже изложенные им в работе «Литература маленького народа», впервые опубликованной в журнале «Вестник воспитания» с 1892 по 1895 год:

«Когда выйдет первый выпуск моей книги: „Литература маленького народа“, Вы увидите, что я не за передѣлки и передачи классическихъ сочиненій, а за выборки, за отрывки и самое бѣльшее — за сокращенія. Я еще не успѣлъ просмотрѣть книги „Русскимъ Дѣтямъ“, но, очень мѣжетъ-бѣть, что ея форма и удачна. Я исполню свою задачу съ глубокой любовью, со всѣмъ тѣмъ умѣнїемъ, какое найдетъся у меня для этой работы. Одно могу сказать, что я дѣтей хорошо знаю»¹⁵.

Согласно Круглову, знание мира детей было первой, неперменной предпосылкой для любого талантливого детского писателя, которому нужно было не только изучить психологию и поведение детей, но и попытаться идентифицировать себя с ними, стать их близким другом. Круглов считал художественную литературу мощным педагогическим инструментом, способным познакомить ребенка с действительностью и научить его отличать добро от зла, показывая ему значение честности и дружбы, но не скрывая от него трудностей и страданий реальной жизни. Не отрицая необходимости «самостоятельной» детской литературы, Круглов все-таки считал, что при должной осторожности можно применять для детского чтения лучшие тексты национальной «большой» литературы. Избегая безрассудных переделок, которые искажали бы первоначальный смысл литературного произведения, он предпочитал тщательный отбор отрывков и уделял особое внимание форме издания:

«Я намъренъ всѣмъ отрывкамъ дать систему, и только вотъ не знаю, удобно ли это будетъ при помощи вырѣзокъ, не прибѣгая къ перепискѣ части матеріала. Посмотрю дальше. Мнѣ хочется, чтобы новая книга не походила ни чемъ на старую внѣшне, что, конечно, не значитъ, что я не возьму ничего того, что тамъ взято. Этого невозможно избѣжать. Но дѣло въ выборѣ, планѣ etc. etc. Я приложу необходимое предисловіе»¹⁶.

Метод Круглова слегка отличался от метода, примененного Стоюниным для сборника 1887 г. Стоюнин считал, что, только сохраняя форму и содержание литературного произведения, можно уберечь его этико-педагогическую ценность, в то время как Круглов допускал возможность убрать из текста менее подходящие отрывки, хотя без всякого «переписывания» текста.

Еще один важный момент, улавливаемый из писем Круглова Достоевской, — это внимание к паратексту, который должен был включать, помимо биографического очерка о писателе, также и предисловие и несколько снимков дома Достоевского и школы его имени в Старой Руссе. Круглов считал иллюстрации основополагающим элементом детского издания, умеющим заинтересовать ребенка и стимулировать его воображение (см.: [Хеллман: 263]). Он настаивал на этом не в одном своем письме, предлагая Достоевской пригласить иллюстратора Н. Н. Каразина, который в 1893 г. написал пятнадцать акварелей на сюжеты из произведений Достоевского, выпущенных сначала в виде приложений к журналу «Живописное обозрение», а затем — отдельного альбома¹⁷.

Вместе с письмом от 6 августа 1896 г. Круглов прислал Достоевской предисловие, биографию и отбор сочинений ее мужа, уверяя, что «*всѣ выборки провѣрены на дѣтяхъ*». Судя по письму Круглова от 18 августа, Достоевская осталась довольной материалами: в частности, по поводу выбора для детей

отрывка из романа «Подросток» «Рассказ о купце» она сообщила Круглову, что Достоевский был того же мнения¹⁸.

Однако составление сборника шло медленно, и Достоевская снова написала Круглову только спустя несколько месяцев. В недатированном письме, написанном, вероятно, между ноябрем 1896 г. и январем 1897 г., Анна Григорьевна оправдывала свое долгое молчание поездкой в Крым, закончившейся только в начале ноября, и плохим самочувствием. Она определяла готовящуюся книгу «*осуществлением моей давней мечты*» и обсуждала некоторые вопросы как типографического, так и коммерческого характера. В первую очередь ее беспокоило большое количество печатных листов, что привело бы к удорожанию издания: сохранение стоимости каждого экземпляра ниже трех рублей было теперь важным условием для Достоевской, желающей обеспечить творчеству мужа все большее распространение. Другой вопрос касался возможной конкуренции, которую новый сборник мог составить сборнику под редакцией Стоюнина. Как писала Достоевская, из общего тиража ««Выбора из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет)» до тех пор оставались нераспроданными пятьсот экземпляров. Кроме того, так как некоторые отрывки, вошедшие в это издание, например «Записки из Мертвого Дома» и «Неточка Незванова», совпадали с отрывками, выбранными Кругловым, Достоевская предлагала предусмотреть второй том, который мог бы выйти, когда все экземпляры издания под редакцией Стоюнина будут проданы. Во второй том, который, однако, не увидел свет, вдова писателя изначально предложила включить отрывки из произведений, еще не вошедших в «детский репертуар» Достоевского, в том числе некоторые части из «Идиота», например, рассказ о Мари¹⁹. При этом два плана, представленные Достоевской Круглову, включали отрывки из «Дневника Писателя» («Мужик Марей», «Мальчик у Христа на елке», «Столетняя», «Фома Данилов, замученный русский герой»), «Подросток», «Неточка Незванова» и «Братья Карамазовы» (в первом томе) и «Преступление и Наказание», «Записки из Мертвого Дома», «Честный вор» и «Бедные люди» (во втором томе).

В письме Достоевской к Круглову встречается немало признаков волнения издательницы: особенно выделяется то место, в котором она меняет первоначальный план издания и просит Круглова исключить из него «Преступление и наказание», которое рискует дать повод для новых обвинений в адрес Достоевского «*за его будто мучительство*»²⁰. Те же опасения у издательницы вызывали возрастной диапазон адресатов и заглавие, которое, как можно заключить из этого письма, изначально снова звучало как «Русским детям»: «*Не будет ли это ошибкой? <...> Не назвать ли ее “Русскимъ юношамъ”*», «*“Русскому юношеству”*» <...> *чтобъ избѣгнуть упрека въ томъ, что <...> Достоевскій своими произведеніями производитъ тяжелые впечатлѣнія?*»²¹.

¹ Далее было: *на нѣжные души*

В ответном письме от 3 февраля 1897 г. Круглов пытался убедить Достоевскую в добросовестности своей работы и показывал, что не разделяет ее опасений по поводу романа «Преступление и Наказание», который в свое время уже был выбран известным педагогом и редактором педагогических журналов А. Н. Острогорским:

«Жаль, что Вы выкидываете все изд<ания> «Пр<еступления> и Наказанія». Вы напрасно боитесь упрековъ и не върите совсѣмъ мнѣ. Да, впрочемъ, и педагогъ Острогорскій взялъ въ свою книгу “Раздавили”. Видите!»²².

Если протесты Круглова по поводу «Преступления и Наказания» остались неслышанными, то вопрос о названии сборника все еще обсуждался и решился только тогда, когда Круглов в своем письме от 6 марта 1897 г. предложил вариант «Достоевский для детей школьного возраста». Такое заглавие устранило проблему возраста адресатов, который тут представлялся в более широком диапазоне, чем в сборниках 1883-го и 1887 гг.: выражение «в школьном возрасте» охватывало учащихся как начальной, так и средней школы, в возрасте от 8 до 16–17 лет, хотя в предисловии Круглов признавался, что «Достоевскій понятенъ для дѣтей старшаго возраста (лѣтъ отъ 12), конечно болѣе или менѣе развитыхъ» (Круглов, 1897b: IV).

Сборник «Достоевский для детей школьного возраста» вышел в мае 1897 г. в типографии братьев Пантелеевых (см.: *Достоевский для детей школьного возраста, 1897*)²³. В опубликованном варианте содержание соответствует составленному Достоевской плану для первого тома, добавлен только отрывок из романа «Бедные люди»:

Из «Дневника Писателя»: «Мужик Марей», «Мальчик у Христа на елке», «Столетняя», «Фома Данилов, замученный русский герой».

Из романа «Подросток»: «В барском пансионе», «Рассказ о купце».

Из романа «Бедные люди»: «Рассказ Вари».

Из повести «Неточка Незванова»: «Музыкант Ефимов и его семья», «Две девочки».

Из романа «Братья Карамазовы»: «Алеша Карамазов», «Старец Зосима», «Верующие бабы», «Болезнь Зосимы», «Из жития старца Зосимы: О юноше брата старца Зосимы — О Священном Писании в жизни Зосимы — Воспоминания о юности и молодости старца Зосимы еще в миру — Поединок — Таинственный посетитель», «Встреча Алеши с Илюшей», «В квартире Капитана Снегирева», «На чистом воздухе», «Коля Красоткин», «Жучка», «У Илюшечкой постели», «Илюша», «Похороны Илюши — Речь у Камня».

В сборник вошли те же произведения, которые были выбраны для издания «Русским детям», за исключением отрывка из «Преступления и Наказания», который был действительно удален. Кроме того, в «детский

репертуар» Достоевского вошли «Рассказ о купце» из романа «Подросток» (часть третья, глава третья), «Музыкант Ефимов и его семья» из «Неточки Незвановой», а также новые отрывки из «Братьев Карамазовых». Окончательные редакции текстов существенно не отличаются от вариантов, напечатанных в сборнике «Русским детям»: здесь также исключены не пригодные для детей отрывки, хотя редакторских изменений значительно меньше. Отдельные слова и фразы, которые были вырезаны из издания 1883 г., тут восстановлены. Новизна этого издания состоит в паратекстуальном элементе, гораздо более богатом, чем в сборниках «Русским детям» и «Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет)». Причины этого легко понять. В предисловии, как написала Достоевская Суворину, Круглов *«умѣло борется противъ установившагося предразсудка — что „Достоевскій не для дѣтей“»*²⁴. Учитывая прецеденты, Круглову приходилось хорошо обосновывать свой выбор, стараясь предотвратить самое невыносимое обвинение для вдовы писателя: будто Достоевский испытывал извращенное удовольствие, причиняя мучения своим читателям. Поэтому Круглов напрямую обратился к противникам «Достоевского для детей», начав предисловие именно с воспоминаний о претензиях в адрес Ореста Миллера в 1883 г.:

«Можно было бы обойтись безъ предисловія, если бы не мысль, что люди, привыкшіе думать по шаблонамъ, замѣтятъ навѣрное: „Достоевскій — не для дѣтей“. Это даже кто-то высказалъ въ печати, когда вышелъ въ свѣтъ сборникъ „Русскимъ дѣтямъ“, составленный проф. О. Ф. Миллеромъ. Конечно, цѣликомъ, весь — Достоевскій не для дѣтей. Но вѣдь нѣтъ ни одного писателя, котораго цѣликомъ можно было бы взять для библіотеки юныхъ читателей» (Круглов, 1897b: III).

Прибегая к апологетической риторике, Круглов сочетал спорадические уступки противникам «Достоевского для детей» со страстными панегириками «хорошимъ, святымъ слезамъ» (Круглов, 1897b: IV), вызываемым его произведениями:

«На книгу капнуть слезы, но не слезы отчаянія, злобы, а сочувствія, состраданія и любви. Эти слезы не отравятъ сердца, а заденутъ лучшіе струны души, заставятъ сильнѣе любить. Кто заставляетъ любить, тотъ несомнѣнно полезенъ для дѣтей» (Круглов, 1897b: V).

Признавая необходимость чередовать чтение Достоевского с чтением других авторов, для того чтобы юные читатели не поддавались чрезвычайным страданиям его героев, Круглов защищал воспитательное значение «мрачности» Достоевского. По словам Круглова, эта мрачность полезна для подготовки ребенка к испытаниям жизни, которая никогда не бывает только «светлой»:

«Нельзя считать идеаломъ ребенка съ деревяннымъ отношеніемъ къ жизни. Если ребенку показывать только одно свѣтлое, то можно дать ложное понятіе о жизни, не подготовить его къ ней, не научить понимать чужое горе, а воспитать сухого эгоиста, слѣдовательно и труса въ житейской битвѣ. Да и какъ ни устраняйте все темное изъ книги, его не устраните вовсе изъ жизни» (*Круглов, 1897b: V*).

Круглов обосновывал свой выбор, приводя свидетельства молодых читателей, которых он ранее знакомил с сочинениями Достоевского. Свидетельства касались как новых фрагментов (например, «Рассказ о купце» из «Подростка»), так и отдельных мест — таких как сцена смерти Покровского из «Бедных людей», которая была удалена Миллером в 1883 г. и которую Круглов снова вставил, проверив ее воздействие на детей:

«Оба отрывка изъ романа «Подросток» несомнѣнно благотворны въ воспитательномъ отношеніи. Первый особенно заденетъ за живое дѣтское сердце. Второй доступенъ болѣе взрослымъ дѣтямъ, которые поймутъ мученія купца. Но горе мальчика — прекрасно прочувствовала даже 11-лѣтняя дѣвочка, — читавшая разсказъ при мнѣ вслухъ <...>.

Изъ «Бѣдныхъ людей» я взялъ отрывокъ — разсказъ Вареньки о своемъ дѣтствѣ. Здѣсь все печально по внѣшности, но за то и все говоритъ сердцу. <...> Сцена покупки подарка для Покровскаго и слѣдующіе — читались въ школѣ — при гробовомъ молчаніи всѣхъ дѣтей — (20-ти). Они были рады за Варю, нашедшую Пушкина на толкучкѣ, — это видѣлось на ихъ лицахъ. Отецъ Покровскаго у нѣкоторыхъ возбудилъ любовный дружескій смѣхъ. Но его поняли. Одна дѣвочка воскликнула: “ахъ, его то особливо жаль мнѣ!”. Смерть Покровскаго и его похороны сильно подѣйствовали на слушателей. Многие плакали (особенно дѣвочки). Но этихъ слезъ бояться нечего, если воспитаніе ведется разумно. Такіе сцены дѣти видятъ и въ жизни» (*Круглов, 1897b: VI–VII*).

Хотя описанная реакция была результатом коллективного чтения детям от 11 до 15 лет, Круглов осознавал отличия от индивидуального чтения, и по этой причине он рекомендовал взрослым «направлять» детей в прочтении книги и обсуждать с ними ощущения, вызванные чтением.

Кроме того, следует отметить, что Круглов попытался исправить некоторые ошибки, которые наблюдались в сборнике «Русским детям». Например, выбор из романа «Неточка Незванова» он решил не ограничивать только жизнью Неточки в княжеском доме, а расширить его, включив и первую часть повести, так как «это необходимо для уясненія дальнѣйшаго содержанія и для выясненія характера Неточки» (*Круглов, 1897b: VII*).

Круглов также не преминул указать, какими критериями он руководствовался при адаптации текстов: «Я сдѣлалъ выборки, соединяя иногда въ одно, взятое изъ разныхъ мѣстъ произведенія, но я не измѣнилъ ни

одного штриха великаго писателя, но не посягнуль на передѣлки, считая всякія искаженія преступной дерзостью» (*Круглов, 1897b: VIII*).

Если начал Круглов свое предисловие воспоминанием об обвинениях в адрес издания Миллера, то его выводы были еще более смелыми. Здесь он приводил письмо Достоевского, в котором сам писатель заявил, что не все его произведения пригодятся детям²⁵. Круглов сделал это своим главным тезисом: не *все* творчество Достоевского, но выбор отрывков из его произведений может быть предоставлен юному читателю, чтобы возбудить его интерес, пока он не будет готов ознакомиться с ним целиком.

Критерию постепенного подхода к творчеству Достоевского подчинялся также краткий биографический очерк, составленный Кругловым частично на основе некролога, им написанного по случаю похорон Достоевского (см.: *Дядя Саша*), частично на основе биографии Миллера в первом томе «Полного собрания сочинений» Достоевского за 1882–1883 гг. (*Миллер*). Несмотря на то, что Достоевская попросила его не использовать некоторые эпизоды из текста Миллера²⁶, оттуда он почерпнул, прежде всего, информацию о детстве и юности Достоевского: семейная среда, духовное воспитание, чтение Ветхого и Нового Заветов, школа, а также любимые маленьким Федором игры — всё это составляло портрет живой, светлой личности — «настоящего огня», как называл его отец (*Круглов, 1897b: XII*).

Таким образом, биографический очерк, составленный Кругловым, вписывался в ту «светскую агиографию» для детей, примером которой стала работа А. О. Островинской «Искры Божьи. Биографические очерки», выпущенная в 1885 г. (см. об этом: [Лучкина, 2018: 142])²⁷. Хотя произведения Достоевского не вошли в сборник Островинской, его биография стала «образцом» для подростков немного позже, в известной работе В. П. Острогорского «Двадцать образцовых биографий русских писателей», опубликованной в 1890 г. В предисловии Острогорский пояснил, что он хотел включить биографии тех писателей, не предусмотренных в школьных программах, таких как Достоевский, Некрасов, Писемский, Л. Н. Толстой, «такъ какъ эти имена слишкомъ извѣстны, и наше юношество читаетъ ихъ само, независимо отъ программъ, нерѣдко въ худшихъ ихъ произведенияхъ, безъ малѣйшаго понятія объ истинномъ значеніи этихъ писателей, и получая часто превратное о нихъ понятіе <...>. Да и странно было бы, наконецъ, передъ 16–17-лѣтнимъ юношествомъ намѣренно умалчивать о писателяхъ, о которыхъ всѣ говорятъ и которыхъ молодежь читаетъ безъ всякаго руководства» (*Острогорский, 1890: II*).

Биографический очерк, составленный Кругловым, также представлял собой попытку «избавить» Достоевского от ограничений, затруднявших доступ его произведений определенным категориям публики, и направить читателя-подростка к познанию его жизни и творчества. Поэтому Круглов обращал внимание маленького читателя на те «искры Божьи», которые освещали жизнь Достоевского: вера, любовь к родине, чуткость, ум, сила

воли. Описание ареста и каторги перемежались цитатами из писем Достоевского к брату Михаилу, которые свидетельствовали о терпении и мужестве писателя в тяжелых испытаниях. В то время как «Записки из Мертвого Дома» давали Круглову предлог для того, чтобы превозносить любовь Достоевского к русскому народу, великие романы упоминались только с тем, чтобы подчеркнуть экономические трудности и экстремальные условия, в которых Достоевский был вынужден работать. Примечательно, что довольно большое место отведено «Дневнику Писателя» и «Речи о Пушкине» 1880 г., которые сотворили посмертную славу Достоевского как «горячаго патриота и глубоко вѣрующаго христіанина» (Круглов, 1897b: XXII). Смерть Достоевского описывалась как невосполнимая потеря для всей России, и Круглов завершал биографический очерк, доверяя своим юным читателям:

«Я пишу эти строки въ Старой Руссѣ, гдѣ жилъ Ѳ. М. и гдѣ теперь существуетъ школа имени Достоевскаго <...>. Сотни и тысячи дѣтей получаютъ въ ней образованіе, любятъ книгу, любятъ писателя, портрет котораго виситъ въ ихъ школѣ <...>. Прочтутъ они и этотъ сборникъ, составленный для всѣхъ русскихъ дѣтей, о которыхъ всегда печалился Достоевскій. Онъ умеръ, но онъ живъ въ своихъ сочиненіяхъ и какъ бы бесѣдуетъ съ вами, друзья мои. Вслушайтесь въ его слова: у него есть чему поучиться» (Круглов, 1897b: XXVI).

Критика положительно оценила работу Круглова, еще раз сравнив ее со сборником «Русским детям»: в рецензиях похвалили удачный отбор отрывков, порядок их расположения, светлый биографический очерк и ясное и аргументированное предисловие²⁸.

Среди рецензий на сборник Круглова следует отметить отзыв В. Розанова. Указав на отсутствие некоторых героев-детей, в частности Нелли из «Униженных и оскорбленных», «самого поэтичного из созданных Достоевским детских образов» (Розанов: 237), автор рецензии похвалил попытку Круглова сделать Достоевского доступным для детей, но отметил, что при этом он придерживается общепедагогической точки зрения, «т. е. что Достоевский, читаемый вперемежку с другими писателями и читаемый в отрывках, тщательно избранных, не будет вреден» (Розанов: 237). Розанов опроверг эту точку зрения, исходя из мысли о воспитании, выраженной самим Достоевским в «Дневнике Писателя»:

«Жаль еще тоже, что детям теперь так всё облегчают — не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенок станет лепетать первые слова, и уже тотчас же начинают его облегчать. Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь,

чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное» (Д30; 22: 9)

Именно в этом неприятии традиционной педагогики Розанов находил главную воспитательную силу Достоевского. Потрясение, вызванное чтением его произведений, могло бы проникнуть в душу ребенка, показав ему различия между добром и злом и преобразовав его в человека, более сострадательного по отношению к своему ближнему:

«Достоевский потрясает. Добро и зло вездѣ сплетены у него, сопоставлены: отсюда — антипедагогичность его, трудность сдѣлать “педагогическій” выборъ изъ его произведений. Но эти-же самые добро и зло, взятые во всей реальной грубости, такъ ослѣпительно раздѣлены, что душа человѣка тянется къ одному и отталкивается отъ другого уже не номинально, не на “словахъ”, а реально, въ самомъ строѣ дѣйствительныхъ чувствъ и въ самомъ теченіи дѣйствительныхъ мыслей. И это составляетъ чрезвычайно высокую педагогическую сторону Достоевскаго» (Розанов: 238).

Хотя доказать прямую связь невозможно, тем не менее примечательно, что после публикации сборника под редакцией Круглова педагогическая критика, похоже, переосмыслила талант Достоевского как исследователя психологических профилей и моделей поведения русских детей²⁹. Работа Круглова также получила признание власти: в 1899 г. Ученый комитет Министерства народного просвещения допустил это издание в ученические библиотеки средних учебных заведений (старшего возраста), в учительские библиотеки городских училищ, в библиотеки низших учебных заведений и в бесплатные читальни и библиотеки³⁰.

История изданий под редакцией Стоюнина и Круглова свидетельствует о настойчивости вдовы писателя в распространении творчества своего мужа среди тех слоев русской читательской аудитории, которые еще не были знакомы с творчеством Достоевского. Не сдавшись после провала сборника 1883 г., А. Г. Достоевская смогла заслужить уважение педагогической критики и заложить основы «детского репертуара» произведений Достоевского.

Источники

1. *Алчевская* — Алчевская Х. Д. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения: в 3 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1884. Т. 1. 872 с.

2. *Библиографический указатель* — Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском историческом музее имени императора Александра III, 1846–1903 гг. / сост. А. Достоевская. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. 392 с.

3. *Витберг* — [Витберг Ф. А.] В. Я. Стоюнин как педагог и человек. Речь Ф. А. Витберга (Отд. оттиск из ж. «Педагогический сборник»). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 20 с.

4. *Выбор из сочинений, 1887* — Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет) / под ред. В. Я. Стоюнина. С портр. Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. 336 с.

5. *Выбор из сочинений, 1902* — Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет) / под ред. В. Я. Стоюнина. С портр. Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1902. 2-е изд.

6. *Достоевская, 1993* — Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 275–284.

7. *Достоевская, 2015* — Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. 756 с.

8. *Достоевский для детей школьного возраста* — Достоевский для детей школьного возраста / под ред. А. В. Круглова. С биогр. очерком, портр. Ф. М. Достоевского и снимками с его дома и школы его имени. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1897. 393 с.

9. *Дядя Саша* — [Круглов А. В.]. Письма дяди Саши. Письмо первое // Воспитание и обучение. 1881. № 2. С. 81–92.

10. *Круглов, 1897a* — Круглов А. В. Литература «маленького народа». Критико-педагогические беседы по вопросам детской литературы. Вып. 1–2. М.: М. Д. Наумов, 1897.

11. *Круглов, 1897b* — Круглов А. В. Предисловие. Федор Михайлович Достоевский // Достоевский для детей школьного возраста / под ред. А. В. Круглова. С биогр. очерком, портр. Ф. М. Достоевского и снимками с его дома и школы его имени. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1897. 393 с.

12. *Круглов, 1993* — Круглов А. В. Простые речи (памяти Ф. М. Достоевского) // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 203–205.

13. *Круглов, 2015* — Круглов А. В. Нужна ли детская литература? // «Детские чтения». 2015. Т. 7. № 1. С. 17–23.

14. *Мари* — Мари: Переделка из Достоевского для детского чтения. Одесса: Тип. Южно-русского о-ва печ. дела, 1900. 16 с.

15. *Миллер* — Миллер О. Ф. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч.: в 14 т. / изд. А. Г. Достоевской. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 3–176.

16. *Н. П.-я-ь* — Н. П.-я-ь. Критика и библиография. Рец. на кн.: Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет) / под ред. В. Я. Стоюнина. С портретом Ф. М. Достоевского. СПб., 1887 // Женское образование. 1887. № 8. С. 529.

17. *Обзор детских книг* — Обзор детских книг. Статья 2-я. Книги для среднего возраста // Педагогический сборник. 1888. № 9. С. 251–252.

18. *Обзор детской литературы* — Обзор детской литературы. Вып. 1. Книги, изданные в 1883 году. СПб.: Изд. Русского книжного магазина, 1885. 152 с.

19. *Острогорский, 1890* — Острогорский В. П. Двадцать биографий русских писателей: с портр.: для чтения юношества. СПб.: Ф. Павленков, 1890. 174 с.

20. *Острогорский, 1897* — Острогорский А. Н. Педагогические экскурсии в область литературы. М.: К. Тихомиров, 1897. 298 с.

21. *Подосенова* — Подосенова А. Русские дети // Книжки недели. 1898. № 2. С. 161–173; № 8. С. 158–176.

22. *Розанов* — Розанов В. В. Достоевский для детей школьного возраста. Сборник, составленный А. В. Кругловым. СПб., 1898 // Розанов В. В. Сумерки просвещения. Сборник статей по вопросам образования. Изд. П. Перцова. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. С. 237–239.

23. *Русским детям* — Русским детям: из сочинений Ф. М. Достоевского / изд. под ред. [и с предисл.] О. Ф. Миллера. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. 280 с.

24. *Стоюнин* — Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы. 4-е изд., с двумя дополнительными главами. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1879. 449 с.

25. *Ф. М. Достоевский и его сочинения* — Ф. М. Достоевский и его сочинения // Литературная детская библиотека (Всемирная хрестоматия). Т. VIII. М.: Тип. В. Ф. Рихтера, 1883. 256 с.

Примечания

¹ В письме к А. Н. Якоби (фамилия по второму мужу детской писательницы и издательницы Пешковой-Толиверовой) от февраля (после 8-го) 1878 г., отвечая на просьбу о предоставлении прав на издание «Мальчика у Христа на елке» в одном сборнике для детей, Достоевский не дал разрешения, объяснив это тем, что он намерен был в ближайшее время опубликовать свои «маленькие рассказы» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 7–8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках).

В письме Анне Григорьевне от 28–29 мая 1880 г. Достоевский сообщал: «Человек воротился с запиской, что какая-то г-жа Илина хочет просить у меня позволения выбрать

- из всех моих сочинений места, подходящие к детскому возрасту, и издать книжку для детского чтения. Каково! Да ведь эту мысль мы давно бы должны были с тобой сами исполнить и издать такую книжку для детей, которая непременно пойдет и даст, может быть, 2000 р. выгоды» (Д30; 30₁: 169).
- 2 В частности, Достоевский читал «Мальчика у Христа на елке» на двух публичных чтениях в пользу детей: 3 апреля 1879 г. на литературном чтении в пользу Фребелевского общества в Соляном городке и 16 декабря 1879 г. на литературном утрене в пользу Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Ларинской гимназии (Достоевская, 2015: 384, 391). Отрывок из романа «Братья Карамазовы» «Смерть Ильюшечки» Достоевский читал 5 апреля 1879 г. на вечере в пользу недостаточных слушательниц Высших женских курсов и 30 ноября 1880 г. на вечере в пользу Общества вспомоществования студентам С.-Петербургского университета [Ланской: 503]. О публичных чтениях Достоевского см.: [Тихомиров: 167–203], [Vassena].
 - 3 Неточка и Катя // Воспитание и обучение. 1881. № 3; О Священном Писании в жизни отца Зосимы // Семейные вечера. 1881 № 2; У Илюшиной постельки // Семейные вечера. 1881. № 2.
 - 4 В 1883 г. в восьмом томе серии «Литературная детская библиотека» появилась очередная подборка произведений Достоевского, частично повторяющая содержание сборника «Русским детям», но в другом порядке и с еще более существенными редакционными правками (см.: Ф. М. Достоевский и его сочинения). Нет свидетельств об участии А. Г. Достоевской в этом издании, и оно не отражено в составленном ею библиографическом указателе (см.: Библиографический указатель).
 - 5 Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 18 декабря 1886 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 6.
 - 6 Там же.
 - 7 Стоюнин В. Я. Письмо к А. Г. Достоевской. От 28 ноября 1886 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30281. Л. 1 — 1 об.
 - 8 Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 18 декабря 1886 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 6–7.
 - 9 Такого же мнения придерживался О. Ф. Миллер, которому Достоевская прислала экземпляр сборника: «За книжку очень, очень Вамъ благодаренъ. Говоря откровенно, въ полномъ составъ “Бѣдные люди” представляются мнѣ нѣсколько утомительными для подростковъ, а при столь многомъ изъ “Мертваго Дома” надо бы написать маленькое введеііе — пояснительнаго характера. Въ первой половинѣ “Неточки” кое что представляется мнѣ также не совсѣмъ подходящимъ въ педагогическомъ отношеніи, а “Прохарчина” я бы совершенно не помѣстилъ. Само собой, однако же, разумѣется, что книга всетаки будетъ полезна, (имѣю въ виду быстрое въ наши дни развитіе подрастающаго поколѣнія)» (Миллер О. Ф. Письмо к А. Г. Достоевской от 26 декабря 1886 // ОР РГБ. Ф. 93.П.6.88. Л. 20–21).
 - 10 Отношение к А. Г. Достоевской Министерства народного просвещения от 17 августа 1896 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29527. Л. 3 — 3 об.
 - 11 См.: (Выбор из сочинений, 1902): «Разреш. Министерством народного просвещения к употреблению в ученических библиотеках городских училищ и в учительских библиотеках начальных школ».
 - 12 Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 12 апреля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 8 об.
 - 13 Там же. Л. 8 — 8 об.

- ¹⁴ Новые книги // «Отечественные записки». 1883. № 3. С. 77. См. об этом: [Вассена]. Статья Н. К. Михайловского «Жестокий талант» вышла в 9-м и 10-м выпусках журнала «Отечественные записки» за 1882 г.
- ¹⁵ Круглов А. В. Письмо к А. Г. Достоевской. От 14 мая 1896 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30124. Л. 9. См.: (Круглов, 1897а).
- ¹⁶ Круглов А. В. Письмо к А. Г. Достоевской. От 14 мая 1896 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30124. Л. 9–9 об. Круглов изложил свою теорию адаптации литературных произведений «для взрослых» в очерке 1892 г. «Нужна ли детская литература»: «Есть, разумеется, произведения, которые очень удобно сокращать, п.<отому> ч.<то> выброски мало изменяют содержание, будучи деталями. Но сокращениям всегда следует предпочесть «отрывки» (т. е. очерк, сцену), которые являлись бы самостоятельными и, знакомя ребенка с частью произведения, не уменьшали бы интереса ко всему произведению, и привлекали бы симпатии к автору» (Круглов, 2015: 21).
- ¹⁷ Пятнадцать акварельных картин к сочинениям Ф. М. Достоевского: приложение к журналу «Живописное обозрение» за 1893 год. Рисовал Н. Н. Каразин. СПб.: Издание С. Добродеева, 1893.
- ¹⁸ Причины утверждения Достоевской надо опять искать в публичных чтениях Достоевского: он планировал прочитать рассказ Макара Долгорукого о купце Скотобойникове 20 марта 1880 г. на литературно-музыкальном вечере в пользу Дома Милосердия в зале Городской думы в Санкт-Петербурге (ДЗ0; 30; 145). Однако на том вечере Достоевский прочитал главу «Верующие бабы» из романа «Братья Карамазовы» [Летопись жизни и творчества...: 391].
- ¹⁹ Этот фрагмент был издан в Одессе в 1900 году: (Мари).
- ²⁰ Выбор фрагмента «Смерть Мармеладова» для публикации в сборнике «Русским детям» подвергся резкой критике в печати. См., напр.: «Помѣщеніе же въ дѣтскомъ сборникѣ такихъ ужасающихъ отрывковъ, какъ “Смерть Мармеладова”, мы прямо считаемъ преступленіемъ противъ душевнаго здоровья дѣтей» (*Обзор детской литературы*: 32).
- ²¹ Достоевская А. Г. Письмо к А. В. Круглову. Б. д. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30418.
- ²² Круглов А. В. Письмо к А. Г. Достоевской. От 3 февраля 1897 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30124. Л. 19. О двух редакциях рассказа «Раздавили! человека раздавили» и проблеме авторства см.: [Федорова, Андрианова].
- ²³ Существует еще одно издание «Достоевский для детей школьного возраста», вышедшее под редакцией А. В. Круглова в Санкт-Петербурге в книгоиздательском товариществе «Просвещение». В библиотечных каталогах и на аукционах редких изданий его часто датируют 1896 г., при этом указывая информацию титула о том, что это 2-е издание. Эта создающая путаницу датировка ошибочна и вызвана тем, что в данной книге нигде не обозначен год издания, но на обороте титула помещена марка издательства с датой его основания: 1896. Данное издание действительно является вторым и датируется приблизительно 1910 г., что отражено в каталоге РГБ: Достоевский для детей школьного возраста / под ред., с предисл. и биогр. очерком А. В. Круглова. 2-е изд. Санкт-Петербург: Просвещение, [1910]. XVIII, 321 с.; 22.
- ²⁴ Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 12 апреля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 8 об. — 9.
- ²⁵ См. письмо Ф. М. Достоевского от 18 августа 1880 г. в ответ на письмо Н. Л. Озмидова с просьбой дать совет по чтению его дочери: «Мои сочинения не думаю, чтобы все пригодились ей» (ДЗ0; 30; 212).

- ²⁶ См. письмо Круглова к А. Г. Достоевской от 3 февраля 1897 г.: «Я сдѣлалъ все по Вашему относительно “исключеній” мѣстѣ въ биографіи» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30124. Л. 19).
- ²⁷ Искры Божьи: биогр. очерки А. Островинской: в 2 ч. СПб.: Тип. И. А. Цедербаума, 1885.
- ²⁸ Беллетристика. Достоевский для детей школьного возраста / под ред. А. В. Круглова. СПб., 1897 // Русское обозрение. 1897. № 6. С. 931–933.
- ²⁹ См.: «Несмотря на многообразие и различие его (Достоевского. — Р. В.) детских типов — в них лежит одна общая черта пугливости и отзывчивости, редко выделяющая русских детей из общей семьи народов, благодаря особой культуре русской жизни» (*Подосенова*: 163). См. также: (*Острогорский*, 1897: 24–27).
- ³⁰ См.: Отношение к А. Г. Достоевской Мин. нар. проsv. от 27 сентября 1899 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29525. Л. 5–5 об.

Список литературы

1. Вассена Р. Достоевский для детей: провал или успех первого детского издания, составленного А. Г. Достоевской (1883) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 3. С. 116–139 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570443099.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201
2. [Ланской Л. Р.] Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / статья, публикация и коммент. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 349–564. (Литературное наследство; т. 86).
3. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Рос. акад. наук. СПб.: Акад. проект, 1999. Т. 3. 614 с.
4. Лучкина О. А. Институты рекомендательной библиографии для детского чтения в дореволюционной России // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2013. Т. 1. № 3. С. 22–34.
5. Лучкина О. А. Raison d'être русской классики: поэты-педагоги и писатели-воспитатели // *Детские чтения*. 2015. Т. 8. № 2. С. 30–51.
6. Лучкина О. А. «Искры Божьи»: отбор биографий в реестр для детского чтения (на материале педагогической критики детской литературы) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2018. № 2. С. 141–152.
7. Сенькина А. «Симпатичный беллетрист» // *Детские чтения*. 2015. Т. 7. № 1. С. 13–17.
8. Сергиенко И. Концепции педагогической критики XIX в. в истории изучения детской литературы // *Детские чтения*. 2015. Т. 8. № 2. С. 76–94.
9. Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном. Даты. События. Люди. СПб.: Кузнечный переулок, 2012. 224 с.
10. Федорова Е. А., Андрианова И. С. Кто автор рассказа по мотивам романа Достоевского «Преступление и наказание»? // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 3. С. 43–60 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449051885.pdf (01.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2483
11. Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 555 с.
12. Byford A. Between Literary Education and Academic Learning: The Study of Literature at Secondary School in Late Imperial Russia (1860s — 1900s) // *History of Education*. 2004. Vol. 33. No. 6. Pp. 637–660.
13. Vassena R. Dostoevsky's reading performances // F. M. Dostoevsky in the context of cultural dialogues / Ed. by K. Kroó, T. Szabó. Budapest: ELTE, 2009. Pp. 522–528.

References

1. Vassena R. Dostoevsky for Children: the Failure or Success of the First Children's Book, Compiled by Anna Dostoevskaya (1883). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 116–139. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570443099.pdf (accessed on December 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201 (In Russ.)
2. Lanskoj L. R. Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of Contemporaries (1837–1881). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86). (In Russ.)
3. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1999, vol. 3. 614 p. (In Russ.)
4. Luchkina O. A. Russian Institutions of Pre-revolutionary Reader's Advisory for Children's Reading. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]*, 2013, vol. 1, no. 3, pp. 22–34. (In Russ.)
5. Luchkina O. A. Raison d'être of Russian Classics: Poets-Teachers and Writers-Educators. In: *Detskie chteniya [Children's Readings]*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 30–51. (In Russ.)
6. Luchkina O. A. "Sparks of God": Selection of Biographies in the Register for Children's Reading (on the Material of Pedagogical Criticism of Children's Literature). In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]*, 2018, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.)
7. Sen'kina A. "Sympathetic Novelist". In: *Detskie chteniya [Children's Readings]*, 2015, vol. 7, no. 1, pp. 13–17. (In Russ.)
8. Sergienko I. The Concepts of Pedagogical Criticism of the 19th Century in the History of Studying Children's Literature. In: *Detskie chteniya [Children's Readings]*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 76–94. (In Russ.)
9. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom. Daty. Sobytiya. Lyudi [Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People]*. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2012. 224 p. (In Russ.)
10. Fedorova E. A., Andrianova I. S. Who is the Author of the Story Based on Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 3, pp. 43–60. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449051885.pdf (accessed on December 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2483 (In Russ.)
11. Hellman B. *Skazka i byl'. Istoriya russkoy detskoy literatury [Fairy Tales and True Stories. The History of Russian Literature for Children and Young People]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 555 p. (In Russ.)
12. Byford A. Between Literary Education and Academic Learning: The Study of Literature at Secondary School in Late Imperial Russia (1860s — 1900s). In: *History of Education*, 2004, vol. 33, no. 6, pp. 637–660. (In English)
13. Vassena R. Dostoevsky's Reading Performances. In: *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues*. Budapest, ELTE Publ., 2009, pp. 522–528. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вассена Раффаэлла, PhD, доцент Департамента иностранных языков и литератур, Миланский государственный университет (Via Festa del Perdono, 7, г. Милан, Италия, 20122); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4849-337X>; e-mail: raffaella.vassena@unimi.it

Raffaella Vassena, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Literature, University of Milan=Università degli Studi di Milano (Via Festa del Perdono 7, Milan, 20122, Italy); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4849-337X>; e-mail: raffaella.vassena@unimi.it

Поступила в редакцию / Received 01.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2021

Принята к публикации / Accepted 15.02.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

Научная статья

УДК 37+821.161.1+070

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282

«Школы Достоевского» в русской прессе

А. А. Проценко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: anastessa@list.ru

Аннотация. В статье анализируются газетные и журнальные материалы о школах имени Ф. М. Достоевского (1881–1917). Большая часть публикаций затрагивает историю Старорусской церковно-приходской школы, однако нам удалось выяснить, что на рубеже XIX–XX вв. было предпринято еще несколько попыток открыть учебные заведения в честь писателя (в Киевской и Казанской губерниях). В статье приводится краткий обзор истории других школ, когда-либо носивших имя Ф. М. Достоевского (Шкид в Петрограде, гимназия в Харбине, школа в с. Достоево, школа № 2 в Старой Руссе, школа № 1148 в московском Люблино). В указанный период в прессе началось широкое обсуждение идеи увековечить память писателя через открытие народных школ в его честь; по инициативе газеты «Новое время» было положено начало сбору средств на создание первой школы в Старой Руссе. Акценты и оценки русской прессы представляют особую ценность: они являются выражением как общественного отношения к Ф. М. Достоевскому, так и средством сохранения национальной памяти о нем. По материалам прессы становится возможным отследить, как менялось отношение людей к творческому наследию Ф. М. Достоевского, установить мотивы, которые вдохновляли представителей самых разных социальных слоев жертвовать средства на строительство школ в память о писателе. В качестве источниковой базы используются: хроники, отчеты и корреспонденции газет «Новое время», «Московские ведомости», «Казанский телеграф», «Неделя», «Волжский вестник», «Старорусская правда», «Волховский листок», «Казанские губернские ведомости»; статьи из журналов «Исторический вестник» и «Новгородские епархиальные ведомости» и др.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, газета «Новое время», Старорусская школа, А. Г. Достоевская, школа имени Достоевского, педагогические идеи, народное образование

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)».

Для цитирования: Проценко А. А. «Школы Достоевского» в русской прессе // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 206–241. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282

“Dostoevsky Schools” in the Russian Press

Anastasia A. Proshchenko

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: anastessa@list.ru

Abstract. The article analyzes newspaper and magazine materials about schools named after F. M. Dostoevsky (1881–1917). Most of the publications concern the history of the parish school in Staraya Russa, but the authors found out that at the turn of the 20th century several more attempts were made to open an educational institution in memory of the writer, namely in Kiev and Kazan provinces. The article provides a brief overview of the history of other schools that ever bore the name of F. M. Dostoevsky (Shkid in Petrograd, a gymnasium in Harbin, a school in Dostoevo, school No. 2 in Staraya Russa, school No. 1148 in Moscow). During this period, the press began a broad discussion of the idea of perpetuating the writer’s memory by opening public schools named in his honor; thanks to the initiative of “Novoe Vremya” newspaper, a fundraising campaign was initiated to establish the first school in Staraya Russa. The accents and assessments of the Russian press are of particular value: they are an expression of both the public attitude towards F. M. Dostoevsky, and a means of preserving the nation’s memory of him. The press materials allow to track the attitude of people to the heritage of F. M. Dostoevsky and to establish the motifs that inspired representatives of various social strata to donate funds for the construction of schools in memory of the writer. The following sources are used as a foundation: chronicles, reports and other texts from the newspapers “Novoe Vremya,” “Moskovskie Vedomosti,” “Kazansky Telegraph,” “Nedelya,” “Volzhsky Vestnik,” “Starorusskaya Pravda,” “Volkhovsky Listok,” “Kazanskie Gubernskie Vedomosti”; articles from the magazines “Istorichesky Vestnik,” “Novgorodskiyeparhialnye Vedomosti,” and others.

Keywords: F. M. Dostoevsky, newspaper “Novoe Vremya”, Old Russian School, Anna Dostoevskaya, school named after Dostoevsky, pedagogical ideas, public education

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90021 Dostoevsky.

For citation: Proshchenko A. A. “Dostoevsky Schools” in the Russian Press. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 206–241. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282 (In Russ.)

Школах имени Ф. М. Достоевского написано немало. Наибольшего внимания исследователей удостоились Старорусская школа и Шкид (школа-коммуна для трудновоспитуемых подростков им. Ф. М. Достоевского) в Петрограде. Об истории этих школ, а также о педагогических идеях, развиваемых их учителями и строителями (приучение детей к труду, практикоориентированность обучения, воспитание через литературу, доступ к образованию для детей из беднейших семей и др.) в разные годы писали Н. А. Костина [Костина], Г. Ф. Коган [Коган, 1991, 1998], С. Н. Числова [Числова], И. С. Ярышева (Андрианова) [Ярышева, 2009а, 2009б], Д. С. Козлов [Козлов], В. Н. Сорока-Росинский [Сорока-Росинский] и другие. Интерес к школам имени Достоевского неувидителен: стремясь следовать идеалам

писателя, учителя этих учебных заведений добивались высоких педагогических результатов.

Вдова писателя вспоминала:

«...Федор Михайлович всегда мечтал, чтоб в каждой деревне, в каждом селе была бы устроена народная школа с очень простою и краткою программой: чтоб учили читать, писать, Закону Божию, отечественной истории, арифметике и чтоб главное внимание школы было обращено на религиозно-нравственное воспитание крестьянских детей: чтоб учащиеся сознательно относились к богослужениям и в качестве церковного хора участвовали в них» [Достоевская: 495].

Анне Григорьевне удалось создать такую школу в Старой Руссе: среди школ, открытых в честь Ф. М. Достоевского, она просуществовала дольше всех и больше остальных приблизилась к воплощению педагогических идей и взглядов писателя.

Еще в 1860-х гг. редактор журнала «Время» много писал о необходимости народного образования и распространения грамотности — он видел в этом главный шаг к соединению «прогрессивного общества» с «родной почвой, с народным началом». Страну, разделенную на народ и интеллигенцию, писатель сравнивал с рыбой, вытащенной из воды на песок¹. Достоевский видел целью образования усиленное «познание России»: чтобы люди могли быть русскими если не на деле, так «хоть по науке», преодолели «Римско-Германское» влияние. По мысли писателя, общество не должно относиться к народу свысока, желая в назидательном смысле *учить* его (см. об этом: [Захаров]). Под *просвещением* же Достоевский понимал то, «что буквально уже выражается в самом слове “просвещение”, то есть свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни», — так писал он в августе 1880 г. При этом писатель был убежден, что русский народ «просвещен уже давно, приняв в свою суть Христа и его учение»². Таким образом, наиболее всего подходила для воплощения педагогических идей Достоевского форма церковно-приходской школы: она вмещала в себя как классическое, так и духовное образование.

С приходом советской власти и отделением церкви от государства многие пожелания автора «Дневника Писателя» в области народного образования и просвещения стали невозможны. Школы имени Достоевского, открытые после революции 1917 г., уже нельзя было в полной мере назвать *школами Достоевского*, однако их верность наследию писателя все равно прослеживалась.

Об истоках идеи создания школы имени Достоевского

28 января 1881 г. умер Ф. М. Достоевский. Уже на следующий день после похорон на годовом собрании членов Литературного фонда, к старейшим членам которого принадлежал автор «Бедных людей», впервые подняли

вопрос: каким добрым делом почтить память ушедшего писателя? Председатель Литфонда В. П. Гаевский сетовал, что имени Достоевского «нет и не могло быть» в числе учредителей фонда³. Тем не менее, говорил Гаевский, «было бы весьма желательно сохранить навсегда в нашем обществе имя Достоевского, соединив с его памятью какое-нибудь доброе дело. Уже получено несколько пожертвований в литературный фонд “в память Достоевского”, и с этою же целью составляются подписки»⁴. Полученные («пока еще не большие») деньги обещали передать специальному комитету, который будет создан, чтобы «начать деятельность добрым делом в память Достоевского».

В качестве «добрых дел» предлагали: учредить стипендию имени Ф. М. Достоевского, выделить средства на дешевое издание сочинений писателя, учредить народную школу его имени (сбор денег на надгробный памятник к тому моменту уже был начат).

«Стипендии — доброе дело, но они теряются в массе других и распределяются случайно, — рассуждает автор «Нового времени»⁵. — <...> Дешевое издание сочинений — сложное и чрезвычайно дорогое дело, которое едва ли будет нам под силу <...> Самое легкое — стипендия: собрать деньги и баста, все заботы на этом кончаются. Трудное — устройство школы»⁶. Далее сообщается о полученных ста рублях «от одного из учащихся на устройство деревенской школы в память покойного Ф. М. Достоевского». «Пусть же эта первая жертва одного из юношей, — заключает «Новое время», — будет выражать лучшую мысль о добром деле в память покойного. Школу можно сделать образцовой и по архитектуре здания, и по внутреннему расположению, и по библиотеке, и по программам, и по средствам. Школа может расти и выращивать здоровые силы, может сделаться центром постоянного к ней внимания, постоянных пожертвований. Покажем, какую должна быть народная русская школа, докажем, что общество, что соединенное юношество, отцы и дети, сумеют первые устроить на свои средства настоящую народную школу»⁷.

В газете «Новое время», положившей начало сбору средств на надгробный памятник Ф. М. Достоевскому⁸ (см. об этом: [Проценко, 2019; 2020b: 104]), публикуются подробные отчеты о поступлении пожертвований и на памятник, и на школу. Впервые отчет о сборе денег на школу выходит уже 8 февраля 1881 г.: «На устройство школы в память Ф. М. Достоевского поступило: от К. О. Б. 1 руб., Т. А. и К. 3 р. 15 к.; Левицкой-Леонтьевой⁹ 10 р., студента 1 р.; подписчицы 3 р. Итого 18 р. 15 к. Вместе с прежними 231 р. 15 к.»¹⁰.

11 февраля 1881 г. прошло заседание Санкт-Петербургской городской думы, которое «отличалось особо горячими прениями»¹¹. Гласный В. А. Ратьков-Рожнов предложил учредить несколько стипендий в память Достоевского и открыть одну или две городских школы его имени: он считал «вполне уместным участие города в ознаменовании памяти этого высокодаровитого писателя, ввиду, с одной стороны, того сочувствия, которое он

постоянно, в течение всей своей жизни, проявлял к молодому поколению, образование которого составляет постоянную работу городского управления, а с другой, того уважения к памяти покойного писателя, которое выказало все городское население, представительницею которого служит городская дума»¹².

Гласный М. И. Семеvский (издатель крупнейшего исторического журнала «Русская старина») поддержал предложение, отметив, что «присвоение имен заслуживающих уважения деятелей является одной из лучших мер для сохранения о них памяти народа»¹³. Гласный И. И. Домонтович предлагал выдать вдове пособие в 5 000 рублей на издание Полного собрания сочинений Достоевского, но предложение вызвало «чрезвычайно горячее» возражение: сумма казалась недостаточной. В результате собрание отклонило предложение об учреждении стипендий, «единогласно приняв предложение об открытии одной школы имени Достоевского большинством 42 голосов против 35» (курсив мой. — А. П.)¹⁴.

Народный же сбор средств на школу продвигался не так быстро, как хотелось бы. В отчете за 18 февраля 1881 г. читаем:

«Поступило на устройство школы в память Ф. М. Достоевского: от лишнего человека 2 р.; ученика 2 р.; гимназиста 2 р.; души 2 р.; Фимушки и Фомушки 2 р.; Мити и Шуры У. 1 р.; Разуваева 8 р.; Хорошего человека 2 р.; Милостивого государя 2 р.; Студента 1 р. 50 к.; студентки 1 р. 50 к.; Симпополо-Мичеловерского 2 р.; Турчиновича 1 р.; Неизвестного 3 р.; Студентов горного института 50 р.; Сельской народной учительницы 3 р.; Итого — 83 р. Вместе с прежними 379 р. 95 к.»¹⁵.

С 18-го по 23 февраля поступило еще 88 рублей:

«От женского пансиона Ралицкой 30 р.; П. Макрова 10 р.; М. М. М. 1 р.; из Бирзулы 5 р.; Ивана да Марьи 2 р.; Сюрмиловича 2 р.; ученика 2 р.; учителя 1 р.; учащейся 2 р.; почитателя Достоевского 1 р.; сибиряка 3 р.; читателя Достоевского 3 р.; ученика гимназии 2 р.; Сид. Ив. Гр. 2 р.; Ивана 1 р.; студента 3 р.; неизвестного 2 р.; ученика 2 р.; Ан. М. С. 3 р.; О. А. К. 1 р.; учителя 5 р.; подписчика 3 р.; студента 2 р.; Итого 88 руб. До 18-го февраля поступило 379 р. 95 к. Всего 467 р. 95 к.»¹⁶.

Как видно из этих данных, жертвовали на школу в основном небольшие суммы — вносили их простые, небогатые люди: ученики, учителя, студенты, гимназисты. В отдельных случаях сбор устраивали централизованно, как, например, в женском пансионе или горном институте.

Публика охотнее жертвовала на надгробный памятник автору «Братьев Карамазовых». Интересен отчет по сборам от 24 февраля 1881 г.: здесь мы обнаруживаем, что на памятник жертвовали писатель И. С. Тургенев (с которым, как известно, у Достоевского были весьма напряженные отношения) —

25 рублей (это средняя месячная зарплата учителя), и Е. А. Цертелева (Лавровская) — 50 рублей:

«На памятник Ф. М. Достоевскому поступило: от частного кружка из Курска.....12 р.; Дудниченко.....10 р.; О. Т. Т. из Павловского посада.....4 р.; Гиппиус.....1 р.; 7-го класса 3-й сиб. гимназии.....53 р. 10 к.; А. А. Ильина.....10 р.; Гувернантки....5 р.; *Ив. Серг. Тургенева*.....25 р.; *Кн. Е. Цертелевой (Лавровской)*¹⁷....50 р.; Итого 170 р. 10 к. Вместе с прежними 1 450 р. 10 к.» (курсив мой. — А. П.)¹⁸.

Первое из сохранившихся писем вдовы писателя к издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину было написано 31 марта 1881 г. в связи со сбором средств на школу. Этим письмом А. Г. Достоевская ответила на записку Суворина о некоей г-же Погорелко (о ней и других лицах, упомянутых в переписке Достоевской и Суворина, см.: [Абросимова]), которая отказывалась получить назад деньги за подписку на «Дневник Писателя»: «Подписные деньги Г^{жи} Погорелко я передам в магазин “Нового Времени” сегодня же как пожертвование на школу имени Федора Михайловича. Я думаю, что это будет лучше всего. На памятник собрано довольно, а на школу сравнительно мало»¹⁹. Из этого письма мы узнаем, что Анна Григорьевна практически сразу «включается» в идею об открытии школы и в сбор средств на нее. Переписка вдовы писателя и Суворина продлилась до 1903 г., а издатель и его типография приняли активное участие в различных мероприятиях Анны Григорьевны по сбору средств для Старорусской школы [Прощенко, 2020а].

24 мая 1881 г. Достоевская попросила Суворина через «Новое время» сообщить подписчикам на «Дневник Писателя» о том, что она закончила все расчеты и считает свои обязательства выполненными. Всего вдова насчитала 1 074 подписчика. Из них:

«Возвращено деньгами.....632
Выдано книгами.....140
Внесено в газ. «Страна» на стипендию имени Ф. М. Достоевского...10
Внесено в контору «Нового времени» как пожертвования на сооружение памятника на могиле Ф. М. Достоевского.....116
Внесено в контору «Нового времени» на школу имени Ф. М. Достоевского...165
За ненахождением в С.-Петербурге не удовлетворены.....10»²⁰.

О составе подписчиков, их социальной принадлежности и других аспектах распространения «Дневника Писателя» (а также о письмах, которые Анна Григорьевна получала от читателей после смерти мужа) см. подробно: [Волгин, 2019: 57–63].

Литературные вечера

Средства на организацию школы имени Достоевского собирались медленно, и Анна Григорьевна решила устроить модные в те годы литературные вечера со сбором средств в пользу будущего учебного учреждения. Эту идею поддержал профессор Санкт-Петербургского университета, друг и первый биограф Достоевского Ор. Ф. Миллер.

Первый такой вечер в зале Городского кредитного общества прошел 1 февраля 1882 г. «в память Достоевского, в пользу народной школы его имени и на памятник ему»²¹. О предстоящих чтениях «Новое время» извещает 25 января:

«День похорон Достоевского — 1 февраля, тот день, в который провожала его в прошедшем году такая несметная толпа людей, выбран теперь для литературного чтения из его сочинений»²².

В связи с тем, что 1 февраля 1837 г. отпевали Пушкина, вечер закончился чтением московской речи о нем Достоевского (до тех пор в Петербурге ее еще не читали вслух). «Слышно, что вступительная речь к этому вечеру готовится В. С. Соловьевым, — пишет «Новое время». — <...> Участие в чтении обещали принять, кроме литераторов, певица Д. М. Леонова²³, обладающая <...> также и замечательным даром драматического чтения. Есть надежда и на то, что в вечере примет участие г-жа Стрепетова²⁴».

Организация литературных вечеров оказалась делом трудоемким и для женщины не очень подходящим (впоследствии сенатор Ф. М. Дмитриев, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, говорил вдове: «Мне было очень жаль, что вы взяли за столь несвойственную женщине деятельность как устройство литературного вечера» [Достоевская: 522]). Деловую сторону первого вечера взял на себя О. Ф. Миллер, он же приглашал для чтения литераторов. Но так как в те годы литературные вечера устраивались часто и выступали на них одни и те же люди — чтобы привлечь публику, нужно было предложить что-то выдающееся. «Таким соблазном, — вспоминала Анна Григорьевна, — могла бы быть речь о Достоевском, произнесенная Вл. С. Соловьевым, которого, после его известной речи о царевубийстве, носила на руках наша молодежь и наша либеральная интеллигенция» [Достоевская: 522].

В тот день Владимир Соловьев прочитал свою «вторую» речь о Достоевском и произвел ею ожидаемый фурор (см. об этом: [Волгин, 2016: 69–74]). Потом речь была полностью опубликована в «Новом времени»²⁵. Вечер, по воспоминаниям Анны Григорьевны, «дал такие хорошие материальные результаты (что-то более тысячи рублей чистого сбора)», что это укрепило в ней намерение ежегодно устраивать в пользу Старорусской школы подобные вечера.

В начале 1883 г. за уплатой всех расходов по сооружению надгробного памятника Ф. М. Достоевскому осталось около двух тысяч рублей. На них

купили две процентные бумаги по тысяче рублей и положили их в Государственный банк на имя школы. С этих вложений получалось около ста рублей в год. «Конечно, имея такие крошечные средства, нечего было и думать об основании школы, — вспоминала Анна Григорьевна, — и мы решили ожидать, когда, благодаря литературным вечерам, средства эти увеличатся» [Достоевская: 495].

С этого момента, «зная, как сильно занят профессор О. Ф. Миллер», все хлопоты по устройству вечеров взяла на себя сама А. Г. Достоевская. В 1883 г. вечер был назначен на 19 февраля (дата освобождения крестьян). Подготовка к этому вечеру и связанные с ним трудности подробно описаны в воспоминаниях А. Г. Достоевской и в статье Г. Ф. Коган [Коган, 1991].

16 февраля 1883 г. в «Новом времени» было опубликовано извещение:

«Литературный вечер из сочинений Ф. М. Достоевского в пользу школы его имени состоится 19 февраля, в субботу, в зале кредитного общества. Читатель будут: Д. В. Аверкиев, И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович, Д. М. Леонова, О. Ф. Миллер, А. А. Потехин, Вл. С. Соловьев и К. К. Случевский. Влад. С. Соловьев скажет речь. Содержание предполагаемого чтения г. Соловьева в кратких словах следующее: Связь между деятельностью Достоевского и освободительным актом прошлого царствования <...> Судя по этому, речь Вл. С. Соловьева будет полна высокого интереса, а цель вечера, помимо этого, должна собрать публику»²⁶.

Так и случилось. 19 февраля 1883 г. Вл. С. Соловьев произнес свою «третью» речь о Достоевском. Из-за этого выступления и ему, и Анне Григорьевне мог грозить арест: за несколько часов до начала мероприятия поступил запрет на выступление В. Соловьева. Тем не менее речь была прочитана — на страх и риск организаторов вечера. К счастью, все обошлось благополучно.

В отчете, опубликованном «Новым временем» 6 марта 1883 г., сказано: «Распорядители литературного вечера в память Ф. М. Достоевского, данного 19-го февраля в зале городского кредитного общества в пользу народной школы имени покойного, извещают, что чистая выручка с вечера равняется 760 р. 31 к.».

Открытие Старорусской школы имени Ф. М. Достоевского

Вопрос, где именно устроить народную школу памяти Ф. М. Достоевского, не представлял затруднений: «Без всяких колебаний, ее следовало устроить в Старой Руссе, где мой муж так любил проводить лето», — писала вдова [Достоевская: 495–496]. Устройство школы заведовал священник Иоанн Румянцев — давний друг семьи Достоевских, у которого супруги первое время снимали дом в Старой Руссе.

Попечительницей школы стала сама А. Г. Достоевская. Благодаря ее усилиям и личным финансовым вложениям школа росла и развивалась три

с половиной десятилетия — вплоть до революции и гражданской войны. За это время для школы построили несколько просторных двухэтажных зданий, открыли обширную библиотеку, оборудовали двор гимнастическими снарядами для игр и спортивных занятий, разбили сад для прогулок, наняли достойных учителей, положив им жалование намного выше среднего по стране (50 рублей в месяц против обычных 25–30). «Эта школа с самого основания <...> по своей обеспеченности и постановке учебного дела всегда была лучшей не только в старорусском уезде, но даже и во всей новгородской епархии», — отмечала местная пресса²⁷.

Покровителем школы Анна Григорьевна попросила стать опекуна своих детей — обер-прокурора Священного синода К. П. Победоносцева. Он пообещал содействие и 200 рублей ежегодного пособия, если школу сделают церковно-приходской. Вдова объявила в ответ, что выстроит для школы деревянный дом и будет «давать от себя по триста рублей ежегодно. Имея таким образом свой дом и семьсот рублей содержания, уже можно было положить начало школе» [Достоевская: 495].

Школу сделали церковно-приходской, хотя в материальном отношении это послужило ей не в пользу, а скорее во вред, — писала газета «Неделя». Земское и городское управление, считая школу не подлежащей своему ведению, отказали ей в пособии:

«Духовное же ведомство ограничилось выдачей 300 рублей в год, да и те в виде единовременных назначений по особым каждый раз ходатайствам. Между тем бюджет школы <...> возрос до 400 рублей в год и большую часть этого расхода пришлось взять на себя самой госпоже Достоевской»²⁸.

Наконец, 30 октября 1883 г. «Новое время» анонсировало:

«В День рождения Ф. М. Достоевского, 30 октября, одновременно последует открытие ему памятника в Александро-Невской лавре и открытие школы его имени в Старой Руссе — то и другое на средства, пожертвованные его почитателями: 3,241 руб. на памятник и 3,151 руб. на школу»²⁹.

Как сообщила Н. А. Костина, в 1883 г. в городе было всего четыре учебных заведения — женская прогимназия, уездное училище, приходское училище и церковно-приходская школа. На 14 тысяч человек приходилось около 400 учащихся, получающих начальное образование [Костина: 62]. Открытие в Старой Руссе еще одной школы, где могли бы учиться дети беднейшего городского населения и крестьян ближайших деревень, стало действительно крупным событием.

Школа имени Достоевского отличалась тем, что ставила задачу дать доступ к качественному и практикоориентированному образованию детям беднейших горожан и крестьян близлежащих деревень. Форма церковно-приходской школы была необходима не только для того, чтобы получить

обещанное пособие от Синода, но также с идеологической точки зрения. Ф. М. Достоевский немало писал о том, что народное образование должно происходить в духе христианского учения: «Без сомнения, преподавание Закона Божия в школах <...> не может быть поручено никому другому, кроме священника. <...> всего бы лучше, если б им просто рассказывали священные истории, без особой казенной морали и тем ограничили бы пока законоучение. Ряд чистых, святых, прекрасных картин сильно подействовал бы на их жаждущие прекрасных впечатлений души»³⁰. Так и было сделано в Старорусской школе.

Первые три месяца мальчики учились вместе с девочками, затем их разделили. Срок обучения тогда составлял три года. По воспоминаниям Анны Григорьевны, в первый год «собралось всего около 30 учеников и учениц», однако в отчете «Новгородских епархиальных ведомостей» приводятся совсем другие цифры: «Рост школы и отношение к ней родителей учащихся лучше всего показывает число в ней обучающихся, которых в первый же 1183–84 год было 89 мальчиков и 41 девочка»³¹.

Пока строилось здание для школы, занятия проводились в наемной квартире. Фундамент был заложен сразу после открытия: зимой 1883/84 гг. На это строительство Анна Григорьевна собирала деньги два года, в том числе с помощью литературных вечеров. «Дом, в виду громадности его, обошелся мне далеко выше предполагаемой цены, — писала вдова, — именно свыше 10 тысяч рублей, но я с радостью отдала на это дело вдовью часть, которая причиталась в мою пользу с дохода от издания первого Полного собрания сочинений моего покойного мужа» [Достоевская: 496].

В марте 1884 г. вдова обратилась к А. С. Суворину с просьбой «по примеру прежних лет» разрешить типографии «Нового времени» «напечатать бесплатно программы и билеты», а также объявления о вечере в пользу школы на первой странице газеты³². 9 марта 1884 г. в «Новом времени» вышло извещение: «18-го марта, в зале Кононова, устраивается литературный вечер в пользу школы имени Федора Михайловича Достоевского, находящейся в Старой Руссе. Участвовать будут: Д. М. Леонова, Д. В. Аверкиев, Ор. Ф. Миллер, А. А. Потехин, К. К. Случевский и др. Г. Андреев-Бурлак сыграет сцену из ром. «Преступление и наказание»³³.

14 марта на первой полосе появилось очередное объявление, которое было продублировано через день: 16-го и 18 марта, все так же на первой полосе, как и просила Анна Григорьевна:

«Читатели, конечно, обратили внимание на литературное чтение из сочинений Ф. М. Достоевского с участием г. Андреева-Бурлака, назначенное на воскресенье, 18 марта, вечером, в зале Кононова. Цель вечера — поддержать ту школу в память покойного писателя в Старой Руссе, которая открыта на средства, доставленные жертвователями. <...> Так как капитал для прочного существования школы должен оставаться неприкосновенным,

а расходоваться только проценты, между тем преподаватель получает 50 рублей в месяц, то и остается время от времени прибегать к предприятиям в роде нынешнего чтения. Почитатели Ф. М. Достоевского с сочувствием отнесутся к этому вечеру»³⁴.

Подобный вечер пришлось провести еще через год — 24 февраля 1885 г. В отличие от предыдущих, он был музыкальным. Несколько курьезных историй, связанных с организацией, вдова Достоевского привела в своих воспоминаниях (эпизоды с приглашением певцов и с поиском фисгармонии). Вечер состоялся «при участии: Абрамичевой, Е. Н. Горевой, Д. М. Леоновой, Д. П. Аверкиева, Г. Падера, Н. И. Главича, Г. Костина, О. Ф. Миллера, А. Н. Плещеева, Г. Попова, Пустарканова и др»³⁵. В объявлении сообщалось: «Аккомпанировать будет Э. К. Даусский. Рояль фабрики Шредера, гармоний фабрики Шидмайера. Начало в 8 часов»³⁶. Билеты продавались в магазине «Нового времени» и в кассе театра «Новостей». Кресла стоили от 1 р. 50 к. до 5 рублей, ложи — от 6 до 12 рублей.

Это был последний литературный вечер в пользу школы. «Он отнял от меня много времени и сил, — признавалась Анна Григорьевна, — доставил столько неприятных хлопот и принес такие незначительные материальные выгоды, что я решила обратить внимание на отыскание других ресурсов для поддержания школы» [Достоевская: 527]. Например, в типографии А. С. Суворина были напечатаны произведения Достоевского, прибыль от которых отчислялась в пользу школы [Проценко, 2020a].

Новгородское земство по-прежнему отказывалось помогать, выделив лишь единоразовое пособие в сто рублей. В «Новом времени» об этом писали:

«Новгород. Губернское земское собрание ассигновало навсегда 500 руб. ежегодного пособия на образование необходимой суммы для содержания Некрасовской школы близ Чудова <...> Старорусской школе имени Достоевского отчислено единовременное пособие в 100 руб.»³⁷.

Проблемы возникли и с набором учеников. По информации «Новгородских епархиальных ведомостей», в 1884–1885 гг. в школу поступили лишь 88 детей (против 130, набранных годом ранее). Их «приходилось чуть ли не заманивать, — писало «Новое время». — <...> Нередко на предложение священника посылать детей в новую школу учиться родители говорили: “А не положат ли ребятишкам сколько-нибудь за это?”»³⁸ Анна Григорьевна вспоминала: «В те времена до того отсутствовало понимание о пользе учения, что родители, приводя в школу детей, спрашивали: “А сколько моему парнишке платить за это будут? Ведь он время теряет, дома-то он в день кое-что наработает”. И только увещания о. Иоанна, которого все уважали, могли убедить родителей в пользе учения их детей» [Достоевская: 496].

9 июня 1885 г. в Старой Руссе торжественно открылось здание церковно-приходской школы. Об этом празднике подробно писала газета «Неделя», издатель которой П. А. Гайдебуров был соседом Достоевских по Старорусской даче. По словам корреспондента, на строительство здания школы ушло 6 000 рублей (по воспоминаниям Анны Григорьевны, более 10 тысяч)³⁹. «Это большой двухэтажный дом, — пишет «Неделя», — стоящий как бы на площади и смотрящий во все четыре стороны пятьюдесятью окнами. При обычных качествах хорошего школьного помещения (которых, к прискорбию, у нас так немного), он имеет еще два важных достоинства: это, во-первых, то, что он стоит особняком, на полном просторе, окруженный со всех сторон чистым воздухом, а во-вторых, что в нем, рядом с главной классной комнатой — обширной и светлой залой — устроен широкий и такой же светлый коридор-галерея, где дети могут гулять и играть в дурную погоду, пока вентилируется классная зала. Вообще, по удобствам помещения, школа Достоевского смело может быть названа идеальной»⁴⁰.

Празднование началось обедней, в которой участвовал хор певчих из всех учеников школы (которых, по свидетельству «Недели» к тому моменту было уже 75 человек). Из Петербурга прибыли Ор. Ф. Миллер и управляющий канцелярией Св. Синода В. К. Саблер⁴¹. Священник Румянцев объявил, что со временем «если Бог благословит и добрые люди помогут» планирует открыть при школе бесплатную библиотеку духовно-нравственных книг и по праздникам собеседование о предметах веры и христианской нравственности⁴².

Уже в ноябре того же года о. Румянцев осуществил свое намерение: учредил братство св. Феодора Тирона, в честь которого был крещен Ф. М. Достоевский. «Отец Иоанн полагал, что кроме старорусских обывателей, можно было бы привлечь и иногородних членов из числа поклонников таланта моего мужа», — писала Анна Григорьевна. Ежегодные взносы могли стать хорошим подспорьем для школы, но ожидания не оправдались. Тем не менее братство просуществовало больше двадцати лет и пользовалось большой популярностью: на еженедельные чтения по воскресениям собирався весь город⁴³.

При основании братства организовали и обширную библиотеку духовных книг, многие из которых пожертвовала А. Г. Достоевская из библиотеки покойного мужа. Другие книги, по настоятельным просьбам вдовы, жертвовали сами литераторы⁴⁴. Большая же часть изданий поступила от К. П. Победоносцева и Т. И. Филиппова⁴⁵. Библиотека не получала ниоткуда пособий и пополнялась исключительно добровольными пожертвованиями. Это была единственная библиотека, выдававшая книги простым людям бесплатно и без залога⁴⁶.

В. К. Саблер, впечатленный открытием школы, пообещал увеличить ежегодное пособие от Св. Синода до 500 рублей в год. «Неделя» писала:

«Теперь, когда со школой Достоевского ознакомился представитель св. синода и публично заявил о вынесенном им прекрасном впечатлении, можно думать, что синод не откажет школе по крайней мере в том, чтобы выдававшееся и до сих пор единовременное пособие обратилось в постоянное»⁴⁷.

Интересно следующее замечание, приведенное в газете:

«...рассчитывать на помощь со стороны синода по большим расходом едва ли возможно: огромное большинство церковно-приходских школ не имеют и этого пособия»⁴⁸.

Становится ясно, что статус «церковно-приходская» в те годы вовсе не предполагал полного содержания школы Св. Синодом.

С момента открытия нового здания школа уже получала право рассчитывать на серьезную помощь и со стороны города:

«Отныне она составляет для Старой Руссы не только даровое учебное заведение, но и заведение постоянное, упроченное и, к тому же, служащее украшением города. При таких условиях для города обязательно принять на себя постоянное участие в расходах школы, и чем больше выкажет он щедрости при этом, тем больше будет ему и чести»⁴⁹.

Анна Григорьевна обратилась в городскую управу и добилаь небольшого, но ежегодного пособия в 100 рублей (к 1895 г. оно увеличится до 250 рублей). Затем и Новгородское земство, наконец, согласилось помогать школе и также выделило пособие в 100 рублей.

В 1886 г. состоялся первый выпуск: школу окончили всего 10 учеников. В 1887 г. в Старую Руссу приезжал великий князь Владимир Александрович⁵⁰, который согласился взять школу имени Достоевского под свое покровительство. Денежных выгод это не принесло, но в официальном отношении покровительство члена царствующего дома имело большое значение. Выделяет от себя ежегодное пособие и великий князь Константин Константинович⁵¹.

С 1888 г. А. Г. Достоевская стала сдавать здание школы на летние периоды в аренду Санкт-Петербургской детской лечебной колонии для золотушных детей. Это приносило школе до 800 рублей в год и продолжалось около 20 лет. Подробнее об этой колонии рассказал в «Историческом вестнике» А. В. Круглов⁵².

В 1890 г. здание школы, таким трудом доставшееся А. Г. Достоевской, сгорело дотла. Об этом подробно сообщается в корреспонденции «Нового времени»:

«Пожар произошел от затлешейся балки вследствие усиленной топки печей, после того как школа не отапливалась в течение двух недель рождественских праздников. Пожар начался в 9 час. вечера; дым был замечен

учителем и своевременно дано было знать пожарным. К несчастью, вышло недоразумение и пожарная команда направилась не к церкви св. Георгия, в ограде которой находился школьный дом, а в противоположный конец города, так называемую «Егорьевщину»; благодаря этому обстоятельству пожарные приехали на место пожара лишь через $\frac{3}{4}$ часа спустя после его начала. Между тем, народ, желая помочь выносить школьное имущество, начал выбивать окна и двери. Приток воздуха, при сильном ветре сразу раздул пламя, и дом, а также находившиеся в близком от него расстоянии и принадлежавшая школе большая крытая веранда и кухня сгорели дотла. Многие условия способствовали усилению пожара: сильный ветер и мороз, доходивший до 17 градусов, при котором замерзала вода в пожарных трубах и бочках. Пожар продолжался более двух часов. Церковь св. Георгия подвергалась сильной опасности: купол и рамы обгорели, стекла полопались. Дом был застрахован в 7,000 р. Школьное же имущество и детская библиотека, за сильным дымом, не могли быть вынесены из школы и сгорели. Движимость не была застрахована. Сгоревший дом был деревянный, в два этажа, с большими залами и классами. Он был выстроен на средства попечительницы школы, А. Г. Достоевской, и с имуществом стоил около 12 тыс.»⁵³.

Следующие два года, пока строили новое, каменное здание для школы, занятия вновь проводили в наемной квартире. К страховой премии в 7 тысяч рублей Анне Григорьевне вновь пришлось добавить от себя 5 тысяч, к тому же купить новую землю (строить на прежнем месте запретили из-за близости церкви). Новое, еще более просторное здание, открыли в 1892 г. А. Г. Достоевская купила также деревянный дом «с громадным местом», чтобы построить большое общежитие для 30 девочек (по всей видимости, из соседних деревень) — воспитанниц Старорусской школы.

В 1895 г. в Старую Руссу приезжает А. В. Круглов — сотрудник журнала «Исторический вестник», который пишет о городе, и в том числе о школе им. Достоевского обширную статью⁵⁴. С этого знакомства начинается плодотворное сотрудничество вдовы писателя и ее старорусского гостя: именно А. В. Круглов впоследствии станет редактором дорогого для нее издания «Достоевский для детей школьного возраста»⁵⁵, чистая прибыль от которого также будет отчисляться в пользу старорусской школы (см. об этом: [Вассена]).

Юбилейные заметки 1896 года

В марте 1896 г. в «Новом времени» выходит укоризненная заметка о том, что «старорусцы не пошевелились» в день пятидесятилетия выхода в свет романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Жители города, по словам корреспондента, «в силу косности не предприняли ничего, и если бы А. Г. Достоевская не прислала 50 рублей, то ничего бы и не было в этот день в Старой

Руссе»⁵⁶. Далее приводится рассказ о скромном празднике, устроенном в школе, а также говорится, что «домик Ф. М. Достоевского с каждым годом приходит в ветхость и требует ремонта». Это характерное замечание: становится ясно, что для Анны Григорьевны школа имела приоритет над собственным домом — вдова продолжала жертвовать деньги на ее содержание, а свою дачу сдавала в наем.

«Скромна была панихида и невелико число присутствовавших на ней, — вторит «Новому времени» корреспондент «Новгородских епархиальных ведомостей», — но здесь были лица, коим дорога церковно-приходская школа <...>. Горяча была их молитва за душу усопшего писателя, будившего в сердцах людей любовь к Богу, царю, ближнему и участие ко всем обездоленным материально и духовно. Да, лучший и вполне пригодный памятник ему церковно-приходская школа его имени»⁵⁷.

3 ноября 1896 г. школу преобразовали из смешанной одноклассной в двухклассную женскую с шестилетним сроком обучения (позднее его увеличили до 7 лет, школа по-прежнему оставалась церковно-приходской): «Учреждение в гор. Старой Руссе двухклассной женской школы вызвано недостатком специальных женских училищ в этом городе — всего одна прогимназия на пятнадцать тысяч с лишком жителей, в которой при этом могут обучаться дочери более состоятельных родителей, — сообщают «Новгородские епархиальные ведомости». — Большая же часть девочек из небогатых семейств, пройдя начальную школу, должна была оканчивать этим свое образование и, конечно, вступала в жизнь мало приготовленной к ней»⁵⁸. На момент открытия в школе обучалось 165 девочек.

С этим преобразованием, пишет Н. А. Костина, «произошли значительные изменения в школьной программе, был введен ряд новых предметов. Теперь в школе изучались русский язык, дидактика, арифметика, география, русская гражданская история, чистописание. Обучались женским рукоделиям: шитью, кройке, вязанию и вышиванию» [Костина: 64]. По слову о. Иоанна Румянцева на открытии двухклассной школы, она «с устройством рукодельных классов отныне поможет бедному контингенту учащихся в заработке необходимых средств к жизни»⁵⁹. Ученицы, окончившие полный курс, получали право преподавать в начальных классах, многие выпускницы возвращались потом в школу уже в качестве учительниц. За все время существования старорусская школа выпустила более тысячи учителей, более 5 000 человек получили здесь начальное образование.

Достоевский много размышлял о женском образовании. В июньском номере «Дневника Писателя» за 1876 г. читаем:

«Мне опять невольно пришла на мысль потребность у нас высшего образования для женщин, — потребность самая настоятельная и именно теперь, ввиду серьезного запроса деятельности в современной женщине, запроса на образование, на участие в общем деле. Я думаю, отцы и матери этих

дочерей сами бы должны были настаивать на этом, для себя же, если любят детей своих. В самом деле, только лишь высшая наука имеет в себе столько серьезности, столько обаяния и силы, чтоб умирить это почти волнение, начавшееся среди наших женщин. Только наука может дать ответ на их вопросы, укрепить ум, взять, так сказать, в опеку расхолодившуюся мысль»⁶⁰.

Так Старорусская школа имени Достоевского воплотила в жизнь еще один завет писателя.

Выпускница Старорусской школы Анастасия Петровна Горская вспоминала:

«Мне очень нравилась школа, она как будто втянула меня в себя. Полюбила в школе всё: и само здание, и учителей, распорядок школьной жизни и наш детский ученический коллектив. Учились мы по школьным учебникам, которые осенью выдавались бесплатно, а весной возвращались обратно. <...> Занятия проходили очень серьезно и на высоком уровне. В общем труде учителей и учащихся достигался успех необходимых знаний грамотного человека. Школа вполне справлялась с этой задачей»⁶¹.

В 1898 г. в Старой Руссе праздновали 15-летие школы. «Праздник собрал в школу многочисленную публику, — писали «Новгородские епархиальные ведомости», — помимо членов уездного отделения, о. архимандрита местного монастыря, уездного о. наблюдателя, городского духовенства, городского головы, учителей и учительниц других городских школ, здесь было много лиц всех сословий»⁶². На средства А. Г. Достоевской детям раздали гостинцы, а деятели школы получили на память Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского с дарственной надписью попечительницы. «Вообще праздник школьный вышел очень удачным и показал, что церковно-приходская школа имени Ф. М. Достоевского стоит на высоте своей задачи», — заключает автор⁶³.

Следующие 10 лет, до 25-летнего юбилея школы в 1908 г., русская пресса почти не пишет о ней. Зато в 1908 г. материалы выходят один за другим: Старорусскую школу вспоминает и «Новое время»⁶⁴, и «Исторический вестник»⁶⁵, и «Волховский листок»⁶⁶, и «Новгородские епархиальные ведомости»⁶⁷. К этому моменту школа по-прежнему крепко стоит на ногах: число учеников ее выросло до 350 человек, а ежегодное пособие от Св. Синода из 300, а затем 500 рублей превратилось в 3 500⁶⁸.

По состоянию здоровья Анна Григорьевна вновь не присутствует на торжестве, но, по обыкновению, передает подарки. «Слава Богу, — писала она в поздравительной записке, — это дело при помощи Божией и людей не умерло, но развилось»⁶⁹. «Насколько всё хорошо устроилось, — писала Анна Григорьевна в частном письме, — об этом (говорят) компетентные лица как Леонид Иванович Лавренцев⁷⁰, он назвал школу идеальной, и директор

С. Петербургской гимназии № 15 Груздев указал на школу как образец при устройстве народных школ»⁷¹.

«Новгородские епархиальные ведомости» подтверждают эту мысль, говоря почти что словами самого Достоевского:

«Школьное торжество показало, что школа, правильно поставленная, преследуя идеал Христа, может достигать громадных результатов; к таким школам льнет народное чувство, потому что народ усматривает в них залог своего спасения, заключающийся в истинном направлении воспитания его детей»⁷².

Анна Григорьевна продолжала поддерживать своих подопечных до конца жизни. В последний раз попечительница приезжала в Старую Руссу в 1914 г. — менее, чем за 4 года до смерти.

Но и два года спустя школа крепко стоит на ногах. В 1916 г. краевед Владимир Пылаев в своей книге «Старая Русса» дает такую характеристику школе имени Ф. М. Достоевского:

«Большое значение имела она для распространения в городе женского образования. Первое время после открытия второклассной школы большая часть учениц ее выступили в качестве учительниц в школах грамоты. В настоящее же время она является лучшим в городе рассадником религиозно-нравственного просвещения для девочек. <...> В настоящее время в ней обучается более 300 девочек. Такой чудный памятник воздвигнут в городе великому писателю русской земли, и помнят его, крепко помнят в этом уголке; воспоминаньями о нем обвеяно почти каждое собрание в школе, каждый ученический вечер. Большие отрывки из произведений почившего читаются ученицами школы наизусть пред посетителями» [Пылаев: 146–147].

Церковно-приходская школа имени Ф. М. Достоевского просуществовала до Октябрьской революции. С ноября 1917 г. в связи с новой государственной политикой прекратилось финансирование всех духовных учебных заведений, с декабря — «дело воспитания и образования» из духовного ведомства передавалось в ведение Народного комиссариата по просвещению. С нового 1918 г. вступил в силу «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», и Старорусскую школу преобразовали в единую трудовую. В школе прекращены были занятия по Закону Божию, «прерваны доселе нерушимые связи с великим источником духовности и святости — Русской Православной Церковью. Школа имени Достоевского, лишенная своих питательных корней и насильственно обращенная в безликую — «единую трудовую», начала постепенно увядать, превращаясь в свою противоположность — рассадник безбожия и духовного омертвения...» [Смоляков: 4, 8]. До Второй мировой войны в здании школы размещались педагогические курсы, неполная средняя школа, педагогический техникум

имени Ф. М. Достоевского, общежитие для учителей. В период немецкой оккупации школу полностью разрушили.

О том, как старорусские дети восстанавливали здание после войны, подробно рассказано в специальном выпуске школьной газеты⁷³. Сейчас на месте первоначальной школы располагается деревянное двухэтажное здание, которое напоминает ее своим обликом. Второй этаж отведен под классные помещения воскресной школы.

С 1971 г. имя Ф. М. Достоевского носит старорусская школа № 2, выстроенная в 1936 г. неподалеку от дома писателя⁷⁴.

Неудачные попытки организации школ

Из газет мы узнаём и о нескольких неудавшихся попытках учредить школу имени Ф. М. Достоевского в разных уголках страны. В одном случае речь идет о поспешном решении или вовсе об ошибке, в другом — о серьезном на первый взгляд намерении, но в течение многих лет так и не воплощенном в жизнь.

В хронике «Нового Времени» от 8 февраля 1881 г. сообщается, что Киевская городская дума «постановила открыть приходское училище для детей обоего пола в беднейшей части города и наименовать его именем Федора Михайловича Достоевского»⁷⁵.

Однако уже через десять дней эта информация опровергается корреспонденцией из Киева, в которой отмечено, что город «несколько опоздал почтить память недавно сошедшего в преждевременную могилу великого русского писателя»⁷⁶. Сообщается, что панихиду отслужили только 6 февраля — в киевской второй гимназии. На панихиде присутствовали все учащиеся и учителя, а вечером того же дня в драматическом обществе обсуждался вопрос об устройстве литературно-музыкального вечера в память Ф. М. Достоевского. Решено было устроить такой вечер 1 марта — однако, в виду трагических событий, последовавших в этот день, неизвестно, состоялся ли он (газетные полосы были отведены другим текстам).

Кроме панихиды и литературного вечера, на экстренном собрании присяжных поверенных постановили почтить память писателя учреждением стипендии имени Достоевского «в существующем в Москве Рукавишниковом приюте для детей лиц, сосланных в Сибирь по судебным приговорам. Предложение принято собранием единогласно <...>. Вот все, чем киевляне почтили и имеют в виду почтить память Ф. М. Достоевского»⁷⁷.

Иной информации о намерении открыть школу или училище имени Достоевского в Киеве в русской дореволюционной прессе мы до сих пор не встретили.

Более серьезной выглядела попытка учреждения школы в Казанской губернии. О ней упоминает в своей работе Е. Г. Кузнецова [Кузнецова]. По информации газеты «Новое время» от 13 февраля 1881 г., вдова Ф. М. Достоевского

получила телеграмму от Совета казанского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Копия этой телеграммы опубликована П. Е. Фокиным в журнале «Неизвестный Достоевский» [Фокин: 67]. В этом обращении члены совета выражают соболезнования вдове и уверяют, что их общество, принявшее на себя «тяжелую, но святую работу нравственного перевоспитания и исправления несчастных детей, не может не чтить его (Достоевского. — А. П.) светлой памяти и вместе с вами и всей Россией не оплакивать тяжелой потери»⁷⁸.

Под телеграммой подписались: «председатель Молоствов; члены совета: профессор Осокин, *Николай Юшков*⁷⁹, Петр Куприянов, *Сергей Иванов*, Моисей Струзер, Петр Месетников, смотритель Злобин» (курсив мой. — А. П.)⁸⁰.

Год спустя (летом 1882 г.) один из подписантов телеграммы, а именно редактор газеты «Казанские губернские ведомости», сообщил читателям о том, что лично встретился с А. Г. Достоевской. Вдова с детьми проезжала через Казань «в Самарскую губернию, на кумысо-лечебное заведение». «Мы имели удовольствие беседовать с Анной Григорьевной, — пишет Юшков, — она при этом высказала нам, что была глубоко тронута тем всеобщим горячим участием к своему горю, когда скончался ее супруг, какое выражали ей»⁸¹. В этой беседе А. Г. Достоевская сообщила своему собеседнику о предпринимаемых ею трудах по подготовке Полного собрания сочинений мужа. Вполне могла она обмолвиться и об устройстве столь любимой ею Старорусской школы, сбор средств на которую к лету 1882 г. шел полным ходом.

Через три года после той встречи, в год триумфального открытия здания школы в Старой Руссе, другой подписант телеграммы — председатель казанской губернской земской управы Сергей Иванов — вместе с присяжным поверенным Измаилом Степановым собирает между своими знакомыми средства на открытие школы имени Ф. М. Достоевского в Казани. По данным газеты «Казанский телеграф», тогда, в 1885 г., удалось собрать 300 рублей, которые «внесли в управу на учреждение ремесленной школы имени Достоевского»⁸². «К этим 300 рублям, — продолжает автор статьи, — уездное земское собрание ежегодно вносило в смету по 500 рублей».

Однако в 1886 г. «Новое время» сообщает не о 800 рублях, а о значительно более крупной сумме: «Капитал имени Ф. М. Достоевского, в размере 3,735 р. 72 коп., собранный казанцами, предназначен в пособие имеющей открыться ремесленной школы»⁸³.

Если верить этой информации, в 1892 г. капитал должен был составлять как минимум 6 735 рублей. Но в газете «Волжский вестник» мы встречаем куда меньшую сумму (разница более, чем в 1 500 рублей):

«Среди специальных капиталов казанского уездного земства находятся, между прочим, 5 181 р. 16 к., собранные на устройство школы имени известного писателя Ф. М. Достоевского. Деньги эти служат пока для разных позаимствований и имя Достоевского ежегодно треплется в отчетах управ» (курсив мой. — А. П.)⁸⁴.

Корреспондент «Вестника» призывает казанское земство «наконец, что-нибудь предпринять» для осуществления намеченной цели. Но и в следующем году ничего не происходит. «Волжский вестник» снова приводит значительно меньшую сумму капитала, чем следует ожидать: 5 304 рубля 65 копеек. Причем в тексте указывается, что сумма эта составила «из пожертвований путем подписки, открытой вскоре после смерти писателя на увековечение его памяти устройством школы технического типа»⁸⁵. Отсюда можно сделать вывод, что «Казанский телеграф» ошибся, написав, что уездное земство стало перечислять в капитал по 500 рублей, начиная с 1885 г. Скорее всего, итоговая сумма в 6 008 р. 97 к., фигурирующая в отчетах 1897–1901 гг., накопилась спонтанно, а С. В. Иванов и И. И. Степанов в 1885 г. собрали не 300, а 3 000 рублей; оставшиеся же 3 000 были внесены членами управы через разные пожертвования в 1886–1895 гг.

«Ввиду замечаемого ныне стремления высшего правительства прийти на помощь земствам на пути сельскохозяйственного развития, — пишет «Волжский вестник» в 1893 г., — открывшемуся на днях очередному уездному земскому собранию следовало бы воспользоваться этим капиталом для устройства сельскохозяйственной школы и ходатайствовать перед правительством о принятии им на себя ежегодных расходов по содержанию этой школы, существенная надобность в которой неоспорима»⁸⁶. Школа, по мнению автора статьи, должна быть 2–3-летней и чисто практической, и «служить для приема в нее крестьянских подростков, оканчивающих начальную народную школу».

По-видимому, так и было решено сделать. В 1895 г. «Новое время» сообщает: «В распоряжение министерства народного просвещения казанским уездным земством передается капитал в 6,000 рублей, с тем чтобы была открыта и содержалась на средства министерства в гор. Арске ремесленная школа имени Ф. М. Достоевского»⁸⁷.

Однако в 1897 г. на очередном земском собрании члены уездного экономического совета вновь подняли вопрос о том, куда потратить накопленный земством «капитал имени Ф. М. Достоевского». На этот раз было предложено устроить ремесленное училище «с целью поднятия экономического положения крестьян»⁸⁸. Предполагалось, что в Арске будут преподавать столярно-токарное и столярно-кузнечное ремесло. Школа должна была получить имя Ф. М. Достоевского. Министерство народного просвещения «сочувственно отнеслось к проекту земства, — сообщает «Волжский вестник», — и просило бесплатно отвести в Арске участок земли для постройки школы. Такой участок был отведен в размере одной десятины»⁸⁹. «Признав устройство ремесленной школы весьма полезным, — пишет «Казанский телеграф», — экономический совет постановил передать правительству этот капитал с тем, чтобы земство потом не несло по содержанию школы никаких дальнейших расходов». Деньги было решено передавать частями — по 1 000 рублей в год⁹⁰.

Земство также просило министерство (через директора народных училищ) построить для школы каменное двухэтажное здание, «определенное по смете в 21 200 рублей»⁹¹, или одноэтажное деревянное здание «с отдельной каменной кузницей, стоимостью в 12500 р.».

Директор народных училищ, в свою очередь, известил земскую управу, что «по этому предмету было сделано представление г. попечителю округа, но до сих пор никакого распоряжения еще не последовало»⁹².

Не последовало его и позже. Школа имени Ф. М. Достоевского в Казанском уезде так и не была открыта — ни в 1902 г., ни когда-либо позже.

Школа в селе Достоево

Согласно Всероссийской переписи населения 1887 г., в селе Достоево, откуда с XVI века происходит род Достоевских, школы не было — «хотя грамотные люди встречаются»⁹³.

Из переписки Анны Григорьевны с достоевскими священниками Иоанном Кульчицким и Порфирием Еремичем (см.: [Богданов]) мы узнаём, что в начале 1890-х гг. в селе была церковно-приходская трехклассная школа, которая не имела собственного здания и размещалась по нескольким домам местных крестьян. Сельские дети изучали здесь русский язык и литературу, математику, природу, историю и Закон Божий.

Через некоторое время, как сообщают сотрудники школьного музея в с. Достоево, школе было выделено отдельное здание. Оно существовало до тех пор, пока Западная Белоруссия находилась в составе панской Польши. В 1935 г., во времена польского режима, на пожертвования селян в Достоево было открыто здание шестилетней школы. Преподавание велось на польском языке.

Во время Второй мировой войны в помещениях школы расположился фашистский штаб, и партизаны сожгли здание. В 1945 г., после освобождения Достоева, в селе была открыта семилетняя школа.

В 60-е гг. учитель русского языка и литературы Л. Л. Романова оформила в школе небольшой уголок, посвященный Ф. М. Достоевскому. Вскоре после этого директору Н. П. Романову пришло письмо от Андрея Федоровича Достоевского: внук писателя хотел, чтобы к юбилейному 1971 г. в школе появился музей, посвященный памяти его деда. «Думается, — писал А. Ф. Достоевский Н. П. Романову в 1965 г., — что на Брестщине правильнее всего *будет всемерно содействовать правильной организации добротной экспозиции по Достоевскому при достоевской средней школе*⁹⁴, а второй очередью считать организацию «достоевской» экспозиции при Брестском краеведческом музее. Именно музей, в крепком контакте с Достоевской школой, сможет учредить *постоянную* тематическую экскурсию в Достоево, чтоб на месте проводить эту просветительскую работу, — по-моему, это было бы очень удачно»⁹⁵.

А. Ф. Достоевский не дожил до открытия музея, о котором так радел в последние годы жизни. Он скончался в 1968 г. — как раз тогда, когда для

школы было построено новое, более просторное помещение. К 1971 г., как планировал Андрей Федорович, открыть музей не удалось, однако школе в честь юбилея присвоили имя Ф. М. Достоевского.

Литературно-краеведческий музей при школе в Достоево был открыт лишь в 1982 г. Хранителем его фондов многие годы являлся А. И. Бурак. По информации официального сайта Достоевской школы, уже 40 лет музей имени Ф. М. Достоевского является не только образовательным центром, но и центром духовно-нравственного и историко-культурного воспитания Брестской области. Традиционно Достоевская школа проводит среди учеников Ивановского района конкурсы сочинений и рисунков «Мой Достоевский», а также конкурс чтецов отрывков из произведений писателя. На базе школьного музея проходят международные научные конференции, посвященные жизни и творчеству Ф. М. Достоевского.

Шкид

Задумка Сергея Иванова, председателя Казанской земской управы и члена Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, в какой-то степени осуществилась. В 1920 г. не в Казани, но в Петрограде была открыта, пожалуй, самая известная школа имени Ф. М. Достоевского — описанная в одноименной повести ее выпускников Л. Пантелеева и Г. Белых. Школа-коммуна для трудновоспитуемых подростков им. Ф. М. Достоевского (сокращенно Шкид) была одной из пяти городских школ такого типа и благодаря руководителю В. Н. Сорока-Росинскому считалась лучшей из них.

В результате Первой мировой и Гражданской войн на 1920-е гг. пришелся крупнейший пик беспризорности в советской России. Вплотную этим вопросом занялись лишь к 1921 г.: 27 января Президиум ВЦИК постановил организовать Комиссию по улучшению жизни детей, которую возглавил Ф. Э. Дзержинский.

Шкид же открылась за полгода до этого — в сентябре 1920-го. Заведующий В. Н. Сорока-Росинский признавался, что тогда у него не было сложившейся системы педагогических приемов работы с беспризорниками, и сотрудники школы-коммуны им. Достоевского полагались исключительно на чутье. В те годы в стране еще не существовало единых стандартов работы в этой области, и заводделом народного образования Петроградского исполкома З. И. Лилина предоставляла заведующим школ-коммун «самим находить надлежащие пути и требовала лишь, чтобы ребята воспитывали в советском духе, чтобы они приучались к труду, не убегали бы из этих детучреждений и могли бы закончить тогдашнюю начальную школу» [Сорока-Росинский: 24].

В данном случае имя Ф. М. Достоевского было присвоено школе едва ли не случайно: ни о каком идейном наследовании писателя в Шкид речи не шло ни в годы ее существования, ни позднее. Даже обстоятельства, при которых школу нарекли именем автора «Дневника Писателя» по сей день

остаются загадкой. В. Н. Сорока-Росинский вспоминал, что эта инициатива принадлежала Петроградскому отделу народного образования: школу нарекли «очень пышным наименованием <...> Тогда в моде были⁹⁶ подобные трех- и четырехэтажные выражения» [Сорока-Росинский: 9].

Есть в воспоминаниях заведующего и более концептуальное, хотя не менее туманное объяснение: среди воспитанников Шкид оказывались иногда такие буйные натуры, с которыми никто и нигде не мог справиться: «Чаще всего это были исковерканные беспризорностью ребята, вступившие в критический подростковый возраст. Много здесь было и истериков, которых надо было и лечить, и учить одновременно. <...> Недаром получила она (школа. — А. П.) и свое наименование — школа им. Достоевского» [Сорока-Росинский: 32–34].

Не стоит забывать, что в 1920–1930-е гг. идеи Ф. М. Достоевского были не в чести: С. С. Шаулов отмечает, что в то время «случаи полного отрицания Достоевского» были совсем не редки [Шаулов: 217]. Тем более странно, что школа получила имя писателя. Однако нарком просвещения тех лет А. В. Луначарский немало писал об авторе «Бесов», хитроумно интерпретируя его идеи в духе революционной пропаганды. Не исключено, что именно Луначарский захотел дать школе-коммуне Сороки-Росинского имя Ф. М. Достоевского.

Как бы то ни было, у педагогов Шкид получалось следовать многим педагогическим идеям писателя. «Самое сильное средство перевоспитания, переделки оскорбленной и опороченной души в ясную и честную есть труд»⁹⁷, — писал автор «Дневника Писателя» в 1876 г. по следам своего посещения колонии для малолетних преступников. Советское руководство придерживалось того же мнения, однако В. Н. Сорока-Росинский отмечал: детям «нужны были не «трудовые процессы» как «вещь в себе», а разумный, т. е. целенаправленный, дающий впоследствии какую-то квалификацию труд» [Сорока-Росинский: 140]. Именно о таком труде говорил Достоевский, приводя в пример слесарные и столярные мастерские в колонии: «Мне показывали их изделия. <...> Они продаются в пользу воспитанников, и у каждого таким образом скопляется что-нибудь к выходу из колонии. Работой дети заняты и утром, и после обеда, — но без утомления, и, кажется, труд действительно оказывает довольно сильное впечатление на их нравственную сторону»⁹⁸. Вспомним, что и Старорусская школа, и планируемые школы имени Достоевского в Казанской губернии также ставили себе цель обучить своих воспитанников практическим специальностям.

Но в распоряжении шкидовцев были лишь «жалкие остатки мастерских, сапожной и столярной. И никакой площадки, пригодной для игр, не говоря уже о спорте. Тесный двор завален дровами, вокруг ни зелени, ни сада», — вспоминал В. Н. Сорока-Росинский [Сорока-Росинский: 117].

Зато, как и положено школе, носящей имя писателя-классика, в ней имелась хорошая библиотека. Заведующий писал: «И вот тут-то и была нащупана та

золотая жила, драгоценная руда, которая вскоре легла в основу всей нашей учебной и общественной жизни шкидцев» (Там же). В главе «Дневника Писателя» о колонии малолетних преступников Достоевский посвятил большую часть вопроса чтения в подобных заведениях:

«Чтение, если уж оно допущено, конечно, есть чрезвычайно развивающая вещь, но я знаю и то, что если б и все наши просветительные силы в России, со всеми педагогическими советами во главе, захотели установить или указать: что именно принять к чтению таким детям и при таких обстоятельствах, то, разумеется, разошлись бы, ничего не выдумав, ибо дело это очень трудное и решается окончательно не в заседании только. <...> в нашей литературе совершенно нет никаких книг, понятных народу <...>. Конечно, эти мальчики не народ <...>. Но если б они даже нечто и поняли, то уж, конечно, совсем не ценя, потому что всё это богатство им упало бы как с неба; они же прежним развитием совсем к нему не приготовлены»⁹⁹.

Однако именно увлечение шкидовцев литературой, чтением и журналистикой впоследствии принесло этой школе известность. Читали ли там Достоевского — точного ответа нет, но вот что журнал «Красная новь» писал об одном из авторов «Республики Шкид» Л. Пантелеев: «Ему нужны деньги еще и для книг, он их любит, собирает, ибо он — вот этот 14-летний преступник — прочитал всего Достоевского, Л. Андреева»¹⁰⁰.

Многие вещи, описанные В. Н. Сорокой-Росинским в воспоминаниях о Шкид, перекликаются с теми мыслями, которые развивал автор «Дневника Писателя» в своей главе про колонию малолетних преступников. Например, Достоевский с восхищением рассказывал о том, что воспитатели там не только следят за тем, чтобы мальчики убирали камеру, но и участвует вместе с ними в работе: «Это уже самое полное понимание своего призвания и своего человеческого достоинства»¹⁰¹. Заведующий Шкид приводит в своих воспоминаниях в точности такой случай: однажды он наказал ученика мытьем лестницы, а тот не пожелал слушаться. «Я отобрал у непослушного ведро и тряпку, — пишет Сорока-Росинский, — и заявил, что раз он не желает мыть лестницу, то я обойдусь без него и сам вымою ее. Он сначала уставился на то, как я оперировал тряпкой, а затем совсем уже иным, своим обычным добродушным тоном заявил: «Ну уж давайте, Виктор Николаевич, я сам домою» [Сорока-Росинский: 172–173]. Так, одной из важнейших педагогических задач Шкид видела преодоление противостояния учащихся и учителей: «Мы старались втягивать наших питомцев и в другие отрасли нашей работы, чтобы они чувствовали себя нашими сотрудниками, помощниками» [Сорока-Росинский: 125].

«Шкида хоть кого исправит», — писали Г. Белых и Л. Пантелеев¹⁰². В самом деле, выпускникам школы им. Достоевского удавалось попасть в техникумы и на разные курсы не благодаря диплому, а потому что они обладали действительно хорошими знаниями. Газеты писали о школе в позитивном

ключе: «Школа не только дала им (ученикам. — А. П.) знания, она поставила перед ними ряд общественно-значительных задач, она им действительно помогла выйти в люди»¹⁰³.

Тем не менее Шкид активно критиковала Н. К. Крупская, называя ее «типичной бурсой, совершенно облыжно названной республикой» и «не школой, а какой-то тюрьмой». «В системе этой школы очень уж много до отвращения знакомых непривлекательных черт с ее разрядами, напоминающими синие и желтые билетки воскресной школы», — писала Крупская¹⁰⁴.

Автор «Красной нови» вступился за В. Н. Сороку-Росинского:

«Можно ли серьезно говорить о какой-то педагогической закономерности и выдержанности в школе девятнадцатого и ближайших лет, где вся энергия руководства должна была быть направлена на поиски хлеба для своих питомцев, картофеля, полена дров <...>. В этих беспримерных условиях голода, холода, всяческой разрухи Викниксор (псевдоним В. Н. Сороки-Росинского в романе «Республика Шкид». — А. П.) был предоставлен сам себе — да еще с кучей диких, оголтелых, насквозь прожженных жизнью детей на руках, — теперь легко бросить ему упрек в педагогической бессистемности. Разве не героизм — сохранить школу в эти годы и выпустить из нее людей вместо банды головорезов»¹⁰⁵.

Рискнем предположить, что согласиться с этой мыслью мог бы и сам Достоевский. «...Если в самом деле, вправду, — писал он, — эти люди решились соединить задачи колонии с своею собственною целью жизни, то дело, конечно, будет “налажено”, несмотря даже ни на какие теоретические ошибки, если б таковые и случились вначале»¹⁰⁶.

Уникальный педагогический опыт В. Н. Сороки-Росинского и Шкид активно осмысливается исследователями по сей день (см., напр.: [Помелов], [Козлов], [Числова], [Заречнова], [Кирсанова], [Путилова] и др.)

Другие школы имени Достоевского, открытые после революции 1917 года

В начале 1920-х гг. школа (частная гимназия) имени Ф. М. Достоевского открылась в городе Харбине — так называемом «культурном центре» русской эмиграции Китая. Именно в эти годы в Китай хлынул поток беженцев из Сибири и Дальнего Востока России, и Достоевская гимназия, по воспоминаниям ее учеников, считалась лучшей русской школой в городе. По замечанию И. Л. Волгина, «для русской эмиграции Достоевский больше, чем Достоевский: он — некий ретроспективный ориентир и указующий перст одновременно» [Волгин, 2019: 273]. В гимназии изучали латынь, английский, немецкий, французский и старославянский. Бывший балетмейстер царской семьи преподавал там танцы. «Дисциплина в гимназии была железная — тень подозрения в курении, употреблении спиртных напитков

или сквернословии — ученик тотчас отчислялся», — рассказывал выпускник гимназии Георгий Пермяков¹⁰⁷.

В 2001 г. имя Ф. М. Достоевского было присвоено средней общеобразовательной школе № 1148 в Московском районе Люблино. Годом ранее при ней был создан литературный музей «Ф. М. Достоевский в Люблине»: школа расположена неподалеку от дома № 8/2 на улице Летней, в котором писатель жил летом 1866 г. Начиная с 2011 г. школа организует ежегодные «Международные Достоевские чтения», в которых принимают участие в том числе учащиеся и педагоги школы села Достоево.

С 2004 г. имя писателя носит Омский государственный университет.

В Ярославле школа № 21 названа в честь младшего брата писателя, Андрея Михайловича Достоевского, который прожил в городе более 20 лет.

Есть ли будущее педагогического эксперимента?

Достоевский мечтал принести народу науку, приобщить его к ней. «Наука, конечно, вечна и незыблема для всех и каждого в основных законах своих, — писал он, — но прививка ее, плоды ее именно зависят от национальных особенностей, т. е. от почвы и народного характера» (цит. по: [Нечаева: 127]). Отсюда две задачи: дать возможность народу приобщиться к науке через грамотность, школы и направить наше образование и науку в соответствие с народным характером (Там же).

У всех учебных заведений, открытых в честь Ф. М. Достоевского, можно выявить два объединяющих момента: 1) через их организацию люди стремились увековечить имя знаменитого писателя, жизненный путь которого так или иначе был связан с их городом. Так школы открыли в Старой Руссе, Петербурге (Петрограде), в селе Достоево, в московском Люблино; в Омске — назвали государственный университет. Интересно, что попытки открыть школы в честь писателя в Киеве и Казани (ни там, ни там Достоевский ни разу не был) успехом не увенчались; 2) большинство школ имели некую миссию: там стремились не просто обучать грамотности, но прививать гуманистические взгляды, в каком-то смысле продолжая идеи «печальника русского народа» Ф. М. Достоевского: старорусская воскресная школа развивала в духе христианства народное, а затем женское образование; ШКиД в Петрограде занималась малолетними преступниками, о судьбе которых автор «Дневника Писателя» размышлял на страницах своего журнала; в Киеве хотели открыть приходское училище для детей беднейших горожан; в Казани планировали ремесленное училище для улучшения экономического положения крестьян; в китайском Харбине школа имени Достоевского заботилась о тех, кто оказался оторванным от родной *почвы*.

Материалы русской прессы об этих школах носили, в общем, однообразный характер: в основном встречаются или краткие информационные заметки (извещения о сборах средств, афиши предстоящих вечеров, отчеты о финансовых затратах), или обширные корреспонденции с официальных

школьных мероприятий. Тем не менее из этих текстов удастся почерпнуть многое: детали, оценки, наблюдения очевидцев, точные финансовые сводки и цифры. Но главное во всем этом — рецепция Достоевского в общественном сознании.

Именно из газет и журналов мы узнаём, что Ф. М. Достоевского широко почитали представители всех социальных групп русского общества, начиная с царствующей династии и заканчивая простыми крестьянами и эмигрантами. Это выражалось не только в том, что имя писателя стремились увековечить в разных уголках земли возведением школ в его честь, но и в том, что средства на такие школы собирались *всенародно*. Непреходящий интерес русского общества к школам имени Достоевского выражается еще и в том, что пресса не переставала писать о них на протяжении многих десятилетий. Даже во времена советской власти, когда идеи писателя периодически подвергались официальному отрицанию, школы его имени продолжали открываться, а их ученики — с гордостью вспоминать об ученических годах.

Однако педагогические идеи и взгляды самого Ф. М. Достоевского оказывались не всегда осуществимы в реальных условиях государственной образовательной политики. Потому в основном речь шла о школах *имени Достоевского*, но не о *школах Достоевского* как особом педагогическом эксперименте. В современных школах, как и в школах советского периода, следование заветам Достоевского проявляется в основном во внеурочной деятельности: например, через организацию мероприятий и музейных экспозиций в честь писателя.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Книжность и грамотность // Время. Журнал литературный и политический, издаваемый под ред. М. Достоевского. СПб.: Тип. Э. Праца, 1861. Июль. Отд. II. С. 35–52.
- ² Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 441.
- ³ Литературное общество было учреждено в 1859 г., когда Достоевский еще был в Семипалатинске. Вернувшись в Петербург, он «немедленно поступил в члены общества и до конца жизни принимал в нем близкое участие» (см.: Память Достоевского // Новое время. 1881. 3 февраля. № 1773). В 1863 г. он был выбран в члены комитета и даже некоторое время являлся секретарем общества.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Quousque tandem... («Доколе же еще») // Новое время. 1881. 4 февраля. № 1774.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Новое время. 1881. 29 января. № 1768. Приписка к статье «Кончина Ф. М. Достоевского»: «Мы собрали между своими знакомыми 100 рублей на памятник на могиле Ф. М. Достоевского».
- ⁹ Софья Александровна Левицкая-Леонтьева (1819–1904) — писательница, вдова генерал-лейтенанта, писавшая под псевдонимом «Русская Солдатка».

- 10 Новое время. 1881. 8 февраля. № 1778.
- 11 Новое время. 1881. 12 февраля. № 1782.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Новое время. 1881. 18 февраля.
- 16 Новое время. 1881. 24 февраля.
- 17 Елизавета Андреевна Лавровская (по мужу княгиня Цертелева) — всемирно известная русская оперная певица. Достоевский познакомился с Цертелевой в 1880 г. у А. С. Суворина. В октябре того же года Достоевский подарил ей свою фотографию с надписью: «Княгине Елисавете Андреевне Цертелевой на память от Ф. М. Достоевского в знак глубочайшего уважения». В отчете «НВ» ее имя идет сразу после И. С. Тургенева, с которым певица была дружна. Можно предположить, что они принесли деньги вместе. Учитывая, что Е. А. Цертелева пожертвовала вдвое больше, не исключено, что именно она уговорила автора «Дыма» пожертвовать средства на памятник его давнему антагонисту.
- 18 Новое время. 1881. 24 февраля.
- 19 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 1.
- 20 Письмо в редакцию // Новое время. 1881. 24 мая.
- 21 ГЛМ. Ф. 81 Р, Н-в 1311, л. 36. Цит. по: [Коган, 1991: 96].
- 22 Поминки Ф. М. Достоевского. Новое время. 1882. 25 января. № 2123.
- 23 Дарья Михайловна Леонова (1829–1896) — русская оперная певица, педагог. В воспоминаниях А. Г. Достоевской приводится история о том, как вдова «поборола свою робость» и отправилась к Леоновой, чтобы пригласить ее к участию в вечере. Певица выбрала для чтения отрывок из «Преступления и наказания», который был запрещен попечителем, и Анне Григорьевне пришлось слезно добиваться разрешения у разных должностных лиц (см.: [Достоевская: 513–515]). С тех пор Д. М. Леонова принимала участие во всех вечерах в пользу школы.
- 24 Полина Антипьевна Стрепетова (1850–1903) — популярная в 1880–1890-е гг. театральная актриса, имя которой часто появлялось на страницах петербургской прессы. На литературном вечере 1 февраля 1882 г. исполняла отрывок из «Униженных и оскорбленных».
- 25 Речь Вл. Соловьева о Ф. М. Достоевском, сказанная 1 февраля 1882 года. См.: Новое время. 1882. 4 февраля. № 2133.
- 26 В память Ф. М. Достоевского. Новое время. 1883. 16 февраля. № 2504.
- 27 Уездный наблюдатель. Двухклассная церковноприходская школа имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе // Новгородские епархиальные ведомости. 1896. № 23. С. 1746–1748.
- 28 Школа Ф. М. Достоевского. (Письмо из Старой Руссы) // Неделя. 1885. 16 июня. № 24. С. 886–889.
- 29 Хроника // Новое время. 1883. 27 октября.
- 30 Ф. М. Достоевский. Колония малолетних преступников. Дневник писателя. 1976. Январь. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 13. С. 22.
- 31 Из г. Старой Руссы // Новгородские епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 369.
- 32 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269.
- 33 Хроника // Новое время. 1884. 9 (21) марта. № 2884.
- 34 Хроника // Новое время. 1884. 18 марта. № 2893.
- 35 Новое время. 1885. 21 февраля. № 3227.

- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Телеграммы // Новое время. 1885. 26 янв.
- ³⁸ Школа имени Ф. М. Достоевского (Старая Русса) // Новое время. 1908. 8 (21) ноября.
- ³⁹ Для сравнения: сотрудник журнала «Исторический вестник» и будущий корреспондент А. Г. Достоевской А. В. Круглов в 1895 г. писал следующее о Старорусской усадьбе Достоевских: «В 1877 году Федор Михайлович купил собственный дом (Гриббе), находящийся на правом берегу реки Перерытицы. При доме недурной сад. Покойный писатель заплатил за дом всего 1100 рублей. Теперь такой дом в Руссе стоит не менее 3000». (Круглов А. В. Поездка в Старую Руссу. Школа им. Ф. М. Достоевского в Старой Руссе. Дом Ф. М. Достоевского в Старой Руссе (С двумя ил.) // Исторический Вестник. 1895. № 4. Апр. С. 137–138).
- ⁴⁰ Школа Ф. М. Достоевского. (Письмо из Старой Руссы) // Неделя. 1885. 16 июня. № 24. С. 886–889.
- ⁴¹ По свидетельству Анны Григорьевны, В. К. Саблер (будущий обер-прокурор Св. Синода — с 1911 г.) был знаком с Ф. М. Достоевским по Славянскому благотворительному обществу.
- ⁴² Школа Ф. М. Достоевского. (Письмо из Старой Руссы) // Неделя. 1885. 16 июня. № 24. С. 886–889.
- ⁴³ Подробнее о братстве св. Ф. Тирона см.: а) А. А. Бовкало. В. А. Смирнов — деятель братства св. Федора Тирона, 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_14/33_Бовкало_327.pdf; б) Из Старой Руссы // Новгородские епархиальные ведомости. 1894. № 8. С. 307.
- ⁴⁴ См., например, письмо от 11 декабря 1883 г. к Я. П. Полонскому: «...хочу просить Васъ подарить Ваши сочиненія въ библіотеку Старорусской Школы имени моего покойнаго мужа. Для Школы будетъ чрезвычайно дорого имѣть произведенія одного изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ — отъ него самого. Если можно — не откажите въ моей просьбѣ». (РО ИРЛИ, архив Полонского, № 12065в).
- ⁴⁵ Тертий Иванович Филиппов (1826–1899) — государственный деятель Российской империи, сенатор (с 1883 г.), действительный тайный советник (1889 г.). Помимо официальных должностей, был известен как публицист, православный богослов и собиратель русского песенного фольклора.
- ⁴⁶ Библиотеки духовных училищ не имели права выдавать книги мирянам.
- ⁴⁷ Школа Ф. М. Достоевского. (Письмо из Старой Руссы) // Неделя. 1885. 16 июня. № 24. С. 886–889.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Московские ведомости. 1887. 26 августа. № 234.
- ⁵¹ Как известно, с великим князем Константином Константиновичем у Достоевского были хорошие отношения (они встречались не менее двух раз, сохранилось несколько писем К. Р. к Достоевскому с приглашением на прием). Подробнее об этих отношениях можно прочитать в книгах И. Л. Волгина «Колеблясь над бездной. Достоевский и императорский дом» [Волгин, 1998: 238–429] и «Последний год Достоевского» [Волгин, 2016: 274–279].
- ⁵² Круглов А. В. Поездка в Старую Руссу. С. 137–138.
- ⁵³ Новое время // 1890. 17 января.
- ⁵⁴ Круглов А. В. Поездка в Старую Руссу. С. 132–136.

- 55 Об отношении цензуры к произведениям Достоевского для детей и трудностях распространения составленных для детского чтения сборников подробно рассказывается в главе «Осторожно — дети!» книги И. Л. Волгина «Ничей современник. Четыре круга Достоевского» [Волгин, 2019: 290–306].
- 56 Новгород (Корреспонденция «Нового времени»). 1896. 4 марта. О Старой Руссе как месте проживания Достоевского.
- 57 Из г. Старой Руссы // Новгородские епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 369–370.
- 58 Уездный наблюдатель. Двухклассная церковноприходская школа имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе // Новгородские епархиальные ведомости 1896. № 23. С. 1746–1748.
- 59 Там же.
- 60 Достоевский Ф. М. Опять о женщинах. Дневник писателя. 1976. Июнь. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 13. С. 214.
- 61 Цит. по: [Костина: 64]
- 62 Празднование пятнадцатилетнего существования школы имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе // Новгородские епархиальные ведомости. 1898. № 23. С. 1566–1567.
- 63 Там же.
- 64 Школа имени Ф. М. Достоевского (Старая Русса) // Новое время. 1908. 8 (21) нояб.
- 65 К двадцатипятилетнему юбилею школы имени Ф. М. Достоевского в Старой Руссе // Исторический Вестник. 1908. № 12. Дек. С. 1171–1172.
- 66 А. С. Духовный и литературный вечер в школе имени Ф. М. Достоевского [в Старой Руссе] // Волхов. листок. Новгород, 1908. 27 февр. С. 4.
- 67 Горский Димитрий, священник. Описание торжества 25-летнего юбилея Старорусской церковноприходской школы имени Ф. М. Достоевского // Новгородские епархиальные ведомости. 1909. № 4. С. 109–113; № 5. С. 143–148; № 7. С. 200–204; № 9. С. 264–267.
- 68 К двадцатипятилетнему юбилею школы имени Ф. М. Достоевского в Старой Руссе // Исторический Вестник. 1908. № 12. Дек. С. 1172.
- 69 Горский Димитрий, священник. Описание торжества 25-летнего юбилея Старорусской церковноприходской школы имени Ф. М. Достоевского // Новгородские епархиальные ведомости. 1909. № 4. С. 147.
- 70 Леонид Иванович Лаврентьев (1835–1914) — писатель (принимал участие в периодических изданиях М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева), попечитель Западно-Сибирского учебного округа.
- 71 Цит. по: [Костина: 64].
- 72 Там же.
- 73 [Электронный ресурс]. URL: http://russa.narod.ru/almanakh/children/GAZETA_SCHOOL_10-2006.pdf
- 74 О конкурсе на право присвоения звания школы имени Ф. М. Достоевского [в Старой Руссе] // Старорусская правда. 1970. 26 авг.; Баранова Т. Имени писателя // Старорусская правда. 1971. 11 дек. О присвоении имени Ф. М. Достоевского старорусской школе № 2.; Логинов В. Имени Достоевского // Советская Россия. 1971. 29 окт. Победителям конкурса за право называться именем Достоевского стала старорусская школа № 2.
- 75 Хроника // Новое время. 1881. 8 февраля. № 1778.
- 76 Внутренние известия. Киев (Корреспонденция «Нового времени»). 1881. 18 февраля. № 1788.
- 77 Там же.
- 78 Новое время // 1881. 13 февраля.

- ⁷⁹ Николай Фирсович Юшков — редактор газеты «Казанские губернские ведомости», один из корреспондентов Ф. М. Достоевского, по вопросу распространения «Дневника Писателя» в Казани.
- ⁸⁰ Новое время // 1881. 13 февраля.
- ⁸¹ Юшков Н. Ф. Казанские губернские ведомости. 1882. № 54. Новости дня. (О проезде через Казань жены Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской с детьми).
- ⁸² Школа имени Ф. М. Достоевского // Казанский Телеграф. 1897. № 1394. № 1394. Без подписи. Казанская хроника. Школа имени Ф. М. Достоевского.
- ⁸³ Хроника // Новое время. 1886. 10 ноября.
- ⁸⁴ Волжский вестник 1892. № 276. Капитал имени Ф. М. Достоевского.
- ⁸⁵ Волжский вестник. 1893. № 250. Капитал имени Достоевского.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Хроника // Новое время. 1895. 22 окт.
- ⁸⁸ Казанский Телеграф. 1897. № 1394.
- ⁸⁹ Хроника. К учреждению низшей ремесленной школы в г. Арске. О школе имени Ф. М. Достоевского // Волжский вестник. 1901. № 211.
- ⁹⁰ Волжский вестник. 1901, № 211, 26 сент.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Казанский Телеграф. 1897. № 1394.
- ⁹³ Информация с официального сайта «Достоевской средней школы им. Ф. М. Достоевского» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dostoevo.janowgreen.by/index.php/spravka-po-muzeyu>
- ⁹⁴ Здесь и далее курсив А. Ф. Достоевского.
- ⁹⁵ Эта переписка нигде ранее не публиковалась. Единственная ее копия хранится в музее села Достоева.
- ⁹⁶ В моде было и давать школам-колониям имена тех, «сделать бы жизнь с кого»: например, под Харьковом работали трудовые колонии для беспризорников имени Ф. Э. Дзержинского и М. Горького, в Ярославле — имени Н. К. Крупской, одна из колоний в Петрограде носила имя А. В. Луначарского, и т. д.
- ⁹⁷ Ф. М. Достоевский. Колония малолетних преступников. Дневник писателя. 1976. Январь. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 13. С. 22.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же С. 25.
- ¹⁰⁰ Дети революции. Д. Тальников // Красная новь. 1927. № 9. С. 266.
- ¹⁰¹ Достоевский Ф. М. Колония малолетних преступников. Дневник писателя. 1976. Январь. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 13. С. 28.
- ¹⁰² Белых Г., Пантелеев Л. Республика Шкид. М.: Музыка, 1980. С. 9.
- ¹⁰³ Дети революции... С. 269.
- ¹⁰⁴ Крупская Н. К. Воскресшая бурса. Правда // 1927. 30 марта. С. 7.
- ¹⁰⁵ Там же С. 270.
- ¹⁰⁶ Достоевский Ф. М. Колония малолетних преступников... С. 28.
- ¹⁰⁷ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestmagazine.ru/issues/2015-01/o-zhizni-kitaiskogo-boga>

Список литературы

1. Абросимова В. Н. В память о Достоевском (Переписка А. Г. и Л. Ф. Достоевских с А.С. Сувориным) // Достоевский и мировая культура: альманах. М., 2014. № 31. С. 395–444.
2. Богданов Н. Н. Михаил Волоцкой и его «Хроника рода Достоевского» // Хроника рода Достоевских; Игорь Волгин. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 944–960.
3. Вассена Р. «Детский репертуар» Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5181
4. Волгин И. Л. Колеблясь над бездной. Достоевский и императорский дом. М.: Центр гуманитарного образования. 1998. 656 с.
5. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. 5-е изд. М.: АСТ, 2016. 780 с.
6. Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 735 с.
7. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: ООО «БОСЛЕН», 2015. 768 с.
8. Заречнова Е. А. Педагогическая деятельность и педагогические взгляды Сорока-Росинского: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 1995. 17 с.
9. Захаров В. Н. Идея Достоевского: усиленное познание России как задача образования // Неизвестный Достоевский. 2016. № 3. С. 3–13 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1477920447.pdf (09.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2781
10. Кирсанова Л. А. Педагогическая технология в воспитательной системе В. Н. Сороки-Росинского // История педагогических технологий / под ред. М. Г. Плохова, Ф. А. Фрадкина. М., 1992. С. 114–122.
11. Коган Г. Ф. Из истории петербургских вечеров в пользу Старорусской школы // Достоевский и современность: тез. выступлений на «Старорусских чтениях»: к 170-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. Новгород, 1991. Часть 2. С. 96–99.
12. Коган Г. Ф. Литературный вечер в пользу старорусской школы имени Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: материалы XII Междунар. «Старорус. чтений» 1997 года. Старая Русса, 1998. С. 68–73.
13. Козлов Д. С. «Республика Шкид» и Школа имени Достоевского в контексте педагогических дискуссий 1920–1960-х годов // Детские чтения. 2016. Т. 10. № 2. С. 88–104.
14. Костина Н. А. Школа им. Ф. М. Достоевского в Старой Руссе // Достоевский и современность: тез. выступлений на Старорусских чтениях. Новгород, 1988. С. 62–67.
15. Кузнецова Е. Г. Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX — начала XX вв.). Казань: Отечество, 2015. 120 с.
16. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.
17. Помелов В. Б. Учитель В. Н. Сорока-Росинский и его педагогическое наследие // Педагогика. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 4. Вып. 3. С. 17–22.
18. Прощенко А. А. «Достоевец» Суворин: от противоборства к сближению // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2. С. 149–170. [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686094.pdf (09.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4061
19. Прощенко А. А. А. С. Суворин в письмах семьи Достоевских // Медиаскоп. 2020. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/2673#3>. (09.12.2020) (a)

20. Проценко А. А. Ф. М. Достоевский и газета А. С. Суворина «Новое время» (статистический анализ) // Медиа Альманах. 2020. № 1. С. 102–114. (b)
21. Путилова Е. О. Началось в республике Шкид: очерк жизни и творчества Л. Пантелеева. Л.: Дет. Лит., 1986. 124 с.
22. Пылаев В. А. Старая Русса. Сергиев Посад: Тип. Св. Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. 247 с.
23. Смольняков К. П. Старорусская воскресная школа имени Ф. М. Достоевского. Старая Русса: Старорусская гор. тип., 1994. 47 с.
24. Сорока-Росинский В. Н. Школа Достоевского. М.: Знание. 1978. 48 с. (Сер. Новое в жизни, науке, технике. Педагогика и психология)
25. Фокин П. Е. Телеграммы разных лиц к А. Г. Достоевской с соболезнованиями в связи со смертью Ф. М. Достоевского (из рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2018. № 2. С. 45–68 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532432511.pdf (09.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3582
26. Числова С. Н. Педагогическая система В. Н. Сороки-Росинского. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2007. 141 с.
27. Шаулов С. С. Религиозность Достоевского как методологическая проблема советского литературоведения // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 216–223 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457960669.pdf (09.12.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.353
28. Ярышева (Андрианова) И. С. Воплощение мечты Достоевского: церковно-приходская школа в Старой Руссе, устроенная трудами его жены // Достоевский и современность: материалы XXIII Международных Старорусских чтений 2008 года. Великий Новгород, 2009. С. 180–203. (a)
29. Ярышева (Андрианова) И. С. А. Г. Достоевская как попечительница церковно-приходской школы в Старой Руссе (по архивным материалам) // Духовные начала русского искусства и просвещения: материалы IX Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). Великий Новгород, 2009. С. 208–213. (b)

References

1. Abrosimova V. N. In Memory of Dostoevsky (Correspondence Between A. G. and L. F. Dostoevskys and A. S. Suvorin). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. Moscow, 2014, no. 31, pp. 395–444. (In Russ.)
2. Bogdanov N. N. Mikhail Volotskoy and his “The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty”. In: *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012, pp. 944–960. (In Russ.)
3. Vassena R. Dostoevsky's Repertoire for Children. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5181 (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Koleblyas' nad bezdnoy. Dostoevskiy i imperatorskiy dom [Balancing over the Abyss. Dostoevsky and the Imperial House]*. Moscow, Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya Publ., 1998. 656 p. (In Russ.)
5. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo [The Last Year of Dostoevsky]*. Moscow, AST Publ., 2016. 780 p. (In Russ.)

6. Volgin I. L. *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo* [Nobody's Contemporary. Four Circles of Dostoevsky]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 735 p. (In Russ.)
7. Dostoevskaya A. G. *Solntse moyey zhizni — Fedor Dostoevskiy. Vospominaniya 1846–1917* [The Sunshine of my Life — Fyodor Dostoevsky. Memories 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
8. Zarechnova E. A. *Pedagogicheskaya deyatel'nost' i pedagogicheskie vzglyady Soroka-Rosinskogo: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Soroka-Rosinsky's Pedagogical Activity and Pedagogical Views. PhD. pedagogical sci. diss. abstract]. Maykop, 1995. 17 p. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Dostoevsky's Idea: Deeper Understanding of Russia as an Educational Challenge Learning. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, no. 3, pp. 3–13. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1477920447.pdf (accessed on December 9, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2781 (In Russ.)
10. Kirsanova L. A. Pedagogical Technology in the Educational System of V. N. Soroka-Rosinsky. In: *Istoriya pedagogicheskikh tekhnologiy* [History of Pedagogical Technologies]. Moscow, 1992, pp. 114–122. (In Russ.)
11. Kogan G. F. From the History of St. Petersburg Evenings in Favor of the Staraya Russa's School. In: *Dostoevskiy i sovremennost': tezisy vystupleniy na «Starorusskikh chteniyakh»: k 170-letiyu so dnya rozhdeniya F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky and Modernity: Speech Thesis of the Studies in Staraya Russa: to the 170th Anniversary of the Birth of F. M. Dostoevsky]. Novgorod, 1991, part 2, pp. 96–99. (In Russ.)
12. Kogan G. F. Literary Evening in Favor of the Staraya Russa's School Named After F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 1997 goda* [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of the 12th International Readings in Old Russian Culture, 1997]. Staraya Russa, 1998, pp. 68–73. (In Russ.)
13. Kozlov D. S. Shkid Republic and the Dostoevsky School in the Context of Pedagogical Discussions of the 1920s–1960s. In: *Detskie chteniya* [Children's Readings: Studies in Children's Literature], 2016, vol. 10, no. 2, pp. 88–104. (In Russ.)
14. Kostina N. A. School Named After F. M. Dostoevsky in Staraya Russa. In: *Dostoevskiy i sovremennost': tezisy vystupleniy na «Starorusskikh chteniyakh»* [Dostoevsky and Modernity: Speech Thesis of the Studies in Staraya Russa]. Novgorod, 1988, pp. 62–67. (In Russ.)
15. Kuznetsova E. G. *F. M. Dostoevskiy i Kazan' (pisatel' i kul'tura russkoy provintsii vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv.)* [F. M. Dostoevsky and Kazan (Writer and Culture of the Russian Province of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. Kazan, Otechestvo Publ., 2015. 120 p. (In Russ.)
16. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya». 1861–1863* [The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky “Vremya”. 1861–1863]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 316 p. (In Russ.)
17. Pomelov V. B. Educator V. N. Soroka-Rosinsky and his Pedagogical Heritage. In: *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Theory & Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 4, issue 3, pp. 17–22. (In Russ.)
18. Proshchenko A. A. F. M. Dostoevsky and A. S. Suvorin: Relationship History. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 2, pp. 149–170. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686094.pdf (accessed on December 9, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4061 (In Russ.)
19. Proshchenko A. A. A. S. Suvorin in the Letters of the Dostoevskys Family. In: *Mediascope*, 2020, no. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2673#3> (accessed on December 9, 2020). (In Russ.) (a)

20. Proshchenko A. A. F. M. Dostoevsky and A. S. Suvorin's Newspaper *Novoe Vremya* (a Statistical Analysis). In: *Media Al'manakh [The Media Almanah]*, 2020, no. 1, pp. 102–114. (In Russ.) (b)
21. Putilova E. O. *Nachalos' v respublike Shkid: ocherk zhizni i tvorchestva L. Panteleeva [It Began in the Republic of Shkid: The Essay of the Life and Works of L. Panteleev]*. Leningrad, Detskaya Literatura Publ., 1986. 124 p. (In Russ.)
22. Pylaev V. A. *Staraya Russa*. Sergiyev Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry Publ., 1916. 247 p. (In Russ.)
23. Smol'nyakov K. P. *Starorusskaya voskresnaya shkola imeni F. M. Dostoevskogo [Staraya Russa's Sunday School Named After F. M. Dostoevsky]*. Staraya Russa, Starorusskaya gorodskaya tipografiya Publ., 1994. 47 p. (In Russ.)
24. Soroka-Rosinskiy V. N. *Shkola Dostoevskogo [Dostoevsky School]*. Moscow, Znanie Publ., 1978. 48 p. (Ser. New in Life, Science, Technology. Pedagogy and Psychology). (In Russ.)
25. Fokin P. E. The Telegrams of Different People to Anna Dostoevskaya Expressing Condolences on the Death of Fyodor Dostoevsky (from the Manuscript Collection of Vladimir Dahl Russian State Literary Museum). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 2, pp. 45–68. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532432511.pdf (accessed on December 9, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3582 (In Russ.)
26. Chislova S. N. *Pedagogicheskaya sistema V. N. Soroki-Rosinskogo [Pedagogical System of V. N. Soroka-Rosinsky]*. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin Publ., 2007. 141 p. (In Russ.)
27. Shaulov S. S. Dostoevsky's Religiosity as a Methodological Problem of Soviet Literary Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 216–223. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457960669.pdf (accessed on December 9, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.353 (In Russ.)
28. Yarysheva (Andrianova) I. S. The Embodiment of Dostoevsky's Dream: a Parochial School in Staraya Russa, Arranged with the Help of His Wife. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XXIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2008 goda [Dostoevsky and Modernity: Materials of the 23th International Readings in Staraya Russa for 2008]*. Veliky Novgorod, 2009, pp. 180–203. (a) (In Russ.)
29. Yarysheva (Andrianova) I. S. Anna Dostoevskaya as a Trustee of the Church-Parish School in Staraya Russa (According to Archival Materials). In: *Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniya: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniya" ("Nikitskie chteniya") [Spiritual Principles of Russian Art and Enlightenment: Materials of the 9th International Scientific Conference "Spiritual Principles of Russian Art and Enlightenment" ("Nikitsky Readings")]*. Veliky Novgorod, 2009, pp. 208–213. (b) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прощенко Анастасия Андреевна, преподаватель-исследователь, лаборант факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, д. 9, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009); ORCID: 0000-0002-7173-8841; e-mail: anastessa@list.ru

Anastasia A. Proshchenko, Teacher-Researcher, Laboratory Assistant at the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya, 9/1, Moscow, 125009, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7173-8841; e-mail: anastessa@list.ru

Поступила в редакцию / Received 10.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.03.2021

Принята к публикации / Accepted 10.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021

В оформлении обложки использован портрет А. А. Григорьева.
Начало 1860-х годов.
Хранится в ФГБУК «Российский национальный музей музыки»
(Госкаталог.РФ)

For the design of the cover page there was used a portrait of Apollon Grigoriev.
Early 1860s
(It is kept in The Russian National Museum of Music)

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Е. Н. Вяль
Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль
Перевод: Я. И. Соломинская
Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
Петрозаводский государственный университет

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation Petrozavodsk,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>